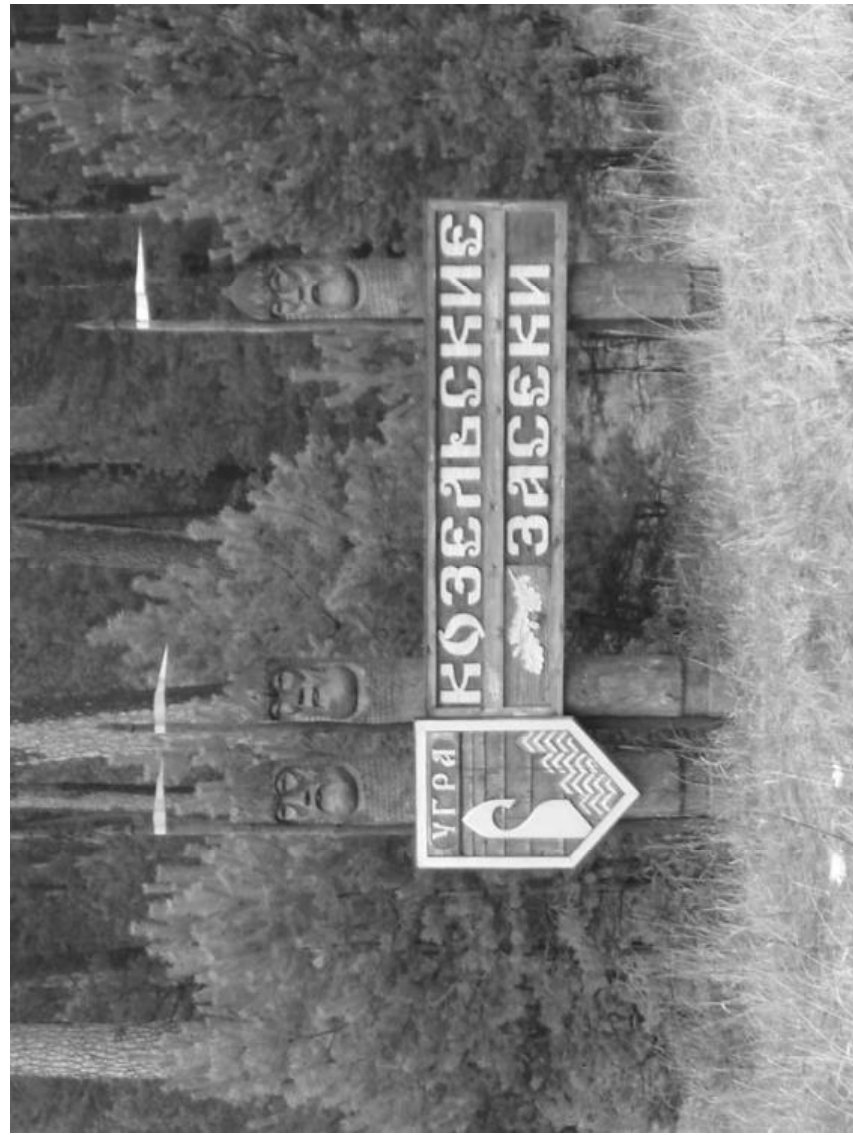

*860-летию города Козельска
и всем, кто в разные времена за свободу отдали
силы и жизни свои на Козельских засеках,
посвящается*

«Блаженные памяти при государе царе и великом князе Иване Васильевиче всея Руси, и при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всея Руси в Козельском уезде для бережения от приходу воинских людей учинены засеки и на засеках всякие крепости».

Разрядная книга. Владимирский стол.

Федеральное агентство по культуре и кинематографии
РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ
имени Д.С. ЛИХАЧЁВА

С.А. Рябов

**ЗДЕСЬ ГОСУДАРЕВЫМ
«УКРАИНАМ»
БЫЛО БЕРЕЖЕНИЕ**

Российское пограничье –
особый объект
культурного наследия

Москва
2007

ББК 79.0: 68.3

Р 98

Научный редактор: доктор географических наук *Ю.А. Веденин*

Рецензенты: доктор исторических наук *В.М. Селезнев*, кандидаты исторических наук *Ю.Ф. Кашилев*, *К.Н. Маслов*, *Г.Н. Симаков*

Рябов С.А. ЗДЕСЬ ГОСУДАРЕВЫМ «УКРАИНАМ БЫЛО БЕРЕЖЕНИЕ». Российское пограничье – особый объект культурного и природного наследия. М.: Институт Наследия, 2007. – 335 с., илл. ISBN 978–5–86443–129–0

В монографии кандидата военных наук С.А. Рябова – ведущего научного сотрудника научно-исследовательского Института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва впервые рассматривается российское пограничье с точки зрения принадлежности его к культурному и природному наследию народов Российской Федерации.

Опираясь на результаты анализа работ многочисленных авторов, данные картографии, археологии, топонимики и лингвистики представлен образ южного пограничья России – государевых «украин». Исследуются природные и культурные компоненты наследия, а также свойства народа, населяющего лесостепное пограничье. Излагаются и осмысливаются исторические факты, связанные с участием населения исторических центров Руси – Козельска и Перемышля Калужской, Лихвина и Белёва Тульской областей с их одноименными засеками, в «бережении государевых «украин».

Представленная в монографии методология исследования, а также большой исторический материал позволяют адресовать книгу всем тем, кому не безынтересна история охраны и защиты границы, а также специалистам в области изучения и сохранения культурного и природного наследия Российской Федерации.

На обложке помещена карта *Исаака Массы* (1586-1643гг.) «*Russiae vulgo Moscovia*» из атласа *Блау* «*Novus Atlas*». Показаны земли, лежащие южнее реки Оки и отмеченные на карте названиями Дикая Украина и Крым.

Фронтиспис – фото паркового аншлага, установленного при въезде на Козельские засеки, мастер-резчик *Е.Г. Першин с сыновьями*.

ISBN 978–5–86443–129–0

© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ РОССИЙСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ – НАШЕ НАСЛЕДИЕ, И ПРОСТРАНСТВО ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАСЕЧНЫХ ЧЕРТ КАК ОСОБЫЙ ЕГО ОБЪЕКТ	5
--	---

Ч А С Т Ь I

ПРИРОДНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ЧЕРТЫ

Глава 1. Образ пограничья

Ранние свидетельства о природе и жизни на границе леса и степи	23
Территория и границы.....	33
Лес и граница: вера и идеалы.....	36
Народ в пограничье.....	47
«Украины» на чертежах и картах	52
Засеки: текст и графика.....	71
Город-крепость Козельск.....	73
Засечная черта.....	82

Глава 2. Большие дороги и малые крепости

Шляхи и дороги «украины».....	90
Сквозь засеки в Белёв, Перемышль и Лихвин.....	96
Дороги, ведущие к храму.....	98
Карачевский большак.....	102
Лесами в Болхов.....	103
Заставы у дорог среди лесов.....	106

Глава 3. Природа и засеки

Речки Песчаные да Черто́вые.....	114
Лес и крепостное дело.....	126
Городки – ворота на засеках.....	131

Ч А С Т Ь II
ЛЕТОПИСЬ КОЗЕЛЬСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Глава 1. Ранняя пограничная история Козельска

От валов к засекам.....	156
На рубеже Черниговской и Суздальской земли.....	163
В границах «верховских» княжеств.....	170
В зоне русско-литовских пограничных конфликтов и войн.....	174
В пыли и гари ордынских набегов.....	178

Глава 2. «Вспошливое» время

В канун суровых испытаний.....	182
Проверка надежности прикрытия южных рубежей Руси.....	186
Эпоха Ивана Грозного.....	198
После опричнины.....	222
На рубежах Руси «безгосударной».....	227
Возрождение козельского пограничья.....	233

Глава 3. Беспокойные «украины»

В ожидании набега басурман.....	245
Спешное засечное дело.....	254
После большой «деловой поры».....	260
Тревожные годы.....	263
От «заповеди» к казенному надзорному лесу.....	271
Пограничная история Козельска продолжается.....	277

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОХРАНЕНИЯ КОМПОНЕНТОВ НАСЛЕДИЯ ЗАСЕЧНЫХ ЧЕРТ.....	285
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ.....	295
-----------------	-----

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ.....	329
-----------------------	-----

ВВЕДЕНИЕ

РОССИЙСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ – НАШЕ НАСЛЕДИЕ, И ПРОСТРАНСТВО ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАСЕЧНЫХ ЧЕРТ КАК ОСОБЫЙ ЕГО ОБЪЕКТ

Россия XXI в. располагает самой большой в мире государственной границей. Ее общая протяженность составляет 61 тыс. километров, что, в свою очередь, обуславливает наличие огромной по площади территории – российского пограничья. О его масштабах свидетельствует, например, тот факт, что субъекты Российской Федерации, имеющие общую границу только с новыми государствами, появившимися в результате геополитических преобразований на просторах бывшего СССР, а это Эстония, Латвия и Литва, Белоруссия, Украина, Грузия, Азербайджан и Казахстан, занимают в настоящее время более четверти всей территории России. Сюда нужно добавить ещё российско-китайскую границу с его гигантским пограничьем, а также границу с Монголией и КНДР.

Исследование непростых проблем границ и приграничных территорий осуществляется сегодня в едином комплексе с решением проблем более высокого уровня, таких, как государственное строительство, макроэкономическая политика, внешняя политика, национальная безопасность, региональная политика. В то же время феномен границы и пограничья в силу сложности и жизненной необходимости скорейшего разрешения их проблематики выступает в качестве самостоятельного предмета изучения для ряда специальных дисциплин. Среди них лимология, погранология, Border (Boundary) Studies и другие дисциплины.* Каждая из них дает свое собственное определение понятиям «граница» и «пограничье» как объекту для изучения.

---

* *Лимология* (буквально наука о границах) – раздел политической географии, дисциплина, изучающая приграничные территории, пограничные институты, функции, процессы и т.п.

Погранология исследует «мир пограничного» – совокупность объектов и предметов, процессов и явлений, связанных с государственной границей, международным разграничением и взаимодействием.

Дисциплина *Border (Boundary) Studies* изучает пограничье как пространство особого цивилизационного, политического, экономического и культурного взаимодействия.

Независимо от того, в каком виде рассматривается пограничье – пространство, зона, рубеж, сфера особых интересов общества и государства, есть одно общее, что их объединяет. Общим для всех этих учений о границе является *признание обусловленности пограничья современными государственными границами, а также направленность исследований на решение современных политических, экономических, военно-специальных, культурных и других задач.*

Это хорошо просматривается, например, в трактовке термина «пограничье», данной в фундаментальном труде «Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России» [1]. В нем «пограничье» («порубежье», «приграничье») трактуется двояко. Во-первых, как прилегающая к границе с одной или обеих сторон зона, охватывающая и саму *межгосударственную границу*. Во-вторых, как совокупность сконцентрированных по отношению к государственной границе пространственно-временных рубежей, разделяющих административно-политические, экономические, культурные и другие системы, идентифицируемые с сопредельными государствами. Обратим внимание на то, что даже признание наличия у пограничья пространственно-временных характеристик связывается в приведенном определении именно с межгосударственной границей.

Вместе с тем, есть обстоятельства, которые позволяют взглянуть на пограничье *с новой стороны*.

Нынешние границы, а значит и современное пограничье – явление историческое, следовательно, на одних направлениях они имеют длительную и насыщенную различными событиями историю, на других – эта история только складывается. Так, например, граница между Россией и Норвегией существует практически в неизменном виде с 1826 г., исключение составляет лишь район поселка Печенга (Петсамо), который в период 1920 – 1944 гг. принадлежал Финляндии. Современная российско-эстонская граница совпадает с природными рубежами на всем ее протяжении и является древнейшей границей России, поскольку восходит к той условной исторической границе, которая была установлена ещё в XIV в. между землями Великого Новгорода и территорией, населенной племенами эстов.

Свои границы уже в далеком прошлом Россия имела с другими государствами, включая те, которые образовались на постсоветском пространстве в результате распада СССР в 90-х гг. XX в. Так, например, границы с Латвией и Белоруссией существовали у России вплоть до «второго и третьего раздела Польши» в конце XVIII в. С Украиной – до «Переяславской рады» 1654 г. С Крымом и частью Северного Кавказа – до 1770-х г. С Грузией – до 1783 г., хотя как до, так и после подписания так называемого Георгиевского трактата, Россию и Грузию разделял непокоренный Северный Кавказ. Казахстан был присоединен к России с 1771 г. по 1860 г. Границу с Литвой в Калининградской области наша страна обрела лишь в 1990 г.

Всесторонний учет фактора времени позволяет относить к российскому пограничью как объекту анализа не только зону, обусловленную современной государственной границей, но и пограничье, существовавшее прежде, но не везде являющееся таковым сейчас. К пограничным центрам времен феодальной раздробленности Руси XI – XV вв. относят Кириллов, Ферапонтово, Бежецк, Красный Холм, Весьегонск, Кологрив, Углич и другие места [2]. В пограничье включается и бывшая граница со Швецией, Польшей и Ливонским орденом, которая существовала в период создания Московского государства и в петровские времена. На этом рубеже были построены древние города-крепости, такие, как Олонец, Ивангород, Орешек, Копорье, Порхов и др.

Российское пограничье с историко-географической точки зрения намного шире зоны, примыкающей к современным государственным границам. Такой подход ярко высвечивает ещё одно его свойство – границы и пограничье, включая существовавшие прежде, достались нам по наследству от предшествующих поколений, а, значит, они являются общим наследием народов Российской Федерации. Нам во все времена было завещано предками не только надёжно охранять и оборонять эти рубежи, но и беречь национальный дух и традиции, обеспечивающие священность и неприкосновенность границ. Чтобы успешно решить эти задачи, нужно определить и исследовать компоненты этого наследия, а также обеспечить их сохранность для потомков.

В этой связи имеющее свою многовековую историю и богатые традиции российское пограничье может рассматриваться как *особый объект культурного наследия*.

Главным свойством, обуславливающим особенность этого наследия, выступает многокомпонентность пограничья как явления. Оно включает не только рубежи, которые в настоящее время и в прошлом были близки к границе. Его многокомпонентность расширяется до понятия «культура пограничья», которая, в свою очередь, включает в себя весь комплекс этнических традиций – обычаев и норм поведения людей, вещественных атрибутов и представлений, связанных с освоением пограничья и делом охраны и защиты границы.

Сюда входят материальная, духовная и социально-нормативная составляющие. *Материальная* – это различные категории пограничных объектов: города-крепости; отдельные сторожевые посты – заставы; дороги и тропы с соответствующими сооружениями на них, а также другие объекты пограничной инфраструктуры. К этой части культуры относятся также одежда, снаряжение и вооружение пограничников. *Духовная* – это традиции, обряды и представления, так или иначе связанные с жизнью у границы. *Социально-нормативная* – это выработанная предшествующими поколениями стратегия и тактика действий по защите границы; статусы и нормы поведения пограничников и населения пограничья, а также законодательство, их закрепляющее; различные пограничные структуры, решающие

специфические задачи, связанные с охраной и обороной границы и поддержанием в пограничье установленного порядка.

Взгляд на пограничье как на *объект наследия* сегодня является *принципиально новой позицией*. Она предполагает изучение не только названных компонентов этого наследия, но и всего многообразия факторов, под воздействием которых развивается культура пограничья. Среди них следует особо выделить природно-географические условия, сформировавшие природный кластер наследия пограничья. Например, влияние леса, рек, дорог на весь процесс разносторонней деятельности человека, включая оборону границы. В более широком смысле – взаимоотношение природы и общества. Пограничье с этой точки зрения – не только культурное, но и природное наследие. Наиболее зримо единство этих двух слагаемых наследия проявилось в таком историческом феномене, как засечные черты на территории Руси – России. Их появление было обусловлено обстоятельствами, о которых следует сказать особо, совершив для этого более глубокий экскурс в историю России.

Было время, когда на территории, которая ассоциируется сегодня с Россией, и вокруг нее ещё и вовсе не существовало границ и государств, какими мы понимаем их сегодня. Это означает, что в российское пограничье могут быть включены и рубежи, существовавшие задолго до государственного разграничения территорий. Например, области, располагавшиеся некогда между землями, освоенными оседлым населением и теми территориями, на которых хозяйничали кочевые племена. Это зона теснейшего взаимодействия на территории Восточно-Европейской равнины человека с лесом. Несмотря на то что природная лесная стихия ослабевала под ударами топора и позволяла полю клочок за клочком отвоёвывать пространство, лес тем не менее оставался верным союзником охотников и хлебопашцев в борьбе с угрозами, проистекавшими от соседства со степью. Сначала – от обитавших в ней кочевых племен, громадные стада которых требовали всё новых и новых пастбищ. Потом – от ханств, способных жить лишь за счет грабежа соседей. Серьезнейшие опасности со стороны степи ставили под сомнение возможность существования не только государства, но и сохранение оседлой жизни вообще.

Русский, украинский и белорусский народы явились щитом, заслонившим от уничтожения восточными кочевыми племенами народы Европы. Территория бассейнов Оки, в том числе и Верхнее Поочье, и Волги фактически стала юго-восточным пограничьем Европы.

В XVI – XVII вв. здесь проходила линия обороны России, призванная сдерживать натиск враждебных сил из Крымского ханства, Ногайской орды, а также предотвратить польско-литовскую агрессию. С этой целью здесь были построены крепости, а вблизи от них были возведены валы, частоколы из бревен, вырыты рвы, а на основных дорогах, проходивших сквозь полосу укреплений, поставлены городки-крепости. В систему обороны вошли преграды, созданные самой природой, и усиленные в результате проведения дополнительных работ. Так, например, в берега рек и в

склоны оврагов вбивались ряды заостренных кольев, а отдельные участки местности специально заболачивались.

Важнейшую роль в преграждении пути конным отрядам противника через леса должны были сыграть препятствия, изготовленные из срубленных и скрепленных между собой стволов деревьев. Они подрубались (засекались) на высоте по грудь человека и валились кроной в ту сторону, откуда ожидался приход врага. Лес валили не по опушке, а на некотором удалении от нее в глубине лесных массивов для того, чтобы преграда была неожиданной для врага. Стволы же дополнительно привязывались к пням древесными волокнами, а также сцеплялись между собой сучьями. Раскидать или растащить такую преграду было невозможно. Для упрощения работ, экономии сил и времени валили не все деревья, а только те, что составляли в диаметре около 15-20 см.

Такой способ валки деревьев получил свое собственное название – засечение леса. Поэтому и сами многокилометровые оборонительные линии, включавшие сваленные таким образом деревья, стали называть засеками.

К XVIII в. в России полностью или частично функционировали Заокские, Рязские и Шацкие, Белгородские, Симбирские, Сызранские, Закамские, Оренбургские, Темниковские и Изюмские засеки (рисунок 1).

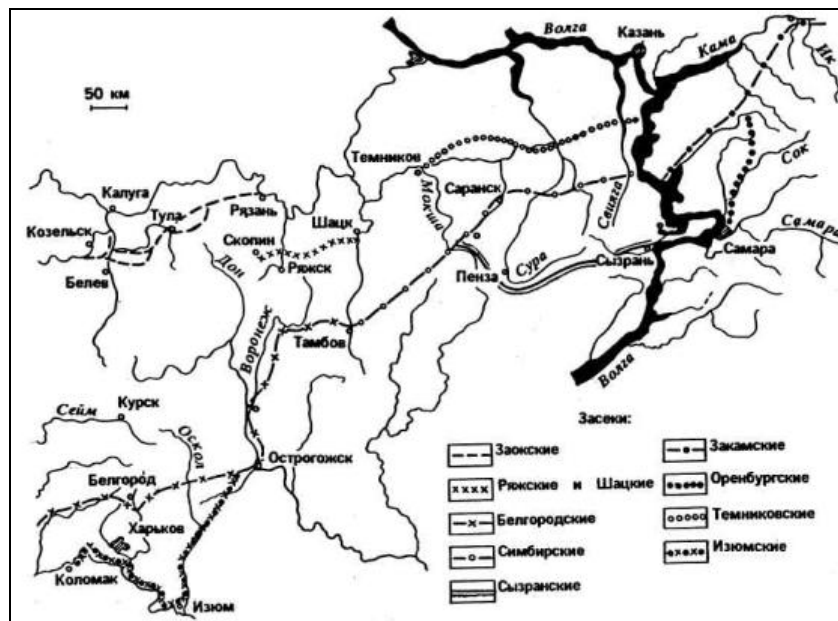

Рис. 1. Положение засек на территории России к XVIII в.

Все эти засеки возводились в разное время и против различного неприятеля. Участки засек со временем соединяли между собой и те образовывали почти непрерывную линию, которую стали называть чертой*.

В целом на территории России было свыше 110 пограничных городов, 45 из которых имели при себе почти 60 звеньев засек, входивших в различные засечные черты, каждая из которых получила свое собственное название. Так, например, «Большая засечная черта» включала в себя 26 засечных участков и 13 пограничных городов; на Белгородской черте стояло 25 городов с таким же количеством засек; на Симбирской – 4 центра с шестью засеками, на Сызранской черте было 3 города, каждый из которых имел по одной засеке.

Засеки широко применялись в составе и других укреплений, которые строились на территории России. Сегодня помимо засечных черт можно вести речь ещё о почти трех десятках укрепленных линий, которые хотя и не были сугубо «засечными», но располагали большими по протяженности участками классических засек, зарубаемыми между основными укрепленными центрами. Таковыми, например, являются Кубанская линия от Екатеринодара до Георгиевска (1794 г.), Иртышская линия, соединявшая Омск, Павлодар, Семипалатинск, Усть-Каменогорск (1745-1750 гг.), а также другие линии на территории бывшей Российской империи.

Таким образом, рассмотрение российского пограничья в качестве объекта наследия позволяет включить в его состав и рассматривать специально *пространство исторических засечных черт*. Под этим понятием предлагается понимать *историко-культурные и природные территории России, в пределах которых для защиты от внешних врагов в прошлом возводились засечные черты (линии) – оборонительные сооружения, состоявшие из засек, валов, рвов, частоколов, а также опорных пунктов в виде острогов и городов-крепостей, дополнявшиеся естественными преградами (реками, оврагами и др.)*.

В соответствии с парадигмой исследований, принятой в научно-исследовательском институте культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва (далее Институт наследия), пограничье – пространство исторических засечных черт – может считаться объектом культурного и природного наследия, если оно отвечает следующим основным условиям, принятым ЮНЕСКО.

---

* Черта (засечная черта, засечная линия) – система оборонительных сооружений, применявшаяся с XIII в. и получившая особое развитие в XVI-XVII вв. на южных границах Русского государства для защиты от нашествия татар, а также в качестве опоры при наступлении на противника. «Большая засечная черта» Русского государства входила в общую систему обороны страны, состоявшую из сторожевой казачьей службы, поселений служилого люда, укрепленных городов-крепостей, из засечной черты в полосе между Мещерскими и Брянскими лесами и тыловой линии, проходившей по течению реки Оки.

Во-первых, оно представляет собой определенную объективную ценность, то есть является носителем уникальной информации - эстетической, научной, исторической, иными словами, интересует людей как пограничное, пусть и в прошлом, место, богатое историей и традициями. Лишь то пограничье выступает объектом наследия, которое наполнено историей границы.

Во-вторых, оно отличается высокой развитостью информационного слоя и, прежде всего, располагает той информацией, которая свидетельствует о научной, исторической и художественной ценности как всего ландшафта, так и входящих в него движимых и недвижимых материальных объектов наследия.

В-третьих, на территории, рассматриваемой как пограничье, располагается множество памятников истории и культуры, ценных природных комплексов.

В-четвертых, территория соответствует одному из трех типов культурных ландшафтов: шедевр, ценный образец, позволяющий понять историю цивилизаций; ассоциативный, т.е. связанный с памятью о значительных событиях, культурный ландшафт.

Результаты анализа (с точки зрения соответствия названным выше критериям) существующих на сегодняшний день участков современного российского пограничья, обусловленного государственными границами, позволяют сделать вывод о том, что далеко не все они могут быть отнесены к объектам культурного наследия. Иными словами, границы и пограничье есть, но они не везде ещё являются объектами культурного наследия. Вместе с тем, на целом ряде направлений бывшее пограничье – пространство исторических засечных черт – как раз и являет собой объект культурного наследия, который по отдельным своим свойствам соответствует требованиям, предъявляемым ЮНЕСКО к такого рода объектам (таблица 1).

Природа культурного наследия как феномена, а также интересы исследования всех его компонентов выработали определенную методологию изучения культурного наследия, ориентирующую на гуманитарно-экологический и ландшафтный подходы. Базой гуманитарно-экологического подхода является всесторонний учет разнообразия связей культурного наследия с природной средой. Ландшафтный подход предполагает выделение пространственных координат, т. е. неких зон и форм проявления культурных традиций. Оба этих подхода последовательно реализуются в Институте наследия, о чем свидетельствуют, например, работы его директора Ю.А. Веденина [3].

В качестве одной из таких зон и как культурно-ландшафтный элемент может рассматриваться пространство исторических засечных черт. Оно сопряжено с такими феноменами культурного ландшафта как поля выдающихся боев и сражений, места других событий военного характера. Это пространство включает фрагменты исторических городов-крепостей, дорог и т.п., имеющие свою собственную историю. Относящиеся сюда же засеки на бывшем пограничье России выступают в качестве замечательных памятников природного и культурного наследия.

Таблица 1

Ценность пространства исторических засечных черт России (пограничья) в системе критериев определения объектов культурного и природного наследия (установлены ЮНЕСКО [4])

Критерии ценности культурного и природного наследия	Критерии ценности пространства исторических засечных черт
Критерии ценности культурного наследия	Критерии ценности пространства засечных черт как объекта культурного наследия
1. Представляет собой шедевр творчества.	1. Представляет уникальный образец совместного творчества человека и природы, поскольку засечные черты (линии) включали не только построенные человеком заградительные сооружения в виде засек (особым способом подрубленные и поваленные деревья), частоколы, валы, рвы, а также опорные пункты (остроги и города-крепости). В систему засек были включены естественные объекты, «возведенные» самой природой (реки, овраги и др.), свойства которых как преград были искусственно усилены человеком.
2. Демонстрирует смену человеческих ценностей, которая в определенное время или в определенном культурном ареале отразилась на развитии архитектуры или технологии, монументального искусства, градостроительства или ландшафтного дизайна.	2. В культурном ландшафте засечных черт отразились сложные процессы и взаимодействие между оседлым населением лесной (лесостепной) полосы и кочевыми народами степей, сопровождавшиеся изменениями как в стратегии, так и в тактике обороны пограничья (формы и способы действий), так и развитием архитектуры оборонительных сооружений в зависимости от характера угроз со стороны вероятных противников.
3. Содержит уникальное или выдающееся свидетельство культурной традиции или цивилизации, существующих либо исчезнувших.	3. Содержит уникальные или выдающиеся примеры освоения ландшафта или наполнения его символикой, свидетельствующие о существовании культуры пограничья.
4. Является выдающимся примером типа сооружений, архитектурного либо технологического ансамбля или ландшафта, которые иллюстрируют собою важные этапы человеческой истории.	4. Являет собой выдающийся пример особого типа комплекса оборонительных сооружений, всего ландшафта пограничья, которые иллюстрируют важные исторические события, связанные с противодействием экспансии кочевых народов на территорию проживания оседлых народов.

5. Является выдающимся примером традиционного поселения или формы землепользования, которые представляют определенную культуру, особенно, когда она стала уязвимой под влиянием необратимых изменений.	5. Является выдающимся примером народной и военной колонизации, расселения «порубежного» постоянного и «временно неоседлого населения», специфических форм землепользования и лесного хозяйствования, подчиненных обороне границы государства. Они представляют особую культуру пограничья, уязвимую в условиях подвижности границ государства.
6. Непосредственно или опосредованно ассоциируется с событиями или сохранившимися традициями, с идеями или поверьями (верованиями), с художественными или литературными работами, имеющими исключительную универсальную значимость.	6. Непосредственно или опосредованно ассоциируется с событиями на границах государства, верованиями в святость границ, с идеями их почитания. Ассоциируется с художественными или литературными работами, освещёнными героикой защиты границ, идеями обеспечения их неприкосновенности.
Критерии ценности природного наследия	Критерии ценности пограничья как объекта природного наследия
1. Представляет выдающиеся примеры, иллюстрирующие важнейшие этапы истории Земли, включая следы различных форм жизни, примечательные геологические процессы формообразования земной поверхности или примечательные геоморфологические и физиографические черты.	1. Представляет выдающиеся примеры сопряженной эволюции ландшафта, различных форм жизни, а также человеческого общества, отражающие этапы исторического освоения пограничья леса и степи.
2. Включает выдающиеся природные феномены или территории исключительной природной красоты и эстетической ценности.	2. Включает выдающиеся природные феномены или территории исключительной природной красоты и эстетической ценности, имеющие «заповедный» статус.

На рубеже XX и XXI вв. необходимость сохранения природного и культурного наследия народов Российской Федерации стала настолько очевидной, что в дополнение к уже существующим заповедникам и национальным паркам в число особо охраняемых были включены новые территории, обладающие уникальными собраниями памятников природного и историко-культурного наследия.

Показательной в отношении степени развитости заповедной системы является Калужская область, на значительной части которой в XVI-XVII вв. проходила Большая засечная черта. На сегодняшний день в сеть особо охраняемых природных территорий здесь включены

государственный природный заповедник «Калужские засеки» (создан в 1992 г.) и национальный парк «Угра» (1997 г.)*, памятник природы федерального значения «Калужский бор» (1991 г.), а также 172 памятника природы регионального статуса.

Историко-культурное наследие только национального парка «Угра» включает: 131 памятник археологии, 22 усадебных ансамбля (в том числе парки), 5 монастырских комплексов, 19 храмов, 16 братских могил советских воинов, а также около 20 других историко-культурных объектов [5] (рисунок 2).

В настоящее время на территории этого национального парка уже реализуется несколько научных программ. Среди них «Изучение Великого стояния на Угре», «Выявление, изучение и сохранение духовного наследия территории парка» и др. Большое внимание уделяется изучению полей исторических битв, включая окрестности города Козельска, вошедшего в историю беспримерной семинедельной обороной против орд Батые в 1238 г. Результаты исследований изложены в ряде работ, выполненных научными сотрудниками национального парка [6].

Национальный парк «Угра». Березическое лесничество

Заслуживает внимания деятельность национального парка «Угра» по сохранению *«памяти мест»*, которыми являются прижиздринские Козельские засеки – звенья величественной средневековой системы укреплений – Большой засечной черты. Это Столпицкая, Дубенская, Кцынская и Сенецкая Козельские засеки, которые, в свою очередь, были сочленены с Бобриковской (приписана к городу Белёву) и Слободецкой (приписана к городу Лихвину), а также Перемышльской засеками.

---

* Государственный природный заповедник «Калужские засеки» расположен в междуречье рек Рессета и Вытебеть (притоки р. Жиздры – бассейн Оки), на территории Ульяновского района Калужской области. Национальный парк «Угра» охватывает придолинные пространства левых притоков Оки – Угры, Жиздры и Выссы общей протяжённостью около 200 км.

Значение всех этих засек трудно переоценить. Они находились на правом фланге Большой засечной черты, построенной в XVI-XVII вв. против вторжений степняков из Крыма, и примыкали к непроходимым Брянским лесам. Фланговое расположение этих засек обуславливало приток сюда, пусть и небольших по численности, но лютых шаек крымских татар.

Они действовали здесь в отрыве от главных сил крымско-ханской орды, обычно рвавшей к Москве кратчайшим путем через Оку в районе Алексина и Тулы.

Вражеские отряды под водительством неподвластных ханам татарских «царевичей» как нигде в других местах бесчинствовали под Козельском и Белёвым, уводили в плен тысячи их жителей. Этому и должны были положить конец оборонявшие засеки русские воины.

С такой сложной задачей они в целом справились, а первый опыт обороны рубежей страны с опорой на засечные укрепления использовался затем вплоть до XIX в. не только на территории Восточно-Европейской равнины, но и на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

На начальном этапе исследований Козельских засек основное внимание уделялось, главным образом, изучению их природной составляющей, хотя и с привлечением большого исторического материала. Итогом этой работы стала книга, написанная М.В. Бобровским, в которой рассмотрена история лесов Козельских засек [8].

С 2003 г. было начато изучение остатков линий укреплений и оборонительных сооружений непосредственно на местности. Работы проводились научным сотрудником И.Л. Чернаем, который уже много лет занимается изучением топографии Засечной черты.

Для установления местоположения оборонительных сооружений были проведены натурные обследования территории парка на Столпицкой засеке. В настоящее время изучается район возможного нахождения Столпицких ворот у места пересечения старинной дорогой Козельск – Белёв реки Песочной.

В здании Центра по изучению и реставрации широколиственных лесов (в Березическом лесничестве) создается музей Козельских засек. В экспозицию музея планируется включить макет крепости, муляжи вооружения и снаряжения ее защитников, копии документов, включая схемы и карты, освещающие историю возведения, обороны и восстановления засек.

Всё это позволяет вести речь о наличии серьезного задела в освоении и сохранении компонентов культурного наследия той части пространства исторических засечных черт, которая относится к Калужской области и известна как Козельские засеки.

Вместе с тем, по целому ряду причин интерес к пространству засечных черт постоянно возрастает. Важнейшими факторами, обуславливающими подобное явление, выступают природный, социальный, а также сакральный аспекты.

Природный аспект проявляется в том, что лесные просторы в пределах бывших засек обладают ценнейшими природными ресурсами, от которых во многом зависит благополучие и развитие прилегающих и более отдаленных степных районов. Биологические, минеральные, рекреационные ресурсы лесных пространств приобретают всё возрастающее значение. Достаточно сказать, что лес в современных условиях является не только ценнейшим источником древесины, но и хранителем истоков рек, составляющих водные ресурсы, значение сохранения которых в XXI в. трудно переоценить.

Природный аспект гармонично сочетается с *аспектом культурным*. Дело в том, что засеки, игравшие на протяжении столетий важнейшую роль в обороне границ Руси в качестве заграждения, в настоящее время представляют собой ценные реликтовые дубравы со многими видами других растений. Если последние наличествуют и могут быть наблюдаемы, то конкретные памятники времен обороны границ на засеках до нашего времени не сохранились. Исчезли деревянные и земляные засечные крепости с их башнями, воротами, острогами и частоколами. Только большие дороги, а также изменившиеся русла рек, при которых находились некогда засечные крепости, упомянутые в древних документах, всё же дают основание судить о возможной линии, по которой некогда проходила засечная черта.

Здание музея Козельских засек, апрель 2006 г.

Оборонительные сооружения на засеках, создававшиеся людьми из подверженных тлену, коррозии и уничтожению огнем лесных пожаров деревянных и металлических элементов, существовали недолго. Эта материальная культура тем не менее иногда оставляла следы: курганы, крепостные насыпи, остатки рвов и валов. Когда возникала необходимость, засеки восстанавливались по образцу и подобию своих предшественников.

Сохранились до наших дней исторические топонимы, отдельные древние храмы, существовавшие в пору бытия засек, а также археологические

объекты в местах нахождения крепостей при засеках. Кроме того, по сей день наличествуют многочисленные исторические предания и документальные свидетельства, в том числе летописные, о событиях времен защиты южных границ Руси от крымских и ногайских татар, а также польско-литовской шляхты в XVI-XVIII вв.

Следовательно, благодаря сохранению этих следов имеется реальная возможность восстановить отдельные элементы засечных черт и включить их в состав памятников истории и культуры, сохраняющихся в заповедниках и национальных парках.

Социальный фактор обуславливает то обстоятельство, что жителями бывших засечных лесов ещё сохраняются традиции в области социальной психологии, обеспечивающие как саму жизнь в экстремальных природных условиях лесной полосы, так и заботу о сохранении, воспроизводстве и преумножении лесных богатств и водных ресурсов. Традиции эти были заложены предками в глубокой древности и нуждаются в сохранении.

Особо следует сказать о сакральном аспекте. Он заключается не только в том, что в удаленных от городов монастырях и в храмах сел, располагавшихся некогда в непосредственной близости от засечной черты, сохраняются традиции православия. Территории бывших засек представляют собой ассоциативные ландшафты. Они связаны не только со значимыми для истории народа событиями и ушедшими в прошлое типами культурного освоения пограничного пространства, но и с судьбой известных исторических личностей.

Исходя из этого, к сакральным элементам культурного ландшафта с точки зрения наследия могут быть также отнесены: исторические сведения (жития) отдельных священнослужителей и старцев монастырей и сельских храмов, чья мирская жизнь прежде была тесно связана с участием в охране и обороне рубежей России; известия об упомянутых в синодиках и в других монастырских документах лицах, павших во время столкновений на засеках, а также при защите находившихся неподалеку городов-крепостей и монастырей.

На территории бывших засечных черт, как и повсюду на Русской земле, существует немало природно-исторических святынь местного значения, многие из которых являются предметом поклонения. К ним относятся: мемориальные камни (валуны), холмы, выходы скальных пород, яры (крутые берега рек), урочища, валы, городища, пещеры, древние шляхи (дороги), места легендарных военных лагерей, городков (городищ) и др. Все эти объекты особо почитались и составляют наследие, связанное с богатым военно-пограничным прошлым засечных черт.

Уже сами леса, где проходила засека, одухотворялись человеком. В лесах местные жители выделяли священные деревья, священные рощи, а также монастырские (храмовые) леса, которые наделялись особым духовным смыслом.

Перечисленные ландшафтные природно-исторические элементы имеют эстетическую, историко-культурную, религиозную, научную, этическую и образовательно-патриотическую ценность или, одним словом, имеют значимость наследия.

Оно требует изучения и подлежит сохранению в силу ещё ряда обстоятельств. Так, например, Козельские засеки сыграли важную роль в укреплении Российского государства, однако этим их значение не исчерпывается. Начиная с XVII в. здешние засечные леса были объявлены «заповедными», запрещалась любая хозяйственная деятельность. Таким образом, Козельские засеки послужили не только щитом государства, но и хранительницами окружающих ландшафтов, которые благодаря этому во многом и дошли до нас в первозданном виде.

Несмотря на то, что погранично-охранная миссия Козельска – города у черты – в основном закончилась к концу XVII в., однако сам город продолжал развиваться. Известен вклад Козельска в историю мировой и отечественной культуры. В основанном под Козельском монастыре Оптиной пустынь селились «сподобившиеся» пустынники – старцы. В поисках ответа на свои вопросы или за советом к ним тянулись многие страждущие. С этими местами связаны имена писателей и поэтов С.П. Шевырева, М.П. Погодина, братьев Ивана и Петра Киреевских, Н.В. Гоголя, А.М. Жемчужникова, Ф.И. Тютчева, В.И. Красова, М.И. Долгорукова, А.Н. Апухтина, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и многих других замечательных россиян.

Названные природные и историко-культурные обстоятельства обусловили выбор природного и культурного наследия той части пограничья, в состав которого входили город-крепость Козельск и одноименные засеки – старейшие среди прочих в качестве объекта для исследования.

Поскольку представления о пограничье должны базироваться на знаниях истории, экономики, общественных и социальных наук и не должны быть в изоляции друг от друга, изучение пограничья предполагает освоение истории культуры, искусств, литературы, а также истории государства и права, истории картографии, истории земледелия и других исторических дисциплин. Нуждается в исследовании богатая по составу особая терминология, обусловленная границами. Она тоже складывалась веками, и, следовательно, тоже является нашим наследием.

Решению этих задач и посвящена монография «Здесь государевым «украинам» было бережение». Включение термина «украина» в ее заглавие призвано как можно более точно охарактеризовать как пространственно-временные границы, так и сам объект исследования. Это диктует необходимость дать некоторые пояснения.

Впервые термин «украина» появился на страницах Киевской летописи ближе к концу XII в. и использовался для обозначения окраинных земель Юго-Западной Руси. В Галицко-Волынской летописи XIII в. «украинцами» названы поляки – «ляхи-украиняне», жившие вблизи рубежа Галицкого княжества. В XVI в. слово «украина» стало широко употребительным термином, встречающимся в официальных документах

Русского государства. В них, например, упоминаются «рязанские», «мещерские», «тульские», «литовские», «немецкие», «татарские» «украины» – пограничные области, они же окраины. Именно в значении современных понятий «граница», «пограничье» применено слово «украина» и в монографии. Оно не несет в себе никакого этнического смысла. Только в XIX в. слово «украинский» вытеснило понятие «малороссийский», после чего уже и стало самоназванием целого народа.

Во второй половине XVII в. получило распространение ещё одно понятие – «польские украины». Оно применялось для обозначения не только территориальных, но и военно-административных единиц. И здесь слово «польские» также никакого национального оттенка не имело, поскольку использовалось для обозначения мест, близких к «полю», читай к границе, за которой уже начиналась «степь».

В 1571 г. воеводой «польских украин» был назначен князь М.И. Воротынский. Царский указ потребовал от него организовать здесь пограничную службу с задачей: «...чтоб воинские люди на государевы украины войною безвестно не приходили». Известна и роспись городов «польской украины» 1615 г., в которой среди «рязанских городов» «польской украины», наряду с пограничными центрами Болхов, Карачев, Орёл, также названы Козельск, Белёв, Лихвин, Перемышль и др. города, при которых были возведены засеки. Таким образом, и они были причислены к «украинам», т.е. к пограничью.

Когда на южных рубежах Руси ещё в XVI в. на базе Тулы, Лихвина, Козельска, Белёва, Одоева, Крапивны, Венёва и др. городов, местность вокруг которых изобиловала лесными массивами, была создана Засечная черта, то перед ее защитниками была поставлена задача обеспечить «бережение от приходу воинских людей» [9].

Однако почти сразу же выявился недостаток этой черты. Она оказалась далеко в тылу от рубежа, на котором располагались приближенные к степи крепости с их небольшими гарнизонами. К тому же все эти крепости были разбросаны на большом пространстве перед Чертой. Эти форпосты, организовывавшие сторожевую службу, не могли противостоять врагу и даже «сметались» татарами. Поэтому Козельск и другие города, бывшие на Черте, должны были решать и задачу, возлагавшуюся на передовые города «сторожевой службы», – «чтоб воинские люди на государевы украины войною безвестно не приходили» [10].

Сложность и многообразие задач, выпавших на долю Козельска, которому предназначалось, в том числе, и беречь государевы «украины» от «безвестного приходу» неприятеля – ещё одна причина, обусловившая название монографии.

Под Козельском «государевым украинам было бережение» на протяжении длительного времени, по крайней мере, до того, как была построена Белгородская засечная черта. Это новое грандиозное строительство было отмечено построением в 1635 г. города Козлова и земляного вала около него; строительством в последующей четверти XVI в. городов Воронеж и Белгород; ликвидацией к 1653 г. пробелов между

отдельными звеньями защитной линии и формированием русского войска в пределах всей Черты. К 1658 г. были окончательно определены границы и контуры Белгородской черты [11].

В настоящее время под культурным наследием понимаются материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию. Исходя из этого определения, а также в соответствии с парадигмой исследований, принятой в Институте наследия, пограничье, как объект наследия, включает в себя не только недвижимые и подвижные памятники истории, культуры и природы, но и целый ряд неявных его элементов. Среди них живая традиционная культура, традиционные культурные ценности, ремесла и промыслы, исторические технологии, традиционные формы природопользования, которые функционируют в определенной этнокультурной среде и природном окружении и свойственны пограничью как территории, прилегающей к границе.

Таким образом, пограничье как объект культурного и природного наследия имеет цельный и в то же время многокомпонентный состав. Это определяет важнейшие свойства подходов к его изучению: во-первых, достижение целостности, во-вторых, необходимость применения системного подхода. Это предполагает анализ каждого из компонентов, составляющих единое целое – пограничье, в рамках отдельных дисциплин: географии, истории, этнографии, фольклористики, военных дисциплин и других наук. В свою очередь, изучению подлежат и все разнообразные внутренние связи между слагаемыми наследия.

Во *введении* обосновывается подход к изучению российского пограничья как объекта культурного и природного наследия народов Российской Федерации. В качестве важной составной его части рассматривается пространство исторических засечных черт Руси – России, а также раскрываются его свойства как особого объекта наследия.

В *первой части* монографии пространство засечных черт рассматривается как природный и культурный ландшафт. Опираясь на многочисленные работы, данные картографии, археологии и топонимики представлен образ территории южного пограничья Московского государства, на которой находились пограничные центры – города Козельск, Белёв, Перемышль, Лихвин и одноименные засеки.

Исследуются природные (лес, реки) и культурные (город-крепость Козельск, засеки с их укреплениями, дороги) компоненты наследия, а также существовавшие в прошлом и современные представления о свойствах народа, населяющего пограничье.

Во *второй части* монографии рассматривается историческое наследие пограничья – пространства засечных черт. В хронологическом порядке излагаются и осмысливаются факты, связанные с участием населения города Козельска и уезда в «бережении государевых «украин» Руси – России. В *заключении* подводятся итоги исследования,

предлагаются пути совершенствования исследований наследия засечных черт как составной части российского пограничья, а также даются некоторые рекомендации по обеспечению сохранности его компонентов.

Литература

1. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России/ред. Вардомского Л.Б. и Голунова С.В. М.-Волгоград, 2002.
2. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М., 1998. С. 152-156.
3. Веденин Ю.А. Место и роль наследия в возрождении культурного ландшафта России // Тезисы докладов II Международной конференции по сохранению и развитию уникальных исторических территорий. М., 1992. С. 6-18; Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. СПб., 1997; Веденин Ю.А. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия (в соавторстве с М.Е. Кулешовой) // Известия АН. Серия географическая. 2001. №1. С. 7-14; Веденин Ю.А. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия. М-СПб., 2004. С.13-37.
4. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. UNESCO. WHC-99/2. 1999 (February). 38 p.
5. Национальный парк «Угра». Калуга, 2004. С.5.
6. Новиков В.П. Национальный парк «Угра» // Наука в России. №3. 2002. С.93-102; Новиков В.П., Кориунова Л.А. Национальный парк «Угра». Калуга: Облиздат, 1998. С.28; Основные направления развития национального парка «Угра» на 2002-2006г./ред. Новиков В.П., Буйлов Ю.А. М. ЦОДЛ, 2002.; Массалитина Г.А., Новиков В.П. Великое стояние на Угре» как объект историко-культурного наследия // Куликово поле и ратные поля Европы. Прошлое и настоящее. Тула: «Гриф», 2002. С. 66-72.
7. Национальный парк «Угра». Информационно-справочное издание. Калуга, 2004.
8. Бобровский М.В. Козельские засеки. Калуга, 2002.
9. Никитин А.В. Оборонительные сооружения засечной черты XVI-XVII вв.//Материалы исследований по археологии СССР. №44. Т.3. М., 1955. С.122.
10. Марголин С.Л. Оборона русского государства от татарских набегов. Сторожевая и станичная служба и засечные черты. М., 1948. С.6.
11. Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М: Искусство, 1981. С.57.

ЧАСТЬ I

ПРИРОДНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ЧЕРТЫ

*Встарь, во время оно, в сказочном краю,
Пробирался конный степью по репью.
Он спешил на сечу, а в степной пыли
Темный лес навстречу вырастал вдали.*

Б. Пастернак

Глава 1

ОБРАЗ ПОГРАНИЧЬЯ

Одним из слагаемых изучения природного и культурного ландшафта пограничья выступает реконструкция его образа. Этот образ составляют с одной стороны, реальные географические объекты, с другой – историко-культурные представления об организации изучаемой территории, а также о свойствах народа, ее населявшего.

Ранние свидетельства о природе и жизни на границе леса и степи

Человек многие десятки столетий обживал территорию Восточно-Европейской равнины. Ее лесная полоса была освоена людьми позже других мест. Леса являлись источником существования только для охотников. Для земледельцев лес представлялся, главным образом, как великая помеха, для устранения которой нужно было немало потрудиться, расчищая земли под пашню: рубить, корчевать, выжигать деревья.

В то время, когда на юге, в широколиственных лесах и в лесостепи уже распространилась трипольская культура (4-3 тысячелетия до н.э.), а скотоводство стало господствующим среди племен степей Восточной Европы (3-2 тысячелетия до н.э.), в лесах на севере развивались лишь приемы охоты и рыболовства. Ни о какой прочной оседлости ещё не шло и речи. Общественное развитие здесь было замедленным, скорее всего, под воздействием засушливого периода, наступившего в местах проживания скотоводов. Лишь во 2-ом тысячелетии до н.э. в леса на верхнюю Волгу, Клязьму и Оку с юга проникли носители более высокой по уровню развития производства культуры, которую принято называть фатьяновской.

Развитие подсечно-огневого земледелия и самого примитивного скотоводства в лесной полосе земель, где затем возникли Киевская Русь, Московское государство, Россия, обеспечило постепенный переход к прочной оседлости. Сначала появились только одиночные стоянки, располагавшиеся всегда близ устьев малых рек и по берегам озер.

Среди людей, занятых совершенствованием приемов охоты и рыболовства, ещё не было места распрям из-за границ территории, окружавшей стоянки. Рыболовство, собирательство и охота обеспечивали бесконфликтное сосуществование людей среди лесов, богатых козами, лосями и оленями. Быстрые реки обеспечивали всех рыбой и водоплавающей дичью.

Естественные границы расселения славян на протяжении всей истории их существования на многих направлениях проходили по рубежу соприкосновения таких природных сред, как лес и степь. Вот почему, одним из важнейших свидетелей во всей истории пограничья выступает лес. Он был повседневной реальностью, окружавшей людей в пограничье. Он не только кормил и поил людей, являлся надежным их защитником, но одновременно был и противником жителей лесных районов. Чтобы удовлетворить свои потребности в хлебе насущном, люди постоянно должны были отвоевывать землю у леса.

О той земле, где проживали предки славян, писал ещё древнегреческий историк и географ Геродот, живший в V в. до нашей эры. Он утверждал, что в его время уже существовало много чертежей земли, где они обитали. Исследователи творчества Геродота склонны считать, что когда он одно из мест на нашей планете называл «Птерофорией», или «Перяной землей», то имел в виду обширную область, которая простирается от истоков Днестра и охватывает Волынь, Белоруссию, Москву и Калугу. Полагают, что название «Перяная земля» проистекало от характеристики погоды в тех местах, где воздух, по представлениям современников Геродота, всегда был наполнен комьями снега, похожими на перья или пух. Это как нельзя лучше отражает особенности климата средней полосы России, что было давно подмечено ее жителями.

Так, например, в Козельском районе мимо деревень Кирейково и Середичи протекает небольшая речка Чичера. Свое название она получила от слова «чичер» – так называли в старину свойственную осенней поре непогоду, когда при сильном ветре идет мокрый снег, действительно похожий на птичьи перья. От слова «чичер» произошла фамилия старинных козельских помещиков Чичериных, являющихся ветвью рода А.С. Пушкина.

Народы, населявшие лес и степь, часто враждовали между собой. Нужно было защищаться от врагов – и тогда лес приходил на помощь жившим здесь людям. Для защиты от степняков уже применялись сооружения из стволов деревьев (ограды – «огород», валы с тыном по их гребням).

Рассказы о способах борьбы славян с врагами, в основе которых лежало умелое использование свойств и преимуществ леса, а также богатая практика охоты на диких животных, содержатся в трудах древних историков.

Ещё Геродот отмечал, что племена, жившие на землях под «густым лесом разной породы» к северу от мест, занятых кочевыми племенами в междуречье Днепра и Волги, «промышляют охотой и ловят зверя». Вот как Геродот описывает процесс охоты: «Охотники подстерегают добычу на деревьях. У каждого охотника наготове конь, приученный лежать на брюхе, чтобы меньше бросаться в глаза, и собака. Заметив зверя, охотник с дерева стреляет из лука, а затем вскакивает на коня и бросается в погоню, собака же бежит за ним» [1]. Использование деревьев в качестве наблюдательных пунктов, а также содержание рядом с собой в полной готовности к немедленному использованию коней, нашло широкое применение позднее. Так будут спустя столетия нести службу на засеках в лесу, а также станичную и сторожевую службу далеко от родных мест в степи первые пограничники.

Особый образ жизни славян отмечал и живший в 6-ом в. историк готов Иордан. Так, сообщая о занятиях, нравах и обычаях славян, он особо подчеркивал, что «вместо городов у них болота и леса» [2]. Эта привычка славян – в случае опасности прятаться не в укрепленных местах – городах, а в лесах и среди болот, широко применялась в будущем у жителей лесной полосы. Дремучие заповедные леса, где были устроены засеки в XVI-XVII вв., служили надежным убежищем окрестному населению, например, во время набегов крымских татар.

Писатель того же времени Маврикий Стратег подчеркивал ту же особенность славян жить в лесах или около болот – вообще в местах, недоступных для других. Такой образ жизни отражался и в особенностях ведения боя. Древние историки обратили внимание на то, что славяне «сражаться с неприятелем любят в местах трудно доступных, в теснинах, и вообще в лесах. Они особенно способны переправляться через реки. Они стараются занимать леса, очень усиливающие их, так как умеют отлично сражаться в закрытых местах; нередко бросают добычу, как бы от страха, и уходят в леса, а затем, внезапно бросаясь оттуда, наносят урон тем, кто подойдет к добыче». Этот же автор обобщил и приемы действий врагов славян: «Вторгаться в их земли лучше зимою, когда они не могут хорошо укрываться за обнаженными от листвы деревьями, когда снег затрудняет их бег, да, кроме того, войску легче переходить через замерзшие реки» [3].

В древнее время и в средневековье в условиях противостояния кочевой степи, когда ещё не существовало понятия о границе как об условной разделительной линии на местности, оседлость русских закономерно стала следствием появления на территории их проживания обширного приграничного пространства, за которым начиналась неизведанная, полная опасностей зона – Половецкая степь. Начиная с XII-XIII вв. эту чужбину называли «земля незнаемая», «неведомая земля», позднее – «большой луг», и, наконец, «дикое поле». В силу подвижности русского народа чужбина постепенно отодвигалась от центров его компактного проживания, а в его лексикон входили всё новые и новые понятия для обозначения дальних мест, соседствующих с чужой стороной. По мере складывания государства границы уже стали определять территорию, которую

государь охранял и расширял. Эта территория составляла объект налогового обложения в его пользу. Вслед за образованием соседних государств, следовало разграничение их территорий, между которыми защищались с помощью военной силы. Границы не были четкими и определенными, они часто пересматривались по итогам военных действий. Существенный вклад в закрепление границ в эпоху феодальной раздробленности внесло взимание таможенных платежей за транзит по землям соседствующих государств-княжеств.

В договорной грамоте Новгорода с Ливонским орденом от 28 января 1323 г. говорится: «чтобы у каждого осталась его граница, как это истари было». В Новгородской летописи под 1412 г. встречается слово «граничник» в значении – житель соседней, пограничной области или страны. Применительно к таким местам летописи в известиях о событиях XV в. уже употребляли понятия «украина», «рубеж», «государева украина» [4]. Эти термины закрепились и в следующем столетии. Так, например, в 1531 г. пограничные, межевые районы в документах называют «гранные места». В «Боярском приговоре о станичной и сторожевой службе (1571 г.)» говорится: «... государевым украинам было бережение, чтобы воинские люди на Государевы украины войною не приходили» [5].

В печатном «Лексиконе славянорусском и имен толковании» (1627 г.) понятие границы представлено словами «межа», «предел», «граница». Вместе с этими терминами, употреблявшимися в значении граница, из XVII в. до нас дошли и такие словосочетания, как «гранишные места», «гранные места», использовавшиеся для обозначения территории, прилегающей к границам. Тогда же в словарный состав вошли и такие термины, как «пограничние», «пограничное место», «пограничные государства» и др. Описание границ чего-либо стало называться «гранографом». В различных источниках появились уже конкретные сведения географического характера с указанием границ государства, описанием приграничных с Россией стран. Сами же области, прилегающие к границам, называли «пограничние места». В источниках более позднего времени сложился уже пространный пласт понятий, характеризующих всё связанное с границами и пограничной безопасностью в прилегающих к ним пространствах. Понятие «государственная граница» было зафиксировано лишь в конце XVIII — начале XIX в. В 1847 г. в «Словаре церковно-славянского и русского языка» граница определялась как «предель, рубежь, отделяющий одну землю от другой», как граница государства. Там же говорилось, что это слово старинное и обозначало «то же, что грань, порубежный знак», а также присутствовал термин «пограничник», и «граничник».

Понятно, что упоминания о приграничных территориях в перечисленных терминах всегда были связаны с конкретными событиями, происходившими вблизи от границ, а также с именами людей, принимавших в них активное участие.

Для создания зримого образа пограничья широко использовался традиционный набор органически связанных элементов географической среды, а также явлений, присущих, пограничью. Так, например, русский героический эпос буквально напитан необычными географическими названиями, а также сведениями о необычайных явлениях природы, окружавших людей, попадавших в пограничье. Сюда непременно входили дорога, которую нужно было «осилить», а также леса и реки – некий рубеж, которые нужно было с великими потугами преодолеть или достичь. На этом рубеже обязательно оказывались некие объекты, которые воспринимаются нами сегодня как заставы на границе или на дороге.

Особенно ярко пограничье показано в былинах о славных деяниях русского богатыря Ильи Муромца, уже сам образ которого является своеобразным рубежом, отделяющим две эпохи в развитии русского эпоса. К.С. Аксаков писал об Илье Муромце, что он «не принадлежит к титанической, но к богатырской эпохе; он есть величайшая, первая человеческая сила»[6].

В пограничье, в которое попадает Илья Муромец в былине о его схватке с Соловьем-разбойником, есть «прямоезжая дорога» и дремучие – «брынские леса», и рубеж – речка Смородина (Самородина). Наконец, на пути богатыря оказывается и застава – могучий дуб, среди ветвей которого прячется Соловей-разбойник, своим свистом воспрепятствующий проезду конного богатыря.

Описываемые в былинах об Илье Муромце события имеют под собой реальную историческую основу, а сам этот богатырь – единственный герой русского эпоса, который был причислен к лику святых, и день 19 декабря отмечается как «память преподобного нашего Ильи Муромца, в двенадцатом веке бывшего». Победа над Соловьем-разбойником, когда Илья Муромец очистил от него «дорожку прямоезжую», также соответствует исторической действительности, поскольку главные водно-сухопутные пути на Руси к Черному и Каспийскому морям нередко оказывались перехваченными врагами: в X-XIII вв. печенегами, хазарами, половцами. Позднее, с XIII по XVI вв. – волжскими или крымскими татарами. От всех них приходилось защищать русскую землю.

Образ чудища, сидевшего на дубу, можно рассматривать с разных точек зрения. С одной стороны, он олицетворяет тех, кто разбойничал на дорогах внутри страны. С другой стороны, Соловей-разбойник выступает в роли захватчика – чужеземного богатыря, приехавшего на Русь с враждебными намерениями и основавшего свою богатырскую заставу в русском приграничье. В любом случае этот разбойник должен был быть уничтожен. Поэтому освобождение дороги от тех, кто чинил разбой на них, независимо от того, внутренний или внешний враг, оценивалось как подвиг, достойный Ильи Муромца – одного из первых богатырей-пограничников.

Вот почему жители пограничья во все времена старались найти подтверждение тому, что деяния таких богатырей, как Илья Муромец непременно связаны с тем местом, где они проживают.

Показательным в этом отношении является Орловская область – бывшее русско-литовское пограничье, а также территория, близкая к лесостепной границе с Крымом. По одной из легенд, именно на Орловщине бывал и у села Девять Дубов сразился с Соловьем-разбойником сам Илья-Муромец. В одной из церковных летописей записано, например, местное предание, по которому Девять Дубов считается древнейшим среди сел Карачевского уезда, даже древнее самого города Карачева [7]. На месте села в древние времена были непроходимые болота, а в самой густой части леса было девять дубов, росших из одного пня.

Ещё и в XIX в. местные жители показывали здесь речку Смородинку, а также пенёк, оставшийся от девяти дубов, на одном из которых якобы и сидел Соловей-разбойник. Говорили также, что у Карачева, за 10 верст от села, конь Ильи «окарачился» от соловьиного свиста, то есть встал как вкопанный, а затем стал пятиться назад. Здесь показывали безымянную реку, которую иногда и называли Смордой, потому что она берет начало из болот, насыщенных сероводородом. Эта река у местных жителей представлялась границей между миром живых и мертвых, между материальным и потусторонним миром, поскольку злые силы и Соловей-разбойник в фольклоре считались связанными. Рядом проходит старый тракт – «Свиной шлях», по которому можно было попасть из Владимира через орловские места в Киев. Тракт пересекал речку Смородинку, через которую по Калиновому мосту, якобы, и въехал в село Девять Дубов Илья Муромец.

Подчеркивая обоснованность гипотезы о том, что описываемая схватка Ильи Муромца с чудовищем-разбойником произошла в названном месте, а такой точки зрения придерживаются специалисты национального парка «Орловское полесье», следует обратить внимание на существование и ещё одной точки зрения.

В былинах «Первая поездка Ильи Муромца. Илья и Соловей-разбойник» (рис.3), включенной в собрание народных песен П.В. Киреевского [8], рассказывается о том, что жители Чернигова предупреждали Илью Муромца, отправляющегося в путь к Киеву:

«Ой ты гой еси, Илья Муромец!
Пряма дорожка не проста стоит, –
Заросла дорога лесы Брынскими,
Протекла тут река Самородина,
Ещё на дороге Соловей-разбойничек
Сидит на тридевяти дубах,
сидит тридцать лет,
Ни конному, ни пешему пропуску нет».

Рис.3. Илья Муромец и Соловей-разбойник,
иллюстрация к сказке

Исходя из реальной подосновы образа Ильи Муромца и его деяний, а также с учетом особенностей расселения в рассматриваемом пограничье вятичей*, можно допустить, что Соловей-разбойник, с которым бился богатырь на «реке Самородиной», как раз и олицетворял силы вятичей, противостоявшие влиянию Киева в русских землях на это племя. Известно, что вятичи долго и весьма успешно боролись за свою независимость. Поэтому они надежно охраняли и обороняли границы своего расселения. С этой точки зрения Соловей-разбойник в былине может восприниматься не как «бандит с большой дороги», а как сказочное существо, которое не давало никому проезду и проходу через «леса Брынские», поскольку держало в вятическом пограничье заставу. Её-то и предстояло смести Илье Муромцу для того, чтобы иметь на прямой дороге в Киев свою собственную заставу — знак принадлежности земли вятичей к Киевской Руси.

Таким образом, в былине об Илье Муромце и Соловье-разбойнике уже содержится образ первых застав, стоявших на дорогах сквозь пограничные леса.

Многочисленные предания ярко отразили народный взгляд на события на границе и на их участников. Среди них особенно ярко выделяются предания о борьбе с внешними врагами, о военных событиях на приграничной территории. Нередко эти предания о защитниках границ имели распространение и в регионах, даже далеких от границы. Многие из них вошли самостоятельными частями в состав русских летописей.

---

* Вятичи — союз восточнославянских племен верхнего и среднего течения Оки, в составе Киевской Руси с середины X в. С XII в. территория вятичей находилась в Черниговском, Ростово-Суздальском и Рязанском княжествах.

Так, например, летописные записи XII в. о приграничном сражении с половцами в 1103 г. содержат сюжет о покровительстве божественных сил русским в деле защиты пределов Руси. Последующие литературные воплощения данной христианской идеи содержатся в «Галицко-Волынской летописи», «Житии Александра Невского», «Сказании о Мамаевом побоище» и других источниках XIII-XV вв.

Традиции эмоционального освещения событий на границе сохранялись и в последующие столетия. Так, например, около одной трети повестей, рассказов и сюжетов, собранных в «Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси», освещают события, связанные с защитой пограничных городов: «О Стародубе», «О Чернигове», «О Смоленске» (1534 г.), «О литовском приходе и о Себеже» (1535 г.), «О Крымского царя приходе на берег» (1541 г.) и др.

Многие фольклорные сюжеты отразили особенности и военной деятельности славян по обороне мест своего проживания. Есть среди них и такие рассказы, в которых повествуется об умелом применении хитрости.

Взять, например, известный сюжет о сражении богатырей со Змеем Горынычем, Идолищем Поганым и другими чудищами на Калиновом мосту. Принято считать, что в этих сюжетах отражается охота в эпоху палеолита на крупных животных – мамонтов. Их нередко загоняли в ловчую яму, замаскированную тонкими жердями и ветками [9]. Вместе с тем, вполне может быть, что в этих сказочных мотивах отражается и широко применявшийся в глубокой древности способ уничтожения противника путем заманивания его в «волчьи ямы». В дно таких ям-ловушек, заделанных сверху ветками, вбивали заостренные колья, на которые падали вражеские конные воины.

Нужно иметь в виду, что военное искусство развивалось не на пустом месте. Из поколения в поколение, например, в Верхнем Поочье как части Волжско-Окского региона передавались знания о формах и способах действий по защите территории проживания родов и племен. Считается, что давние пограничные традиции и военная практика обороны границ этой территории восходят к далекому индоевропейскому прошлому [10].

Многие военные премудрости являлись тайным знанием наших пращуров, к которому допускались далеко не все. По своей природе они не были предназначены для какой-либо фиксации в виде письменных текстов, тем не менее они всегда оставались в реальной жизни людей, среди которых постоянно и всегда находились хранители сакральной памяти о премудростях обороны в лесах. Умело использовали люди особенности природного ландшафта, важнейшим элементом которого были леса. Особое значение в истреблении живой силы противника отводилось специально оборудованным рубежам, которые часто строились в лесах. Важную роль призваны были играть так называемые ваны – лесные лабиринты.

Тактика борьбы с противником при использовании ванов предполагала следующее. В качестве приманки для врага выступали временные лесные поселения лагерного типа, которые были приспособлены лишь для жилья во время летних работ в лесу и в поле. Эти селения-временки никакой

особенной ценности не представляли и призваны были завлекать врага на специально подготовленную накатанную дорогу или натопанную тропу. В двухстах метрах по обе стороны от этих ложных путей, среди леса, были устроены невидимые с дороги завалы из деревьев, чтобы направить противника по единственному пути в удаленные от основного леса и специально подготовленные для его уничтожения пущи. Поля и луга являлись разделом между ними. Завалы из леса, устроенные вдоль дорог, образовывали огнеопасные дебри, превращавшие дороги к вanam в «тропы смерти». Всё здесь делалось с таким расчетом, чтобы численно превосходящий неприятель в конце концов попал бы в узкие перешейки и когда он втягивался в них, то лес тотчас же засекался уже и на самой дороге. Благодаря такой хитрости неприятель оказывался в мешке и не имел пути к отступлению, ибо обратную дорогу ему преграждали внезапно поваленные вершинами навстречу, заблаговременно подрубленные деревья. Малочисленные неприятельские группы расстреливались из засад и ловушек лучниками, а многочисленные отряды уничтожались огнем или душились дымом от внезапно, по сигналу, подожженного леса, окружавшего врагов, заманенных в ваны. Паника завершала всё дело.

Цепь ванов образовывала непрерывную передовую позицию обороны и неоднократно повторялась в глубине обороняемой полосы. Отдельные единицы боевого значения составляли так называемые «дереваны» – непроходимые огненные котлы, которые устраивались в качестве внутреннего кольца ванов. В зимний период эти искусственные преграды прекращали функционировать, на смену им приходили мороз и снега. Наблюдение за местностью зимой велось с укрепленных постов, связь между которыми поддерживалась с помощью сигнальных огней, разводимых на валах, окружавших эти посты.

Информация о местонахождении ванов всячески кодировалась. Делалось всё, чтобы скрыть сведения и о путях к ним. Секретными «картами» фортификационных оборонительных сооружений для семей, имеющих отношение к вanam, служили, например, расшитые орнаменты и вышивки на полотенцах и рубахах. Наиболее часто и разнообразно помечались бортни – дупла деревьев, в которых помещались соты для диких пчел. Условные знаки наносились также на прялки, сундуки, дубовые бочки и другие деревянные предметы быта. К сожалению, до наших дней большинство из них не дошли, но отдельные из сохранившихся имеют на себе знаки «рубевж» или «тна», несущие «пограничную» информацию. В одном случае это зарубка, насечка или метка, в другом – черта, отрезок. Такие элементы входили в состав специальных владельческих знаков, которые помещались на деревянных предметах.

Ещё были распространены ловушки-препятствия, которые возводились с учетом особенностей ландшафта и сочетались с естественными преградами. Среди них особое место занимали западни для врага – «роны». Эти специальные приспособления были названы так от слова «ронить» – повалить, бросить, валить, рубить с корня. Термин «рона» в этом смысле как никакой другой наиболее точно отражает особенности

лесных засек – заграждений, известных нам из более позднего времени. Засеки тоже представляли собой завалы из «уроненных» человеком деревьев, промежутки между которыми прикрывались дерево-земляными заграждениями. «Роны» – предшественники будущих засек, были идентичны с ними по способам устройства и составу входящих элементов, таких, как надолбы, частоколы, остроги, кольё, вбиваемое в дно рек и др.

Роны были стационарные и подвижные. Одни представляли собой ряды заостренных и вкопанных в землю кольев, которые направлялись в ту сторону, откуда ожидался противник. Другие устанавливались на специальных площадках и приводились в боевое положение с помощью канатов управления. В нужный момент канаты натягивались людьми, прятавшимися в укрытии на расстоянии до 250 м, лежащие на земле колья мгновенно поднимались и ошестинивались, становясь серьезным препятствием для врага. При этом тактика применения рон предполагала следующее. Часть людей увлекала за собой врага и пробегали через «не включенный» участок рон, после чего эти приспособления переводились в боевое положение и, внезапностью своего появления шокировали неприятеля, приводили его в полную растерянность. После этого лучники эффективно поражали замешкавшегося врага.

Начиная с XII в. в борьбе против литовцев, а позднее и татар, нашли широкое применение боевые действия, в ходе которых русские стали применять временные укрепленные лагеря – «осеки» – разновидность острогов. Они строились среди леса в короткие сроки из стволов и ветвей деревьев и не являлись, в отличие от «городов», крепостями, предназначенными для долговременного сопротивления осаждавшему их противнику.

«Осеки» служили, как правило, для временного укрытия в лесу живой силы, а иногда и местного населения, которое пряталось здесь вместе со своим имуществом. Из этих острогов совершались внезапные ночные вылазки против неприятеля. «Осеки» послужили прототипом будущих укрепленных городков, которые строились в XVI – XVII вв. среди засечных лесов в ходе борьбы с крымскими татарами, а также «зимниц» – укрепленных лагерей, служивших укрытием для местного населения.

Территорию великой восточной равнины покрывала чрезвычайно густая речная сеть. Природа здесь была настолько однообразной, что любого путешественника трудно было чем-то поразить. Исключение составляли реки, о которых Геродот в своей истории так и записал: «В Скифии нет ничего удивительного, кроме рек, ее орошающих».

Обилие рек было таковым, что авторы мусульманских источников даже полагали, что Русь находится на острове, окруженном озером, и писали о ней как об «острове руссов»[11].

Многочисленные реки насыщали почву влагой до такой степени, а девственные леса своей сенью покрывали землю так, что эта влага вообще не испарялась. Всё это вело к появлению на больших площадях болот, служивших непреодолимым препятствием для путников.

Одновременно реки являлись дорогами, подчас единственными, которые служили развитию торговли. На крутых правых берегах

больших рек и на левых отлогих берегах рек, текущих с севера на юг, наши предки строили сначала свои жилища, а затем и города-крепости. Противоположные берега использовались для выпаса скота и сенокоса.

Многие загадки Верхнего Поочья обусловлены особым изначальным «пограничным» характером самой реки Оки. Предполагают, что даже имя, данное этой священной реке и созвучное понятию «око» («глаз»), свидетельствует об отношении к ней со стороны древних жителей как к «всевидающей реке» (мифологема «всевидающее око» известна со времен Древнего Египта). На эту реку, бывшую центральным перевалочным пунктом многочисленных мигрантов, прошедших через прилегающие земли, возлагалась особая роль всевидящего глаза, способного заметить любого званого и незваного гостя. Крутые берега обеспечивали прекрасный обзор стражникам, а глубокий фарватер надежно защищал аборигенов [12].

Так, например, в верховьях реки Жиздры располагалось городище Городец. Это был образец островного городища. Располагалось оно среди топкого болота на берегу реки, имело овальную площадку 40х60 м в форме островка и окружено довольно мощным кольцевым земляным валом. Городец был укреплен ещё до XIII в., но его оборонительная система развивалась и в последующие столетия, о чем свидетельствуют обнаруженные культурные слои более позднего времени. Городец располагался на овальном в плане холме, посреди топкого болота, на левом берегу реки Жиздры. Во время половодья городище бывает полностью окружено водой и превращается в настоящий остров [13].

Важная роль в обороне берега реки отводилась заставам, которые оборудовались потайным спуском к воде и призваны были контролировать поверхность реки, чтобы не допустить причаливания чужих судов. Береговые посты оснащались тяжелыми луками, которые для поджигания вражеских судов использовали стрелы с закрепленными на них сосудами с горючей смесью. Опасные места на реках укреплялись донными надолбами и ловушками, а через реку натягивался веревочный перемет – сельга, не дававший возможности свободно следовать судам по реке. Все такие сооружения находились под присмотром застав.

Таким образом, жителями лесостепного пограничья уже использовались в лесах и на реках самые разные сооружения – прообразы тех, которые будут применяться на засеках. Им были хорошо известны и многие приемы борьбы с врагом, основанные на использовании преимуществ леса, рек и болот.

Территория и границы

Полностью в лесной зоне находились Новгородская, Полоцкая, Ростово-Суздальская и Смоленская зоны, Галицкая, Волынская, Киевская, Муромо-Рязанская и Черниговская земли – частично в лесной, частично в лесостепной зоне. Только Переяславская земля была полностью в лесостепи [14].

С географической точки зрения Козельский исторический район в его изначальных границах – это особая исторически обусловленная

пространственно-географическая северо-восточная часть территории Черниговской земли (XI-XIII вв.), располагающаяся в настоящее время в южной части Калужской области. Значительная часть этого района примыкает к лесной зоне или занята лесами, которые в XVI – XVII вв. вошли в Заокскую засечную черту (рис. 4).

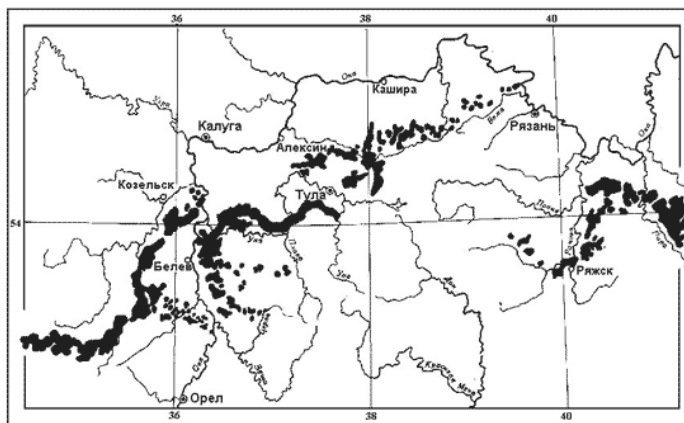

Рис.4. Массивы лесов на территории Заокской засечной черты [15].

«Козельские места» имеют значительные линейные размеры, достигающие около 70 км с запада на восток и свыше 90 км с севера на юг (рис.5). К этим местам относились в XVI – XVIII вв. несколько районов, ныне входящих в состав соседних областей.

Рассматриваемый район – часть современной Среднерусской физико-географической провинции. Он представляет собой обширный участок Смоленско-Московской возвышенности и одновременно Бярянско-Сухинической равнины и делится рекой Жиздрой (приток Оки) на две почти равные части.

Одна из них, раскинувшаяся по левую сторону по течению реки Жиздры, примыкает к Мещовскому полю и составляет юго-восточную часть Мещовского ополя. Это самое высокое и пространное из всех ополий среди полесий, которые простираются от бассейна Вислы до бассейна Камы. Эту безлесную возвышенную часть территории к северу от реки Жиздры принято даже называть Козельским поднятием [16].

На возвышенных элементах рельефа отмечаются абсолютные высоты более 250 м над уровнем моря. Здесь большие площади занимают не только возвышенные места, но и равнинные ландшафты, образовавшиеся под действием прошедших ледников. Присутствуют и минимальные для козельской территории отметки рельефа в 118 м. Они связаны, как правило, с приустьевыми частями Жиздры и ее притоков. Там, где среди высот имеются понижения, образовались верховые болота. Важнейшей

особенностью этой части района является наличие давно обезлесенных пространств, что обуславливало прокладку здесь дорог.

Другая часть Козельского района находится по правую сторону Жиздры. Здесь развиты ландшафты моренно-зандровых слабоборасчлененных равнин. Эта часть Козельского района покрыта смешанными хвойно-широколиственными коренными лесами, обширными пойменными лугами и изрезана крупными реками, такими, как Рессета и Вытебеть. Бесчисленное количество речушек и глубокие протяженные овраги проходят через здешние лесные просторы. Немало болотистых участков имеется, например, в районе урочища «Чертово городище», где проходит южная граница распространения последнего ледника. Болотистая местность простирается вдоль речки Коща, немало непроходимых болот и в лесах, примыкающих к берегам реки Вытебеть (правый приток Жиздры).

Главными доминантами на правобережье Жиздры являются высоты. Их гряда, удаленная от 8 до 20-25 км от берега этой реки, тянется по самой границе современного Козельского района с районами Тульской и Орловской областей. В 15 км к юго-востоку от Козельска у села Покровка находится высочайшая точка с абсолютной отметкой в 262,5 м над уровнем моря. Высоты с отметкой выше 250 м имеются почти на всем рубеже, по которому прежде проходили Козельские засеки. Эти высокие места среди здешних лесов всегда служили хорошими ориентирами, использовались они и для оборудования наблюдательных постов. Кроме того, все эти высоты входили в систему оповещения о появлении неприятеля: здесь разжигали костры, дым от которых был виден на многие километры днем, а пламя костров служило сигналом опасности ночью.

По западной части территории исторического Козельского района проходит полоса так называемого Евразийского кольцевого континентального водораздела. Его условная линия проходит по рубежу населенных пунктов Хвастовичи, Радино, Жиздра, Людиново, Серпейск и др. [17].

Значительная часть козельской земли – южная оконечность или даже кромка широколиственных лесов Среднерусской возвышенности, простирающихся по водоразделу верхнего течения Дона и Оки. Описываемая территория на значительном протяжении в историческое время примыкала или находилась по соседству со степью, которая на Тульском направлении широким языком вклинивается в глубь широколиственных лесов.

По территории современной Калужской области проходит несколько других естественных границ. Например, биологическая и экологическая – между степной и лесостепной зонами; климатическая – между мягким климатом Западной Европы и континентальным климатом Азии; гидрографическая – здесь расположен стык рек бассейна Каспийского и Черного морей, а также граница обитания западноевропейских северных и степных видов, наконец, граница

двух ботанико-географических подзон – смешанных и широколиственных лесов [18].

Из-за разнообразия физико-географических условий пограничья большой контрастностью и пестротой отмечается и флора Козельского района, причем, на его территории среди растительного мира намечается своеобразная граница. Среди дубрав, например, произрастают отдельные старые ели, поскольку здесь проходит граница их распространения. Уже южнее, в Ульяновском районе, на территории заповедника «Калужские засеки» такого не встретишь. В лесах Козельского уезда находится и стык Московского и Тульского ботанико-географического районов.

Исследуемый район представляет ещё и пограничье антропогенных зон. Здесь в прошлом проходила социально-экономическая граница - между кочевничеством и оседлостью; этноконфессиональная – между славянами христианами и тюрками язычниками, позже мусульманами (Крым), а также между православными и католиками (Литва, Польша).

Лес и граница: вера и идеалы

Славяне, населяющие пограничье, с древнейших времен имели свое собственное воззрение на лес и границы. Поскольку границ в их современном понимании в глубокой древности ещё не было, рубежи отдельных территорий мало занимали умы людей. Люди тем не менее всегда чувствовали присутствие границ в своей жизни. Они, например, делили жизненное пространство на такие части: известное и непознанное; мирное (дружелюбное) и враждебное (опасное); населенное людьми и царство потусторонних сил (духов). Человек осознавал границу смены дня, ночи, времен года. Чувствуя разницу, позже он стал подразделять всё, что было в его окружении, на свое и чужое, на наше и принадлежащее другим. В его воззрение на мир вошли такие понятия, как близкое и дальнее, центр и окраина. Важное значение отводилось людьми естественным рубежам, порожденным самой природой, – рекам, горам и лесу.

Уже в те времена, когда предки славян жили в основном за счет охоты, рыболовства и собирательства, возник культ поклонения лесам, рощам, деревьям, рекам, а также колодцам и родникам. Сами леса и водные пространства почитались ими как священные, ибо они давали пищу и воду. Большие участки леса объявлялись «священными рощами», или «заповедными местами». Об этих местах рассказывались страшные истории, главными действующими «героями» в которых были ведьмы, лешие и другие представители Нечистой силы.

В сознании славян любая граница всегда представлялась сакральным объектом. Во все времена границам поклонялись как особо ценному объекту. Границы признавались святыней, подлежали безусловному почитанию, а потому охранялись с особой тщательностью. При угрозе осквернения этой святыни славяне всегда становились на ее защиту без особых раздумий и внешнего принуждения, подчас жертвовали ради неприкосновенности границ своей жизнью.

Рис.5. Козельский район Калужской области

Граница в народных представлениях – это пространственный рубеж, разделяющий «свой» и «чужой» миры. Это могла быть межа, тын, или забор, ворота, порог, окно, река и т.д. В охранительных обрядах, таких, как опахивание, обходы, обегание, осыпание, опоясывание, существенна замкнутость границы, призванной защитить от демонов, от мора, града, пожара и других бедствий.

На границе часто совершали магические ритуалы. Так, например, славяне здесь вешали на ветках березы убитых лягушек, чтобы вызвать дождь. За границу разными магическими способами отсылались болезни, для чего, например, туда выбрасывали лоскуты, которыми обтирали больных. Здесь на утренней или вечерней заре – граница дня и ночи по времени, часто исполнялись заговоры. Особыми ритуалами сопровождалось и установление границы (проведение межи) в поле.

Сакральными были не только границы, но и территории, прилегающие к ним, а также отдельные элементы, находившиеся в пограничье. Так, например, пограничные знаки – межевой камень, крест, дерево, ров и др. считались неприкосновенными, их нельзя было даже задеть рукой или косой, поэтому вокруг них всегда оставляли островок целинной земли.

Взгляды древних славян на границу и пограничье как на сакральные объекты дошли почти до наших дней. Так, например, в Ярославской губернии, когда определяли границу, то вырезали из дерна крест и, следуя по черте, несли его на голове. В Вологодской губернии тоже брали «кочку» земли и несли ее на голове, а перед тем, как приступить к установлению границы клялись: «Пушай эта земля задавит меня, если я пойду неладно!» Славяне часто приводили на межу детей и клялись их здоровьем. Нарушение границы считалось великим грехом и влекло за собой суровое наказание. Считалось, что виновник будет носить на «том свете» на себе землю с межи и т.п. Сурово наказывалось также неправильное проведение границы.

Владимир Даль нашел пословицы, которые имеют прямое отношение к границам как к сакральным рубежам. Например, «На межах да на распутьях нечистая сила»; «Городьбой не огорожена, а межой обведена»; «Межи да грани – ссоры да брани»; «Близ границы не строй светлицы»; «Над черепками да угольями в межевых ямах домовой с лешим сходятся» и др. [19].

Священными деревьями почитались те, которые имели выдающиеся размеры, возраст или были связаны с какими-либо историческими событиями, наполненными религиозным значением. В этих случаях деревья почитались как представители Бога и всего священного, что с ним связано.

Почетом и охраной от вырубки, в первую очередь, были окружены дубы – священные деревья Перуна – повелителя грома и молний у славян. Перун считался покровителем дружинников и вообще военного дела.

Дуб символизировал силу, крепость и мужское начало, поэтому возле этих деревьев совершались религиозные обряды или жертвоприношения. В славянских заговорах нередко дубам присваивались имена собственные. Отголоски такого почетного отношения к дубам сохранялись и в южном приграничье Руси. Так, например, в документах, составленных по результатам осмотра Козельских засек в

30-х гг. XVII в., есть сведения о дубе Холостец, который был избран в качестве ориентира при описании Столпицкой засеки [20].

Поскольку дубы, стоявшие на возвышенных местах, воспринимались как центр мира или сам мир вообще, то жители лесной полосы считали, что возле таких дубов только и было возможным разрешать возникающие споры и любые другие кризисные ситуации.

Старовозрастные дубы на Козельской Столпицкой засеке

Особый интерес представляет тот факт, что дуб в мифологических рассказах выступает в качестве пограничного локуса*. Считалось, что человек, который попадал туда, оказывался во власти потусторонних сил или терял память. В свете сказанного интересно ещё раз вспомнить былинку об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, который сидел именно на дубе и всякий конный или пеший, кто приближался к его засаде, под воздействием непереносимого свиста чудища отказывался двигаться вперед. Дуб, у которого предстояла схватка, олицетворял силу и крепость духа Ильи Муромца, который один на один отважился сразиться с неприятелем.

Особенным почетом пользовались старые, вековые дубы, их окружали оградами, а в эпоху обращения в христианство народ скорее соглашался на истребление идолов, чем на рубку этих деревьев. Старинные грамоты определяли по этому священному дереву границы родовых владений.

В настоящее время коренные леса правого берега р. Жиздры отличаются наличием большого количества старовозрастных деревьев (150-200 лет). Но есть среди них особые долгожители. Так, например, в пределах только одной из Козельских засек (территория парка бывшей усадьбы А.Д. Оболенского) произрастает 25 старовозрастных дубов. При этом 2 самых крупных дуба имеют возраст свыше 200 лет,

---

* «Локус» (от лат. Lokus – место) – местоположение, расположение, область.

размеры этих деревьев впечатляют: один имеет окружность ствола 3,4 м и диаметр 108 см, второй 3,6 м и диаметр 114 см. Есть подобные деревья и к северу от д. Слаговищи. Реликтовое старовозрастное насаждение сосны с примесью широколиственных пород (дуба, липы, клена) есть, например, в заповедной роще между оградой монастыря Оптиная пустынь и Иоанно-Предтеченским скитом. Возраст этих деревьев составляет 250 лет.

В языческие времена полагали, что в густой кроне таких деревьев обитали лешие и прятались русалки. Считали, что рубка таких деревьев несет смерть тому, кто попытается строить дом из них. Это вело, с одной стороны, к тому, что в языческие времена при постройке домов из деревьев старались задобрить духов.

Поклонение языческим богам и богиням, таким, как Перун, Ярило, Род и Рожаницы, Мокоши, вело к возникновению ритуалов, в ходе которых широко использовался огонь. Зажигание костров на высотах, пламя и дым от которых были хорошо видны издали, подсказывало древним лесным жителям способы оповещения об опасности.

Для людей, живущих у засек, чей быт был постоянно наполнен реальными опасностями, священные деревья служили источником энергии, сплоченности. Они символизировали многое из того, что было так необходимо им в суровой пограничной действительности, например, надежды на лучшее, оберег от «нечаянного» прихода врага, исцеление от болезней. Деревья олицетворяли саму жизнь, изобилие, постоянство, энергию и силу, словом, всё то, что так было необходимо тем, кто жил у границы леса и степи. Деревья становились почитаемыми и когда они произрастали у священных родников и колодцев, находились возле храмов, а также в тех случаях, когда на их стволах или рядом обнаруживались чудесным образом появившиеся иконы или кресты. Почитание священных деревьев делало их неприкасаемыми. Под страхом смерти люди не могли нанести никакого урона таким деревьям. Поклоняясь деревьям, их берегли как зеницу ока.

Однако чисто религиозный смысл, вкладываемый в деревья – это только одна составляющая «избранности» отдельных из них. Другой их сутью, превращавшей деревья-избранники в число неприкасаемых, был межевой их характер. Многие сотни дубов, сосен и берез на каждой из засек были избраны людьми в качестве так называемых гранных деревьев. Их предназначением было обозначать границу заповедных лесов, где, уже начиная с XVI в., запрещалось вести какую-либо хозяйственную деятельность, а тем более истреблять лес на строительные нужды или на дрова. Некоторые деревья обозначали границу чьих-то частных лесных дач-угодий. Были и такие деревья, которые обозначали границу монастырских владений или даже границу уездов.

Обычно грани находились одна от другой на расстоянии примерно в 100 саженей и, чаще всего, они нарубались на дубах, затем на соснах, березах, осинах и ольхах. Реже в качестве гранных деревьев использовались вяз, ель, липа, ветла, ива, ясень, осокорь, рябина, черемуха, а также некоторые кусты. Для насекания граней брали не каждое дерево, а лишь

лучшие заметные экземпляры. О таких деревьях можно было сказать что-либо конкретное, например, сосна большая, виловатая, тройная; дуб крив; береза кляпая (сухая). Составители описаний засек были большими мастерами давать образные характеристики деревьям, избираемым ими в качестве гранных. Так, например, для берез они находили такие определения: «двоеная, на двое, виловатая, большая, коленоватая, кроковитая, кроковистая, кляпая, от одного корени, послонила береза к речке, другая береска от товож коренья стоит прямо». Дубы описывали так: «деревья большие, двоеные, на двое, коленоватые, кроковитые, кроковистая, от одного корени».

Деревья, которые имели какие-либо характерные признаки, могли называться просто как угловатые или гладкие. Нередко избирались в качестве ориентиров для насекания граней одиноко стоящие группы деревьев. Так, например, в свое время на Столпицкой засеке отыскивали три сосны, на одной из которых разместили знаки, указывавшие на Лихвинскую и Перемышльскую засеки. До нас дошли сведения и о том, что один из старейших таких знаков был установлен ещё при Иване Грозном и Федоре Иоанновиче в самом начале Кцынской засеки, недалеко от замка Белёвской и Столпицкой засек. Эта грань представляла собой деревянный брус, закрепленный на дереве. На этом бросе было начертано, что в одну сторону от него пошла козельская Столпицкая, а в другую – Белёвская Бобриковская засека.

Большинство граней не отличалось прочностью, поскольку граневые деревья, несмотря на все охранные меры, всё же вырубались или падали. Чтобы не потерять то место, где была грань, около помеченных знаками деревьев выкапывали ямы, в которые клали известное число камней разных пород (голыши, кремницы, кирпичья), или различной формы (круглые, овальные) и разного цвета (рябые, серые, красные, синие). Наконец, брали камни, отличавшиеся своими размерами. Кроме того, в ямы помещали уголья или изгарины – какие-либо железные предметы.

Все межевые, как и священные, деревья охранялись под страхом больших штрафов, битья кнута и даже наказания смертью за причинение им любого вреда. Эти межевые знаки нередко играли важную роль в разрешении споров различного толка. Примеров тому немало. Для Козельского уезда, например, наиболее характерны тянувшиеся годами споры между крестьянами Козельского уезда и монахами Иосифо-Волоцкого монастыря о принадлежности леса в том районе, где сходились Козельские засеки с Белёвской (Бобриковской) засекой. Монахи вынуждены были в 1593 г. даже обратиться к царю с жалобой на крестьян боярина Ивана Васильевича Годунова. Крестьян, с которыми у них уже четыре года шла междоусобица, монахи обвиняли в том, что они перелезли из Белёвского в Козельский уезд через вековую межу города с городом. Городом в XVI-XVII вв. называли не только большие укрепленные населенные пункты, но и уезды. Чтобы разрешить затянувшийся спор, тогда нашли единственный способ – не только разыскать сведения о границе земель в старых писцовых книгах, но и, что было важнее, отыскать в лесу старинные грани – деревья, отмечавшие тот вековой рубеж.

Таким образом, на засеках все «гранные» деревья имели такой же статус, как и священные деревья, а поскольку они находились на меже или границе, а на Руси эти рубежи были во все времена священны и неприкосновенны, то и сами деревья (пограничные знаки) имели сакральный характер и почитались не меньше, чем священные деревья.

Особые чувства, сродни почитанию священных деревьев, испытывали люди засечной полосы по отношению к священным рощам. Таковых тоже было немало. Священные рощи – это небольшие скопления лесной растительности, которые охранялись здесь по религиозным мотивам. Все они приравнивались к божествам, поскольку они дают убежище духам, являются живым посланием предков, а также защищают освященные места от эксплуатации. Священными рощи становились благодаря своему месту нахождения, по своей сути, а также по историческим мотивам. Так, например, таковыми были рощи, покрывавшие похоронные места, а также находящиеся при священных родниках или колодцах. Ими становились островки деревьев, произраставшие на неких одухотворенных местах или на таких местах, которые обладали особыми целебными свойствами.

Нередко местные жители почетом окружали рощи, которые покрывали вырубки на местах заготовки дерева, использовавшегося на строительство засечных крепостей, а также те из них, которые служили местом укрытия местного населения во время внезапного нападения противника на деревни и села, когда их жители не успевали спрятаться за стенами близлежащих городов-крепостей. В священных рощах поддерживался такой же заповедный порядок, как и в заповедных засечных лесах.

Ещё одним сакральным элементом в ландшафте засек являлись храмовые леса. Будучи составной частью церквей и монастырей, располагавшихся вблизи или на самой засеке, эти участки леса давали приют старцам, где они устраивали свои скиты. Нередко храмовые леса у засек служили местом строительства уединенных монастырей и всегда совмещались с духовной ролью самих храмов. Поскольку они повышали чистоту и силу храмов, обслуживали их ритуалы, такие леса не только всегда очень строго охранялись от любого посягательства, но и насаждались специально. Примером могут служить знаменитые дубовые участки леса Оптиной пустыни.

У всех славян существовал запрет на использование некоторых деревьев для строительства или на дрова. Это касается, например, «буреломных», то есть поваленных во время бури деревьев. Считалось, что такие деревья никак не могут быть использованы в постройках, поскольку даже одно такое «буреломное» бревно, может повлечь их разрушение в бурю и обломками задавить хозяев [21]. Благодаря этому запрету участки леса, поваленного пронесшейся бурей, исключались из обихода людей. Деревья здесь не разбирались на нужды строительства или на дрова. Это обстоятельство немало способствовало сохранению непреодолимых завалов из бревен на весьма протяженных участках среди леса. Эти завалы являлись серьезным препятствием на пути неприятеля, а поэтому здесь не нужен был дополнительный «валеж» из деревьев –

засака. Как правило, «заломанный» бурей лес включался строителями засек в засечную черту наряду с непреодолимыми болотами или реками.

Помимо перечисленных элементов, наделенных сакральным значением, священными считали валы, пещеры, курганы, выходы скальных пород и отдельные камни-валуны. Были такие и на Козельских засеках. К особо почитаемым мемориальным камням издавна относили, например, камни, разбросанные по склонам «Чертова городища». Есть легенды о том, что раньше они были размером с дом, и существовала аллея из камней или каменное кольцо из них, стоявших на холме. Особым почитанием был окружен некий камень с неиссякаемой дождевой водой.

По поводу того самого камня известно, что «находится он в нескольких десятках метров от «чашечного» и интересен вырубленным в нем (явно искусственно) глухим отверстием в форме неправильного пятигранника с ребрами по 15-25 см и глубиной до 40 см. В «колодце» этом постоянно стоит дождевая вода, и хорошо известно, что вода, взятая из таких камней, считалась целебной и обладающей волшебными свойствами.

Существуют известия о затерянных в лесной глуши под Козельском не только отдельных камнях, но и о целых сооружениях из них: «Старожил села Березичи А.Богданов рассказал, что ещё лет 40 назад, будучи на охоте, нашел в лесу странное место: каменный «стол», окруженный кольцом камней поменьше, чуть в отдалении, словно перст, возвышался каменный столб...» [22]. Реликтовые, а потому почитаемые выходы скальных известняков, известны в районе «Чертова городища» (Столпицкая засека) (рис.6) и дачи Чепцева (Столпицкая-Дубенская засеки).

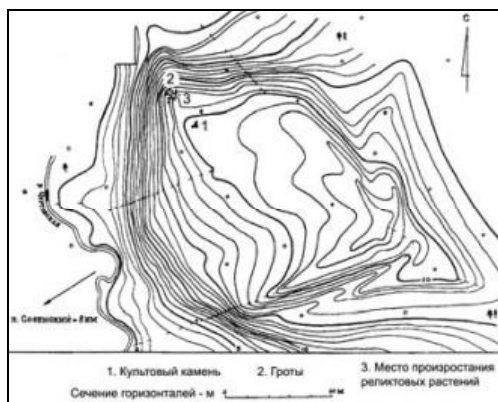

Рис. 6. Сакральные объекты в районе Чёртова городища [23]

Священным смыслом наделены были пещеры (подземные ходы), якобы существовавшие прежде в пределах Козельских засек. Так, например, существует легенда о том, что защитники Козельска, оставшиеся в

живых после осады и штурма города монголо-татарами весной 1238 г., укрылись в пещерах «Чертова городища». Здесь, среди реликтовых уже тогда мхов и папоротников набрались они сил, вернулись в оставленный татарами город и, собрав головы козельских людей, захоронили их, насыпав земляной холм. Место это не известно» [24].

В деревне Слаговищи Козельского района объясняют название своего места так: «Название деревни происходит от слова «склад», «складывать», «Складовищи – Слаговищи». В Козельском районе это одно из самых высоких мест. Во время татаро-монгольского нашествия жители Козельска через подземный ход выносили ценности, принадлежавшие, в том числе, Оптиной пустыни и складировали в этой местности» [25].

Автор монографии располагает известиями о нахождении в разное время пещер у сел Ахлебинино и Фетиньино (Перемышльская засека), в Березическом лесу (Столицкая засека), а также в ряде других мест. Однако сведения эти требуют проверки.

Ещё в XIX в. под Козельском были известны священный холм, а также сакральные курганы. Автор «Исторического описания Козельской Введенской Оптиной пустыни» упоминал Лысую гору (так обычно называли сакральные холмы), а также несколько курганов, разбросанных прежде в окрестностях Козельска. Об этих курганах Л. Кавелин писал, что все они, «как знаки отличия на груди воина свидетельствуют о битвах, в которых этот древний город был участником» [26]. По одной из легенд и недалеко от деревни Ерлыково ещё недавно существовал курган чашеобразной формы – большое захоронение времен монголо-татарского нашествия. Потом эта огромная братская могила просела, образовав в центре провал [27].

Важным элементом засек, устраиваемых в лесах, являлись ворота,* которые возводили на дорогах, проходивших сквозь них. Ворота у славян – жителей лесостепного пограничья были ещё одним сакральным объектом и локусом. Тесно связанные с символикой границы, ворота воспринимались как ее неотъемлемая часть и символизировали акт контакта с внешним миром [28]. В верованиях славян ворота считались местом обитания нечистой силы, а поэтому места их нахождения для жителей близлежащих мест были окружены тайной. Потаенность троп, а тем более ворот сквозь засеку, служила на руку тем, кому поручалось охранять засечные леса и сооружения, возведенные на засеках от истребления или разрушения. Это являлось дополнительным стимулом к поддержанию страха у населения к пребыванию в местах нахождения ворот.

Заповедные леса в пределах Козельских засек охранялись всеми доступными средствами от прямой изоляции лесных районов до наделения многих элементов ландшафта особым сакральным духом, вызывавшим не только страх, но и особо почитаемое отношение ко всему, что находилось в лесах.

---

* Под воротами здесь понимаются небольшие крепости, которые строились на дорогах в местах пропуска людей и гужевого транспорта с грузами сквозь засеки.

Основанное на суевериях табу на пребывание в таких рощах и лесах, а также запрет на заготовку здесь дров способствовали сохранению леса, пригодного для строительства крепостей, возведения засек. Под сенью деревьев сохранялись от пересыхания реки, которые служили препятствиями на пути неприятеля.

Древнерусские глаголы «поведати», «казать», «заповедать», «казать» употреблялись в смысле сказать то, что должно быть исполнено в будущем, а также запретить. Отсюда проистекают слова «заповедник», «запасник», обозначающие участки леса, где была запрещена охота и рубка деревьев. Меры по предупреждению любых «порух» (вреда) деревьям особенно были затем необходимы в лесах, отделявших Русь от «поля», которые были призваны защищать русские земли от набегов степняков.

Каждое слово в русском языке имеет несколько значений. В этом источник долголетия и сохранения словарного запаса нашего языка. Человек принимает и сохраняет только те из них, смысл которых ему понятен, что подходит по смыслу к тому, что он имеет в виду.

Отсюда проистекает авторское предположение, которое касается одного из центральных понятий настоящего исследования – термина засека. Традиционно принято объяснять его происхождение от действия, производимого людьми, т.е. от засекания леса. Между тем, в русском языке существовало прежде междометие «зась», обладавшее смыслом – «цщц», то есть, молчи, не твоё дело. В старину говорили: «За ся!» – иди прочь, убирайся! В польском языке *zas* – это «позади, прочь, убирайся». В. Даль связывал с междометием «зас» такое понятие, как застить, например, заслонять свет. Не отсюда ли, быть может, идет главный смысл и слова засека – нечто заповедное, что нельзя трогать, куда нельзя ходить. Она заслоняет от невзгод, но от нее нужно и поскорее убираться прочь, чтобы не причинить ей вреда. Таков, быть может, сакральный и истинный смысл понятия засека. Он был сродни и представлению о границе вообще как о чем-то, что должно вызывать страх и смятение. Жители Полесья, например, полагали, что из-за границы по ночам вылезают «ходячие покойники», чьи души кричат: «Здесь граница! Здесь настоящая граница!» [29].

В. Даль так описывает «заповедывание» лесов: «Заповедать лес, запретить в нем рубку – это делается торжественно: священник с образами, или даже с хоругвями, обходит его, при народе и старшинах, поют «Слава в вышних», и запрещают въезд на известное количество лет» [30].

Надо сказать, что такой способ часто оказывался эффективней сторожей и суровых законов, и многие калужские помещики, как писал путешественник Василий Зуев в 1787 г., приказывали «своим попам ежегодно обходить лесные дачи с образами и святою водою и заклинять того, кто дерзнет возложить секиру на дерево, совершенно своего роста не достигшее» [31]. Освященный молебном и окропленный святой водой лес становился обреченным Богу, назывался Божелесьем, в знак чего на одном из деревьев засекался крест. Запрет на вырубку действовал не один год, а его нарушение расценивалось как большой грех.

На протяжении всего времени существования засек много внимания уделялось охране самих лесов. Это была одна из важнейших мер, обеспечивавших их высокие оборонительные свойства. Природоохранные мероприятия играли столь высокую роль благодаря самим функциям леса.

Леса были крепкой естественной преградой на пути крупных конных масс неприятеля, каковыми являлись орды крымских царевичей. Деревья поставляли строительный материал для возведения самого различного рода укреплений. Однако лес играл и ещё одну роль. Он надёжно фиксировал и делал видимыми следы работы человека среди дубрав и рощ.

Все эти качества изначально обеспечивали высокую заинтересованность людей на «крымской уkraine» в сохранении леса для военных нужд, тогда как забота о его воспроизводстве встала на повестку дня только в XVIII в., и уже, главным образом, по экономическим соображениям.

Когда были проведены широкие работы по устройству в лесах засек, стало очевидным, что для их восстановления или для прикрытия новых направлений всегда будет необходимо известное количество пригодного для этих целей девственного леса. Вот почему охрана засечных сооружений и оберегание леса становились единой задачей. Неслучайно уже в самых первых актах московского государства, отражающих вопросы организации его обороны, мы находим указания на то, как следовало не только оборонять «украины», но и сохранять леса на границах страны. Так, например, в царском указе о назначении князя М.И. Воротынского управляющим сторожами засек, а Изота Толстого засечным головой, была определена и ответственность за порубки деревьев в засечном лесу.

Охрана леса от «порух» на местах возлагалась на засечных «прикащиков и сторожей», которые должны были охранять засеки и отражать набеги неприятеля. В случае порубки леса с засечных сторожей взыскивался штраф: за каждое срубленное дерево по 1 рублю. Тем жителям, которые проложат в засеке дорогу или тропинку, срубят дерево с межевым знаком или без него, предстояло заплатить штраф: за дорогу и вырубку дерева со знаком – 10 руб., а за тропинку и дерево без знака – 5 руб. Сверх того, виновных в порубке, кто бы он ни был – помещик, вотчинник или крестьянин, наказывали телесно: били кнутом при всем народе, чтобы не повадно было и другим, а в случае, если кто будет пойман повторно, того «казнили смертью». В засеках запрещалось не только делать какие-либо дороги и тропы, запрещалось даже косить траву, собирать грибы и ягоды, охотиться, тем более запрещалось рубить лес и кустарники.

Много внимания уделялось предотвращению лесных пожаров. Так, например, в 13-м Боярском «приговоре» (1571 г.) при постановке задачи на «пожигание полей по расписанию» были указаны противопожарные меры, например, о том, что надлежало «жечь поле в октябре и ноябре по заморозку, но не близко государевых лесов и лесных засек». Засечным сторожам предписывалось строго следить за тем, чтобы не накладывались «стежки», чтобы черта не перепахивалась, «граневые» линии» (обозначенные специальными знаками) не заваливались бы лесом, а самих меченых деревьев никто бы не рубил. Однако при каждом дозоре на

засаках неизбежно оказывалось много «порух», засека была пробита новыми стежками, как писали: «на засеках было людно». Каждый раз приходилось изыскивать всё новые меры, чтобы предотвратить нарушение целостности засек. Так постепенно охрана и поддержание засечной черты стала повинностью всего населения пограничья Московского государства.

Крестьяне принуждались забрасывать полевые работы, без хлеба и корма для своих лошадей трудиться на засеках днём и ночью. Но, несмотря на то, что лесные засеки являлись с точки зрения охраны государственными сооружениями, истребление засечных лесов всё же происходило. Об этом свидетельствует указ, запрещавший истребление засечных лесов ратными людьми, имевшими по уложению царя Алексея Михайловича право без позволения владельцев рубить леса повсюду на собственные нужды, но не для продажи. В 1659 г. даже вышел особый царский указ, перечислявший все меры, которые надлежало предпринять для того, чтобы остановить уничтожение заповедного леса. Было, например, запрещено без особого государственного повеления основывать вблизи засек новые поташные заводы, ввиду того, что именно производство поташа вело в то время к наиболее интенсивному уничтожению леса.

Народ в пограничье

Свойства народа, населяющего рассматриваемое пограничье, давно стали объектом пристального внимания тех, кто жил вне его пространства. Здешные люди всегда отличались своими своеобразными культурой, обычаями, бытом и ремеслами. На это обращали внимание гости или проезжавшие через Козельск иностранцы. В 1551 г. один из первых иностранных корреспондентов, оставивших нам известия о козельских местах, Петрей де Ерлезунда, отметил, что в Козельске делают прекрасные войлочные накидки из шерсти разных цветов [32]. Яков Рейтенфельс, автор записок о Русском государстве XVII в., повествуя о русских городах Московии писал в 1680 г.: «В городе Козельске, находящемся по соседству со знаменитым вырубленным лесом между Москвой и Крымом, валяются (изготавливаются из валяной шерсти) шерстяные плащи и шинели, непромокаемые и теплые» [33]. Говоря о вырубленном лесу, Я. Рейтенфельс имел в виду Козельские засеки или, в крайнем случае, сведенные в XVII в. леса по берегам Оки между Перемышлем и Калугой.

На уникальность здешних мест обращали внимание многие. Писатели, философы, художники не переставали удивляться всему тому особенному, чем богата козельская земля. Многих исследователей манили прежде и влекут сюда сейчас особые природа, культура, язык и история легендарной области вятичей. В одном из писем к графу А.П. Толстому Н.В. Гоголь после посещения Оптиной пустыни написал: «Благодать видимо там присутствует. За несколько верст, подъезжая к обители, уже слышишь ее благоуханье: все становятся приветливы, поклоны ниже и участие к человеку больше». Писатель и поэт В. А. Солоухин обратил внимание на то, что в письме слово «видимо» у Гоголя не отделено

запятой от остального текста, поскольку, как предполагал автор книги «Время собирать камни», слово это употреблено в значении «зримо», то есть благодать там видна сразу [34].

Характеристика исследуемого района как мельчайшего локального и регионального образа, составляющего «единую культурно-географическую ткань», дается в трудах сотрудников Института наследия. Заслуживают, например, внимания суждения об особенностях Козельского района Д.Н. Замятина. Этот автор в своих выводах основывается на результатах глубокого анализа работ сотрудников института – исследователей песенного фольклора, местных гончарного и стекольного промыслов, а также жизни этнокультурных маргинальных сообществ [35].

Отмечая «образно-географическую фрагментарность, во многом архаичность, образно-географическую надерганность этой территории», Д.Н. Замятин отмечает, что всё это послужило превращению Козельского района в уникальный образно-географический заповедник, который «выглядит многослойным, организованным по принципу сложного и многоэтажного бутерброда» [36]. По его мнению, «территория Козельского района в течение нескольких веков была переходной зоной, границей, фронтиром политико-, культурно-, экономико-географическим. Наряду с Брянщиной, Черниговщиной, Смоленщиной южные районы современной Калужской области попали как бы и в безвременье, и в беспространствие, в образно-географическую черную дыру».

Д.Н. Замятин определил системообразующие факторы, сформировавшие «образно-географическое пространство» – Козельское Полесье на границе Калужской, Тульской и Орловской областей.

Во-первых, то обстоятельство, что эта территория выступала «предметом постоянных польско-русских раздоров и татарских набегов».

Во-вторых, «Козельский район в то же время оказался пространством этнокультурной консервации благодаря укромной физико-географической обстановке (густые леса, мелкая речная сеть) и, что возможно, ещё более важно, за счет стягивания или сползания сюда наименее важных для соседних территорий образно-географических компонент».

В-третьих, постепенное превращение его из района былой культурной инновации, обусловленной возведением в этих местах в XVI в. Тульской засечной черты, спустя четыре столетия в место глухой фольклорной консервации, в процессе которой он из «территории, осуществлявшей явную культурную экспансию на юг, сменился образом затерянного, ориентированного во внутрь, сжимающегося, как шагреньевая кожа, культурно-географического пространства» [37].

В целом обоснованные и образные представления о Козельском районе как об одном из историко-географических образов России, вместе с тем, нуждаются в некоторой корректировке. Образ Козельска и всего того, что окружает это место, намного богаче и ярче. Особенность – вот главное его отличие, и понимание всей уникальности этого района безгранично расширяется по мере знакомства с любой из сторон здешней жизни.

Вот только самый общий круг особенного в козельской действительности: изначальная уникальность природы этой лесной и одновременно речной области; слабая развитость городской жизни; языковая самобытность, особенный склад характера и высочайшая сила духа людей; своя собственная и одновременно восприимчивая культура и быт населения, а также их профессиональные наклонности; проявление здесь самых различных религиозных привязанностей, от «правильного» православия и старчества до укоренения здесь самых разных «плевел раскола». Уникальность здешнего края заключается в том, что все эти особенности сохраняются до сих пор, а культурно-географическое пространство никоим образом не «сжимается, как шагреновая кожа». Может сжиматься только наше стремление узнавать новое в судьбе Козельска.

Все здешние особенности складывались под воздействием не только факторов, обозначенных Д.Н. Замятиным, но и в силу ряда других факторов. Прежде всего, это природные условия края проживания вятичей, которые избрали для себя непроходимую лесную сторону. Первыми, кому удалось продрасть «сквозь вятичи», были князья Святослав и Владимир, которые обложили их данью. Однако ещё долгие годы эта область оставалась для массового расселения пришельцев закрытой.

Даже тогда, когда уже после Любечского съезда князей в 1097 г. Суздальская область стала особым княжеством, сообщение между Киевом и Суздалем никак не шло через дикую область вятичей. Ее всегда объезжали стороной, следуя в Киев. Сначала шли в верховье Волги и только оттуда уже на Днепр. Только в середине XII в. были «теревлены пути и мощены мосты» с Днепра на Оку и южнорусское население из Киева смогло пройти в верховье Оки на землю вятичей.

Народ, населявший козельский район в прошлом, был, в отличие от других, уже только и от природных условий более самостоятельным, чем его соседи. Люди здесь были и более подвижными благодаря особому характеру лесной зоны проживания вятичей, поскольку главным их занятием была охота и другие лесные промыслы. Обилие рек, вдоль которых селились вятичи, позволяло людям легко перемещаться по воде в различные новые места и не требовало скучиваться вокруг одних мест. Вследствие этого не город, как это было в Киевской Руси, а река была для вятичей «округом». Вот почему не горожане, а более вольные в выборе мест проживания сельские жители приречной области позднее составляли главное население вятического ополья.

Вятичи, населявшие лесостепное пограничье в верхнем Поочье, ещё и в первой четверти XII столетия (1125 г.) жили своим миром, имели собственных князей вроде Ходоты и его сыновей. Следовательно, они не были отягощены какой-то централизованной властью. Независимость – вот чем изначальное отличалась «козельская действительность». Ее полнота, помимо всего прочего, определялась и тем, что вплоть до начала XIII в. (1215 г.) вятичи оставались язычниками, а, следовательно, они были единовластны в выборе богов, которым они поклонялись.

Совершенно очевидно, что одними природными условиями и географическим положением области проживания вятичей нельзя объяснить все особенности жизни козельчан. Во многом она складывалась под воздействием исторического, «событийного» фактора. Как это часто бывает, события развивались здесь в разное время совершенно в противоположных направлениях. Так, например, рассуждая о традициях пограничного в истории той части Руси, где в лесах затерялся Козельск, нужно учитывать обстоятельства жизни древнего времени. В то время, когда русские земли северо-восточной и юго-восточной Руси во время монголо-татарского ига вошли в состав Улуса Джучиева, другие княжества, в том числе и козельская земля, уже в середине XIV в. оказались под властью литовского и польского, а позже литовско-польского государств. И здесь мы вновь сталкиваемся с обстоятельствами, которые определили независимый характер пограничного края.

Присоединяя русские земли и княжества, Литва по образному высказыванию М.К. Любавского, не трогала «их старины, их внутреннего уклада и обычая». Историк пишет: «Посаженные в этих землях и княжествах литовские князья, позже замененные великокняжескими наместниками, продолжали править ими на тех же основаниях, как и прежде русские князья и даже с теми же сотрудниками – русскими боярами и вечами главных городов. Таким образом, Литовско-Русское государство вышло федеративным объединением земель, сохранявших под верховной властью великого князя свою внутреннюю автономию» [38]. Можно спорить, сохранили ли в этих землях люди свои культурные начала и насколько, не была ли утрачена здесь национально-государственная культура под воздействием литовско-польского фактора. Но в любом случае можно предположить, что в XIV в. эта пограничная область в верховьях Оки сохранила русскую государственность, быт и обычаи.

Начиная с древнейшей истории и до нашего времени на территории современного Козельского и смежных с ним районов происходили сложные и глубокие этнокультурные процессы и явления. Длительная самостоятельность, оторванность от других племен совершенно естественно привела к тому, что ещё вятичи выработали здесь свой собственный язык, не доступный для чужаков. В последующем эта особенность – самобытность языка – получила свое развитие в особом полехском говоре, на который позже наложили свой отпечаток русско-белорусские и русско-украинские контакты.

По мнению авторов культурно-ландшафтного районирования русского культурного мира, Козельская земля в силу своих культурно-географических характеристик входит в состав Верхнеокского пояса так называемых переходных земель Юго-Западного края. С точки зрения языковых особенностей коренного населения, Козельский район отличают южно-великорусские говоры с умеренным и диссимилятивным яканьем [39].

Некоторые исследователи отмечают, например, якобы «незаметные русско-украинско-белорусские культурные контакты», которые характерны для Козельского района [40]. Между тем, говорить о «незаметности» этих

контактов можно лишь не познакомившись поближе с особенностями языка населения, проживающего в этом районе.

На эти особенности всегда обращали внимание исследователи [41]. Они подмечали, что все в округе Козельска несет на себе отпечаток уникальности и своеобразия. Так, например, Р.Ф. Туровский выделяет в юго-западной части Калужской области Верхнеокский и Мещовский пояса переходных земель Юго-Западного края (см. приложение 1). Благодаря тому, что Козельский район находится на их границе, здесь проявляются характерные особенности, присущие и одному, и другому поясу. Отсюда проистекает актуальная задача комплексного изучения говоров и диалектов, принадлежащих населению исторических засечных черт.

Не только животный и растительный мир, климат и воды, но и язык народа, населяющего этот район, необычен. Вот оно, чистое калужское наречие: «Тама есть стежка дажоненька, в лазник-та, а туда не пустят та так-та, а перед та глаза накроет, да и паведет старый дед; вот и паведет – там, слышь ты, зляка такая, ще ну! А там в логу-та дром да бурялом, такой що-й не пройдешь, и икона стаить, и уся вызлащена, как жар, и плахта (оклад) на ней ясными камнями гарить, а басому хадить незля (нельзя), земля, слышь, каляная (твердая), а у канец вершины (оврага) дверца железная к пагребу (погребу)...».

Это исконный говор Калужской области, каким услышал и записал его Владимир Даль, автор знаменитого словаря русского языка [42]. Но в Козельском районе язык даже и не калужский. Сами себя селяне-аборигены лесной полосы этого, а также Мосальского уездов прежде называли, не иначе как полехами, то есть жителями полесья.* Поэтому здешний говор, «отличающийся искаженным наречием», и называли «полехским». Самих полехов узнавали сразу же по говору, главной особенностью которого было «как-то наизворот» произносить обычные слова, а также свободно обращаться с согласными (прибавляя или заменяя их по своему усмотрению). По этой причине полехам при встрече с ними насмешливо, вместо приветствия, обычно слали поговорку: «Га, полеха, паняй!», что обозначало: «А, полеха, погоняй!». Шло это от того, что козельчане, едучи на пустых санях или телегах, чтобы не растянуться и не отстать друг от друга, обычно кричали один другому «паняй», что означало погоняй.

Полехи вобрали в свой говор как белорусские, так и малоросские (украинские) черты языка. «Козличей» отличает от жителей других частей Калужской губернии именно наличие большого числа слов малоросских, что свидетельствует об их более тесных отношениях со своими южными соседями. И это понятно, ведь Козельск всегда был

---

* Полесье – обширная местность в Белоруссии и в Украине, в бассейне Припяти, Пины, Днестра и Десны. В XIX в. под южным Полесьем понималась лесная полоса, начинающаяся на границе Болховского и Жиздринского уездов.

по дороге в Киев. Правильнее сказать, что Козельский район, с точки зрения говора, – смоленская половина Калужской области. По образному выражению Владимира Даля, он отличается «дурным смоленским» говором. Только здесь прежде говорили: «Иван, чя-ты! Ти ты паедишь у поля? А няж (неуж-то нет)? А кали паедишь, дак вели бабе спречь яечню, а я троху принесу гарелки, тюкним по чарки, да и баста!» [43].

Леонид Кавелин – один из первых козельских историков – отмечал, что в этом говоре «под покровом видимо таится первоначальное наречие вятичей, которые и были когда-то полехами, то есть жили в лесах, покрывающих сплошь занятые ими земли». Само свойство языка вятичей, сохранившись в последующем в языке полехов, по оценке составителя «Летописи калужской», «не изгладилось под рубанком цивилизации» [44]. Сохраняется оно и по сей день.

Результаты изучения современного словарного состава языка «козельских простолюдинов» показывают [45], насколько и сегодня богат в нем пласт белорусских и украинских слов (см. приложение 2).

«Украины» на чертежах и картах

Наряду с реальными географическими объектами в создании образа пограничья важную роль играет освоение всех историко-культурных представлений об организации этой территории. В этой связи трудно переоценить роль изучения обширного картографического наследия для получения важной дополнительной информации об изучаемом районе.

Появлению карт способствовала потребность людей зафиксировать границы на бумаге, документально оформить их прохождение. Во все времена наиболее подробно в картографических условных знаках раскрывалась территория, прилегающая к границам. Нередко именно близость к ним и оказывалась тем главным условием, благодаря которому становился известен людям и фиксировался на карте тот или иной географический объект.

Прежде чем однажды такое историко-культурное явление, как лесостепное пограничье и Козельск в нем заняло не только умы людей, но и свое место на карте, должны были созреть определенные предпосылки. Картографическая история изучаемых мест богата на события. В ней могут быть выделены свои этапы, каждый из которых характеризуется степенью развития и полнотой представлений о местонахождении и окружении этого города. Но сначала сам город должен был состояться, выделиться, проявить себя. Этому во многом содействовали обычаи, характер деятельности, а также важные события в их жизни.

Самый ранний этап картографической истории неразрывно связан с формированием представлений о местонахождении Русской земли. Начало этого этапа теряется в глубине времен. Сюда включается и XIII столетие, когда на картах впервые появляется название Руси, и более позднее время. Завершился этот условный период временем, когда начали изображать ту

часть земной поверхности, которая может быть отождествлена с территорией будущей Калужской области. Самого города Козельска на картах ещё нет, но его место среди прочих картографических элементов, с учетом современных знаний о географическом положении и об истории города, уже можно себе вообразить.

Второй этап закончился моментом, когда Козельск впервые был показан на карте. Здесь следует отметить тот факт, что это было время, когда города, реки и горы, словно частицы в броуновском движении, изменяют свое положение на различных картах. Допускаются различные ошибки и неточности в представлении того или иного места, и только Козельск, появившись первый раз, сразу же занял единственное, принадлежащее только ему место на карте.

Третий этап длится до настоящего времени и характеризуется для исследуемой территории лишь полнотой географических деталей и, прежде всего, появлением и исчезновением на территории Козельского уезда населенных пунктов в соответствии с их судьбой.

На протяжении каждого из этапов история карты изобилует интересными событиями. Голландцы, немцы, поляки, литовцы и русские – все составители карт фиксировали место расположения Козельска, описывали его с исторической и географической точек зрения, при этом они не забывали сказать о том, чем славились люди, населяющие этот район. История и география, время и пространство объединялись сначала в текстах, затем на рукописных схемах, потом на бумажных и медных пластинах-гравюрах, и, наконец, на бумажных оттисках – картах. Так зарождалась и в конце концов состоялась многослойная карта России и ее границ. Вот почему нельзя разделять историю этой карты на зарубежную и русскую части. Поскольку каждый из этапов картографической истории добавляет свою частицу и в наследие изучаемого пограничья, представляется полезным познакомиться с деталями этой истории более подробно.

Первые известия о территории, где проживали предки современных калужан, оставил историк и географ Геродот, живший в V в. до н.э. Его сведения были не сугубо картографическими, а носили описательный страноведческий характер.

Воззрения Геродота просуществовали незыблемыми на протяжении многих сотен лет. Новый толчок развитию представлений об устройстве земной поверхности дал Птолемей, живший во II веке нашей эры. С него, подготовившего громадный том под названием «География», а в нем были приведены знания и представления об известных к тому времени 8000 населенных пунктах, принято вести историю научной картографии.

У Птолемея находим мы впервые названия некоторых славянских племен – венедов. Он называет «ставанов» и «свовенов» (славяне и словене), и «буланов» (поляне). Сведения Птолемея свидетельствуют о том, что в его эпоху славянские предки козельчан уже существовали и населяли значительную часть Восточной Европы.

Птолемей проиллюстрировал свою «Географию» одной общей и 26 специальными картами земной поверхности по регионам, которые он называл греческим словом «епархии», в латинских переводах

фигурируют «провинции». На протяжении длительного времени эти карты были одними из немногих, которыми руководствовались и в Древней Руси. Ими, например, могли пользоваться составители «Голубиной книги».

Из этого старинного славянского сказания, которое родилось ещё во времена набегов варягов, то есть при первом князе на Руси – Рюрикe, узнаем мы об особенной сказочной стране «Гамаюновщине». Древние сказители намекнули нам на место ее нахождения – это район к югу от современной Калуги. Где-то ещё южнее этой волшебной страны уже существовали, что подтверждается археологами, укрепленные городища на месте или возле современных козельских деревень и сел: Волконское, Городец, Подборки и Дешовки. Неукрепленные селища были в районе Копоново, Коробки, Плюсково. Жили люди и на месте современного Козельска на реке Жи-Су, что значит «короткая речка», как называли ее древние жители - куране. Это позже, примерно в IV веке, уже готы переименовали Жи-Су в Жиздру (в балтийских языках означает «крупный песок»).

Картами Птолемея мог пользоваться в начале XII в. и сам Нестор, который среди славянских племен уже упоминал и вятичей. При внимательном прочтении описаний Нестора можно предположить наличие у него и других, может быть, своих собственных картографических источников. Практика их составления существовала уже в домосковской Руси.

Применительно к Козельску следы такой работы можно найти в географических описаниях наших летописей, в которых он был назван впервые в 1146 г. Вряд ли мог старинный летописец точно описывать события, связанные с периодом княжеских междоусобиц, благодаря которым и стал известен Козельск, не будь у него под рукой чертежей или карт.

В традициях того времени географические представления были связаны с водными путями – реками и волоками, вот почему быстрее всего на картах становились известными морские порты или города при больших реках. Их картографическое начало было «водным». В отличие от таких городов козельская география изначально была «сухопутной», но от этого она не становится менее интересной, а даже, наоборот, с точки зрения выводов о необходимости иметь дружинникам IX-XII вв. нечто подобное картам для передвижения по суше. Эти первые описания-дорожники, несомненно, должны были быть более подробными, чем схемы, описывающие речные маршруты.

Не отбрасывая существующие гипотезы о том, что Козельск в старину был крупным речным центром, который по Жиздре, Серене и Оке связывался с другими местами [46], следует всё же признать, что картографически это пока никак не подтверждается. Именно нахождение его на древнем сухопутном пути, пусть и при реках, послужило тому, чтобы имя Козельска, благодаря летописям, не затерялось среди прочих, и было бы, в конце концов, показано на картах.

Подлинные карты Птолемея до нас не дошли. О них мы можем судить только по копиям и реконструкциям, которыми в разные столетия

иллюстрировалась его «География». Так, например, уже в 1507 г. М. Беневентано в Риме подготовил и разместил в этой книге карту Птолемея, на которой за горами и лесами была показана обширная земля Московия. Где-то на просторах этой области было и козельское место, хотя сам Козельск оставался всё ещё не показанным на карте.

В 1507 г., совпав по времени с публикацией вышеназванной карты – приложения к «Географии» Птолемея, в Лотарингии вышла в свет карта новых открытий, подготовленная Вальдземюллером. Это самая первая карта с изображением объектов, которые мы сегодня можем смело отнести к современной Калужской области, где в то время существовало Калужское удельное княжество, в котором княжил Симеон Иванович (1316 - 1353 гг.).

От Москвы к востоку и юго-востоку составитель карты поместил мифические Рифейские горы (так древние географы называли иногда Уральский хребет), с отрогов которых на запад текут река Москва и ещё одна река без названия. В междуречье показан «Барошк» (Боровск). За безымянной рекой – «Фродиншк» (Воротынский), южнее которого имеется мало разборчивая надпись. Она может быть расшифрована как Калуга, а безымянной рекой в этом случае вполне может быть Ока или Угра.

Предполагается, что эта карта, на которой Козельск может быть только домыслим, была составлена картографом по знаниям, полученным в Польше или даже по русским сведениям. Тогда уместен вопрос, а какими же русскими источниками мог руководствоваться Вальдземюллер? Их несколько и они не сохранились. Об их содержании мы можем лишь догадываться по некоторым косвенным признакам.

Прежде всего, следует назвать «Чертеж Московских земель 1497 г.». Он послужил, по прошествии нескольких десятилетий, источником для карты А. Дженкинсона, которая была издана в 1562 г. и сохранилась до наших дней в нескольких вариантах. Она может быть нами изучена, хотя Козельска и на этой карте нет, следовательно, вряд ли он был показан и на чертеже 1497 г. Зато очень хорошо виден на ней район расположения козельских земель относительно Крыма, откуда показан скачущий к нам крымский всадник (рис.7). Нападения татар с территории Крыма были страшнейшим бедствием в то время, и составитель карты донес до нас сведения об этом. Он показал направление, с которого следовало ожидать прихода главных виновников многих бед на козельской земле. Таким образом, в одной из самых первых глав картографической истории перед нами встает Козельск – «виртуальный», т.е. воображаемый или домысливаемый город. В этот период шла большая подготовительная работа, обеспечившая рождение карт с изображением на них этого города.

Задолго до появления летописей, конечно, существовала та часть земли, по которой протекали Волга, помеченная на карте самим Птолемеем как Ра, Дон (Танаис), Кубань (Гипанис). Несли среди дремучих лесов свои воды речки Жиздра, Другусна и Ключтома, на которых спустя столетия будет основан Козельск, который станет центром обширной области со всеми окружающими его селениями, полями, проторенными дорогами, мостами и церквями.

Рис. 7. Фрагмент карты А. Дженкинсона

Есть несколько предпосылок для того, чтобы Козельск, наконец-то, появился на карте. Одной из них являлась та, что во второй половине XV в. началось широкое распространение карт. Это стало возможным благодаря изобретению картопечатания с помощью гравюры на дереве или медных досках, до этого карты размножались рукописным путем. Богатые итальянские города стали главными центрами, в которых возникла большая часть картографических мастерских.

Производимые в больших количествах карты за короткое время подешевели, постоянно возрастал на них спрос. Появилась возможность относительно быстро вносить в карты всё новую и новую информацию. Первые карты не имели в своей основе съемок местности и были из-за этого неточными в отношении очертаний рек и расположения населенных пунктов. Нужна была по возможности более точная информация.

В связи с неполнотой географических знаний, вследствие чего на картах образовывались свободные места, их старались заполнить рисунками. Так это было, например, на названной выше карте А.Дженкинсона (1562 г.). В старину, когда существовали огромные пробелы в знании микро- и макрогеографии, свободные места, эти «белые пятна» на картах, активно покрывали красочными изображениями видов природы, дорог и др. объектов. Чтобы хоть как-то заполнить пустоты на картах, пользовались и другими приемами, например таким: все населенные пункты, горы, леса изображались в перспективе, поэтому обозначающие их знаки показывались в виде отдельных картинок. Истоки рек показывали в виде озер, что также сокращало область «белых пятен».

Для нас интерес представляет то, что на карте А. Дженкинсона присутствует граница с Крымом – источником опасности, и проходит она в верховьях Оки, откуда уже недалеко и до Козельска.

Другим источником картографирования Козельска стали опросы путешественников, купцов и военачальников о том, что они видели или о чём слышали в своих странствиях по Руси. Поскольку Козельск множеством путей был связан не только с городами на территории Руси, но и с городами, находящимися далеко за ее пределами, совершенно естественно он стал вскоре известным местом.

Большинство сведений о Козельске оставались по-прежнему «виртуальными». Они существовали вне карт, главным образом, в дневниках людей, путешествовавших с различными миссиями по Руси. Содержались они и в ответах на вопросы опросных листов.

Наиболее показательными в этом отношении являются сведения, оставшиеся нам от Сигизмунда Герберштейна. Он описал географию той Руси, которая ему открылась во время нахождения дважды в ее пределах с посольскими поручениями от императора Священной Римской империи в 1516-1517 и 1525-1526 гг.

Повествуя о своих миссиях в России, С.Герберштейн упоминал Калугу, Воротынский и Серенск. Он, в частности, записал: «Город Калуга на реке Оке отстоит на тридцать шесть миль от Москвы и на четырнадцать от Серпухова. Там производят искусно вырезанные деревянные кубки и другие вещи из дерева, предназначенные для домашнего хозяйства. Отсюда они вывозятся повсюду: в Москву, в Литву и другие окрестные страны. Государь обычно располагает там ежегодно свои караулы против набегов татар» [47]. Упоминается и река Угра: «Глубокая и мутная река Угра (UGRA) начинается неподалеку от Дорогобужа в лесу и изливается в Оку между Калугой и Воротынском. Эта река некогда отделяла Литву от Московии» [48].

С.Герберштейн – первый из известных нам зарубежных путешественников, кто сделал достоянием европейцев пусть и небольшие, но всё же первые знания о козельчанах. Краткие печатные сведения об особенностях трудовой деятельности людей, населяющих лесной край, стали благодаря С.Герберштейну в один ряд с обширными известиями о жизни, быте и обычаях жителей крупных русских городов – москвичей, новгородцев и псковичей. Исследователь огромного эпистолярного наследия этого австрийского дипломата Е.Е. Замысловский отыскал в его трудах такое наблюдение: «В Козельском уезде жители изготавливают из осины – лопаты и корыта, из дуба – обручи, полозья, ободья и доски для бочек, из клена – гребни и зубцы для мельничных колес» [49].

Документальные сведения о Козельском уезде, донесенные до нас С.Герберштейном, тем ценнее, что ни одна карта того времени, изданная за границей, ещё не содержала и намека на существование Козельска. Такой город на картах просто не значился. После С.Герберштейна иностранцы наконец-то смогли увидеть не только где находился русский городок Козельск, но и чем занимались жители его округи. Вряд ли сам С.Герберштейн побывал в Козельске. Скорее всего, этот дипломат-словенец расспросил о нем знатоков. Известно, что в России он встречался, например, с князьями Воротынскими. Историк Б.А. Рыбаков

даже полагал, что этот иностранный дипломат в своих путешествиях использовал русскую карту, составленную опальным князем И.М. Воротынским, который всегда был близок к Козельску, а в 1531 г. был даже непродолжительное время наместником в этом городе.

Карты И.М.Воротынского, как и первые чертежи земли русской, до нас не дошли, но знания и традиции в изготовлении чертежей активно использовались составителями отечественных карт в более позднее время. Не сохранились, например, самые первые чертежные материалы, положенные в основу «Большого чертежа», составленного при Иване Калите (1328 – 1341 гг.). Работа над этим географическим сводом – предтечей русских карт – продолжалась и впоследствии, благодаря чему этот документ постоянно пополнялся новыми сведениями.

Одним из стимулов для того, чтобы на картах появился Козельск, были государственные интересы правителей и их политические амбиции. Козельск, например, в старину постоянно находился в сфере интересов Польши, так как на протяжении длительного времени он входил в состав Литвы, которая, в свою очередь, воспринималась Польшей своей неотъемлемой частью. Вот почему этот город совершенно не случайно был показан раньше всего на иностранных картах, в основу которых закладывались сведения из Польши.

Поскольку одними из главных документов картографического характера на Руси традиционно были географические чертежи без координатной сетки и масштаба, нельзя не сказать о картографических документах русского дипломата Дмитрия Герасимова. В 1525 г. он составил подробную «карту» Московского государства. И пусть это была ещё не карта, а чертеж, именно ему суждено было стать одним из самых древних сохранившихся отечественных чертежей, который послужил основой при составлении в 1600 г. нового чертежа. В 1613 г. он был даже взят за основу Г.Герритсом при подготовке им новой карты Руси.

Удивляет тот факт, что когда за границей шла активная разработка карт, в которые всё чаще включались подробные сведения о русской земле, в том числе и о том ее районе, который мы сейчас понимаем под Калужской областью, не показывался Козельск. Это само по себе наводит на некоторые мысли об истории города. Взять, например, карты, появлению которых на Западе содействовала миссия С.Герберштейна в России. Почему иностранные составители карт, руководствуясь сведениями, полученными ими от дипломата, так и не указали на картах, созданных на основе его записок, местоположение Козельска? Ведь были же при издании книг С.Герберштейна на картах, прилагаемых к ним, показаны Воротынский, Дорогобуж, Одоев, Тула, Калуга, реки Угра, Ока и Нара. Неужели картографы даже не удосужились поинтересоваться у С. Герберштейна местом нахождения Козельска?

Представляется, что это могло произойти по разным причинам. Одна из них заключается в том, что Козельск совершенно не представлял интереса для иностранцев. Даже на известной «Карте венского издания» (1557 г.), автор которой явно тяготел к тому, чтобы как можно более детально

показать литовскую землю, он не считал нужным показать Козельск, бывший в то время в сфере интересов Польши и Литвы. Мы находим, например, на этой карте реки Оку, Упу, города Можайск, Калугу и другие географические объекты, бывшие совсем недавно под Литвой, но нет Козельска. Гипотетически Козельск мог не предаваться огласке иностранцам-составителям карт из соображений сохранения военной тайны.

Кроме выше названных, в истории картографирования района современной Калужской области в XVI в. могут быть отмечены и другие события, знание которых небесполезны для представления образа и самого Козельска.

В 1541 г. Г.Меркатором изготовлена карта, названная по правилам того времени «глобусом». На ней в интересующем нас районе была изображена лишь Ока. В 1542 г. была издана карта А. Вида, составленная в 1535 г.

На ней показаны калужские места – Калуга, Опаков, Воротынский и Ока. В 1549 г. в очередной раз была издана карта Московии, составленная на основе данных не только посла С.Герберштейна, но и по литовским материалам Ивана Ляцкого. Эта карта в 1552 г. использовалась в качестве иллюстрации к книге «Космография» С. Мюнстера. Сам Ляцкий тоже издал карту России, которая датирована 1555 г. На всех этих картах мы находим некоторые сведения о Калужской земле, но без упоминаний о Козельске.

В 1554 г. Г.Меркатором была составлена очередная карта Европы, на которой, в отличие от его «глобуса» 1541г., река Ока изображена точнее. Есть здесь и река Угра. Показаны Калуга, Воротынский, Опаков, Дмитровец (южнее Угры и Опакова) и «Вороинцки» (на Оке южнее Воротынска). Леса разделяют Калужский и Смоленский края. На Калужской стороне, у самого леса, отмечен «Серенско» (Серенск, по другим предположениям – Серпейск).

В 1589 г. была издана карта М.Струбича, а в конце XVI в. Г.Меркатор в Дуйсбурге подготовил новые карты: «*Russia cum confinijis*», «*Tavrica Chersonesus*», «*Livonia*». На них изображены Калуга, Воротынский, Опаков, Дмитровец, Угра и Ока. В том районе, где должны быть реки Серена и Жиздра, в качестве левого притока Оки показана река под названием «Сфрот». Район Мещовска изображен безлесным. На карте есть два города: «Мсценек» и «Мсценек каструм» (крепость), которые по своему расположению напоминают Мценск и Мещовск.

В 1595 г. все карты Г.Меркатора были собраны в один том и выпущены его сыном Румольдом под титулом: «*Atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura*» – «Атлас, или Космографические размышления об устройстве мира и расположении его частей». С этого издания повелось называть сборники карт атласами. Вскоре все материалы Атласа Меркатора перешли к Иодокусу Хондиусу, позднее – к Яну Янсониусу – голландским картоиздателям. К середине XVII в. атлас Меркатора-Хондиуса-Янсониуса достиг объема 11 томов. Представляет особый интерес одна из карт этого атласа, на которой изображена южная часть России. Здесь на одном листе карты оказались рядом несколько географических названий, имеющих отношение к южному пограничью Руси, включая «Поле» и «Окраина дикая», что

отразило представления того времени о южном пограничье Руси с его основными стихиями природы – лесом, степью (полем) (рис.8).

Интересно, что в X – XVI вв. слово «степь» в русском языке отсутствовало. Его смысл во многих литературных памятниках Древней Руси передавало слово «поле». Так, например, в «Слове о полку Игореве»: «... Тогда вступил Игорь-князь в златое стремя и поехал по чистому полю...», «Заря свет уронила, легла, поля покрыла... Русичи великие поля червлеными щитами перегородили» [50].

В конце XVI в. постепенно создались все условия для того, чтобы на картах наконец-то появился и Козельск; это произошло в 1599 г.

Как и многие другие ремесла, русская картография свой подъем получила в царствование Бориса Годунова (1598 – 1605 гг.). В последний год XVI в. при нем была составлена русская ландкарта, на которой, по словам В.Н. Татищева, было «...много о восточных татарах показано, чего до сих пор ни в одной иностранной не находилось».

Рис. 8. Карта юга Московии из атласа Яна Янсониуса, 1636 г.

Полагают, что историк имел в виду «Чертеж всему Московскому государству» – крупнейшую карту Руси XVI в., известную как «Большой чертеж». Эта карта не сохранилась, но можно предположить, что на ней уже был показан и назван своим именем Козельск. Это подтверждается данными иностранных карт, подготовленных почти одновременно с русским чертежом Годунова. Так, например, на карте Московского государства 1599 г., выполненной с названиями на латинском языке, впервые встречается Caselska. Есть Можайск, Алексин, Карачев, Калуга (Coluge), река Ока (Aka fl). Пребывание Козельска на этой карте дает полное основание предположить, что, скорее всего, он был показан и на карте Годунова. Его просто не могло там не быть, так как известно, что в 1598 г.

было начато устройство засеки близ Перемышля. Поскольку на засечной черте несли службу казаки и стрельцы из Козельска, город этот непременно должен был быть на годуновском чертеже.

С 1599 г. на большинстве западных карт Козельск неизменно присутствует. Так, например, в 1613 г. он показан на «Карте России», подготовленной главным картографом Ост-Индской компании Г. Герритсом (Hessel Gerritsz). Среди других калужских городов на ней есть и Козельск (Caselska), который виден вдали от рек на Северской (Sewera) земле. Город стоит в гордом одиночестве, не на реке, а «среди долины ровныя». Об этой замечательной карте нужно рассказать более подробно, поскольку на ней впервые изображена Засечная черта Московского государства. Автор изобразил ее как узкую полосу леса, протянувшуюся южнее лесов Мордовии и от верховьев реки Орель до самой Волги, к которой засека подходит у Саратова. Каких-либо пояснительных надписей у черты, как и рядом с другими географическими объектами, на карте 1613 г. Г. Герритсом сделано не было, но уже через год на нее была нанесена новая информация. Так, например, рядом с чертой была сделана надпись по латыни: «Saisec constans nemoribus desectis et vallis, a Tzar Foedor Iwanowitz aggestum contra irruptiones Tartarorum Crimensium»^{*}.

В 1820-х гг. сотрудник Военно-топографического депо П.А. Дейриард сделал в Петербурге «обратный перевод» этой карты – с латинского на русский язык [51]. Возле засеки переводчик поместил расшифровку того, что было написано Г. Герритсом, и мы можем понять, что же там было начертано. Написано же буквально следующее: «Засекъ, состоящий из вырубленныхъ рошей, и валами огражденный царем Феодором Ивановичем, для удержания набегов от крымских татар» (рис. 9).

Как установил академик Б.А. Рыбаков, эта карта содержит несколько последовательных хронологических напластований. Верхний пласт представлен южнорусскими городами, которые были построены в царствование Бориса Годунова. Это Ливны и Воронеж (1586 г.), Елец (1592 г.), Белгород, Оскол, Валуйки (1593 г.), а также самая «главная база предстепенного юга – Царево-Борисов (1600 г.). Есть здесь и новые города, такие, как Кокшенга Новая, Козьмодемьянск Новый (1583г.).

Б.А. Рыбаков обратил внимание на необходимость критического отношения к этой карте, поскольку ее автор допустил много неточностей вследствие механического скрепления разномасштабных чертежей. В частности, Б.А. Рыбаков установил, что, несмотря на то, что эта карта относится к 1613 г., «вся цветная граница России на карте Г. Герритса соответствует совершенно иной эпохе» и относится к 1514-1551 гг. [52].

---

^{*} Расшифровка латинской надписи выполнена автором монографии.

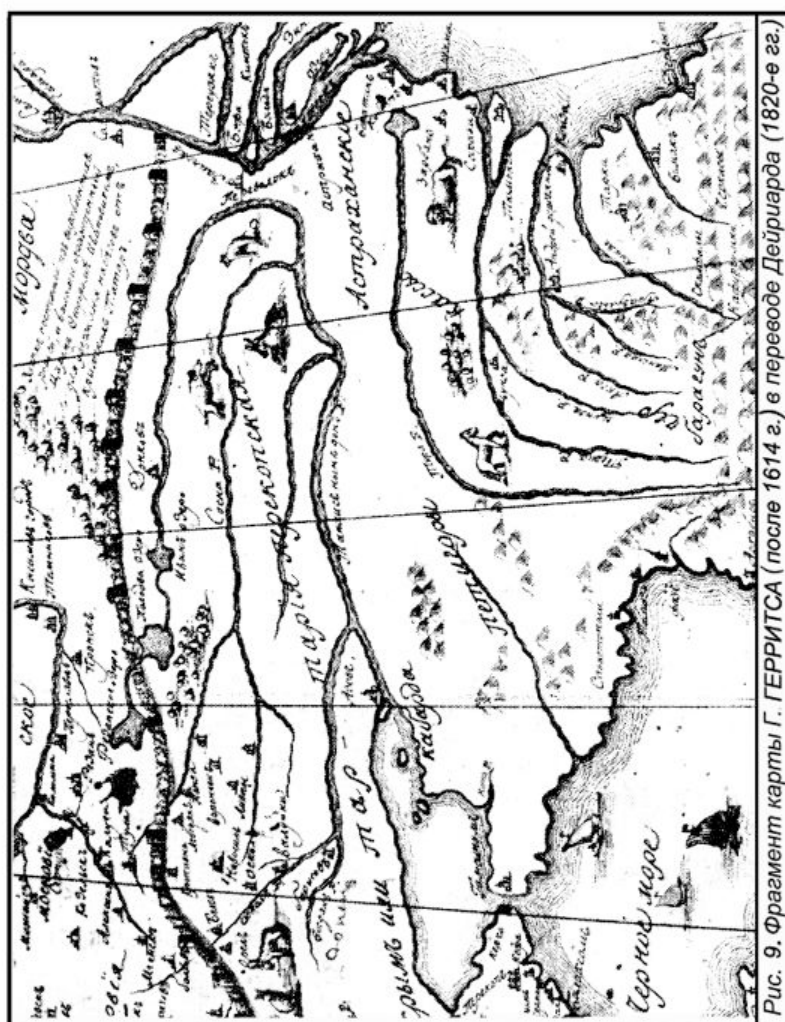

Рис. 9. Фрагмент карты Г. ГЕРБИТСА (после 1614 г.) в переводе Дейриарда (1820-е гг.)

А как обстояли в XVII в. дела с русским картографированием южного пограничья России? В 1627 г., взамен вконец обветшавшего «Большого чертежа», был составлен новый «Чертеж», сопровождаемый обширным пояснительным текстом, получившим название «Книга Большому чертежу» (издан впервые в 1733 г. Н.И. Новиковым). Он стал одним из первых текстуальных описаний населенных мест России, составленным относительно расположения их по рекам.

В «Книге Большому чертежу» среди пограничных со степью мест названы на реке Жиздре не только город Козельск, но и, по совершенно непонятной причине, город Белёв. Здесь же упоминаются Козельские (Дубенские) и Белёвские (Бобриковские) засеки.

Книга эта неоднократно исправлялась и дополнялась, например, в 1664 г. при царе Алексее Михайловиче. По свидетельству бурмистра Витсека в качестве приложения к «Большому чертежу» готовилась и карта. Она была уже вырезана на дереве и напечатана, однако эту карту не нашел даже В.Н. Татищев, многое сделавший для русской картографии. Благодаря ему, например, нам известно, что при царе Михаиле Федоровиче была подготовлена одна из первых генеральных русских карт, составленная по иностранным источникам на латинском языке. В.Н. Татищев замечает: «... ибо много слов латинских положено и градусами разделил». Историк умалчивает о судьбе этой карты, говорит только, что в 1739 г. хотел ее, «яко вещь дивную», преподнести русской императрице. На ней мог быть и Козельск.

Начало массового изготовления в России чертежей – предшественников карт, пришлось на конец XVII в. Среди авторов были писцы, подьячие, стольники, князья, воеводы и рассыльщики, отставные дворяне и полковники, пушкар и стрельцы, казаки и губные старосты.

В 1690 г. были составлены сохранившиеся в РГАДА, в Москве, несколько чертежей, на которых был показан Козельск с дорогами и близлежащими деревнями и селами. Среди них, например, «Чертеж земель по реке Жиздре в окрестностях села Верхнего Алопова», «Чертеж земель по реке Жиздре и дороги из Козельска в Перемышль», «Чертеж земель по реке Высе и Большой Козельской дороге» [53].

К картографии активно прикладывала руку и церковь, например, в 1679 г. патриарх Иоаким приказал сделать чертежи Московского государства. Среди составителей этих графических документов были монастырские служки и священники.

Полевая дорога в пойменных лугах у села Алопово

На территории Северской земли среди голого пространства, опять же вдали от какой-либо реки, изображен Козельск – (Caselska). Очень похоже на карту Г.Герритса (1613г.). На этой карте находим мы города Калугу (Coluga) и Алексин (Alexin), Белёв, Брянск, Карачев. Реки Жиздры нет, есть только Ока (Aka fl).

В XVIII в. вышла первая русская географическая карта Я.В.Брюса и Г. Менгдена. К 1697 г. ими был подготовлен оригинал новой карты. Ее гравюра была выполнена на меди, а сама карта затем издана М. Зойтером. Карта интересна тем, что, хотя на ней и нет Козельска, но с того места, где он домысливается, начинается гряда гор, которая идет в северо-западном направлении в сторону Смоленска.

В 1699 г. в Голландии Яном Тессингом была подготовлена и напечатана на латинском языке новая карта Я. Брюса и Г. Менгдена. Обычно Я. Брюс руководил созданием карт, а Г. Менгден производил геодезическую съемку. Благодаря совместной работе эта карта впервые свела картографические изыскания, произведенные в России, с аналогичными работами, выполненными на Западе. Именно с этой карты в начале XVIII в. была изготовлена рукописная копия на русском языке.

В богатом на карты 1699 г. секретарь посольства, посланного герцогом Гольштинским для исследования коммерческих возможностей Персии и России, Адам Олеариус издал очередную новую карту Московии. Она показывает западную Россию от Мурманска до Черного и Каспийского морей, но особенно подробно – речные системы, являющиеся на ней доминирующими. Здесь на просторах России показан Козельск (Coselsk), стоящий вновь в гордом одиночестве вдали от рек к западу от реки Оки.

В 1701 г. в Москве вышла из печати карта Азовского моря Адриана Шхонеберга – «Восточная часть моря Палус Меотис». Это первая русская географическая карта, составленная на математической основе и по русским съемкам. Тогда же была переиздана рукописная копия первой гравированной карты на русском языке Яна Тессинга, до этого увидевшая свет в 1699 г. На этой карте, подготовленной Брюсом и Менгденом, показаны: Калуга, Перемышль, Лихвин, Одоев, Белёв, Мценск, река Угра. Несмотря на то, что Козельска на ней нет, сама карта дает нам косвенно ценную информацию и об этом городе. Дело в том, что от Лихвина к югу на карте обозначены земли «севских полков». Среди городов на этих землях показаны Белёв, Болхов, Мценск, и Брянск. Таким образом, место Козельска оказывалось на землях «севских полков» – войсковых частей, дислоцированных вокруг центра, которым был город Севск (ныне районный центр Брянской области). Как поселение Севско этот город в составе Чернигово-Северской земли, как и Козельск, известен с 1146 г. Он неоднократно подвергался нападениям татар, а во второй половине XIV в. был захвачен Литвой и, как и Козельск, был возвращен России после русско-литовской войны 1500-1503 гг. Город Севск являлся хорошо укрепленным пограничным городом-крепостью. Крепость имела дубовые стены и пять башен. Со всех сторон она была защищена водой рек Севы и Мерицы, а также озером, соединенным с р. Сев. Город являлся не только местом ссылки опальных бояр, но и важным стратегическим пунктом, который прикрывал Козельск в случае прихода неприятеля со стороны южных степей.

Эта карта интересна не только упоминанием о «севских полках» и тем, что названия на ней впервые были даны на русском языке, но ещё и тем, что на реке Остер на Черниговщине показан «тезка» Козельска – город Козелец (Козелецк). Только спустя полстолетия, в 1753 г., И.М. Пробст составил карту Королевства Польши и Великого княжества Литовского, на которой будет уже и Козельск (Caselska) и Козелец (Koseletz). Это будет первая иностранная карта, на которой были показаны одновременно два городка с такими похожими друг на друга названиями.

В 1711 г. была составлена одна из первых карт Московской провинции, на которой были видны следы чертежа, подготовленного по поручению патриарха Иоакима, отданному им в 1679 г.

Велика роль Петра I в создании первых географических карт с изображением территории, где располагались засеки. При его непосредственном участии было положено начало систематической научной картографии. Петр начал заботиться о карте тогда, когда ее создание явилось государственной задачей и в других европейских странах. Первые в России точные определения мест расположения населенных пунктов для карт были сделаны именно начальником первой «Навигацкой» школы, основанной Петром в 1700 г. в Москве, ученым-математиком А. Д. Фарварсоном. Он связал геометрически Москву с Петербургом для проведения дороги между столицами (1709). Среди первых учащихся «Навигацкой» школы был, например, сын козельской помещицы Чичериной.

В 1717 г. Петр I начал первую государственную съемку территории Империи (1717-1752). Она охватила более чем две трети уездов России. В 1726 г. при нем была издана перегравированная с прежней (1711г.) карта Московской губернии, составленная В.В. Куприяновым. Эта карта будет затем печататься в составе так называемого Брюсова календаря, включавшего в себя астрономические сведения, святцы и пасхалию.

Яков Брюс – соратник Петра I – в 1721 г. получил от него поместья в Дудинской волости Козельского уезда. Удивляет, почему на карте Московской губернии, традиционно помещаемой в календаре Брюса, нет города Козельска. Город этот был ему хорошо известен. Не был заинтересован или был безразличен Брюс к своим землям? На этой карте, тем не менее, есть Перемышль, Лихвин, Белёв, Болхов, Мценск и другие города даже значительно меньшего масштаба. На том месте, где должен быть Козельск, показана только лесная полоса. Непростительная оплошность или умысел? Ведь уже были карты, на которых Козельск с завидным постоянством показывался, причем каждый раз строго на своем месте.

Насколько серьезным было отношение Брюса к картам, свидетельствует, например, тот факт, что в 1721 г. по его личному поручению, по всем провинциям России были разосланы геодезисты с географическим и историческим опросником для обеспечения исследования самого Брюса при составлении «Российской географии». В этой работе В.Н. Татищев был активным помощником. Кто знает, уж не по каким-то скрытым от нас метафизическим причинам укрывал Я. Брюс Козельск от постороннего взгляда? Известно, что он был одним из главных астрологов во времена Петра I.

Продолжалась подготовка карт с изображением калужских земель и за рубежом. Так, например, в 1733 г. в Амстердаме И. Тирион издал карту по гравюре Дж. Кайзера. На ней изображен Серенск, который находится почти на самой границе со Смоленской землей, а всё пограничное пространство сплошь покрыто лесом. Есть Брянск и Карачев.

Начиная с 1734 г. в России предпринимались новые действенные шаги по созданию генеральных карт России. Первая из них как раз и была подготовлена в том году, а уже в 1745 г. был издан и первый географический атлас России: «Атлас российский, состоящий из

девятнадцати карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненный по правилам Географическим и новейшим обсервациям». Это академическое издание было составлено И.К. Кириловым и Делилем. Работа над Атласом, который отразил основные контуры России, продолжалась 24 года.

На карте «Московская губерния с лежащими вокруг местами» в этом Атласе обозначены города Козельск, Перемышль, Калуга, Лихвин, а также села Булатово и Троицкое (ныне Каракозево). Название Козельска прописано через букву «а».

Новыми событиями в области создания карт ознаменовались 60-е г. XVIII столетия. В 1761 г. М.В. Ломоносов подготовил «географические запросы», состоявшие из 30 пунктов, для сбора сведений о природе и экономической географии. К 1764 г. в Географическом департаменте было собрано 4 тома ответов, «составивших на половину государства обстоятельную топографию». Результаты опроса относительно Козельска ещё ждут своего открытия и исследования.

В 1767 г. был принят закон «О переименовании земель, пустошей, речек, ручьев и других урочищ, оказавшихся при межевании с неблагопристойными названиями». Этот документ имеет свое значение и для козельской картографии. Дело в том, что в соответствии с требованиями закона, составители карт должны были исключить из них все географические названия, имевшие непристойный или «обзывный» вид. Это требование неукоснительно соблюдалось, следовательно, с козельских карт и планов были тогда убраны «неподобающие» названия деревень, сел, рек и ручьев. Сохранение же по сей день отдельных козельских топонимов, таких, как Дешевки (деревня), р. Орденка и р. Чертовская свидетельствует о том, что изначальный смысл их наречения, скорее всего, не был связан с чем-то отрицательным в Козельской истории. Иначе их бы исключили из карт после 1767 г.

В 1771 г. вышел в свет двухтомный труд Л.И. Бакмейстера «Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи». В этом труде мы находим упоминание о дорогах, соединяющих Козельск с Перемышлем (18 вёрст), Мещовском (40 вёрст), Карачевым (126 вёрст) и Белёвым. По дороге к Карачеву уже тогда отмечались большие придорожные села Волконск, Колосово, Старица, Дударовая, Кцынь, Мелевая, Фастовичи и другие. С этого же времени начинается составление карт, вошедших в 1782 г. в первый «Атлас Калужского наместничества».

В 1773 г. Н.И. Новиков основал собственную типографию и издал: «Древнюю российскую Идрографию», в которую включил все известные реки по состоянию на 1680 г. В этой книге, составленной по сведениям из древнерусских документов, были приведены данные о реках Жиздре и Оке, а также о граде Козельске, что «из брянскова леса на Жиздре; от Лихвина тридцать верст, а от Перемышля тридцать же верст».

В 1781 г. вышел новый «Атлас Калужского наместничества», в котором была размещена «Геометрическая карта Казельского уезда». Вновь,

как и на карте в Атласе 1745 г., именно с буквой «а» после первой буквы назван и сам Козельск, и уезд, центром которого он является. Написание названия города Козельска через «а», скорее всего, объясняется, приверженностью картографов XVIII в. к иностранной традиции писать на картах названия Kaselsk, Caselska именно через «а».

На карте, в ее головной части, помещён герб города. В правом нижнем углу расположено примечание, из которого явствует, что в городе было «церквей каменных – 5, деревянная – 1, дворов каменных – 1, деревянных – 398. Купцов и мещан мужского пола – 613. Белопоместных казаков – 272, пушкарей – 20, итого – 1 079 душ». Даются подробные сведения о пространстве земель и их характеристика. Есть здесь и другие данные по уезду: «... церквей каменных – 19 (14), деревянных – 35. Заводов каменных – 3, железных – 1 (на речке Серене). Мельниц водяных – 38, ветряных – 6. Сел – 59, селец – 87, деревень – 120 ... 32 675 душ...». Эта карта отражает сведения по состоянию на 1779 г.

В 1782 г. был напечатан первый большеформатный «Атлас Калужского наместничества». Он был составлен по материалам генерального межевания Географическим департаментом Академии наук России. Согласно «Алфавиту по фамилиям владельцев Козельского уезда», помещённому в этом Атласе, землями здесь владели Алферровы, Апухтины, Ботвиньины, Безобразовы, Березниковы, Брюсовы, Булгаковы, Голицыны, Долгоруковы, Дурноглазовы, Костомаровы, Лыковы, Раевские, Ржевские, Сабуровы и другие потомки служилых землевладельцев.

Наибольший интерес представляют для нас включенные в этот «Алфавит...» сведения о бывших в то время на территории Козельского уезда засеках. В то время они уже не имели какого-либо военно-пограничного значения, представляли собой лишь участки леса, «состоявшие в ведомстве Тульской оружейной канцелярии». Тем не менее, и эти известия для нас очень ценны, поскольку дают нам представления о том, какова была протяженность этих засек, а также некоторые сведения о названиях рек в черте этих засек (таблица 2).

В самом Атласе, наряду с указанными у Л.И. Бакмейстера (1771г.) дорогами, упоминается также тракт Козельск – Болхов, шедший через Клюксы, где был оборудован переезд через Жиздру, на Волосово, Хряпкино, Вейно, Верхний Передел и далее на юг.

В 1783 г. была издана карта территориального роста Российской империи в XVIII в. с заметками на полях, дающими краткий исторический обзор изменений границ России согласно мирным договорам. На карте был показан и город Козельск. В 1785 г. по сведениям нового «Атласа Калужского наместничества» в Козельском уезде проживало 83 тыс. человек, кроме состоявших на службе. В уезде значились среди землевладельцев 6 княжеских, 2 графских, 127 дворянских фамилий, которым принадлежали 57 сел, 82 сельца и 114 деревень.

После 1785 г. вышел «Малый атлас Калужского наместничества», представлявший собой переизданный в уменьшенном формате «Атлас Калужского наместничества» 1782 г.

Таблица 2

Данные о казенных засеках на территории Козельского уезда по сведениям Атласа Калужского наместничества (1782 г.)

Засека	Лесу		Неудобных мест		Всего		Местоположение
	Дес.	Саж.	Дес.	Саж.	Дес.	Саж.	
Казенная Стол-пицкая засека, состоящая в ведомстве Тульской оружейной канцелярии.	12900	1000	54	130	12954	1130	По обе стороны рек Со-сенки, Гремячки, Пе-сочной, Грязны, Алеши, Трошенки, Вейны, Пе-сочни, Одринки и при двух больших дорогах: лес строевой и дубовый, сосновый и еловый, а дро-вяной липовый и березо-вый.
Казенная Дубен-ская засека, со-стоящая в ве-домстве Тульской оружейной кан-целярии.	9428	1616	56	400	9935	2016	По обе стороны рек двух Можков, Колпны, Тростны, Ботвины, Ду-бенки, Медведки, Росы, Кошки и верх большого: покосы изрядные, лес строевой, дубовый, осино-вый, еловый, липовый и кленовый.

На карте были показаны две «большие» дороги: Козельск – Клюксы – Волосово – Хряпкино – Чернышено – Позняково – Косьяново, а также Козельск – Оптино – Даниловка – Егоровский погост – Хлыстово. Показаны, как села с церквями, Березичи, Клюксы, Ильинское (Ордёнки) и другие, имеющие названия современного звучания.

В 1792 г. были изданы «Российский атлас из сорока четырех карт состоящий», а также «Генеральная карта Российской империи» (гравировал Г.Т. Харитонов). На этой карте были показаны города Козельск и Жиздра.

В 1793 г. увидела свет «Почтовая карта России». Она была составлена после того, как Почтовый департамент стал подчиненным Сенату. Сенат в 1782 г. издал указ о составлении «примерной почтовой карты всех дорог». На ней были показаны дороги и почтовые станции Европейской России и указаны расстояния между ними в верстах. На территории Козельского уезда, судя по сведениям этой карты, почтовая служба ещё не была организована. Две больших дороги пролегали вне его пределов. Одна из них – Москва – Можайск – Калуга – Лихвин – Белёв – Болхов – Глотово – Карачев, другая проходила северо-западнее Козельского уезда.

В 1794 г. в Санкт-Петербурге вышла книга А.И. Мусина-Пушкина «Историческое исследование о местоположении древнего Российского Тмутараканского княжества», посвященная славяно-русскому княжеству, существовавшему в X-XI вв. на Таманском полуострове. К книге был приложен словарь географических названий и карта, именуемая «Чертёж, изображающий часть древней России до нашествия татар». На этой карте, приложенной к книге А.И. Мусина-Пушкина, среди прочих городов показаны Перемышль, Козельск и Калуга.

В 1801 г. в России, в Университетской типографии, был напечатан «Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем виде». Авторы – надворный советник Максимович и коллежский регистратор Щекатов. В «Географическом словаре...» содержались сведения о многих козельских деревнях и селах. В книге Щекатова содержались и другие интересные факты, например, о том, что расстояние от Санкт-Петербурга до Козельска – 940 верст, от Москвы до Козельска – 210, а от Калуги до Козельска – 57 верст.

В середине XIX в. издается Военно-топографическая карта Калужской губернии, состоящая из 19 листов. Поскольку её масштаб – 3 версты в одном дюйме, то ее называли трёхверсткой. Основной лист карты, на которой помещен Козельск, готовили к выпуску несколько человек. Так, например, гравер Энтгофер, как написано на карте, «вырезал слова». Гравировку на карте лесов и других картографических знаков выполнили чиновники Романов и Чайский, а нанесение на карту высот было поручено чиновникам Дементьеву, Антонову и Мержакову.

Эта карта содержит ценную информацию об объектах, которые имеют прямое отношение к бывшим здесь когда-то засекам. Вот только несколько примеров. Нанесенные на карту с высочайшей точностью массивы «больших» (старовозрастных) деревьев показывают нам положение на местности засечных лесов, включавшихся в интересах

защиты от нападения крымских татар в разряд заповедных. Это, если следовать современной терминологии лесного кодекса России, «леса безопасности и обороны». Границы урочищ и просеки на этой карте в точности совпадают с границами отдельных звеньев засек и показывают, где было их «схождение» (стыки). Показанные на дорогах, тропах и просеках в лесу дома лесников и лесничих указывают на те места, где когда-то находились укрепленные городки – ворота на засеках.

Особую ценность с точки зрения изучения засек представляет пространная топонимика, отраженная на этой карте. На ней есть многое из того, чего нельзя найти на современных картах. Так, например, речка Песочная, у места пересечения которой дорогой Козельск – Белёв в XVII в. стоял укрепленный городок – Столпицкие ворота, так и названа «Городок». В том месте, по соседству с которым некогда была крепость на Сенецкой засеке, находим мы на карте ручей Городец, а также высоту Гранная с населенным пунктом Гранные Выселки. Есть на карте и речка Чертовая, недалеко от которой находился городок-крепость на Дубенской засеке. К сожалению, на «трёхверстке» не удалось найти информации о валах и рвах, бывших в этих местах ранее, хотя для их отображения на топографической карте уже существовали специальные условные знаки.

В 1903 г. была завершена работа над «Большим Всемирным настольным Атласом Маркса». Здесь рядом с Козельском показаны Солдатская и Казацкая слободы. Есть в Атласе и «тезки» Козельска – Козелитц (на реке Висле в Западной Пруссии, рядом с городом Бронбергом), Козель (южнее города Чернигова), Козелец (на реке Остре) и Козель (Козьле) в Силезии.

Таким образом, история изданий карт с изображением тех мест, на которых находилось пограничье, представляет большой интерес и нуждается в дальнейшем исследовании. Она отражает развитие географических познаний, техники книгопечатания, общей культуры, взаимоотношения государств и, что самое главное, отношение к культурному наследию, оставленному нам предшественниками. На этих картах с разной степенью полноты отражена информация о реках, лесах, дорогах, топонимах, монастырях и церквях, которые составляют наследие пограничья.

Однако карты лишь фиксировали знания людей о различных местах и в условных знаках отражали эти знания на бумаге. Сведения, которые потом ложились на карты, их составители черпали из письменных документов самого разного времени, они записывали их со слов корреспондентов, с которыми встречались. Мир пограничного, который окружал человека уже с самых древних времен, был куда богаче, чем тот образ пограничья, который мог быть создан в уме людей благодаря знакомству их с картами.

Засеки: текст и графика

Выше уже говорилось о самых ранних известиях об использовании отдельных свойств леса как преграды на пути неприятеля, а также об особых приемах борьбы с врагом на границе леса и степи. Эти свидетель-

ства позволяют представить картину взаимоотношений человека и леса в борьбе с врагами. Образ лесостепного пограничья, между тем, дорисовывается и сведениями о первых засеках как о нехитрых заградительных сооружениях из поваленных друг на друга деревьев.

Первым письменным упоминанием о таком роде укреплений можно считать письмо архиепископа Бруно к германскому императору Генриху Второму. Оно относится к 1008-1009 гг., когда южная граница лесов находилась на удалении двух дней пути от Киева в Поднепровье. Бруно, в частности, пишет: «Русский государь (Владимир)... сам, с войском своим, два дня провожал меня до последних пределов своего государства, которое у него для безопасности от неприятеля на очень большом пространстве обведено со всех сторон завалами (засеками – *seres*). На границе он слез с коня; я шел впереди... он следовал... за нами..., таким образом, мы вышли за ворота (укрепления) [54].

Лесные завалы широко использовались в XII-XIII вв. В летописях, например, писали: «...а пути от Новагорода все засекоша» [55], т.е. устроили засеку на пути врага. Засеки ограниченного, местного, значения возводились и при Иване Калите.

С начала XVI в. начали постепенно создавать уже периодически восстанавливаемые лесные завалы вокруг отдельных южных городов. Тогда же учредили специальные сборы на «засечное дело», а также ввели штаты засечных воевод, приказчиков, голов и сторожей. Со второй половины XVI в. засеки приобрели уже общегосударственное значение. Упоминания о них многократно фигурируют на страницах различных документов.

Что касается первых графических изображений засек, то здесь следует сказать следующее. В источниках Древней Руси и до XVII в. изображение засек является явлением редким, вместе с тем, их можно обнаружить на рисунках отдельных миниатюр. Так, например, в Лицевом летописном своде XVI в., известном как «Житие Александра Невского» [56], в верхнем правом углу одного из листов*, среди леса, показаны укрепления, напоминающие своим видом современные противотанковые «ежи». Они могут быть отождествлены с сооружениями, препятствовавшими передвижению конницы противника и известными из практики засечного строительства в XVI-XVII вв. как «частик» или «частник» («чеснок»).

Символическое изображение засек содержится и в ряде других древнерусских графических документов. По наблюдениям С.Л. Марголина над миниатюрами Никоновской летописи [57] изображения работ по строительству засек содержатся, по крайней мере, на двух миниатюрах из этой летописи: «Сторож дает весть воеводам о движении татар» и «Русские воины рубят лес для устройства засек» [58].

---

* Иллюстрация XI ОР РНБ F. IV.233, Лицевой летописный свод, Лаптевский том, л. 920.

Внешний вид засеки и расположение ее относительно города-крепости Смоленск содержит, например, миниатюра художника-гравера середины XVII в. Вильяма Гондиуса, жившего и работавшего в России.

На панораме русско-польского сражения 1632 г. (гравюра «Оборона Смоленска в 1632-1634 гг.») засека изображена им по краю оборонительной линии. Следует иметь в виду, что изображенная Гондиусом засека была временной, поэтому, в отличие от засек постоянных, стволы деревьев в них валялись хаотично, не верхушками в сторону ожидаемого набега врага (рис. 11).

Рис.11. Фрагмент гравюры В. Гондиуса «Оборона Смоленска в 1632-1634 гг.»

Город-крепость Козельск

Рассматривая роль Козельска, Перемышля, Лихвина, Белёва, Одоева и других городов в обороне границ Руси как пограничных центров не будем забывать о том, что сама Большая черта, создание которой было начато ещё в XV в., возникла на базе в непосредственной близости от этих крепостей. Хотя сами эти города не все были защищены засеками, устроенными вблизи них. Козельск не входил и в состав ни одной из засек, в то время как, например, город-крепость Одоев был включен в состав Полошевской засеки.

Вместе с тем, все эти форпосты, в свою очередь, послужили прообразами для новых крепостей, таких, как Воронеж, Оскол, Белгород, Курск и Елец, отстоявших от черты далеко к югу и появившихся в XVI-XVII вв. Последнее обстоятельство представляется важным с той точки зрения, что козельские городские укрепления, проверенные боевым опытом организации обороны, брались за образец при строительстве новых городов-крепостей. В условиях, когда до сегодняшнего времени крупных раскопок на территории крепости Козельск не проводилось, документальные сведения, а также материалы раскопок, характеризующие

деревянное оборонное зодчество в других местах и даже в более позднее время, позволяют моделировать утраченные детали и самой козельской пограничной крепости.

Изучение обустройства самого раннего Козельска затруднено ввиду отсутствия документальных источников XV-XVI веков. В то время существовал такой порядок делопроизводства, при котором «строельные книги», в которых текстуально описывались вновь построенные крепости, а также их графические чертежи представлялись вместе с отчетами местных воевод о крепостных делах в Разрядный приказ в Москву. Таким образом, чертежи Козельска, как и других «польских и украинских городов», хранились в архиве этого приказа. Польские интервенты, похозяйничавшие в Кремле в Смутное время, большую часть этого архива, в том числе чертежи городов, уничтожили.

Чтобы полнее представить пограничье Руси в условиях отсутствия чертежей есть одна возможность – моделировать образ пограничных городов, в том числе и Козельска, на основе имеющихся неполных данных о них. За основу, например, можно взять описание крепости Козельска, сделанное в 1678 г. (см. приложение 3). На помощь могут прийти и сведения, найденные в документах, касающихся других городов-крепостей равного масштаба и значения.

Особый интерес представляет установление устройства одного из элементов крепости Козельска – крепостных башен, поскольку именно они играли главную роль в обороне города-крепости. Важность их описания объясняется ещё и тем, что они являлись главными элементами крепостей, построенных на засеках.

Козельск был построен на высоком мысу, спускавшемся во многих местах крутыми, почти недоступными обрывами к рекам Жиздре и Другусне. Такое «высокое» положение города уже изначально обеспечивало хороший обзор местности на несколько километров в те стороны, откуда следовало ожидать нападения врага. Крепость была поставлена между реками Жиздрой и Другусной. Две эти водные преграды во многом определили и все последующее развитие города. Так, например, благодаря этому обстоятельству его посад формировался с двух противоположных сторон крепости и, как предположил архитектор Г.Я. Мокеев, Козельск по этой причине мог иметь даже два торгового пути: по одну и по другую сторону крепости (рис. 12).

Когда были построены крепостные башни, стало возможно не только постоянно наблюдать за окрестностями города, но и осматривать далекие лесные пространства на горизонте, чтобы своевременно заметить световые и дымовые сигналы опасности, которые могли быть поданы на засеке.

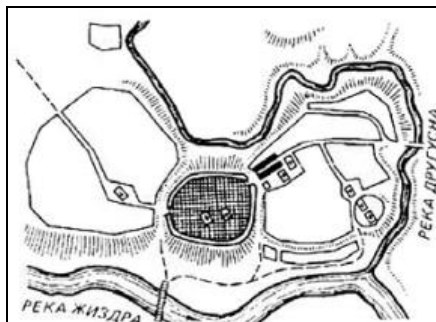

Рис. 12. Мысовая крепость г. Козельска, по Г.Я. Мокееву [59]

Наиболее употребительными терминами, означавшими башню в XVI в., были «вежа», «стрельница», «костер» и «столп». Причем эти термины не были одинаково распространенными по всей России. Так, например, в псковской и новгородской землях башню называли словом «костер», а в московской – «стрельница». Слово «вежа» в славянских языках использовалось в значении «шатер», а чаще в значении «башня», «военное укрепление». Академик Б.А. Рыбаков, например, связывал эти слова, следуя по цепочке «вежды», «вежи», «глаза» (ср. «дозор»), «дозорная башня» [60].

Впрочем, среди всех слов, которыми обозначали башни, для нас наибольший интерес представляют всё же слова «столп» и «костер». От первого, скорее всего, и получила свое название Козельская засека – Столпицкая (об этом будет сказано дальше, второе слово могло лечь в основу названия небольшого селения Костерка, которое ещё в XIX в. находилось в предместье Козельска у деревни Подборки).

В разное время общее количество башен в крепости было различным, как менялось и их предназначение. Первоначально башни строились специально для наблюдения и отдельно от других оборонительных сооружений. Даже проездные башни, которые называли «воротными», выполняли функции наблюдательных пунктов [61].

Только с появлением артиллерии все башни стали возводиться среди крепостных стен. Основными задачами, которые решались с помощью башен, были: ведение наблюдения; подача установленных сигналов; размещение артиллерии для нанесения поражения неприятелю ещё на дальних подступах к крепости. Нередко башни служили местом сосредоточения или укрытия той части гарнизона крепости, которая выделялась для обороны стен на верхних их ярусах. Если врагу удавалось разрушить стены, а это во все времена было одной из главных задач осаждавших крепость, то башни становились узлами сопротивления для ее защитников. Вот почему строители крепости уделяли важное внимание выбору не только мест, но и самих конструкций таких сооружений. Не случайно горожане немало сил отдавали поддержанию башен в хорошем боевом состоянии, поэтому редко в каком из документов, составленных по

результатам проверки крепостей, находим мы указания на то, что башни когда-либо находились в плачевном состоянии. В то же время о мостах, стенах, колодцах и погребах такие известия встречаются сплошь и рядом.

На помощь оборонявшиеся в крепости призывали всех святых.

Вот почему большинство башен было освящено во имя того или иного покровителя, а на их стенах размещали иконы. В проезжих (воротных) башнях, бывших наиболее слабым звеном в системе обороны города, даже устраивали часовни.

Количество церквей в самих крепостях и храмов, располагавшихся рядом с крепостными стенами, как правило, соответствовало количеству крепостных башен. Это соответствие не было случайным, число башен было обусловлено не только соображениями фортификационного толка, но и духовным фактором. Дело в том, что число церквей естественно определялось количеством прихожан, которые, в свою очередь, являлись защитниками крепости. Все эти служилые люди были расписаны не только для обороны конкретных частей крепостных стен, но и привлекались к дерзким вылазкам за ее пределы. Горожане – жители посада – распределялись и для обороны закрепленных за ними крепостных башен на случай длительной осады. Части посадского населения, назначаемые на каждую башню, назывались «сотнями». Каждая из них была приписана к храму – как прихожане и одновременно к одной из крепостных башен, которая находилась поблизости от приходской церкви, – как оборонцы [62]. Таким образом, сколько было храмов, столько было и башен в крепости. Иными словами, существовала тесная взаимосвязь и взаимообусловленность духовного и боевого потенциала защитников крепости Козельска.

В Козельске в XVII в. было 8 башен, столько же находилось здесь и храмов. Последние были подвержены пожарам, поэтому в разное время это соответствие могло нарушаться. Из описания Козельска 1678 г. (приложение 3) известно, что 2 башни были «проезжими», 6 башен были «глухими». Одна из башен с воротами называлась Богоявленская, поскольку располагалась поблизости от Богоявленского храма*. История его возникновения описана Л. Кавелиным: «По сохранившемуся между старожилками преданию, это первая церковь козельская; ибо первая деревянная церковь на сем месте относится к водворению в Козельске, как в украинном городе, беломестных казаков, которых, следуя тому же преданию, первоначально поселилось здесь 70 семей. Они принесли с собою «на благословение новому поселу» свою икону Богоявления Господня, сначала поставили ее в обыденной часовне, а потом срубили и церковь» [63].

Речь идет о казаках, присланных в Козельск в 1620 г. для охраны засечной черты из Можайска и Ярославля, их так и называли – «можайские» и «ярославские» казаки. Эти их названия произошли по следующей причине. В ноябре 1617 г., чтобы не допустить прорыва польского

---

* Богоявленский собор был уничтожен авиационной бомбой во время бомбардировки города немецко-фашистской авиацией зимой 1942 г., уже после освобождения Козельска Красной Армией в декабре 1941 г.

королевича Владислава к Москве, в Можайск были посланы воеводы Б.М. Лыков и Г.Л. Валуев с отрядом, в котором было 400 татар и 1600 казаков с Дона и Волги, а также черкасы – украинские казаки. Часть этих «можайских» казаков и была направлена в 1620 г. под Козельск. Среди атаманов, которые привели «можайских» казаков в Козельск в 1620 г. могли быть казачьи атаманы, бывшие в войске Б.М. Лыкова, оборонявшемся под Можайском на реке Протве. Это А. Синеглаз, И. Утицкий, Д. Котов, Д. Белый, И. Адамов, Ф. Патрикеев [64].

Причина появления здесь «ярославских казаков» несколько иная. Козельск в старину являлся местом ссылки казаков, провинившихся перед Отечеством. Сюда, например, были высланы те из них, кто в 1618 г. поднял мятеж, а после Деулинского перемирия возвратились на службу в Ярославль к князю И.Б.Черкасскому. В наказание за участие в мятеже и этих казаков выслали под Козельск на опасную пограничную службу у засек. Учитывая, что эти казаки были одними из первых козельских пограничников, икона Богоявления, на которой был изображен Иисус Христос и его Креститель, может считаться особой покровительницей всех козельчан, кому довелось и ещё предстоит служить в пограничных войсках*.

Известно, что церковь Богоявления находилась в Козельске на Студеном погосте. Историк Козельска Леонид Кавелин писал об этом месте: «Название ныне позабытое, а потому необъяснимое». Между тем, в старину слово «погост» имело несколько значений, употребляли его, в том числе, и применительно к кладбищу. В городах, например, существовали специально отведенные места, где хоронили умерших или казненных преступников, поскольку на общих городских кладбищах делать это запрещалось. Такие места, как раз, и называли «студеными», от слов «стоуд, студ», то есть стыд. Отсюда Студеный погост – небольшое кладбище, где, видимо, и хоронили преступников. Известно, что правительство, содействуя заселению городов, находящихся на опасной «украине», высылало сюда самых разных преступников из холопов и свободных крестьян. Существовал даже закон, по которому всех совершивших смертоубийство и бежавших в эти места, не выдавали властям для наказания. Таким образом, то место на козельском посаде, где расселились первые 70 казачьих семей, в которых многие казаки считались преступниками – участниками мятежа, пользовалось, скорее всего, не самой лучшей славой.

Не исключено, что одна из крепостных башен, а именно та, которая находилась на правом, высоком, берегу речки Другусны, называлась Вознесенской, поскольку эта башня примыкала к территории Вознесенского монастыря. Леонид Кавелин полагал, что Вознесенский храм, располагавшийся на территории этой обители, также старое здание, которое было построено ещё в первой четверти XVII в. [65].

---

* В настоящее время по постановлению Церкви духовным небесным покровителем всех российских пограничников является Илья Муромец. Храмовым праздником в пограничных войсках считается Введение во храм Пресвятой Богородицы, который отмечается ежегодно 4 декабря.

Возможные названия других крепостных башен может подсказать план Козельска с обозначенными на нем церквями, а также границ крепости (рис. 13).

Какие-то башни могли быть названы по рекам: «башня от реки Жиздры», «башня от реки Другусны». От подходящих к башням из других городов дорогам – Белёвская или Калужская башни. Они могли быть названы и по другим причинам, например, Луговая, Глухая и др.

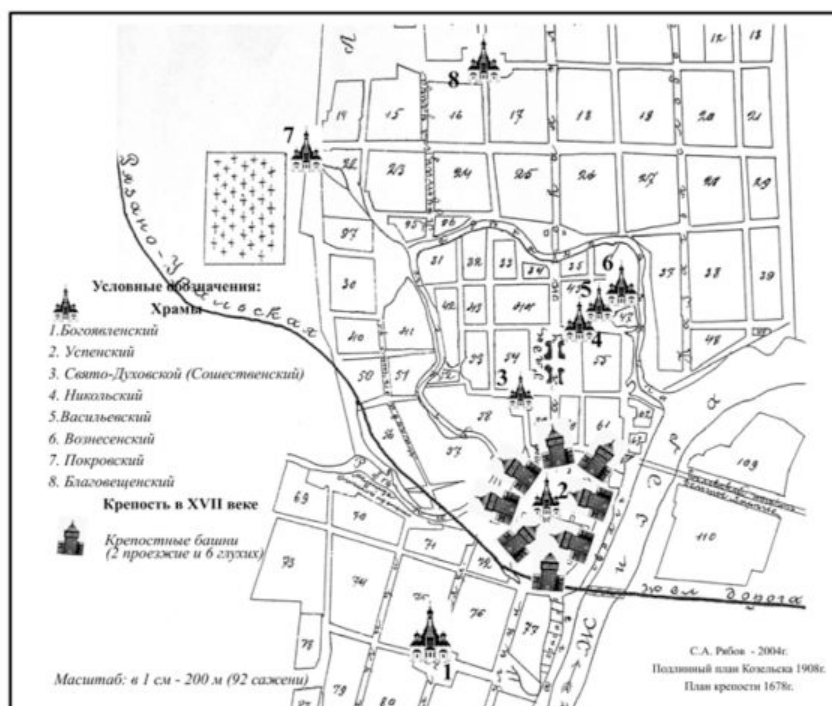

Рис.13. Часть плана Козельска 1908 г. с обозначением места бывшей крепости XVI –XVII вв. и храмов XVII – XIX вв.

На плане Козельска, составленном в 1908 г., показаны не только Богоявленская и Дворянская, но и Лосевская, Мыловарочная, Крутицкая и Калужская улицы [66]. Свои названия эти улицы и могли получить от названий башен, к которым они некогда подходили. Подтверждением тому служит показанная на плане города начала XX в. Богоявленская улица и существовавшая в XVII в. проезжая крепостная башня с таким названием.

Башни располагались по периметру стен и были «рублены в четыре стены», т. е. представляли собой квадрат с обламами* и шатровой четырехскатной крышей.

Ширина стены квадрата в проезжих башнях составляла 6,5 м, а в глухих 5,5 м. Башни были большой высоты, двухъ или трехъярусные, особенно с той стороны, где был насыпан земляной вал. О фрагменте земляного вала в черте Козельска, бывшего в середине XIX в., написал Л. Кавелин: «... острожная осыпь (т.е. земляной вал, остатки коего с западной стороны видны и поныне), имела 450 сажен окружности (рис. 14). Кроме главного вала, или острожной осыпи, другой земляной вал, как заметно, проходил от острога по берегу речки Другусны и, переходя ее, охватывал собою более других открытую южную часть города [67].

Башни крепости, как и стены, «рубились в обло». При этом способе концы бревен, их остатки, выходили за пределы наружной плоскости стены. В стенах и обламах «просекались» небольшие отверстия – «просеки» (бойницы) для стрельбы. Они были почти квадратные по форме, 8-10 см. Снаружи нижняя и боковая плоскости бойниц были скошенными для удобства стрельбы, увеличения фронта обзора и обстрела. В башнях для пушек «просека» соответствовала калибру орудий. «Верхний, средний и нижний бои» соответствовали ярусам башен и располагались равномерно. Доступ к ним осуществлялся внутри каркаса башни по лестницам.

Важнейшим элементом, связанным с башнями, стенами и валами козельской крепости являлась артиллерия. Подробный отчет о ней содержится в уже названной описи крепости от 1678 г. (см. приложение 3). Самым универсальным огнестрельным оружием являлись пищали – огнестрельное оружие, которое имело пустоту или канал без камер.

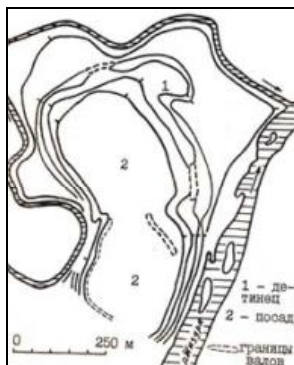

Рис.14. Места нахождения следов крепостных валов на территории г. Козельска

* Пояснения к терминам даются в «Словаре терминов, встречающихся в описаниях засек и крепостей», см. в конце книги.

Ручная пищаль состояла из железного или медного ствола («дуло»), крепящегося с помощью обоймы к деревянному станку с прикладом (рис.15). В казенной его части крепилось спусковое устройство с фитильным запалом («жагра»), а позднее с кольцевым и кремниевым замком. Таких ручных пищалей в крепости было несколько десятков, и для них с помощью специальной «мерки пищальной» служивые люди из казенного пороха («зелья») сами готовили заряды, а в специальной форме («фурма») отливали свинцовые пули.

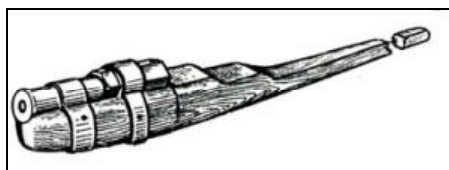

Рис. 15. Ручная пищаль XIV – начала XV в.

В 1678 г. были ещё пищали большего калибра – «большой наряд». Так, например, в крепости было 5 медных, 7 железных и 5 «затинных» пищалей, устанавливаемых на сошку и предназначенных для стрельбы «из-за тына». К сожалению, сведений о том, каков был калибр этих пищалей, нет. Железные пищали обычно имели меньший калибр, с весом ядра в одну гривенку (гривенка равняется 205 гр.). Медные же пищали имели больший калибр, а ядра для них весили от 4 до 6 гривенок. Вес медных орудий был свыше 300 кг при длине в 2,5 м (рис. 16). В общей сложности в крепости содержалось свыше 1500 ядер различного калибра. Располагались большие пищали непосредственно в башнях, ручные – хранились в специальных погребах, в других погребах хранились припасы для изготовления пороха.

Рис. 16. Пищаль медная

Немаловажной деталью оборонительных сооружений являлся вестовой колокол. В Козельске он весил 11 пудов. Колокол висел на специальном устройстве и предназначался, прежде всего, для подачи сигнала при получении известий о том, «что приходила татарва». Заслышав звон вестового колокола, служилые люди должны были собраться в крепости.

Нередко в колокол били с такой силой и так долго, что он раскалывался. Не потому ли, чтобы сигнал об опасности был услышан и на засеках? Вестовые колокола также часто гибли и во время больших

пожаров. На случай предупреждения от пожаров и иных несчастий в разных районах города имелись так называемые «напалы и колоды».

Функционирование такой сложной системы, как крепость Козельск с располагавшимися при ней засеками во все времена было немислимо без четко налаженного управления. В XVII в. всеми вопросами жизни и деятельности города Козельска ведал воевода, который одновременно являлся начальником крепости и командиром всего гарнизона. В его распоряжении находились все местные дворяне и дети боярские, стрельцы, казаки. Воеводы сменялись очень часто. Это было обусловлено стремлением царских властей не допустить коррупции, мздоимства со стороны воевод. Год был нормой воеводства, полтора года – уже знаком исключительной благосклонности со стороны государя, назначавшего воеводу. Предельным сроком нахождения в должности было два года. Любопытно, что воевод никогда не назначали туда, где они владели поместьями. Английский посол Флэтчер в 1591 г. писал о русской системе управления: «Герцогов и дьяков обыкновенно сменяют в конце каждого года. Они живут сами по себе, не видя ни признания, ни расположения от народа, которым управляют, ибо не родились и не выросли среди него и не имеют ещё наследства ни там, ни в другом месте» [68].

Воеводе подчинялся осадный голова или городской приказчик. Тот и другой заведовали артиллерией, боеприпасами, пушкарями и лицами пушкарского чина. Осадный голова назначался из Москвы из числа местных или иногородних дворян. Городовой приказчик выбирался из числа местного дворянства. Жители города и уезда выбирали также голову к государственным житницам, заведовавшего хлебными запасами.

Наряду с воеводами и осадными головами в качестве представителей местной власти в городе-крепости действовали губные старосты, которые получали указные грамоты из столицы. Губной староста избирался из числа местных дворян и детей боярских. Сфера его действия распространялась на территорию губы – административного округа, который, как правило, совпадал с уездом. Губной староста проводил на месте линию Разрядного приказа по организации борьбы с разбоями, убийствами, воровством (татьбой) и заведовал специальным учреждением – губной избой. На площадях сидели особые приказчики, которых и называли площадными подъячими [69].

В городе была и земская изба, которая осуществляла управление посадскими общинами в городе. Посадские люди объединялись в общины во главе с выборным земским старостой. Посадские общины распределяли налоги и исполняли функции государственных учреждений, хотя и были выборными. В земской избе, в которой существовали свои столы, подобные приказам, заседали земские дьячки, которые управляли волостью и ведали сбором денежных повинностей. Земские избы, как правило, сгорали во время городских пожаров и тогда погибали бесценные документы.

Засечная черта

Трудность в изучении засечных черт вообще и Козельских засек в частности, состоит в том, что документы местных архивов во время многочисленных пожаров сгорели. В огне погибли не только те бумаги, которые хранились на местах, но и в центральном архиве Приказа, ведавшего делами по управлению, заселению и защите приграничных областей. Случилось это, например, во время большого московского пожара 1689 г. Из-за этих утрат при изучении истории краев и областей, через которые проходили засечные черты в XVI-XVII вв., приходится пользоваться лишь немногими более или менее сохранившимися документами из других источников.

Одним из первых, кто обратился к изучению засек, был В.Н. Татищев. Он, в частности, определил длину Козельской, Перемышльской, Лихвинской, Одоевской, Венёвской, Рязанской и Шацкой засек. В XIX в. и в начале XX в. работу по сбору материалов о чертах южных и юго-западных окраин Русского государства развернули А.И. Яковлев и другие исследователи. В 40-х гг. XX в. археолог А.В. Никитин обследовал полевые укрепления Большой засечной черты, однако начавшаяся война с фашистской Германией не позволила продолжить эту работу [70].

Среди Козельских засек, устроенных в лесах, традиционно выделяют четыре самостоятельных засеки: Столпицкую, Дубенскую, Кцынскую и Сенецкую. К ним примыкали Перемышльская, Слободенская (Лихвинская), Бобриковская (Белёвская) засеки (рис. 17). Подобное деление носило условный характер. Разделить всё «море» заповедного козельского леса, раскинувшегося широкой полосой протяженностью более чем в 100 и шириной от 30 до 50 километров, вряд ли кому было бы под силу.

О том, что «жесткого» разграничения могло не быть, свидетельствует, например, то, что засечные головы (воеводы) нередко переводились с одной засеки на другую, как это было с Дорофеем Матовым, упоминание о котором есть в 1638 г. среди лиц, ответственных за восстановление Слободенской (Лихвинской) засеки, а уже в 1641 г. он завершил службу на Козельской Столпицкой засеке. При досмотре засек одним и тем же лицам поручалось нередко «дозорить» и Козельские, и Белёвские засеки. Так, например, И. С. Благово в 1638 г. осматривал и Кцынскую, и Бобриковскую засеки.

Доказательством тому, что все засеки рассматривались как единое целое, может служить такой факт: когда в 1638 г. шло восстановление Столпицкой засеки, то летом на ее охрану из Калуги был выслан отряд из ста солдат, десять из которых так и не дошли до места приписки, поскольку были оставлены по дороге вместе с полковым знаменем на Бобриковской (Белёвской) засеке [71].

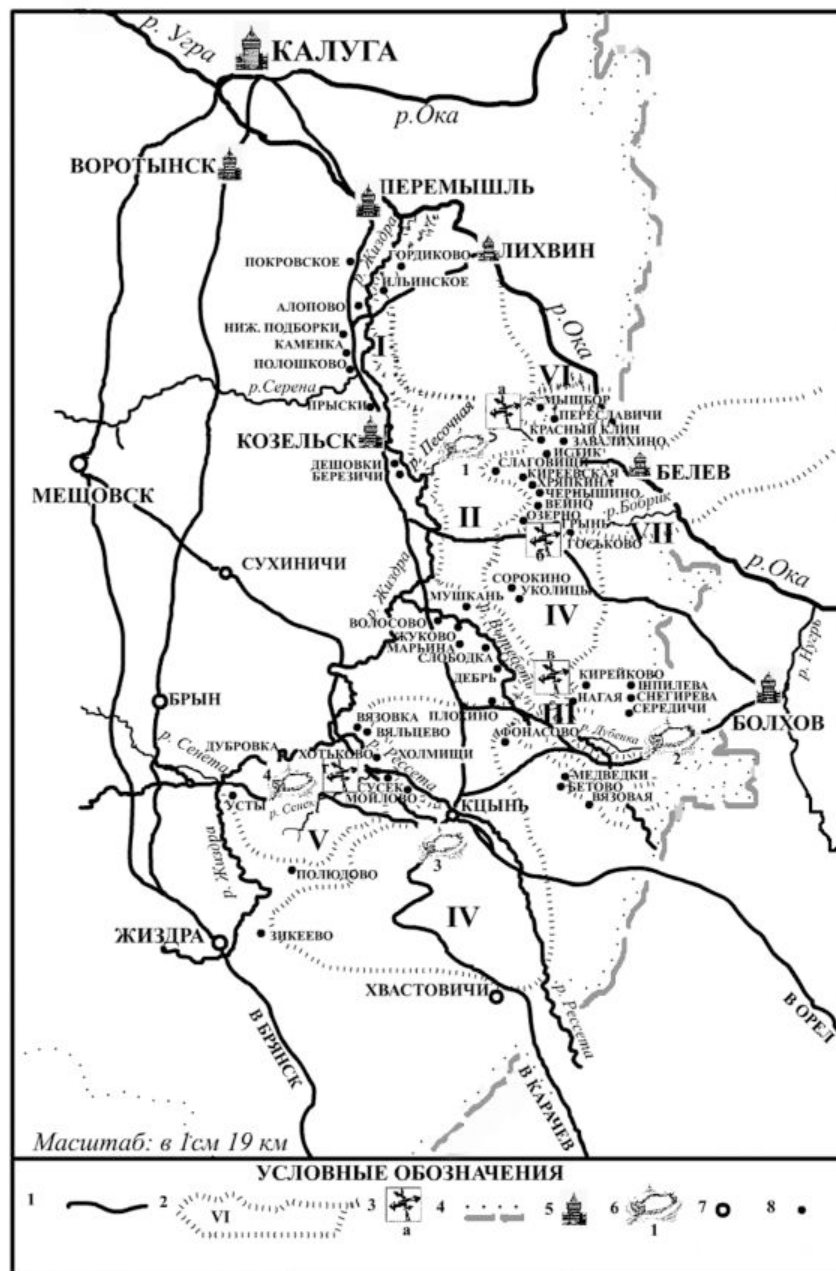

Рис. 17. Козельские и соседние с ними звенья засечной черты в XVII в.

Условные обозначения:

1 – важнейшие дороги,

2 – звенья засечной черты (I – Озерковская Перемышльская засека; II – Столпицкая Козельская засека; III – Дубенская Козельская засека; IV – Кцынская Козельская засека; V – Сенецкая Козельская засека; VI – Слободецкая Лихвинская засека; VII – Бобриковская Белёвская засека),

3 – засечные грани (а – между Озерской, Слободенской и Столпицкой засеками; б – между Столпицкой, Дубенской и Бобриковской засеками; в – между Кцынской и Дубенской засеками; г – между Кцынской и Сенецкой засеками),

4 – граница Калужской области,

5 – города крепости,

6 – укрепленные городки (ворота) на засеке (1 – Столпицкие, 2 – Дубенские, 3 – Кцынские, 4 – Сенецкие),

7 – крупные села,

8 – деревни и села у засек.

Уже в XVI в., когда окончательно оформился общий замысел охраны и обороны «южной украины» Московского государства, была предпринята первая и вполне удачная попытка разграничить всё лесное пространство от Муромских до Брянских лесов на районы ответственности, закрепив их за «засечными головами» из близлежащих городов. Тогда же к определенным районам засек прикрепили деревни и села для производства самой «сечи», ухода за местами, где был засечен лес, а также для его охраны. Подобное деление сохранялось и на протяжении всего существования засеки. В материалах дозора, например, Столпицкой засеки в 1677 г. содержится упоминание о «звене деревни Киреевской Дмитрия Семенова сына Киреевского», которое шло «от дуба через речку Слаговенку на гору».

Засака – понятие многогранное, она может рассматриваться в широком и узком значении. В широком смысле ее можно определить словом «заповедь». Под этим обобщенным понятием уже в древности понимали те лесные массивы, которые тщательно охранялись от «порух» (истребления). Помимо того, что все они являлись поставщиками строительного материала, топлива, пушнины, меда и других съестных припасов, леса играли ещё и оборонительную роль как природно-географическая преграда на пути продвижения крупных, главным образом, конных масс неприятеля.

Для сохранения оборонительных свойств засек в лесах, подлежащих заповедыванию, вводились жесткие природно-охранные меры, направленные на недопущение истребления не только лесов в целом, но даже и отдельных деревьев среди них. Не допускалась своевольная прокладка местным населением дорог сквозь засеку, распашка полей и т.д.

Наиболее содержательное определение Засечной черте было найдено А. И. Яковлевым, который обнаружил наиболее древний термин, соответствующий этому понятию, а именно ЗАПОВЕДЬ. Он же дал и собственное определение засечной черте.

Историк писал, что это ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ, настойчиво оберегаемая правительством от всяких посягательств со стороны окрестного населения. Благодаря своей ширине (2-3 версты в поперечнике) черта-засека бывала не только средством обороны, но и местом убежища для населения в момент нападения врага» [72].

Главным «боевым» элементом этого «средства обороны» выступали сами леса и то, что их наполняет: растительный мир, холмы и овраги, русла рек и водные потоки, болота и гари, поляны и прочее.

В отдельных местах леса были непроходимы из-за сплошных завалов из выкорчеванных стволов деревьев и кустарников, образовавшихся вследствие прошедших по тем местам бурь. Таким образом, огромные лесные пространства на границе со степью самой природой были призваны препятствовать проникновению врага на территорию Московской Руси со стороны Крыма.

В узком смысле под засекой понимались лесные завалы, устроенные из засеченных на уровне в рост человека деревьев, поваленных кроной в сторону, откуда ожидался неприятель. От засечения леса идёт и само понятие засека – СООРУЖЕНИЕ. Ширина таких засек колебалась от метров (там, где были устроены рвы или валы) до 2-3 км, где таковых не было, а лес был частым и с подходящими по толщине деревьями.

В интересах наиболее эффективного ведения оборонительных действий линия засек, в свою очередь, делилась на две части. Первую линию обороны на засеке создавали лесные завалы, являвшиеся основным видом препятствий. Завалы устраивались среди заповедных лесов, вдали от дорог, чтобы быть внезапной преградой для врага. Промежутки между завалами прикрывались валами и рвами. Для несения службы в районе завалов, пропуска через них людей и гужевого транспорта, а также для охраны засек сюда высылались засечная стража. На «польской» (от «поля», полевая) и «русской» (тыловая) сторонах для стражников строились остроги – небольшие крепости.

Вторая линия обороны состояла из крепостей и искусственных препятствий – заграждений, располагавшихся в глубине засек.

На различных направлениях построение обороны на засеках на польской и русской сторонах было различным, при этом засечная черта, как линия обороны, включала в себя ряд элементов. Прежде всего, созданные природой преграды: дремучие леса, реки, озера, болота, глубокие овраги, крутые склоны, буераки и суходол. Кроме того, естественные преграды, оборонительные свойства которых были искусно усилены градодельцами: дополнительно увлажненные болотистые участки; берега и дно рек, в которые были вбиты колья; опущенные на 4 пяди в воду сплавные бревна с «гвоздями дубовыми частыми»; крутые склоны с установленными на них надолбами; лесные завалы, устроенные с соблюдением особых «засечных» приемов.

Таким образом, каждую засеку самое правильное будет рассматривать не как широкую полосу, а как пространную область, в которой был проведен целый комплекс мероприятий для превращения ее в непроходимый для неприятеля укрепрайон. Главная роль на засеках отводилась

лесным завалам шириной от 20 до 120 метров. Протяженность завалов внутри засечного района была различной, во многих местах линия валов из деревьев имела бреши, иногда весьма широкие. Природа этих «прорех» была различной: горелые, болотистые или овражистые места; поймы многочисленных рек; неблагоприятная для роста деревьев почва и другие поляны естественного происхождения; дороги и стежки, проделанные людьми вопреки строжайшим запретам; вырубленные самовольно на дрова или для строительства домов лесные делянки.

Каждый из засечных районов, кроме того, прорезали широкие наезженные дороги, официально разрешенные для проезда в обоих направлениях: с «русской» на «польскую» (полевую) сторону, с севера на юг (в сторону Крыма и обратно). Такие естественные и искусственные пропуски прикрывались, где это было возможно, надолбами, рвами, «частиком» («чесником»), земляными валами и другими «крепями». Там, где засеку пересекали дороги, или в других открытых опасных местах устанавливались остроги и башни с воротами. Историк и архитектор В.Н. Уклеин писал: «Там, где природа не пошла навстречу обороняющимся, то есть там, где не было крупных лесных массивов, ни других естественных преград, в дело включались градоделцы. Топор здесь уступал в основном место заступу, и возникали системы земляных укреплений: валов, рвов, земляных крепостей, бастионов и редутов» [73].

Масштабы и сложность оборудования засек на Большой засечной черте позволяют назвать их русским аналогом Великой Китайской стены. Только, в отличие от китайской каменной, уходящей вверх на 20 метров, наша «стена» была как бы повалена на десятки метров в глубь леса. Для создания подобия Великой Китайской стены или знаменитых Змиевых валов Киевской Руси по рубежу Козельск – Белёв – Одоев – Тула не было ни сил, ни времени. Тогда-то обратились к русскому опыту применения специальных лесных завалов против вражеской конницы – засек.

К крепостям, которые составляли основу обороны второй линии засеки, с флангов примыкали дополнительные земляные и деревянные искусственные заграждения, располагавшиеся вдоль звена засеки и дороги. Искусственные препятствия на засеках получили самое широкое распространение и видовое разнообразие. Они соединяли между собой отдельные укрепления, сторожевые посты и редуты, на что обратил внимание Н.П. Крадин. Он подчеркивал, что «размеры и масштабы искусственных препятствий свидетельствуют об их значимости в общей системе оборонительных сооружений. Они представляли собой укрепленные линии на подступах к границам городов и Русского государства в целом. Искусство устройства их было таким же высоким, как и возведение самих крепостей» [74].

Наиболее распространенными искусственными препятствиями на засеках были земляные валы, рвы и линии надолбов в сочетании с опускаемыми воротами. Для защиты больших открытых пространств применялись все виды оборонительных сооружений. Например, за валом и рвом (ширина рва – от 3 до 7 м, глубина – свыше 2 м) в два

ряда шли надолбы и «волчьи ямы» в виде канав с дубовым частоколом на дне.

На дорогах главные оборонительные линии создавали надолбы в сочетании с опускными воротами – подвижными бревнами, крепившимися на стоявших по краям дороги столбах. В момент опасности бревна опускались и преграждали путь по дороге.

Центральное место среди Козельских засек занимала Столпицкая засека, поэтому особый интерес представляет установление причины появления ее названия. Известен старинный термин «столп», равноценный современному понятию «башня», вошедшему в обиход довольно поздно, то есть в XVI в. До этого времени вместо слова «башня», кроме как «столп», применяли термины «костер», «вежа» и другие. Поскольку на этом участке для наблюдения ещё и в XV – начале XVI в. специально возводились подобные «столпы», то есть вышки, на которых и несли службу стражники, то эта часть засечной черты за Жиздрой и получила свое название – Столпицкая.

Однако подобное объяснение лишь отчасти отражает главное свойство Столпицкой засеки, а именно, ее оборудование чередой наблюдательных башен. Поиски возможных причин наречения выводят на термин «столпие», который вошел в большинство русских летописей. В значении «ограда, стена», а также «придорожный столб» это слово употребляется с XV в. в Лаврентьевской, Ипатьевской, Тверской и других летописях [75]. Таким образом, термин, положенный в основу названия Столпицкая засека, как нельзя лучше характеризует ее главные особенности. Она была не только стеной для неприятеля, но и находилась при дороге сквозь засеку.

Село Березичи. У засечной черты

Нельзя, впрочем, сбрасывать со счета некоторую вероятность получения этого названия от возможно существовавшей в границах засеки реки Столпицы или одноименного селения. Старинное село Столпицы, например, по сей день существует на левом берегу реки Прони в Рязанской области. Села с названием Столпье известны во многих местах. Иными словами, название Столпицкой засеки, быть может, имеет чисто топографическое происхождение.

Обустройство Козельской засеки было таково, что основные ее «крепости» находились поблизости от курганов или высот, расстояние между которыми было порядка двух километров, то есть все они были в пределах видимости, поскольку передача «вестей» — предупреждение о появлении врага, являлась важнейшей задачей тех, кто нес службу на засеках. На этих высотах устраивались специальные приспособления для подачи установленных сигналов о приближении врага и, таким образом, поддерживалась связь между крепостями. Ночью разжигались костры, днем в случае опасности на вершинах холмов поднимался дым. В инструкции дозорным на засеке в XVII в. предписывалось: «По вестям на засеке от поля на больших деревьях держать кузов по-прежнему с берестою и со смолою, и смотря по вестям, велеть кузовы с берестою и со смолою зажигать, чтобы в подлесных селах и деревнях про приход воинских людей было ведомо» [76].

У самих засек на господствующих высотах или на высоких деревьях устраивались наблюдательные посты, строились вышки. Была налажена постоянная конная связь между наблюдательными пунктами.

Наглядное представление об этой тревожной службе дает картина С.М. Иванова «На сторожевой границе русского государства».

С.М. Иванов «На сторожевой границе русского государства»

На ней художник изобразил момент, когда станичники получили сигнал о том, что со стороны степи идет татарское войско. Дым от сигнальных костров на горизонте, скачущий во весь опор всадник с тревожными вестями, а также спешка, с которой разжигается ком из просмоленных ветвей на шестах – всё это как нельзя лучше показывает напряженный характер момента.

Важную роль в решении задач обороны лесостепного пограничья призваны были играть населенные пункты, которые располагались вблизи засек.

Поэтому в каждом из них предпринимались меры для организации отпора внезапно нагрянувшему врагу. Для этого нередко прибегали к возведению простейших укреплений в селах в виде «заборов с боями», надолбов и т.д.

Дальние подступы к засекам прикрывались специальными караулами, малые отряды стрельцов должны были также нести караульную службу и в селениях Козельского уезда. В опасных местах в селах строились городки, в которых несли службу казаки группами по десять человек, сменяясь еженедельно. Для размещения временных караулов в деревнях и селах строились башни, которые рубились из сосновых бревен. Наверху оборудовались караульные вышки (рис.18).

Даже церкви в селах огораживались заборами, на которых устраивались бойницы – «бои», а жилые дворы – заборами с «боями и дубовыми трубами с облами». Крупными населенными пунктами, близкими к засеке, а, следовательно, и хорошо подготовленными для обороны от «нечаянного» прихода врага, являлись села Киреевское, Кцынь, Слаговищи и др.

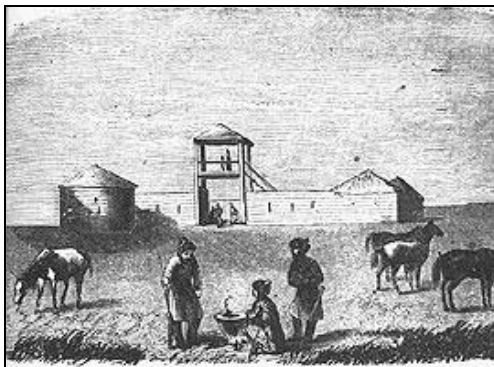

Рис. 18. Казаки на службе, рисунок XVII в.

На территории Козельского и соседнего с ним административных районов, ранее входивших в его состав, по настоящее время сохранились названия населенных пунктов – память о временах лихолетья XVII в.: д. Остроганка (от «острог» – крепость), Городец (от «городец» – маленькая крепость) и др.

Глава 2

БОЛЬШИЕ ДОРОГИ И МАЛЫЕ КРЕПОСТИ

*Мимо лесу, мимо темного, мимо садику зеленого
Пролегала путь-дороженька, широка, торна,
пробойная.*

Из солдатской песни XVII в.

Дороги, как и реки – постоянные и древние связующие элементы во всем бытии жителей Козельского уезда. Несмотря на то, что в XVI-XVII вв. этот уезд, особенно южная его часть, лежащая за Жиздрой, представлял собой лесную непроходимую страну, через его просторы проходили важные сухопутные пути. Одни из них – шляхи*, шли с чужбины на нашу «украину», другие соединяли между собой русские города в пограничье.

Шляхи и дороги «украины»

Роль Козельска в системе обороны границ Московского государства в XVI в. во многом объясняется его географическим положением относительно рек Оки и Угры, являвшихся на протяжении почти всей истории России важным оборонительным рубежом.

Географический аспект, в свою очередь, обуславливал основные маршруты передвижения русских войск, а также не только крупных войсковых формирований, но и сравнительно немногочисленных отрядов противника самой различной организации и тактики действий. Враги всех мастей стремились выйти на берега этих рек для того чтобы переправиться на другую сторону и грабить ближние и дальние поселения, включая и Москву. Завершив глубокие рейды в русские земли, враги снова грабили «украины» Руси.

Вот почему нас в первую очередь интересуют шляхи, которыми пользовались крымские татары для выдвижения к «украинным» местам. Поскольку эти пути были проложены еще монголо-татарами, интересно взглянуть на то, по каким маршрутам они приходили на Русь (рис. 19).

Из русских летописей известно, что после осады и уничтожения Козельска весной 1238 г. монголо-татарское войско ушло отсюда в степи. Какая-то часть орды воспользовалась маршрутом, который на языке современных географических названий выглядит так: от города на юго-запад, в сторону села Волконского, далее вброд через Жиздру у сел Дрегово,

---

* Шлях (польск. Szlach) – в Русском государстве XVI-XVII вв. степная дорога в районе южных границ. Иногда называлась тюркским словом «сакма».

Булатово, Клюксы, затем через леса на Волосово-Звягино – Киреевское – Белёв – Болхов – Рязьск. Этот путь, прорезав дремучие леса на правом берегу Жиздры, вывел тогда татар на мало кому известную дорогу в Орду. Существует предание, что русский люд, как бы в насмешку над магометанами-татарами, которые не едят сала, этот маршрут с тех пор и прозвал – Свиная дорога. Есть и другое, но тоже народное объяснение этого названия: будто бы эта дорога была проложена свиньей, некогда вышедшей из Болхова и дошедшей до Карачева.

Рис. 19. Засечные черты Русского государства и главные шляхи крымских татар в XVI-XVII вв.

Ответ на вопрос о причине появления такого «сатирического» названия тем не менее нужно искать в другом. Известен Успенский мужской монастырь, который расположен под Брянском в селе Супонево.

Эту обитель вплоть до XVIII в. называли весьма неблагозвучно – Свинским, поскольку он находился на реке Свини. Впоследствии название и реки, и обители изменили. Река стала Свеной, монастырь, один из древнейших на Руси и основанный в 1288 г. черниговским князем Романом Михайловичем, – Свенским.

Среди вотчин этого монастыря с давних времен находилось немало селений, входивших в козельские волости, которые лежали на древнем пути из Брянска через некогда козельские места Жиздру, Брын и Серенск в Калугу. Этой древней дорогой, несомненно, пользовались и татары. По реке Свини, быть может, и получил название этот маршрут, выводящий из Крыма к южным районам Руси. Свиная дорога тянулась от Рыльска до Болхова в области верховьев Кромы, Ицки, Цона, Орлика, Неполоди и Нугря – с одной стороны, и Неруссы, Навли и Снежети – с другой стороны. По Свиной дороге можно было попасть на Бакаев, затем на Муравский шляхи, а уж потом и в Крым.

В конце XV – начале XVI в. этой дорогой не раз пользовались и крымские татары для прихода на Рыльский, Карачевский, Болховский, Орловский уезды и дальше на левый берег Жиздры к Козельску.

В особом почете была эта дорога на протяжении столетий у «белгородских (аккерманских) татарев». Как сказано в «Книге Большому чертежу», они «прихаживали на Свиную дорогу с Бакаева шляху, а Бакаев шлях от Муравского шляху верст с 40 к Днепру» [77]. В свою очередь Муравский шлях вел крымских татар от Бахчисарая – столицы их ханов, к Туле через Ливенский и Елецкий уезды. Этот шлях пролегал в долинах рек Тим, Кшень, Сосна. Не случайно именно здесь начиная с 1586 г. были построены города Ливны, Любовша, Чернава и Воргла.

Когда татары приходили из Крыма на «козельские места», то непременно пользовались этой Свиной дорогой. Она скрытно выводила врагов на водораздел Мещовского ополья, по которому они между рек, «не замочив ног», а это был у них главный принцип организации походов, могли свободно передвигаться в любом направлении: на запад – в литовские земли, на восток – к Козельску, Мосальску, Калуге и дальше на Москву. Этим же маршрутом татары с большой добычей уходили в Крым (рис. 20).

Рис. 20. Набег татар, гравюра XVI в.

Прикрытие этих шляхов всегда являлось одной из первейших забот царя, Думы, наместников и воевод, назначаемых на «крымскую украину». Вот почему, надо полагать, что точно так же ответственно все они подходили и к организации надежных преград передвижению врага по всем тем дорогам, которые являлись продолжением татарских шляхов, но проходили уже по исконной русской земле. Отсюда, когда мы рассматриваем пограничную историю городов «крымской украины», нужно всегда помнить, что она начиналась с тяжелейшего дела – прикрытия путей, ведущих из чужбины-степи к нашим «украинам».

Теперь о дорогах, которые соединяли между собой русские города на рассматриваемой территории исторического пограничья. Главные из них показаны на схеме (рис. 21).

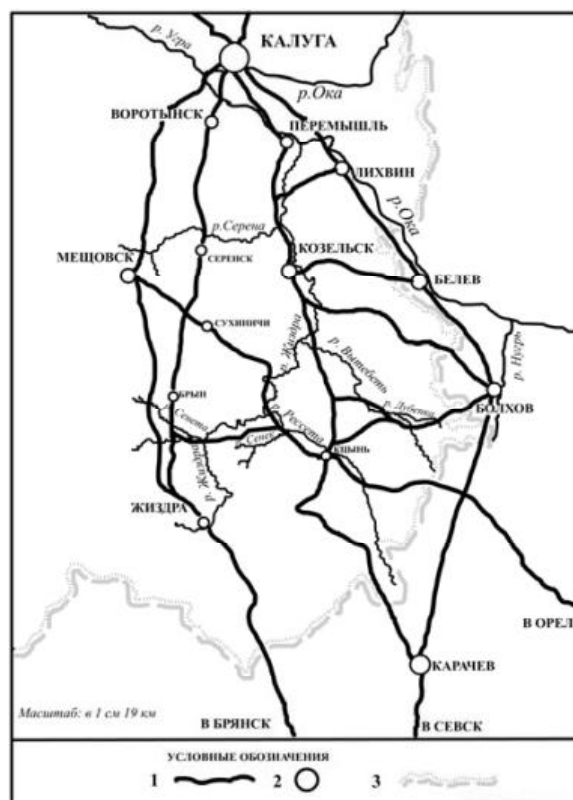

Рис. 21. Главные дороги (пути) Русского государства на территории Калужской и соседних областей в XIII – XVIII вв.

Условные обозначения:

1 – «Большие» дороги, 2 – Города и крупные села, 3 – Граница Калужской области.

Первые письменные сообщения о дорогах на территории Козельского и прилегающих к нему уездов относятся к XII в. К тому времени Киевская Русь уже распалась на удельные княжества, князья которых постоянно враждовали между собой. Однако князья не только боролись друг с другом, но и вступали в союзы, что требовало как личных встреч, так и поддержания письменной связи посредством посылки писем с гонцами. Карачевский князь Святослав Всеволодович во 2-й половине XII в. передал своему дяде Святославу в Козельск письмо, в котором предупредил о грозящей ему опасности: «Давыдовичи с Ростиславом Смоленским хотят идти на тебя» [78]. Это первое из найденных на сегодня упоминаний о существовании, быть может, прямого пути из Карачева в Козельск. Предположительно гонцовая дорога проходила через Карачев по маршруту Путивль – Севск – Радогощь – Болдыж – Слободка – Карачев – Козельск [79]. Не исключено, что движение по ней нередко запрещалось, так как дорога напрямую выводила к реке Угре, а сил обеспечить безопасность этого пути не всегда хватало.

В конце XIII в. основатель Московского государства князь Даниил Александрович (1261 – 1303 гг.) не только разделил свой московский удел на станицы, волости и погосты, но и связал их путями сообщения. Дороги были проложены от Москвы ко всем городам, стоящим на Оке, в том числе, и к Калуге. Важнейшую роль играла дорога, которая в XIII – XIV вв. называлась «Ордынкой»*. От Москвы она вела через Лопасню, Тулу на Великий переволок Волго-Донского междуречья и далее в столицу Золотой Орды – Сарай. У села Зачатьевское дорога Ордынка имела ответвление на Серпухов, Белёв, Орёл, а также в другие места, близкие к Крыму. У села Молодцы от Ордынки ответвлялась еще одна дорога – Старокалужская. По ней через Красную Горку и Подольскую переправу на реке Пахре можно было попасть в Калугу, а оттуда и в Козельск.

В районе деревни Старосырово (ныне Московская область, Подольский район) участок древней Ордынки хорошо сохранился. Археологи исследовали здесь полотно дороги XIV в., которая и сегодня на метр-полтора возвышается над прилегающими полями. Завидная прочность ее покрытия обуславливается особым способом изготовления дорожного полотна. Он применялся ещё при возведении крепостных валов и заключался в том, что слой местного известкового бута укладывался на дрова, которые поджигали после того, как сверху наносили слой глины. Под действием высокой температуры, возникавшей при горении дров, полотно дороги «закалялось» и приобретало особую прочность [80]. Не исключено, что и в окрестностях Козельска, богатых дровяным лесом и известняками, применялся такой же способ строительства дорог. Какие-то их участки могут быть выявлены и, поскольку дороги являются уникальными историческими памятниками, взяты государством под охрану как материальные объекты культурного наследия.

---

* В XIV-XV вв. дорога именовалась Серпуховской, а в XVI-XVII вв. – Крымской.

Исходя из первых документально подтвержденных упоминаний о городах, расположенных в рассматриваемой части пограничья, Козельск мог быть связан с ними дорогами в разное время. Например, с Карачевым, Брянском, Белёвым, Воротынском и Мценском – в середине XII в., с Болховом – в начале XIII в., с Перемышлем – в первой половине, а с Калугой во второй половине XIV в. Сухопутные стратегические пути соединили Козельск с городами Лихвин и Орёл уже после 1565г. Со всеми этими пограничными центрами нужно было не только поддерживать связь, но и организовывать теснейшее взаимодействие с их воеводами для защиты протяженных путей от татар.

В «Смутное время» многие из дорог были заброшены. О том, с какими городами был связан пограничный Козельск позже, известно из «Книги Большому чертежу» 1627 г. издания. В ней, например, содержатся сведения о дорогах, связующих Козельск с Брянском (100 верст), Болховом (70 верст), Лихвином, Белёвом и Перемышлем (по 30 верст)* [81].

Строительство дорог в России всегда было делом исключительно сложным. Их прокладке мешали огромные расстояния и климат, отличающийся суровыми зимами и вешними паводками. Даже тогда, когда с помощью шведских и немецких специалистов было создано регулярное почтовое сообщение, курьеры ползли со скоростью 6-7 км в час. В хорошее время года за сутки они могли пройти 80 километров. Деша от Москвы до Пскова или Киева шла дней восемь-двенадцать. С городами и деревнями, лежащими на некотором расстоянии от главных дорог, связи практически не было.

Представляет интерес установление и времени, которое могло затрачиваться на переход войск из одного пункта в другой по существовавшим в то время дорогам, поскольку это имеет значение для понимания некоторых важных деталей организации обороны всей южной границы. Средняя скорость движения войск в те времена составляла: конный пробег необремененного всадника, когда он «не гонит» – 60-70 км; обычный переход с обозом – 20-25 км, форсированный переход с обозом – 30-35 км; максимальный пеший – 40-45 км в сутки.

Исходя из указанных скоростей и расстояния между городами, входящими в единую систему обороны южной границы, следует, что Козельск при необходимости мог рассчитывать, например, на прибытие помощи с учетом посылки гонцов для вызова подмоги: из Белёва – через сутки, Болхова и Калуги – через двое суток, Мценска – через двое с половиной суток, Карачева – через четверо суток. Однако «летучие отряды» противника могли достигать Козельска за значительно более короткое время. Так, например, когда поляки в XVII в. шли к Москве, то от Болхова до Козельска они доходили всего за один день [82].

---

* Расстояние между Козельском и соседними городами в настоящее время составляет: до Белёва – 37; Мценска – 94, Болхова – 82; Калуги – 71; Мосальска – 73; Карачева – 170; Малоярославца – 127 км.

О многих подробностях дорожной сети в той степени, насколько дороги интересуют нас с военной точки зрения, можно судить лишь по известиям, относящимся уже к XVIII в. Одну из первых и наиболее детальных карт, отражающих дорожную картину и предыдущего столетия, представляет нам Калужский атлас 1782 г. [83].

«План города Козельска с «поселенными при нем слободами», который занимает отдельный большой лист в этом атласе, позволяет получить представление о существовавших в то время дорогах. Пути от города шли на Карачев, Белёв, Перемышль и Мещовск. Помещённый в этом же собрании карт «Генеральный план Козельского уезда», разбитый на три самостоятельных части, добавляет нам ещё известия о дорогах, пролежавших некогда через засеку в Болхов и Лихвин. Через все эти города Козельск был связан с другими городами «крымской украины». Немаловажную роль играла и большая дорога, связывавшая Козельск с Мещовском (рис. 21).

Наибольший интерес представляют дороги, которые выводили уже с XVI в. к Козельским засекам: Столпицкой, Дубенской, Кцынской, Сенецкой и к воротам-крепостям через них.

Сквозь засеки в Белёв, Перемышль и Лихвин

Важным козельским трактом протяженностью в 30 верст была ныне заброшенная, в том виде, в каком она существовала в XVI-XVII вв., дорога Козельск – Белёв. Начиналась она от крутого Белёвского спуска к реке Жиздре («Белёвская горка»), которая расположена на восточной окраине Козельска. Далее по мосту через реку путники попадали на земли, принадлежавшие белопоместным козельским казакам. Слева от дороги простирался Казачий лес (ныне урочище Казацкое), справа лес князя Алексея Трубецкого. Здесь тракт шел лесом к речке Сосенке, минув которую дорога делала ещё несколько коленцев и выводила к речке Песочной. Ее название как нельзя лучше характеризует ту песчаную местность, по которой протекала река и где была накатана «Большая дорога из Козельска в Белёв», такое официальное название она имела в старину. Чего-чего, а песка здесь в изобилии, даже река Жиздра свое название ведет от балтийского слова «жиздрас», что в переводе означает – «крупный песок».

Песок здесь буквально повсюду, но больше всего – вдоль русла Жиздры. Многие путешественники отмечали это главное отличие козельских мест от других. Андрей Фирсов – паломник Оптиной пустыни – в конце XIX в. оставил нам подробный рассказ о заезде в монастырь не обычным путем, то есть из Козельска с переправой через Жиздру, а по дороге со стороны Белёва. Восхищаясь здешними местами, он тем не менее замечает, что вся «прелесть поездки через засеку, к сожалению, отравляется толстым слоем песка, обильно покрывающим дорогу и всё более увеличивающимся по мере приближения к долине реки Жиздры» [84].

Дорога со стороны Козельска подходила к реке Песочной, за которой находились Столпицкие ворота. Место хорошо укрепленное, о чем будет подробно рассказано впереди. Далее, уже после проезда через крепост-

ные башни, через многочисленные ворота на дороге, проложенной между рядами надолбов, попадали на саму засеку. После преодоления ее, дорога шла лесом по безлюдным местам. Лишь небольшие притоки Песочной – Хатунка и Слаговенка – справа и слева скрашивали унылое однообразие пути сквозь лес. Остановка в деревне Юрино – последнее козельское место, дальше уже начинались белёвские места.

Дорога в город Перемышль, до которого от Козельска было 30 верст, существует и сегодня. Начиналась она от северной окраины города, проходила через земли козельских пушкарей и казаков, а затем шла почти параллельно реке Жиздре по высоким местам, которые не заливались большой водой в весеннее половодье. По пути нужно было миновать придорожные деревни Стенино, Нижние Прыски, Полошково, Нижнюю Каменку, Подборки, Верхнее Алопово и большое село Покровское. Затем путники переезжали через реки Серену и Гвидку и, наконец, попадали в Перемышль.

Город Перемышль, находившийся у Оки, издавна был хорошо укрепленным местом. Уже при Иване Грозном и Федоре Иоанновиче он был окружен новой деревянной стеной с десятью башнями. Строительство засеки близ Перемышля было начато в 1598 г. Она занимала особое место во всей Большой засечной черте, так как шла к северу от основной ее линии и фактически являлась второй линией обороны. Эта засека прежде имела немало оборонительных сооружений. Так, например, по описанию 1679 г., у деревни Анкудиновой был выкопан ров длиной в версту. Неподалеку от стоявшей при дороге деревни Стробовой существовали надолбы, а прежде ещё и опускные ворота [85]. До конца XVII в. Перемышльская засека не подвергалась серьезной реконструкции или восстановлению, поскольку рано утратила свое значение, однако она оставалась в ведении засечных воевод. Одним из последних среди них был Петр Ларионов (1698г.) [86].

Для того чтобы попасть в город Лихвин (ныне Чекалин, Тульская область), нужно было сначала проехать из Козельска 11 верст по дороге в Перемышль, затем ещё с версту до села Верхнее Алопово, где была развилка дорог. Здесь путники поворачивали к реке Жиздре, переехав через которую следовали лесом по песчаной дороге. На перегоне почти в 20 верст до самого Лихвина нужно было преодолеть речку Лесная Песочня и проехать деревню Митино. Лихвин, как и Козельск, входил в состав городов Большой засечной черты. Причем Лихвинская засека, в отличие от Перемышльской или Белёвской вспомогательных засек, являлась основной и изначальной частью Черты. Ее Слободецкий участок, тянувшийся вдоль Оки на протяжении 12 верст, подходил к Столпицкой засеке. Ведали Слободецкой засекой Н.И. Карамышев и Дорофей Иванович Матов – личность, хорошо известная в пограничной истории Калужской земли. Сам будучи из Воротынского, он немало лет служил на различных участках здешних засек. Например, какое-то время он воеводил на Козельской Столпицкой засеке, а в 1641 г. по царскому указу передал ее козельским воеводам А. Г. Шепелеву и Б. М. Воронцову.

Слободецкая засека шла широкой полосой в заповедном лесу в сторону Лихвина от верховьев реки Сосенки. Каких-либо ворот на участке дороги Козельск – Лихвин не было. Пропуск «на русскую сторону» сквозь Лихвинскую засеку осуществлялся восточнее, через ворота у Азовца на стыке Слободецкого и Боровенского участков этой засеки.

Немало было дорог, которые вели к Козельским засекам. Были и такие пути, которые напрямую соединяли Козельск с крупными торговыми селами, например, дорога длиной в 30 верст, которая вела в село Сухиничи, или дорога в город Мещовск, где приобреталось всё необходимое для нужд засечной стражи.

Дороги, ведущие к храму

Заслуживает внимания рассмотрение взаимоотношений между церковью и монастырями, некоторые из которых располагались в засечных лесах. Так, например, проезжая по дороге из Козельска в Перемышль, путешественники знали о том, что справа за рекой Жиздрой находится возобновленный после 1625 г. монастырь Оптиная Введенская пустынь. Туда при желании можно было заехать, свернув с большой дороги к переезду через реку. Скромная обитель пряталась от мирских глаз в заречной части прижиздринских лесов Столпицкой засеки.

Были монастыри и в городах, к которым были приписаны засеки. К Козельским и смежным с ними засекам были близки в общей сложности 18 монастырей. К Слободецкой (Лихвинской) засеке – Покровский («Зачатьевский»); Афанасьевский женский; Покровский («Добрый», при с. Доброе) мужской; Рождественский мужской («Анастасов», г. Одоев); Успенский («Гремячев») монастыри.

Вблизи Перемышльских засек находились: Лютиков Троицкий (1553 г.); Рождества Богородицы, или Георгиевский женский (XVI век); Николаевский Резванский женский (XVI в.); Шаровкин Успенский (1545 г.) монастыри.

На Бобриковской (Белёвской) засеке находились земли Иосифо-Волоколамского Успенского монастыря (1479 г.) – крупнейшего землевладельца в Московском государстве. Этот монастырь имел также земли в том районе, где сходились Козельские засеки с Белёвской (Бобриковской) засекой. Кроме того, Бобриковская засека была близка к Белёвскому Спасо-Преображенскому (XVI в.) монастырю, а также к Введенской Жабынской Макарьевской пустыни (XVI в.).

На засеках, приписанных непосредственно к Козельску, находились земли: Столпицкая засека – Оптиной пустыни и Вознесенского женского монастырей; Дубенская засека – Иосифо-Волоколамского Успенского монастыря. Наиболее богатыми монастырями были те, земли которых лежали в пределах Сенецкой засеки – Свенский Успенский мужской (1288 г.) и Жиздринский Троицкий (XVI в.) монастыри, который некогда располагался на правом берегу р. Жиздры, недалеко от ее слияния с рекой Бродной. Монастырь был основан преподобным Герасимом Болдинским в середине XVI в. В то время по Жиздре проходила пограничная полоса Московского

государства, и монастырь мог быть порубежной крепостью. С 1683 г. по указу царей Иоанна и Петра Алексеевичей монастырь был приписан к Московскому Донскому монастырю, и к нему же были приписаны деревни в Жиздринском, Мещовском и Белёвском уездах. В 1740 г. Жиздринский Троицкий монастырь сгорел и уже не возобновлялся, а на его месте был построен храм в честь преподобного Сергия Радонежского. К Свенскому же монастырю были приписаны деревни и села Бояновичи и др. (в писцовых книгах 1450 г.). Селения Дынное, Заболотье, Черный поток, Ослинка, Войлово, Подбужье, Пневичи (Пеневичи), Ходрыкина (Кондрыкино), Нехочи, Ловать, Хвастовичи (в документах 1595 г.). Деревня Высокое, с. Огорь, д. Улемец, д. Яровщина, д. Песочня, с. Овсорок, д. Орля, д. Авдевка и д. Озерская (Батаговской волости).

Монастыри были и остаются важными свидетелями ратных дел. Даже в самые тяжелые периоды истории Козельска в них, как и в обителях других «украинных городов», свято сохранялись традиции православия. Монастыри и храмы в селах, располагавшихся у засек, всегда давали их защитникам духовные силы насмерть стоять на священных рубежах. Для жителей засечных районов монастыри были местом приобщения к высоким идеалам служения Богу, а через это и Отечеству, а кротость и смирение монахов, бывших в монастырях, где религиозная духовность сочеталась с суровой аскетической требовательностью к братии, давали пример безропотного преодоления всех невзгод. Это имело большое значение для жизни тех, кто с нехитрым инструментом или оружием в руках должен был каждый раз идти на засеки, творить в лесах и крепостях полные опасностей и лишений дела.

Служители церкви не оставляли в своих молитвах леса, которые давали приют их обителям. Об особом почитании церковью лесов, где укрывались монастыри, основанные святыми отцами, свидетельствует, например, икона «Преподобный Иосиф Волоцкий в молении на фоне монастыря». Эта икона XVII в. была даже помещена в Московский Кремль (рис. 22). На ней каждая сосна, стоящая в священном лесу, устремлена макушкой в небеса. Каждое дерево прописано также тщательно, как и купола монастырских храмов. Сама священная сосновая роща, где молится Иосиф, похожа на изображенный рядом монастырь, и эту удивительную схожесть подчеркивает автор иконы специально.

Нередко монастыри поддерживали связи с теми, кто, прослужив на дальних засеках вдали от дома десятки лет, не забывали родные места. Среди них было немало вкладчиков монастырей, располагавшихся недалеко от Козельских и соседних с ними засек. Многочисленными богатыми вкладами знаменит, например, стольник и воевода Богдан Матвеевич Хитрово. Этот воевода вошел в историю строительства восточного участка засечной черты, которая возводилась после 1645 г. среди лесных просторов в бассейне реки Суры вплоть до Волги. Был он воеводой в Темникове, руководил строительством Керенской засечной черты, которая через города Верхний и Нижний Ломов, а также Инсар соединялась с Атемарской засечной чертой. Строил крепости на Карсунской засечной черте. Он не понаслышке знал,

что такое засека: «за Керенскую службу, за городовое и засечное строение» в 1647 г. Б.М. Хитрово был пожалован в окольничие, а также получил вдобавок ещё 300 чети (около 150 га) земли и денег 80 рублей.

Всё это позволило Б.М. Хитрово подарить много книг и икон в Перемышльский Троице-Лютиков монастырь, располагавшийся не только недалеко от родового имения Б.М. Хитрово с. Григоровское, но и возле Перемышльской засеки, примыкавшей к Столпицкой Козельской засеке [87].

Монастыри оказывали положительное влияние на всю духовную жизнь людей в пограничье. Но одновременно они ограничивали состав сил, которые могли быть привлечены к охране и обороне Козельских засек, а также для строительства сооружений на них. В XVI и XVII вв. государство защищалось не столько укреплениями, сколько людьми, дворянской поместной милицией [88] и, следовательно, боевая крепость Козельского уезда определялась, прежде всего, количеством ратных сил, находившихся здесь. Монастырские же села, вместе с приписанными к ним деревнями были освобождены от несения засечных повинностей. Кроме того, между монахами и крестьянами, а также их хозяевами постоянно вспыхивали ссоры за земли под засечным лесом.

Рис. 22. Икона «Преподобный Иосиф Волоцкий в молении на фоне монастыря», XVII в.

Примеры тому дают Троицкий Жиздринский, Брянский Свенский, Петропавловский (в г. Брянске), Троицкий Дорогощанский (в Мещовском уезде) монастыри. Несмотря на то, что все они были удалены от Козельских засек, эти обители сильно сокращали наряд сил, который мог выделяться на «засечное дело». Несмотря на малочисленность монахов, отнести эти монастыри к бедным нельзя. Так, например, Жиздринскому монастырю принадлежали две крупных вотчины, одна в Брянском уезде (деревни Орля, Озерна и другие), вторая в Мещовском уезде (с центром в

селе Запрудном). Немалая вотчина в Мещовском уезде была собственно-стью Дорогощанского монастыря, а это село Зимницы и ещё 6 деревень. Все эти вотчины были очень многолюдными.

Сведений о том, что собой представляли владения названных монастырей в период организации и проведения масштабных работ по восстановлению, например, засек в 30-х гг. XVII в. – не собрано. Однако более поздние известия дают нам возможность представить это. Так, например, после 1777 г., когда был образован Жиздринский уезд, в состав которого вошли и населенные пункты из Козельского уезда, по разным причинам монастырей в нем уже не осталось. Вместе с тем, на территории Жиздринского уезда было не менее 50 селений, в которых проживали «экономические» крестьяне, ранее принадлежавшие названным выше монастырям. Причем только Дорогощанскому монастырю принадлежало более 300 дворов, где числилось свыше 2 тыс. крестьян. Собственностью монастырей были также многие лесные, бортные, рыбные угодья по тем рекам, которые протекали в пределах засек [89]. Таким образом, из числа жителей уездов «изымался» немалый процент тех, кого можно было «прибрать» на работы или к несению службы на засеках в случае угрозы со стороны неприятеля. Жители приписанных к монастырям деревень и сел освобождались от засечных повинностей.

Исчерпывающей информации о том, под сенью каких храмов находились приписанные к засекам ратники и «деловцы»* из сел, бывших при засеках, нет. Многие из сел стали деревнями ещё в Смутное время и сведения о бывших там церквях до нас не дошли. Кое-что всё же известно.

Так, например, у Перемышльской засеки в селе Прыски находилась Преображенская, а у Лихвинской засеки в Кипети – Казанская церкви. Вокруг козельской Столпицкой засеки церкви были в селах Березичи – Никольская, в Волосово – Троицкая, в Вейно – Одигитриевская, в Чернышино – Борисоглебская. По соседству с Дубенской засекой храмы находились в селах Кирейково – Никольский, в Плохино – Воскресенский, в Бетово – Никольский. В непосредственной близости от козельских Кцынской и Сенецкой засек располагались церкви в селах: в Уколичах – Крестительская, в Сорокино – Воскресенская, в Кцынь – Никольская, в Усты – Покровская.

Все эти храмы уже сами по себе являлись объектами, которые защищались ратниками-пограничниками, выходящими в леса на засечное дело. Цель и задача оборонения этих сакральных приграничных объектов была четко сформулирована, например, в докладной записке, представленной в 1681 г. в Боярскую думу. В ней, в частности, говорилось о том, что служба на засеках осуществляется «для защищения святых Божьих церквей и покою христианского от бусурманских татарских безвестных приходов».

---

* «Деловцами» называли наемных работников, привлекавшихся к работам на засеках.

Карачевский большак

Ещё одной дорогой, пересекавшей весь Козельский уезд с востока на запад, была дорога Козельск – Карачев. Большая ее часть сегодня тоже не используется. В XVIII в. этот путь был известен как Карачевский большак. От Козельска он шел к селу Волконское, далее на Дретово, где был переезд через Жиздру. Затем шли селения Колосово, Дудорово, а на дальнем от Козельска участке этой дороги ещё Радиховка, справа и слева деревни Починок и Белый Верх. Затем, минуя большое село Кцынь, путники попадали к Кцынским воротам на засеке. Здесь был оборудован специальный пропускной пункт с воротами и крепостью, в которой находился небольшой гарнизон.

О селе Кцынь на Карачевском большаке нужно сказать особо. Это место в старину являлось перекрестком двух больших путей, которые вели к Козельску. С южного направления от степной «украины» один из них вел от Карачева, а другой от Болхова. Обе дороги упирались в засеку. Здесь, на кцыньском ее участке, на реке Ловатянке, уже в XVI в. был построен лесной деревянный городок-крепость.

Село Кцынь – важный стратегический пункт, так как при движении от него на северо-восток можно было попасть не только в Козельск, но и Серенск, и дальше в Воротыньск, служивший воротами от берегов реки Угры на Московскую землю. После Кцыни, преодолев засеку, путники попадали в деревни Рессета, Харитоновку, Милеево, село Хвастовичи, затем в деревню Стайки, а там уже было рукой подать и до Карачева. Скорее всего, прямая дорога Козельск – Карачев была, с точки зрения истории Козельских засек, «пробита» сравнительно недавно. В «Книге Большому чертежу» были помещены сведения обо всех известных в начале 20-х гг. XVII в. дорогах. Упоминания о прямом пути из Козельска в Карачев в ней нет, как не содержится и сведений о селе Кцынь [90]. Это обстоятельство подкрепляет предположение о том, что в то время прямой дороги Козельск – Карачев или не существовало вовсе или она была в совершенно непроезжем состоянии после Смутного времени, когда торговый путь мог окончательно запустеть. Есть и ещё один факт, подтверждающий это предположение. Когда перед началом восстановления Козельских засек в 1638 г. И.С. Благово и Я.С. Истомин проводили досмотр засечной черты в этих местах, то о каких-либо выявленных прежних крепостных сооружениях на кцынском направлении с их стороны заявлено не было. Были обнаружены лишь пограничный брус на границе Кцынской и Бобриковской засек, поставленный ещё при Иване Грозном и Федоре Иоанновиче, а также несколько небольших дорог, проложенных местными жителями между деревнями (см. приложение 4).

В отчете о выполненных работах на Кцынской засеке сообщалось, что стежки быстро заделали лесным завалом, а «по обе стороны Карачевской дороги» поставили крепость. По всему выходит, что Кцынские во-

рота были построены в 1638 г. Интересы функционирования Большой засечной черты породили необходимость строительства (восстановления) «короткой» дороги в Карачев. Прежняя была протяженностью в 140 –150 верст через Болхов, 160 верст через Брянск, 180 верст окружным окольным путем через Лихвин, Белёв, Болхов. Новая «Большая дорога из города Козельска в город Карачев» была длиной чуть больше 90 верст.

Таким образом, следует признать, что к тому времени, когда в 1638 г. началось восстановление Большой засечной черты, относится и налаживание прямого сообщения между Козельском и Карачевым. До этого времени если и делались какие-либо попытки восстановить засеки на Кцынском и соседнем с ним Сенецком участках Козельских засек, то предпринимались они со стороны Брянска и Карачева. Не исключено, что «прямоезжая» дорога Козельск – Карачев стала широко использоваться уже после организации в России в 1667 г. регулярной государственной почты.

Впрочем, существовало немало дорог и троп, проложенных местными жителями в пределах заповедного леса, что подтверждается, например, результатами дозора, предпринятого И.С. Благово в 1638 г. Эти пути могли быть использованы татарами, поэтому должны были быть заделаны немедленно после обнаружения (см. приложение 4).

Важно учитывать и ещё одну реальность – прохождение через здешние места Орловско-Гжатского большака. Его «локализацию» в пределах Кцынской засеки дал В.С. Зеленов. Он, например, пишет: «Дорога пересекает границу губернии у д. Тросны и через молодой поселок Еленский тянется глухими лесами к д. Долина, а от нее – к р. Рессете, где была переправа на плоту «в одно бревно». От Колодяжских постоянных дворов, по-прежнему узкой лесной дорогой берегом Ресеты направляемся к большому селу Кцынь. Есть мнение, что название села происходит от татарского «стойбище». В этом селе путь наш пересекается с дорогой из Козельска в Карачев» [91].

Лесами в Болхов

На протяжении XVI – XIX вв. из Козельска можно было прямым путем попасть в город Болхов по одной из двух дорог. Одна дорога из них была «пробита», скорее всего, в ту пору, когда только складывались Козельские засеки. На Карачевском большаке в тринадцати с половиной верстах от села Колосово существовала развилка, с которой можно было попасть сначала в деревню Старица, а далее в села и деревни Плохино (ныне с. Ульяново), Крапивну, Ягодная. Затем, уже после преодоления реки Вытебеть, путники попадали в село Павлодар, а уж за ним было место, известное сегодня как Городок. Здесь, на речке Дубенке, были ворота через Дубенскую засеку, после преодоления которой, уже беспрепятственно следовали до Болхова. О том, как передвигались по этим дорогам путники зимой, поведал нам С. Герберштейн (рис. 23).

Рис.23. Езда на саних и лыжах в России. Гравюра из книги:
С. Герберштейна. «Записки о Московитских делах...»

Другая дорога, видимо, проложенная позднее, начиналась тоже с развилки на Карачевском большаке, только перекресток был ближе к Козельску. Здесь у деревни Клюксы была оборудована переправа через Жиздру. Сведения о дороге Козельск – Болхов есть в «Книге Большому чертежу». Однако касаются они, скорее всего, дороги через развилку на Старицу. Путь на Болхов через деревню Клюксы показан, например, в «Атласе Калужского наместничества» [92]. В разное время перевоз через Жиздру на этой дороге происходил своим способом. Когда-то главными перевозочными средствами здесь служили лодки, затем, когда в XVIII в. у села Булатово была построена плотина и река обмелела, переправа осуществлялась и вброд. После преодоления реки путь шел сначала по открытой жиздринской речной пойме, далее лесом на юг параллельно речке Ченцев Кладезь (ныне ручей Чепчик). Впереди на этом пути до Болхова были деревни и села Волосово, Хряпкино, Чернышено, Вейно, Поздняково, Передель, Алешня. Нужно было переезжать через речки Ладыженку, Лузченку, Песоченку и Машок – путь неблизкий. Лесные массивы, лежавшие между двумя путями на Болхов, в свою очередь, прорезали свои дороги, проложенные крестьянами между деревнями. Одна из них, например, соединяла населенные пункты Вейно, Грын, Озерну, Железницу, большое село Кирейково, деревню Нагую и тоже выводила к речке Дубенке на засеку к засечным воротам.

Ещё два старинных большака имели важное стратегическое значение, так как соединяли «крымскую украину» через Калугу с центральными областями Московского государства. Помимо Карачевского большака, через весь Козельский уезд проходила ещё одна старинная дорога,

соединявшая Калугу через город Мещовск с беспокойными Карачевскими местами. Оттуда уже было рукой подать до южных степей, наводненных татарами. Она шла через селения: Горохово, Тросна, Сяглово, Хлуднево, Зимницы, Слободка, Букань, Ослинка, Ерепшино, Улемец. На этой дороге в XVIII в. находилось большое село Жиздра (с 1777 г. – уездный город), а рядом протекала речка Сенета – левый приток Жиздры.

Дороги играли двоякую роль в жизни пограничного Козельска. С одной стороны, они связывали между собой города и отдельные элементы засечной черты, обеспечивая ее жизнедеятельность. Вот почему их необходимо было поддерживать в проезжем состоянии, расчищать, обозначать в зимнее время, следить за мостами и бродами через многочисленные реки и ручьи. Царский указ 1615 г. требовал: «Дороги должны быть очищаемы от леса, должны быть широки, должны иметь мосты крепкие, должны быть исправляемы каждую весну». По этим дорогам в случае опасности приходила подмога, дороги уводили козельчан-ополченцев в другие города на помощь их защитникам. Этими путями царские посыльные доставляли грамоты, указы и другие документы по управлению местными делами, приезжали новые воеводы и инспекторские группы из столицы для ревизии засечных дел и крепостного строительства. Благодаря наличию дорог своевременно приходили известия из степи о движении татар к нашим пределам.

С другой стороны, эти дороги, поскольку они проходили через засеки, являлись самыми уязвимыми местами на всей засечной черте. Это обстоятельство требовало принятия исчерпывающих мер для того, чтобы не допустить прорыва по ним неприятеля через «сечь» в ту и другую сторону. Нужно было строить крепости на дорогах через засеку, содержать стражу при укреплениях на дороге. Насколько козельчане были заинтересованы в развитии дорог, проходящих параллельно засеке, и путей, отходящих от нее, настолько же опасались они дорог через заповедные леса у засеки.

Но жизнь брала свое, нужно было торговать, охотиться, заготавливать и вывозить лес, наконец, общаться друг с другом. Поэтому прокладывались новые дороги и быстро натаптывались стежки, в том числе и в заповедных лесах, и даже под страхом смерти. Вот только один пример. В 1636 г., когда осуществлялся досмотр Кцынской засеки, то было обнаружено 8 незаконно проделанных тропинок через заповедный лес. Были выявлены «стежка из Госкова в Сорокино; из Сорокино в Белёв; через поляну Клемятичи в село Уколицы; из села Уколицы в село Леоново; из деревни Поздняковой в Кирейково. Дорога проходила в Передель, Косьяново, Боровую, в деревню Зубкову». Все эти дороги облегчали жизнь местным крестьянам, сокращая путь, выгода от этих «нелегальных» дорожек была куда как очевидна, если в обход было 100, а напрямую всего 5 верст (см. приложение 4).

Дороги служили людям, поэтому засека не должна была быть препятствием для них. Но она должна была быть надежным заслоном на пути татар, а поэтому в местах переезда через засеку ставились крепости. Так

дороги и крепости взаимно обуславливали существование друг друга. Дороги были пристанищем крепостей, они, собственно, и вызвали их к жизни. Но крепости были их главными охранителями «от чужого приходу». Замечательный этнограф Т.Б. Щепанская в монографии «Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX веков» заметила: «Если дорога для русских – этнический символ, то это обязательно плохая дорога: бездорожье, бездорожь, распутица» [93]. Пограничье же у русских всегда ассоциируется с чем-то дальним, малодоступным, пугающим.

Археологи и историки утверждают, что современные дороги оказываются не просто старыми, а насчитывают тысячелетнюю историю. Эти дороги сами по себе являются памятниками истории. Вблизи от дорог с древнейших времен хоронили людей, дороги не только вели к храму, но и к местам упокоения. Вот почему дороги одухотворялись как реки и леса с их священными деревьями и рощами. Одухотворялось и пограничье. Отсюда проистекает связь между собой дорог и застав. Дороги от городов и сел начинались с застав, заставы попадались странникам на их пути, заставы первыми встречали путников, въезжающих в город, они же, встреченные у границы, напоминали путникам об оставленных где-то далеко родных местах.

Заставы у дорог среди лесов

Зная ещё со времен Куликовской битвы особую привязанность татар к традиционным направлениям прихода в русские пределы, основное внимание правительства при возведении засечных линий на старинном рубеже Белёв – Лихвин – Козельск уделяли прикрытию дорог: Белёв – Козельск, Болхов – Козельск, Орёл – Кцынь – Сухиничи – Мещовск, Карачев – Кцынь – Козельск. Эти пути были прямым продолжением знаменитой Свиной дороги. Немаловажное значение придавалось также прикрытию дороги Брянск – Жиздра – Мещовск, по которой татары могли придти после разграбления земель на территории Польши.

Поскольку рейды крымских татар отличались скрытностью начала, стремительностью продолжения и непредсказуемостью выбора маршрутов ухода в степь, все дороги, пролежавшие сквозь засеку, нужно было прикрывать в обоих направлениях, как с «польской» на «русскую» сторону, так и в обратном направлении. Это было лишь одно обстоятельство, которое непременно учитывали строители укрепленных городков. Однако было немало и других правил, которыми руководствовались при строительстве новых и восстановлении прежних крепостей. Все эти укрепленные городки на Столицкой, Дубенской, Кцынской и Сенецкой засеках надежно выполняли функции современных контрольно-пропускных пунктов на границе и, одновременно, играли роль прочных ворот. Вот почему особый интерес представляют как сами эти дороги, которые вели в разные направления от Козельска, так и связь этих путей с крепостями, перехватывавшими их в местах прохождения сквозь засеку.

Среди сотен крепостей, которые находились на Большой засечной черте в XVI–XVII вв., выделялся особый их тип, обусловленный задачами и условиями обороны. По определению историка и археолога А.В. Никитина, крепости, подобные тем, которые находились при Козельских засеках, имели две особенности. Во-первых, все они были полностью построены градодельцами, в отличие от многих других лесных цитаделей, основу оборонной мощи которых составляли, прежде всего, условия местности. Такие крепости находились возле крупных водных преград, в гористой местности или при глубоких оврагах. Во-вторых, и это являлось главным, все «они стояли на дорогах, шедших через лесной массив черты и были целиком подчинены задачам обороны этих путей» [94]. Крепости подобного типа на засечной черте, замечает историк, появляются не ранее конца XVI в., а особенно широкое распространение они получили в XVII в.

Дороги, засеки и крепости, располагавшиеся на них, объединяли несколько общих их свойств. Так, например, значительную часть года, особенно весной и осенью, когда дороги размокали, или в снежную зиму, когда они были непроезжими и главной дорогой становились зимники, накатанные по рекам, крепости превращались в те островки, где ещё как-то теплилась жизнь. Они служили ориентирами для охотников, заготовителей дров и «строельного» леса. Крепости сковывали свободу перемещения людей и грузов по дорогам, и одновременно они содействовали активизации их передвижения, да и самому развитию дорог, поддержанию их в проезде состоянии. Строительство, а также обеспечение деятельности крепостей и дорог было одинаково сложным делом и требовало специальных инженерных знаний. Возведение мостов, укрепление дорожной насыпи от разрушения, прокладка новых и расчистка существующих дорог – всё это было сродни градоделству. Некоторые крепости первоначально вообще были «сами по себе», а затем уже к ним «били» дороги.

Какие-то из крепостей оказались на удалении от главных дорог и стали использоваться как заставы – сторожевые посты. Они же применялись в качестве укрытий для местного населения в момент опасности. В настоящее время об этих заставах напоминают нам следы древних городищ. Одним из них является уникальный памятник не только природы, но и оборонного пограничного зодчества – «Чертово городище». В 1996 г. археологи предположили, что «не исключена возможность использования городища и в эпоху позднего средневековья, в XVI–XVII вв., когда по этим местам проходила линия Козельской засеки, начинавшейся от устья реки Жиздры и шедшей в начале на юг, а затем поворачивавшей на запад к истокам реки».

Вот что пишется в одном из археологических отчетов об этом памятнике: «Городище занимает всю площадку мыса, защищенную как с восточной напольной, так и с северо- и юго-восточных, обрывистых к ложине и пойме сторон, мощным высоким валом (высотой до 2,5 м и шириной у основания до 25 м) – г-образной формы. Перед ним сохранились остатки широкого, ныне заплывшего рва глубиной до 2-х метров. Хорошо видны следы древних въездов на городище.

Один из них поднимается по юго-восточному и восточному склонам мыса на протяжении 90 м, другой – с северо-восточной стороны. Оба въезда сходятся в одном месте, у северо-западного края городища, где вал частично прерывается, образуя проезд на площадку шириной до 4-х метров. Здесь же в разрыве вала, в его основании лежат крупные песчаниковые глыбы прямоугольной формы» [95].

Обращает на себя внимание само название – «Черто́во городище». Нахождение его на засечной черте подсказывает, скорее всего, истинную причину, по которой это место получило свое название: от слова «черта» в значении граница, рубеж. Вот почему правильное всего будет говорить «Черто́во городище» с ударением на втором слоге. Этот вывод подтверждается рядом фактов. Так, например, применять подобное название к объектам, имевшим пограничное (оборонительное) значение, было принято всегда и повсюду. Вот, например, несколько примеров из истории.

За Рейном и Дунаем римскими легионерами против нападения ближайших соседних германских народов была возведена гигантская по протяженности стена, известная сегодня как Черто́ва стена. От этого древнего оплота сохранились ещё некоторые остатки. Прохождение древних валов, по их остаткам, просматривается по линии Регенсбург, Обернбург на Майне, а также от Лана и Зига до Липпе (от Андернаха на Рейне до Айнинга на Дунае). Укрепления Черто́вой стены – пограничного вала – строились более ста лет и представляли собой грандиозное сооружение, которое на разных участках включало в себя: собственно стену; цепь прикрывавших границу укреплений, впереди которых находились окопы; земляной вал со рвами и башнями. Римляне удерживали за собой эту череду укреплений до конца III в. [96].

В Чехии известно ущелье Черто́вы стены. Преодолев это ущелье, река Влтава катит свои воды дальше по Будеевицкой равнине, а затем в узкой долине по возвышенностям Средней Чехии. В настоящее время здесь создан национальный природный заповедник «Черто́ва стена», а по соседству – природный парк Вышебродский (уникальный гранитный массив, реликтовый бор) национального парка «Шумава».

Сегодня только на пространстве бывшей Козельской Столпицкой засеки можно выделить череду древних городищ, занимавших стратегически важные места не только среди лесных просторов, но и на обоих берегах р. Жиздры. Этот «пояс» городищ, которые отстоят друг от друга примерно на равном расстоянии, что может быть объяснено интересами организации сообщения (связи), тянется от стыка с Перемышльской засекой и включает: собственно «городище» на р. Черто́вой («Черто́во городище»); одно или два городища на р. Озерчанке на окраине села Подборки, где, как предполагают, могла быть сигнальная костровая вышка, на которой в случае появления опасности зажигали огонь, видный за многие километры; ряд других городищ, места расположения которых сегодня неизвестны [97]. Не исключено, что было, например, городище среди леса в Березическом лесничестве, в том месте, которое известно как «Голые бугры» и где неоднократно приходилось бывать автору (рис.24).

Рис. 24. Предполагаемое место нахождения городища «Голые бугры», карта 1:100 000, 2002 г.

Знакомство с местностью в этом районе позволяет представить себе, каковым могло быть это городище в плане. Расположено оно было в лесу, на возвышенном месте, которое не заливалось весной в большую воду, ведь река Жиздра была куда более полноводной, чем сейчас. На местности, ныне поросшей 50-летними соснами, вполне легко угадывается некая геометрически правильная котловина с приподнятыми краями, которые, похоже, обозначают нам место расположения древнего вала. Такие валы возводили из песка, глины и камней, которые выбирались из земли. В гребень вала здесь некогда могли быть вбиты остроконечные бревна, образывавшие оборонительный тын (острог). На месте выбранного грунта образовывались рвы, которые также служили интересам надежной обороны. Внешний вид местности позволяет предположить, что там, где валы были устроены в две, а, может быть, и больше линий, возможно, находились небольшие по площади подграды или предграды. Просматривается и место бывшего когда-то проёма, где могли находиться ворота – въезд на защищенную валами территорию крепости.

Кроме указанных городищ, сюда могли входить и совсем небольшие четырехугольные, неправильной формы окопы - «городки», в которых люди укрывались от татарских набегов. Одно из таких мест прежде обнаруживали в районе д. Кирейково, которая находится в 35 км к югу от Голых бугров. Вот что писали об этом месте в XIX в.: «В лесах князя

Трубецкого видно логово древних разбойников – лесной остров под местным названием «Пожаровка» значительной высоты (30 саж.) с перекопами, остатками стоек и погребов; часто здесь находят мелкие серебряные деньги времен царей» [98].

Сторожевые посты защищались дерево-земляными укреплениями и искусственными препятствиями в виде рвов, надолгов. Все они как раз и соединяли засеки в единое целое, что дает право называть эту линию засек Чертой.

Специалисты считают, что исследование городищ является наиболее трудоемким и дорогостоящим делом, поэтому даже простой осмотр названных мест археологами, может быть, даст результаты, позволяющие получить более или менее четкий ответ на вопросы, были или не были «Голые бугры» и «Пожаровка» крепостями или временными убежищами, где во время опасности собиралось окрестное население.

В настоящее время в силу различных причин поиску под Козельском мест возможного расположения сторожевых постов, которые служили когда-то важным дополнением к укрепленным городкам на засеках, уделяется недостаточное внимание. Таковых должно было быть немало, поскольку круг задач, которые они решали, был весьма обширен. Все они, например, предназначались для прикрытия отдельных проходимых направлений, для предупреждения гарнизонов крепостей о появлении неприятеля, а также для укрытия населения близлежащих населенных пунктов во время прихода врага. Примером детального изучения таких сторожевых постов могут служить исследования археологов, проводимые в Одоевском районе Тульской области, где к настоящему времени обнаружено много мест, в которых в уже в XVI в. находились такие сторожевые посты. Их следы обнаружены археологами и краеведами на берегу речки Саженьки (левый приток р. Упы) у деревни Безлепкино, в Болотском и Петровском лесах, а также у деревни Батьково. Места нахождения городищ (Снедское и Одоевское) выявлены на берегах Упы, а также на правом высоком берегу ручья Радин, разделившего урочища Мусынь и Болотское, при его впадении в Упу. На лесном берегу речки Ватцы западнее села Денисово, в Одоевском районе, обнаружены не только остатки древнего сторожевого поста, но и убежища для местного населения на случай неожиданного прихода татар [99].

Результаты исследования названных городищ показывают, что такие посты были построены одинаково: на высоком месте обустраивалась покатая площадка размером примерно 0,2 га, ограниченная с напольной стороны подкововидным земляным валом длиной 50-70 м и такой же длины ровом перед ним. Вал и ров прикрывались крутыми склонами оврагов или невысоким земляным валом с менее крутым склоном в сторону ручья или речки, бывших, как правило, по соседству. На месте одного из таких сторожевых постов у деревни Безлепкино, например, на глубине в 40-50 см обнаружены не только черепки от посуды XVI в., но и обугленная земля и угольки – следы от сторожевых сигнальных костров, разжигавшихся на земляном валу в момент опасности [100]. Несомненно, ждут

своего открытия места бывшего расположения таких сторожевых постов и на территории Козельского района.

Прокладка дорог через леса, устройство просек давали строительный материал, необходимый для строительства как крепостных сооружений, так и домов для местных жителей. Поскольку подобное строительство было не только трудоемким, но и дорогостоящим делом, оно давало некоторые средства к существованию крестьянам близлежащих деревень и сел, а служба в ямщиках вообще была прибыльным делом.

Сам тип крепостных городков обуславливался характером не только основной дороги, при которой стояла крепость, но и развитостью доступных путей передвижения через лес, существовавших поблизости. Там, где были натоптаны стежки или пробиты новые дороги для людей, нужно было принимать меры к обеспечению собственной безопасности защитников крепости с тылового и фланговых направлений, откуда мог подойти неприятель незамеченным. Нужно было блокировать каждую тропу, держать при них специальные наряды. Совсем не случайно засечные укрепления на Козельской черте называли воротами. Само понятие «ворота», а по Владимиру Далю, это «проем для прохода и проезда», выступает применительно к Козельским засекам синонимом слова «крепость». Столпицкие, Дубенские, Кцынские и Сенецкие ворота на засеке – это всё козельские крепости, стоявшие при дорогах.

Особенности тактики татар, обусловленные привязкой их действий к ещё дедовским маршрутам, у нас знали неплохо. Так, например, выбирая тип крепости и способы ее постройки, всегда имели в виду, что татары выходили из Крыма огромными по численности отрядами. Затем, по мере продвижения по дорогам (шляхам) к русским засекам, которые представляли для них серьезную опасность, отряды делились на более мелкие группы. Например, отряд из четырех сотен татар делился на четыре отдельные сотни, расходившиеся в разных направлениях. Каждая сотня, в свою очередь, распадалась на три самостоятельных группы, которые двигались по своим маршрутам до того места, где был назначен сбор, и уже там все они соединялись для захвата выбранного и разведанного селения или города. Таким образом, построение обороны на русских засеках должно было быть таким, чтобы, по возможности, прикрыть все пути вероятного движения татар. Не важно, была ли это наезженная дорога или еле различимая среди кустов стёжка-дорожка. Блокированию подлежали даже небольшие по ширине проходимые места, по которым могли скрытно пройти небольшие, в 30-40 человек, отряды татар.

Татарские отряды были, главным образом, конными. Поэтому нужно было заботиться об устройстве на дорогах таких укреплений, которые бы препятствовали, прежде всего, прорыву татарской конницы. Для этого необходимо было строить надолбы, волчьи ямы и специальные преграды из остро заточенных металлических ежей небольшого размера или острых кольев, вбиваемых в землю («чеснок»), которые устанавливались на угрожаемых направлениях. При попадании на них татарские лошади сильно ранили копыта.

Серьезную преграду для татарских отрядов, среди всех прочих сооружений, представляли надолбы, так как они не только препятствовали передвижению по дорогам, но и служили надежной защитой для русских стрелков. Они вели прицельный огонь, находясь за ними как за укрытием, с короткого расстояния поражали неприятеля и при необходимости передвигались от рубежа к рубежу в сторону крепости. Вот почему татары ночью небольшими отрядами пробирались незамеченными к крепостным укреплениям и «разметывали надолбы», т.е. уничтожали такие заграждения. Главной задачей татарской конницы после этого было прорваться по освобожденной от надолбов дороге за крепость «на русскую сторону». Это заставляло защитников крепости в случае угрозы со стороны татар высылать специальные отряды для действий в тылу, а также надежно закрывать надолбами дороги на подступах к крепости не только с «польской», но и с «русской стороны».

Поскольку в случае преодоления укреплений татары, в первую очередь, старались прорваться через крепостные ворота, то укреплению воротной башни в крепости уделялось первостепенное значение. Перед ними устанавливались дополнительные подъемные и створные ворота, в сторону от которых отходили ряды так называемых «отметных» надолб. Копался ров, через который строились мосты, если не подъемные, то такой конструкции, чтобы можно было в короткое время уничтожить их для того, чтобы превратить ров в неприступную преграду. Особенностью организации татарских набегов было ещё и то, что нападавшие почти всегда умело использовали фактор скрытности и внезапности, для чего при выдвижении к возжеланным для них городам и селам всегда выбирали маршруты, сокрытые от русских наблюдателей густой растительностью, например, кустарником вдоль русел рек. Татарские разведывательные дозоры маскировались среди густой травы и подбирались к крепостным стенам никем незамеченными.

Вот почему не раз в течение года, чаще всего ранней весной и поздней осенью, высокая сухая трава и кустарник на всем свободном от леса пространстве, прилегающем к засеке, специально выжигались с той целью, чтобы затруднить путь неприятелю и одновременно лишить его лошадей подножного корма. Если это удавалось сделать вовремя, то «бусурманы» задыхались от дыма, а лошади падали от бескормицы. Враг вынужден был поворачивать вспять. Хотя этот прием борьбы с татарами был характерен, прежде всего, для степных районов (обычно степь жгли к югу от рубежа городов Карачев, Орёл, Мценск, Новосиль, Дедилов) тем не менее огонь для обороны использовался и в широких незаселенных приречных долинах непосредственно в бассейне Оки. Правда, у такого способа борьбы с непрошеными гостями был один серьезный недостаток. С тех пор, как его начали применять, чтобы не попасть в огненные ловушки, крымцы стали нападать на русские приграничные районы и в зимнее время. От этого они прежде удерживались из-за холодов, больших снегов, а также из-за того, что татарские кони не были подкованы, а твердая в морозы земля повреждала им ноги.

Однако и сами татары нередко брали на вооружение огонь. Одним из способов взятия крепостей, в том числе и на засеках, у татар было выкуривание их защитников путем поджога укреплений или подходящего к крепостным стенам леса, особенно ставших сухими лесных завалов. Эта татарская хитрость учитывалась строителями крепостей, которые специально расчищали от деревьев подходящие к укрепленным городкам поляны, а эти открытые места прикрывали затем различными заграждениями. Таким образом, повышались возможности оборонявшихся по своевременному обнаружению неприятеля, а также обеспечивалось поражение его огнем стрелкового оружия на дальних подступах к крепостям.

Исходя из общего замысла обороны «украин» Руси, засечная черта должна была, если не воспрепятствовать преодолению татарами местности между передовой линией обороны на границе с «дикой степью» полностью, то хотя бы задержать их и тем самым предоставить время для развертывания оборонительных сил. Для отпора татарским набегам служилые люди южных уездов должны были смыкаться в уездные отряды и сосредоточиваться в районах своих укрепленных мест, хотя очень часто правительство оттягивало их для защиты укрепленных пунктов в тылу [101].

К 1638 г. была выработана и проверена на практике не только оборонительная стратегия Московского государства против татарских набегов в целом, но и отработана действенная тактика обороны с опорой на отдельные звенья оборонительной системы, в том числе города-крепости и укрепленные городки-ворота на дорогах сквозь засеки. Были установлены свои правила ведения эффективных боевых действий по их удержанию, внедрены в практику многочисленные приемы и способы введения неприятеля в заблуждение, а военная хитрость и маскировка стали неотъемлемым слагаемым оборонительного мастерства начальников крепостей любого масштаба.

Так, например, там, где это было возможно, засечные сооружения возводились не на опушке леса, а в глубине на некотором расстоянии от нее. Делалось это для того, чтобы обеспечить внезапность применения сильных сторон заграждений и решить главную задачу, возлагаемую на засеки. Татары должны были каждый раз наталкиваться на непреодолимую черту, за которой им пути не было. Когда же, возвращаясь с богатой добычей, они сталкивались с укреплениями на дороге сквозь засеку, то бросали всё награбленное и, прежде всего, пленников.

Важнейшим условием для реализации возможностей, которыми располагали засечные крепости, был всесторонний и наиболее полный учёт при их строительстве сложного механизма взаимодействия возводимых укреплений не только с дорогами, но и с силами природы, которые эти дороги должны были преодолевать. Вот почему представляется необходимым рассмотреть эту связь более подробно, обратив внимание на то, что дороги – творения рук человеческих, были сродни дорогам природным – рекам.

Глава 3

ПРИРОДА И ЗАСЕКИ

А по обе стороны тое Столтитцкие засеки больших рек, и колодезей, и озер, и ржовцов, и топких мест нет, а которые речки есть, и те речки малы и мелки, и через те речки переехать на лошади и пешему перейти без мечтанья мочно и без завалу леснова быть немочно.

Описание дозора Козельских засек

Речки Песчаные да Черто́вые

Козельский уезд во всех направлениях прорезает множество самых разных рек. Среди них Жиздра, Вытебеть, Серена, Рессета и многие другие стали знамениты тем, что именно на их берегах когда-то обосновались первые здешние поселенцы. Реки стали проводниками человеку в этом лесном крае и надежными ориентирами для рыбаков, охотников и ловцов зверя, наконец, для сборщиков меда. Они давали людям пищу, а вплоть до XVI в., когда в деревнях стали появляться первые колодцы, речки и родники оставались для прежних насельников Козельского уезда главными и единственными источниками воды для питья. Во все времена реки служили передвижению людей по воде, позднее по ним сплавляли лес и грузы, а вода крутила жернова многочисленных мельниц. Реки были естественными границами земельных наделов и лесных дач. Начиная с XVI в. многие из них стали служить ориентирами при прокладке засек.

Всего на просторах исторического Козельского района насчитывается более 150 рек, а ещё пруды, озера, ключи-родники. Проведенный анализ списка рек позволяет сделать вывод о том, что более 130 из них носят славянские – русские, украинские и белорусские – названия [102].

Есть названия, имеющие мало общего со славянскими языками, например, из тюркских языков получили свои имена реки Вытебеть и Черобеть, в которых формант «-беть» переводится как «склон холма, утёса» и свидетельствует о том, что эти реки текут среди высоких мест или огибают их. Есть названия, казалось бы, мало имеющие общего со славянскими языками, но на самом деле уходящие своими корнями в индоарийские языки – прародители языков славянских.

Таковыми являются реки Агнишна, Ароса, Вейна, Велья, Другусна, Которинка, Лова, Ловатянка, Лукосна, Лютня, Палакла, Перестряжка, Сваригоша, Сехнаковка и др.

За рекой Жиздрой – Столпицкая засека

Многие названия рек попросту утрачены и только упоминания в старинных документах засечного дела возрождают эти забытые имена.

В пределах Столпицкой засеки протекали реки: Песчаная, Слаговенка, Грязна (Грезна), Ямная, Вейна, Обденка, Сельная, Песочная.

На Дубенской засеке были такие реки: Дубенка, Дубна, Вытебеть, Чичера (Учичена), Могильна, Стрельна, Язвея, Любеша, Рессета, Острогонная, Лютна, а также ручьи: Орль, Костичь, Чистей, Мог, Черный Мог, Клень, Умирилец.

На Кцынской засеке были реки: Выренка, Борковая, Добрая, Язва, Ушатая, Хольна, Вепричь, а также ручьи Гремячий и Ловатец.

В пределах Сенецкой засеки, кроме хорошо известных нам сегодня рек: Жиздра, Рессета, Вытебеть и Лютня – протекали ещё Мельмуха, Еловка, Язва, Хочева, Сученка, Лесна, Рессетица, Озерна, Могильна, Боровка, Сороча и другие речушки. Все отыскать не представляется возможным, поскольку гидрография лесной зоны изменчива.

Непростым делом является обнаружение мест прохождения засек даже и тогда, когда известно, какие реки и где протекали в пределах отдельных засечных звеньев. Объясняется это тем, что многие из них имели не только неказистые, но и нередко повторяющиеся названия. Взять, например, речку Песчаную, на которой в свое время находились «ворота»

на одной из Козельских засек. В лесах по правому берегу Жиздры и среди ее притоков существует немало и других речушек с названиями, основа которых дает нам представление об их песчаном дне и берегах.

Река Песочная (Столпицкая засека)

Вот только далеко не полный их перечень: Песочна, на которой сегодня находится Гранный Холм; Песочная находится на бывшей Белёвской дороге, у Красного Клина; Каменная Песочня и Лесная Песочня – на бывшей дороге из Козельска в Лихвин; Песочня в районе Сенецкой засеки и Песошня – правый приток реки Вытебети. Всего же на территории Калужской области встречается свыше десяти вариантов подобных названий, которые, в свою очередь, присвоены почти ста рекам. Впрочем, ориентироваться на местности с целью установления рубежа прохождения засек помогают все остальные топонимы, известные из материалов дозоров засек, проведенных в различное время (табл. 3,4,5,6).

В 2002 г. вышел Атлас Калужской области, впервые выполненный в масштабе в 1 см 1 км, благодаря чему появилась возможность обозреть всю картину козельских мест [103]. Там, где струят свои воды речки Песчаная, Песочная, Песошня, Песоченка, названия которых – плод картографического труда «чертежников», входивших в состав дозорных команд, – там и была засека. Эти названия в свое время должны были давать представление о том, чем и как следовало укреплять, делать непроходимыми для врага берега таких рек.

Что касается речки Песочной, где находилось предполагаемое место крепости на Столпицкой засеке, то свое начало эта речка берет в лесных дебрях. Питали ее многочисленные «поточки», наиболее крупный из которых – речка Хатунка.

Таблица 3

Топонимика Столпицкой и Дубенской засеки по материалам дозоров XVII в.

Населенные пункты и другие ориентиры		Реки (ручьи), протекающие в пределах засеки, и другие объекты на ней	Дороги сквозь (поперек) засеки и другие объекты на ней
Русская (северная) сторона засеки	Польская (южная) сторона засеки		
СТОЛПИЦКАЯ ЗАСЕКА			
с. Дешовки д. Березичи с. Волосово д. Жукова д. Слободка д. Марына д. Дебри с. Мушкань	д. Госькова д. Озерна д. Грынь с. Вейно с. Чернышино д. Хряпкина слобода д. Киреевская д. Слаговищи с. Красный Клин д. Сырая Тварня р. Веинка	р. Слаговенка р. Грязна р. Пещаная р. Ямная р. Вейна р. Сосенка	р. Обненка р. Сельная р. Песочная Лобанов верх вершек Лиженкин
БОЛЬШАЯ ДОРОГА ИЗ КОЗЕЛЬСКА В МОСКВУ. ПОСРЕДИ СТОЛПИЦКОГО ЗАПОВЕДНОГО ЛЕСА УСТРОЕНЫ СТОЛПИЦКИЕ ВОРОТА НА РЕКЕ ПЕСОЧНОЙ			
ДУБЕНСКАЯ ЗАСЕКА			
с. Дешовки с. Плохино с. Веснино д. Афонасово д. Нагая д. Сапонова	д. Швилева д. Сагалаева д. Снегирева д. Середичи д. Рагзина д. Евгина д. Козюлькино д. Медведки	р. Дубенка р. Дубна р. Вытебеть р. Умирилец р. Клень р. Чичера (Учичена) р. Мог р. Черный Мог р. Могильна	р. Чистей р. Стрельна р. Острогонная р. Язвее р. Любеша р. Рессета р. Орль р. Лютна р. Костиць
			У Дубенской засеки находились: д. Микушина д. Овсяникова д. Ковынь д. Спесивцева д. Словоушина д. Добрая д. Трешна д. Оленникова пуст. Яхина

Таблица 5

Топонимика Белёвской (Бобриковской) засеки по материалам дозоров XVII в.

Населенные пункты и другие ориентиры		
Русская (северная) сторона засеки	Польская (южная) сторона засеки	
БЕЛЁВСКАЯ (БОБРИКОВСКАЯ) ЗАСЕКА		
Бобриковская засека шла меж Столпицкой и Дубенской засеками на 10 верстах. Со Столпицкой засекой она сходилась около д. Гостыевой. Селения и урочища на ней или около нее лежались: поляны Орехова и Телячьи Луки, Выдреный верх, Ларин колодец, с. Гринино, д. Сухачева, д. Зайцева, д. Дольцы, с. Передель, д. Позднякова, д. Слободка, поляна Клематичи, д. Сорокино, р. Чернышевка, д. Игнатовка, с. Петрищево.		
ПЕРЕМЫШЛЬСКАЯ ЗАСЕКА		
Оз. Заборское, оз. Омеляновское, д. Рыченки, оз. Покровское, д. Нижние Подборки, оз. Плесо, оз. Шацкое, с. Алопово, оз. Леляво, д. Каменка, д. Липятина, устье реки Серены, д. Полошково, с. Прыски.	Д. Букреева, Острецкий верх, р. Источенка, р. Плетьская, Кудиновский верх, пуст. Анкудинова, д. Вяльцева, д. Петросова, поляны Ромашевская, Калининская, Ревяскальская, д. Ястребова, пуст. Песочня, Гордииковская дорога, р. Песочна, Шаровкин монастырь, р. Язвее.	

Таблица 6

Топонимика Лихвинской засеки по материалам дозоров XVII в.

Населенные пункты и другие ориентиры		Реки (ручьи), протекающие в пределах засеки, и другие объекты на ней			Другие объекты около засеки
Русская (северная) сторона засеки	Польская (южная) сторона засеки				
ЛИХВИНСКАЯ ЗАСЕКА					
д. Мышбор д. Переславичи д. Кипеть д. Кулешова	д. Сенюкова д. Овсянникова д. Завалихина д. Косынь д. Кунилово д. Исток	руч. Сеняковский колодец Азовец р. Вырка две других р. Вырки овраг Холынь р. Радубица р. Резня пуст. Маринина пуст. Долгие Лозы р. Дубна р. Городенка р. Сухая Тварня Р. Иворная	р. Сосенна, отвершек Сосенный Свинский верх Свинные отвершки р. Насовая Мушинский верх пуст. Барково пуст. Слободище р. Глубоча устье р. Рамница р. Сырая Раменка Ключевое болото	р. Десенка, Десенский отвершек пуст. Мушинская д. Городенка пуст. Токарева р. Козарка болото Федосовское пуст. Сенюкова р. Любомойская большая Белёвская дорога	д. Зимницы д. Десенки д. Любуж д. Скулева д. Жалоб

В старые времена, когда Песочная текла под сенью вековых деревьев, это была полноводная река в крутых берегах, которые в некоторых местах были заболочены. К берегам этой реки подводили многочисленные овражки, по дну которых весной из леса устремлялись бурные потоки талой воды и размывали речные берега.

Распространенным для рек, текущих сквозь засеку или между ее рубежами, является название Сосенка, характерное для Столицкой и Слободенской Лихвинской засекам. Среди засечных лесов протекали многочисленные Глинные, Дубровки, Дубенки, Грязны (от «грязь» – болото) и Одронки (элемент «дрь» указывает на то, что река течёт среди лесов, дубрав, т.е. «древ»). Их названия давали чёткое представление о том, какой лес произрастал на их берегах: дубовый шел на строительство крепостных стен, сосновый – на изготовление прочих конструкций. Служили названия и пищей для ума засечных инженеров при выборе ими характера заграждений: болотистая речка – один подход к укреплению берегов, глинистая – другой. Проходила засека ещё и там, где на карте показаны Чертовы болота, Чертовские леса и ручьи, названные так из-за прохождения их по «черте», т.е. линии засек. Подобные названия географические объекты в глухих заповедных местах получали от строителей засек – служилых государевых людей, которым только и позволялось бывать там.

Поскольку любое название месту давалось с позиции некоего сообщества, которое этот топоним сохраняло, удерживало в памяти до времени появления географических карт, то каждый топоним всегда является частью какого-либо культурного ландшафта, в нашем случае – пространства засечных черт.

Исследователи полагают, что «в одном и том же культурном ландшафте не может быть двух Долгих полей», т.е. будучи единственным, каждое название подчеркивает уникальность конкретного места в том или ином культурном ландшафте и, одновременно, организует всё пространство, то есть всегда несет на себе организационную функцию [104]. Несмотря на то, что «пограничные» лесные топонимы дублируются, этот ландшафт не имеет какого-либо «лоскутного» вида. Эти повторяющиеся удаленные от жилья людей топонимы не менее определены чем, например, названия географических объектов, призванных разграничивать сельскохозяйственные угодья, приближенные к селениям. Названия лесных речушек на засеках, хотя и находятся на периферии, совершенно так же определены (конкретны), как и топонимы, свойственные центру. Пусть и не единственные, но эти названия тоже играют свою организующую роль и подтверждают наличие единого культурного ландшафта, для которого объединяющим началом выступают сугубо «пограничные» обстоятельства.

Среди них следует назвать необходимость содержать в тайне от нежелательных гостей саму пограничную местность, не позволять врагу свободно ориентироваться на незнакомой для него территории.

Не эффективен даже опрос местных жителей, поскольку в условиях множества названий-дублей невозможно разобраться, где и что находится.

Все эти «граничные» (пограничные) топонимы могут быть определены как местоназвания, которые «искусственно» (специально) не обладают исчерпывающей информативностью. В то же время они давали всю необходимую информацию тем, кто должен по долгу службы получать подробные сведения о характере объекта. Л.Н. Гумилев писал: «В раскрытии терминов филолог ничем не может помочь историку, если он не разберется сам, опираясь не на этимологию отдельных слов, а на комплекс событий, в описаниях которых эти трудные слова встречаются в разных сочетаниях» [105].

Применительно к «граничным» топонимам засек выходит, что, располагая письменными указаниями на то, что, например, какая-то крепость находилась на речке Песочной, необходимо учитывать, что такой речкой могла быть совсем не та, на которую мы подумали при первом знакомстве с документом, а другая – с созвучным названием. Для того, чтобы установить точное место крепости, необходимо собрать и проанализировать весь комплекс сведений. В противном случае исследователи будут обречены на неудачу.

Работы по изучению оборонительных сооружений Заокской засечной черты в этом месте были начаты в 2002 г. Осенью 2003 г. археолог И.Л. Чернай указал место одной из крепостей на Столпицкой засеке. Однако проведенные летом 2004 г. на этом месте раскопки результата не дали, предположения о нахождении в указанном месте крепостных сооружений не подтвердились. В 2004 г. В.П. Новиков обнаружил новое место, где, возможно, находилась одна из крепостей Козельской Столпицкой засеки; он нашел остатки валов, рвов и саму площадку крепости [106].

Для окончательного решения вопроса о месте Столпицких ворот крайне важным является моделирование историко-географической ситуации, а также создание образа того, что мы можем найти под дерном в земле.

Как один из способов создания зримого образа козельских крепостей может стать отыскание исторических аналогов пограничных укреплений, а также обобщение результатов археологических раскопок и натурного моделирования (реконструкции) элементов укреплений в других местах. Так, например, археологическим отрядом Новосибирского государственного университета в 2003г. было завершено изучение площади двора так называемого Саянского острога (его размеры – 65 x 70 м) (рис.25) [107].

Последняя из оставшихся частей двора (юго-восточный угол вместе с местом возможного расположения угловой башни) была полностью раскопана. Работы 2000 г. были организованы совместной археологической экспедицией кафедры археологии и этнографии гуманитарного факультета, лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН. Полученные результаты раскопок на месте Саянского острога (см. фото) могут быть использованы для моделирования ситуации, с которой, может быть, придется столкнуться на месте бывших Столпицких ворот.

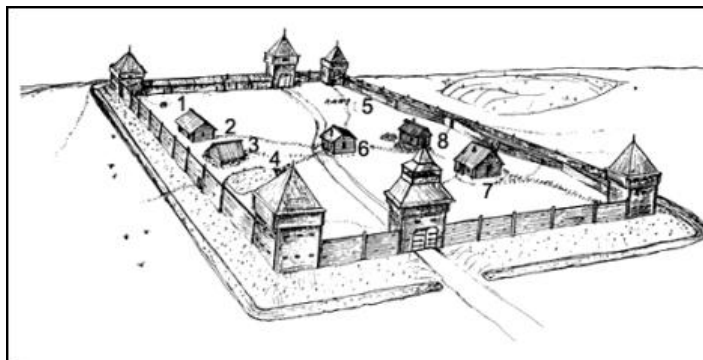

Рис. 25. Графическая реконструкция внешнего вида Саянского острога

Условные обозначения:

- 1 – летний очаг,
- 2 – постройка хозяйственного назначения,
- 3 – продовольственный амбар с погребом,
- 4 – пороховой (амуниционный погреб),
- 5 – коновязи,
- 6 – постройка служебно-хозяйственного назначения,
- 7 – дом приказчика острога,
- 8 – кузница.

Раскопки угловой башни Саянского острога, фото С.Г. Скобелева,
г. Новосибирск

Впрочем, однообразие в названиях лесных речушек могло проистекать и от самих местных жителей. На их берега могли попасть только они, для которых каждое название было родным, единственным, а нередко и священным. Почитание святых источников являлось проявлением высокой религиозности у жителей засечной полосы. Материальными свидетелями этого являются родники. Почти во всех населенных пунктах были свои святые источники. Они становились особо почитаемыми после того, как около них происходили какие-либо события, подобные появлению икон или крестов, которые затем почитались как чудотворные. Так, например, в селе Погост Жиздринского уезда сохраняется каменный крест почти в рост человека. Этот крест прихожане почитали как чудотворный, и древнее предание рассказывает, что он явился при святом колодце, что был некогда при старой церкви.

Святыми становились источники, когда их открывали особо почитаемые в народе люди. Так, например, по легенде, один из ключей, который находится на правом берегу реки Жиздры в 400 м выше по течению от Оптиной пустыни, был открыт Пафнутием Боровским. Поэтому колодец, устроенный на ключах, называют Пафнутиевым. Другой ключ, который находится у входа в скит Свято-Введенского монастыря Оптиной пустыни, по знаменитому старцу Амвросию называют Амвросиевским. Святой «громовой» ключ существовал в Лихвинском уезде в одном из монастырей, близком к засекам; по этой причине монастырь получил несколько видоизмененное название – Успенский Гремячий монастырь.

Известия о необычных для жителей ближайших мест событиях, происходивших возле таких родников и колодцев, передавались «от деда к деду», а сами святые источники упоминались в легендах и сказаниях. Так, например, свидетельством «народного православия» является ключевой колодец в селе Березичи (Столпицкая засека). Предание повествует о том, что однажды ранним утром на Крещение рядом с колодцем видели женщину в длинной белой одежде, которая стояла с протянутыми руками в сторону ключа. С тех пор жители села считают воду из этого колодца целебной [108].

Родники-криницы и святые колодцы поручались особому покровительству Святой Пятницы. К таким источникам всегда приходили казаки перед тем, как заступить на службу в лесные крепости. Много святых криниц находилось при больших дорогах, ведущих сквозь засеки. Обычно их чередование повторяется в интервале 35-40 км, то есть в размерах одного пеше-обозного перехода. Сегодня отыскание сведений обо всех святых колодцах и родниках приобретает исключительное значение ещё по одной причине. Будучи «наложенными» на карту, известия о них могут показать нам места, где проходили пути, забытые сегодня. Результаты историко-географического анализа данных о размещении святых источников на местности, где проходили засеки (эта земля богата событиями военной истории), могут сообщить нам не только о том, где находились сами засечные сторожи-крепости, но и о том, где располагались военные лагеря или стоянки войск. Возле таких водных

объектов следует искать братские захоронения воинов, погибших во время засечных сражений с татарами.

Поскольку святые источники имеют эстетическую, историко-культурную, религиозную, этическую, здравоохранительную, образовательно-патриотическую и ресурсную ценность и все эти природно-исторические святыни требуют заповедания и постоянного ухода. Источники воды, а это реки, ручьи, колодцы и родники, во многих случаях наделялись сакральным смыслом. Чужих к ним не допускали, а потому и какой-либо путаницы в названиях рек не возникало. Значит, не было особой нужды изобретать для них разные имена. Другое дело теперь, когда мы читаем старинные описания засек. Возникает неразбериха. Мало того, что названия повторяются, так ещё зачастую и чертежники, входившие в состав дозорных команд, были малограмотными, а потому допускали ошибки при написании названий ориентиров, которые к тому же они записывали со слов неграмотных местных жителей. Наконец, все чертежи с названиями населенных пунктов, полей, стёжек и дорог, которые имелись в Разрядном приказе, уже к XVIII в. погибли в огне пожаров [109]. Разбор обширной географической номенклатуры засечных козельских лесов представляет большую сложность и, несомненно, требует ещё немалого внимания со стороны исследователей.

В зависимости от наличия водной преграды строители укрепленных городков должны были выбирать тот или иной вариант построения укреплений. С той стороны, где не было реки, обязательно копался ров, а надолбы устанавливались многорядно. Если была река, то городок ставили, как правило, на полевом, т.е. «приступном» ее берегу, откуда ожидался набег неприятеля. Очень часто реки делили лесные массивы на две части и, таким образом, они становились границей, отделявшей первую полосу обороны от второй. Словом, наличие или отсутствие рек во многом определяло способы обороны и придавало то или иное значение отдельным звеньям засечной черты.

Некоторые реки, при которых ставились укрепленные городки, в силу своей незначительности рассматривались градодельцами лишь как источники питьевой воды или как средство борьбы с огнем, если неприятель подожжет засеку возле крепости. Никакой преградой для врага такие реки не являлись. Поэтому они прикрывались заградительными приспособлениями в виде надолбов по берегу или честика, вбиваемого в дно реки, а также укреплялись другими преградами в зависимости от обстоятельств. Исходя из характера реки, прежде всего от глубины и скорости ее течения, а также с учётом подверженности разливу весной, строители засек избирали и свои способы укрепления берегов. Там, где реки вблизи крепости имели искусственные плотины, которые поднимали воду и создавали водную преграду, требовалось принимать меры к тому, чтобы татары не смогли уничтожить эти плотины. Осуществлялось, например, прикрытие плотин ружейным огнем. На местности, небогатой естественными преградами в виде рек или оврагов, нужно было строить больше башен и надолбов (острога), чтобы закрыть проходимые места.

Лес и крепостное дело

Между лесом и всем строительством Большой засечной черты, а также между лесом и возведением конкретных крепостей на засеках существовали непростые взаимосвязи. При изучении прохождения Большой засечной черты по современным картам возникает вопрос: почему древние устроители этого уникального аналога Великой Китайской стены выбрали ее расположение в глубине глухих лесов, в лесной зоне? Правильнее было бы строить Черту по кромке лесов. Чем руководствовались старинные фортификаторы? Стремлением обеспечить скрытное расположение заграждений для достижения внезапности появления их на пути ордынских конных лав, идущих из степи? Или, быть может, ещё какими причинами? Вопрос этот давно интересует не только историков, но и ботаников.

По одной из гипотез, в то время, когда началось строительство Большой засечной черты, участки засеки проходили строго по рубежу, отделявшему лес от степи. Лесная зона располагалась к северу от этой границы, а к югу уже простиралось «поле», «полевая», или «польская» сторона. Черта изначально была привязана к природной, или географической границе между лесом и степью. В глубине же леса, за сотни километров севернее границы этих природных зон, засечная черта оказалась позднее. Когда Большая засечная черта проходила по границе леса и степи, к югу от Черты леса не было. Ответы на вопросы, с какого времени лесные массивы вновь заняли ту природную зону, которую им и надлежит занимать, и где они сегодня находятся, позволяют уточнить время возможного появления засек на Черте.

Предполагается, что лес был уничтожен монгольским скотом, которого, по подсчетам ученых, до первой эпидемии чумы в 1346 г. насчитывалось свыше 30 миллионов голов. Сведение леса скотом кочевников произошло в течение XIV-XV вв.: «Уже в 70-е гг. XV в. золотоордынские скотоводы-кочевники почти ежегодно кочевали близ южных границ Московского государства. До этого же времени леса в Восточной Европе находились там, где им и положено быть «по законам природы» – в географической зоне лесов. По мере утверждения Московского государства на Черноземье, лес начал медленно «двигаться» на юг и, в конце концов, «перешагнул» через засечную полосу» [110].

Таким образом, причина появления Большой засечной черты на границе леса и степи – череда непрерывных набегов татар на Московское государство, которая началась со времени взятия Иваном Грозным Казани под лозунгом освобождения татар Поволжья от русских. Это и заставило создать не ранее чем в 70-х гг. XV в. на границах Руси как средство защиты от татар аналог Великой Китайской стены – засечную черту. Всё пространство, простиравшееся на многие сотни километров к югу от реки Жиздры, до 70-х г. XIV в. находилось в сплошной лесной зоне. Затем этот рубеж превратился в границу сначала с лесостепью, а затем

почти уже и со степью. Город Белёв, расположенный на 30 верст южнее Козельска, уже был местом кочевий золотоордынцев. Есть также предположение, что ещё и в начале XVII в. в районе Тулы вообще не было лесов, что могло быть следствием татарской экспансии на север [111].

Таким образом, Козельские засеки были устроены не внутри Брянского леса, как это выглядит сегодня, а проходили в древности по его южной границе. Это позволяло избежать того, чтобы торить дозорные пути вдоль засеки через лесные массивы, исключало необходимость выводить к засечным укреплениям рокады с обеих сторон засеки сквозь дремучий лес. Прокладка засек по краю леса во много раз сокращала время и многократно экономила людские силы. В этом свете становится лучше понятной возможная причина появления названия одной из Козельских засек – Столпицкой. Она изначально проходила по опушке леса, а построенные на ней смотровые башни – «столпы» – позволяли на многие километры вести наблюдение за южными подступами к засеке со стороны Белёва.

От этих наблюдательных башен и могли назвать засеку Столпицкой. Главным ее отличием было как раз множество дозорных вышек. Не оттого ли, что здесь не было высоких деревьев, которые можно было бы приспособить для размещения на них смотровых и сигнальных площадок, и возводились именно наблюдательные пункты башенного типа?

Нельзя сбрасывать со счетов, что превращение некогда лесной зоны в безлесное пространство не могло произойти и позже из-за хищнического истребления лесов самим русским человеком. Так, например, строевой лес в Подмосковье, а это, главным образом, сосна и ель, был вырублен уже в первой половине XVI в. В 70-х гг. XV в. уже появились первые заповедные грамоты, запрещающие самовольную порубку лесов [112].

В крепостном строительстве в районе засек использовались самые разные материалы. В большом количестве применялись камни для закладки в основание башен и мостов, дёрн шел на обкладку стен, а глина – для обмазки крепостных построек, чтобы придать им огнеупорность. Тысячи пудов грунта требовало строительство земляных валов. Главным же строительным материалом, использовавшимся при возведении как самого города Козельска, так и крепостей на засеках, всегда был лес. Крепостные сооружения часто страдали от огня при нападении врага или вследствие небрежности, допускаемой горожанами. На восстановление только того, что гибло в огне, не говоря уже о новом строительстве, нужно было с каждым разом всё больше и больше леса, поскольку тактика действий противника совершенствовалась, и требовалось строить всё более прочные деревянные стены и башни крепостей, чтобы противостоять его штурмовым и осадным действиям.

О том, как удавалось русским быстро восстанавливать крепости после пожара, поведал итальянец Фульвио Руджиери, проезжавший через русско-литовское пограничье в 1568 г. Место строительства сооружений на обгоревших местах сначала осматривали знающие мастера. Они определяли масштабы и последовательность производства восстановительных или проводимых заново работ. В удаленном приречном лесу сначала отыскивали

подходящий лес, а затем рубили стволы, пригодные для сооружения крепостных строений. Там же деревянные заготовки пригоняли, распределяли по размеру и последовательности укладки, а также по порядку доставки к месту применения. Специальными знаками метили бревна, что позволяло разобрать, а затем быстро собрать конструкции на новом месте. Потом бревна спускали вниз к городу по реке. Когда заготовки доходили до места, которое хотели укрепить, то их вытягивали из воды на землю и передавали из рук в руки на нужный участок. Разбирали знаки на бревнах, соединяли их в нужном порядке вместе и быстро строили укрепления, засыпая пустоты землей. Таким образом, только неприятелю становилось известно о том, что оставшиеся в живых после очередного набега русские начали восстанавливать город, крепость уже была построена и охраняема. Теперь горожане, как писал иностранец, даже и «осаждённые громадным королевским войском, испытывая нападения, мужественно защищались и оставались во власти Московита» [113].

Между потребностями в древесине на строительство крепостных сооружений и возможностями лесов удовлетворять их редко когда устанавливалось равновесие. По этой причине леса скуднели, а отдельные местности, близлежащие к городам, и вовсе становились безлесными. Не были исключением и Козельские засеки, фланги которых отстояли от города даже и на сотню верст. Только из-за массовой вырубki лесов для нужд городского строительства по соседству с городом образовывались значительные площади, вообще лишённые деревьев ценных пород, прежде всего сосны и ели, которые шли на строительство домов и башен, а также дуба – главного строительного материала для возведения крепостных стен. Изучение топонимики Козельского района подсказывает нам, где раньше всего могли быть уничтожены леса. Так, например, в 5 км от Козельска находится село Березичи, известное уже с первой половины XVII в. и приписанное к Столпицкой Козельской засеке. Предположив, что оно названо по той причине, что в старину здесь было много берёзы, можно дать возможное объяснение такому феномену.

Причин к тому, чтобы к юго-западу от Козельска берёзы когда-то вдруг стало значительно больше, чем в соседних местах, может быть несколько. Лесные пожары, приостановка по различным причинам обработки полей – вот что обычно приводило к появлению берёзовых рощ в отдельных местах. Историки и археологи установили, что с конца XV в. похолодание на территории Руси приобрело устойчивый характер. Тогда-то и изменился состав лесов центра Восточно-Европейской равнины, резко стали деградировать ельники, а березняки и сосняки получили широкое распространение. Похолодание сопровождалось обильными дождями. В результате заметно поднялся уровень воды в реках, подтопивших пашни и луга. Именно в это время стали создавать поля на водоразделах. Это одна из возможных причин.

Могла быть другая причина для того, чтобы берёза стала занимать именно здесь заметное место. Эта причина как раз и заключается в массовой вырубке сосен и елей на строительные нужды Козельска.

Занимая важное стратегическое положение, этот город по многу раз в каждое столетие горел от рук неприятеля. Жгли его татары, крымчаки и поляки. Поэтому вполне возможно, что разработку леса для подобного строительства раньше, чем в других местах начали именно в междуречье Жиздры и Грязны. Ближе к городу, меньше опасность встречи с неприятелем, меньше требуется времени на сплав бревен. Первая потребность в огромной массе строительного леса возникла, когда Козельск полностью был уничтожен монголо-татарами, то есть после 1238 г. Когда точнее? Не раньше, чем через сто-двести лет. Столько времени, считают историки, понадобилось для того, чтобы зажили страшные раны татарской семинедельной осады и полного уничтожения Козельска, а люди вновь пришли на приречные холмы у Жиздры и Другусны.

Выходит, что коренной лес на реке Грязне (ныне в пределах Березического и Грязнинского лесничеств) мог быть изведён на восстановление города где-то в первой половине XIV в. Ещё лет двадцать-тридцать потребовалось затем природе, чтобы залечить берёзой-лекарем следы массовой порубки. Выходит, что тогда-то, уже во второй половине четырнадцатого столетия, люди, обосновавшиеся под сенью молодых берёз, и получили от этих деревьев прозвище «березичи». От них, или от прозвища первопоселенца и могло произойти название поселения.

Изведение хоромного леса и последующее зарастание мест его вырубки берёзой могло произойти и позже, когда город Козельск по указу Ивана Грозного был превращен в надежную крепость, ограждён деревянной стеной, а в лесу, в верховьях речки Грязны, была сооружена Столпицкая засека. Теперь вновь потребовалось огромное количество леса. Так, например в 1638 г. для восстановления этой засеки было заготовлено 7 100 брёвен, а на три другие Козельские засеки ещё не менее 20 тыс. брёвен [114].

Приведенное выше «строительное» и одновременно ландшафтное объяснение названия села Березичи может быть подтверждено двумя фактами. Во-первых, уже в самых древних уставных грамотах было зафиксировано исключительное право горожан рубить лес на дрова или для строительства в местности, непосредственно прилегающей к городу. Во-вторых, массовые вырубки леса на Руси начались как раз в XIV в.

Лесные массивы уже сами по себе существенно затрудняли движение неприятеля, а на отдельных направлениях даже и без принятия дополнительных мер делали его невозможным. Наоборот, там, где лес был сведен в результате деятельности человека, уничтожен огнем лесных пожаров или был негустым от природы, засечные строители должны были предпринимать дополнительные меры к прикрытию таких направлений. Главным при этом становилось достижение такого положения, при котором бы отдельные линии обороны как можно более тесно соединялись с лесными завалами и естественными препятствиями – оврагами и реками.

Нередко строители крепости сами создавали искусственные открытые пространства, главным образом, для визуального наблюдения и эффективного применения огнестрельного оружия. Для

этого вырубали лес, создавая вокруг крепостей безлесные площадки. В этом случае они становились основной линией обороны и в ее интересах всемерно защищались оборонительными сооружениями.

Лесные непроходимые чащи позволяли располагать крепости в их глубине, в таких местах, где они всегда оказывались на путях врага внезапно. Лес не давал возможности просматривать то, как были устроены крепости. Кроме того, лес всегда сковывал действия вражеской конницы.

Однако лес имел одно крайне опасное свойство – это его подверженность пожарам. Особенно это свойство было присуще тем лесным массивам, где проходила засека или были устроены лесные завалы. Дело в том, что высохшие стволы деревьев, поднятые на высокие пни, а также высохшие за годы сухие ветви служили отличным горючим материалом. Нередко пожар, возникший в одном месте, с большой скоростью распространялся по линии засеки на большие расстояния и только реки и просеки проломанных сквозь засеку дорог кое-где были преградой огню. Вот почему охрана заповедных лесов от пожаров была одной из важнейших задач лесных сторожей и защитников крепостей. Для них лесной пожар зачастую представлял не меньшую опасность, чем неожиданный приход татар.

Сохранился документ, содержащий предложения городских мастеров по устройству городка на Кцынской засеке. Они, например, высказывались против того, чтобы строить завал непосредственно около крепости: «... как завал лесной к башне или к городку приволить и башни ... и городку будет великая поруха и теснота от того лесного завалу. Толко люди воинские придут, и тот завал зажгут и от того лесного завалу городок згорит и людям будет в том городке самая большая поруха» [115].

Не удивительно, что особое внимание уделялось противопожарным мерам. Дело в том, что лето 1638 г., когда осуществлялись масштабные работы на засеке, выдалось жарким. Лес повсеместно высох, поэтому опасность возникновения лесного пожара была чрезвычайно велика и зримо ощущалась «деловцами».

Для того чтобы обезопасить укрепленные городки от лесного пожара, лесные завалы отодвигали от крепостных стен, высекали поблизости лес, что лишало противника возможности осуществить поджог крепостных построек. Много внимания уделялось также расчистке пространства, прилегающего к укреплениям, от травы и мелкого кустарника. Можно с уверенностью сказать, что, скорее всего, засечное дело было организовано таким образом, чтобы при непосредственной угрозе вторжения со стороны противника можно было засечь лес заново. С этой точки зрения важно было засекать не весь лес, а сохранять какие-то его участки в неприкосновенности, то есть вовсе без завалов. В противном случае, если бы враг поджёг стоявшие сухими сооружения из поваленного леса, то образовались бы бреши, через которые он в последующем мог бы беспрепятственно приходить на «русскую сторону».

В отличие от лесных пожаров, одна сила природы исключительно разрушительного свойства была на стороне засечного дела. Время от времени через здешние леса проходили смерчи, невиданную мощь

которых можно себе представить со слов очевидцев. О такой буре поведал составитель «Летописи Иоанно-Предтеченского скита при Оптиной пустыни» преподобный старец Варсонофий 24 июня 1848 г. В своем дневнике он записал: «Пополудни в четвертом часу с юго-запада зашла черная туча, которой вначале предшествовала молния с громовыми перекатами, потом разразилась жестокая буря с проливным дождем и градом. Монастырский лес, в особенности вековые сосновые деревья, ломало и вырывало с корнями, коих истреблено примерно до 2000 деревьев, и сделано значительное опустошение». Тяжелые последствия прошедшего бурелома ощущались спустя много лет. Так, например, в 1861 г. ввиду сильного опустошения буреломом 13 лет назад лесной дачи монастыря Оптина Пустынь, архимандрит Моисей просил епископа Григория отпустить монастырю леса или отвода из казенных дач для хозяйства [116].

Поломанный и сваленный бурей лес образовывал непроходимый вал, что делало строительство специальных сооружений, с одной стороны, делом ненужным, с другой, невозможным. Регулярные заграждения просто нельзя было сделать. Последствия подобных катаклизмов сказывались потом десятки лет, заставляя каждый раз в справках, составляемых по результатам дозора засек, непременно отмечать такие обстоятельства. «Между Перемышльской и Козельской засеками черта не сошлась, а лес заповедный сошелся; не доведена черта потому, что из давних лет тот лес был большой в глухих местах, и бурей заломан; проехать было немочно» – находим мы, например, в материалах дозора Столицкой засеки, проведенного в 1677 г. (см. приложение 5).

Городки – ворота на засеках

Понятие «крепость» вошло в оборот сравнительно недавно, нет его, например, даже в словаре В. Даля. Дело в том, что в старину на Руси для обозначения укрепленных пунктов, представляющих собой круговую систему долговременных оборонительных сооружений, чаще всего использовались понятия город, городок или кремль.

По разным оценкам, в XVI-XVII вв. на дорогах, ведущих сквозь Козельские засеки, было в общей сложности 4-5 таких городков. Точное их расположение на местности сегодня не установлено. Существуют лишь гипотезы, требующие проверки с привлечением археологов и проведением дополнительных исторических разведок. Предполагается, что крепости находились: на Столицкой засеке – на реке Песочне (старая дорога в город Белёв); на Дубенской засеке – на реке Дубенке (район населенного пункта Городок, старая дорога в Болхов); на Кцынской засеке – на ручье Гремячий (дорога из Козельска в Карачев); на Сенецкой засеке – на реке Сенек (дорога из Козельска в Карачев). Местоположение последней крепости наиболее гипотетично, о чем было сказано во второй главе третьей части монографии при повествовании о дороге через Сенецкие места.

Кроме названных крепостей-ворот, на засеках существовали ещё и отдельные укрепления в виде сторожевых постов, острогов, укрепленных городков, редутов, обрудованных мест укрытия местного населения от татар («зимницы») и др. сооружения. Все они могут быть отнесены к крепостным сооружениям, следы которых едва угадываются на местности.

В первой половине XIX в. Леонид Кавелин писал: «После междоусобицы, при Михаиле Федоровиче деятельно занялись устройством сторожевых линий и исправлением сторож, станиц и засек по украинным городам (к числу которых принадлежал и Козельск), бывших ещё при Борисе Годунове в хорошем состоянии. По уездам Лихвинскому, Перемышльскому и преимущественно Козельскому проходила часть так называемой Крымской засеки, цель которой определялась самим сим названием. Ныне близ этих мест не осталось никаких следов прежних укреплений, кроме рассеянных курганов, служивших некогда сторожами, а, быть может, насыпанных над могилами павших в сече» [117]. Заметим, что под термином «сеча» автор мог иметь в виду не только место отчаянных сражений козельских ратников с монголо-татарами, крымцами и польско-литовскими захватчиками*, но и мог употребить его в значении «засака».

Одна из серьезных попыток найти следы крепостей на засеках была предпринята в 40-х гг. XX в. А.В. Никитиным, к сожалению, в его заметках о результатах тех разысканий упоминаются лишь обнаруженные следы рвов и валов на Белёвских и других смежных с Козельскими засеками, при этом о каких-либо подобных находках среди козельских лесов нет ни слова. Впрочем, что же там можно было найти, если и за несколько десятков лет все укрепления в лесах «растворяются» под воздействием только одних сил природы. Это наглядно подтверждают, например, материалы старинных дозоров засек. Когда в 1638 г., всего лишь после 40 лет неустроенности и Смуты обстановка на южных границах России заставила возродить Козельские засеки, каких-либо видимых следов бывших укреплений на засеках попросту не нашли. Со Столпицкой засеки дозорщики докладывали: «...от Столпицких ворот по обе стороны, где был старой завал лесной сечен, и таво завалу пеня и которые деревья были сечены, и таво всего не знать – всё погнила, а потому по старинному завалу лес вырос молодой в невеликое бревно». Или вот ещё: «... на столпицких воротах, што было каких крепостей, и таво всего ничего не знать – всё погнила» (см. приложение 6).

Такова картина полного разрушения всего за четыре десятилетия засечной черты, бывшей гордостью Ивана Грозного и его предшественников. Понятно, что в настоящее время, когда прошло уже три с половиной столетия, дело изучения засек является непростым и, по прошествии всё большего времени, оно ещё более усложняется. В результате изучения ситуации, связанной со строительством Козельских

---

* Сечи почитаются и в наше время. Так, например, у деревни Сенино, прежде называвшейся Косынь, есть место, которое в народе известно как «Сеча».

засек и реконструкцией их в разное время, особенно засечных крепостей на дорогах, автором настоящей монографии сформулирован перечень задач, которые целесообразно решать в процессе исторического теоретического изучения и осмысления истории засек как объекта культурного наследия.

Главными из них могут быть названы: документальная «локализация» прохождения засек и местоположения той или иной крепости на картах с привязкой к ориентирам, упомянутым в соответствующих «дозорах»; установление места и роли каждой крепости в общей системе Козельских засек, а последних – в обороне южной границы Руси в целом; уточнение времени возведения первых укреплений на засеках, определение их характерных особенностей (сильные и слабые стороны), а также применявшихся хитростей для введения противника в заблуждение относительно замысла обороны на засеках; нахождение ответа на вопросы: кем и когда наполнялись укрепленные городки на засеках, какова была их емкость, а также боевые возможности крепостей; отыскание сведений о том, кем и когда перестраивалась или подновлялась та или иная засека; установление основных признаков – следов бывших засечных сооружений, которые могут быть обнаружены в настоящее время, и возможного местонахождения их следов на местности.

Решение отдельных задач стало предметом исследования настоящей монографии, другие ещё ждут своего решения. Представляется, что результаты этой исследовательской работы помогут специалистам создать цельную модель Козельских засек, которую интересно будет сравнить, правильнее сказать, совместить с той, которая будет получена по результатам археологических изысканий. Сама теоретическая модель, несомненно, поможет археологам в их работе на местности.

Важнейшее значение для обеспечения обороны Козельска на подступах к городу со стороны засеки, а также для пропуска людей и грузов через «сечь» имел Столпицкий узел обороны, возведенный на Столпицкой засеке у реки Песочной на большой дороге Козельск – Белёв. Объяснялось это, в первую очередь, тем, что эта дорога, прорезавшая заповедный лес, напрямую подводила со стороны Белёва к реке Жиздре, сразу за которой уже начинались козельские слободы. Сотня - другая метров и враг, пришедший с крымской стороны, оказывался уже в Козельске под самыми стенами Вознесенского монастыря, который, быть может, играл роль внешней крепости, расположенной за стенами основной крепости города. На эту мысль наводит знакомство с историей бывшего неподалеку Жиздринского монастыря, который в XVI-XVII вв., как предполагают, даже входил в систему всей обороны южной границы Руси на Брянском направлении.

Наиболее подробное описание Столпицких ворот было составлено в 1641 г. при передаче их от воеводы-воротынца Дорофея Матова козельским воеводам Андрею Шепелеву и Борису Воронцову (приложение 7). К этому документу неоднократно обращались многие исследователи. Одни из них подробно комментировали содержание этого акта [118] другие не только

расшифровывали их, но и составляли свои собственные чертежи и рисунки устройства «всяких засечных крепостей» у Столпицких ворот (рис. 26, 27, 28).

Автор монографии изучил их и, приняв за основу вариант Ласковского, наиболее близкий к описанию устройства Столпицкого городка в 1641 г., разработал обобщенный вариант укреплений (рис. 29, 30).

Планы укрепленного городка на Столпицкой засеке, приведенные выше, к сожалению, содержат ряд неточностей. Это касается, в первую очередь, общего количества и конструктивных особенностей устройства башен и стен городка; построек, возведенных на территории крепости; характера надолбов и острога, и др.

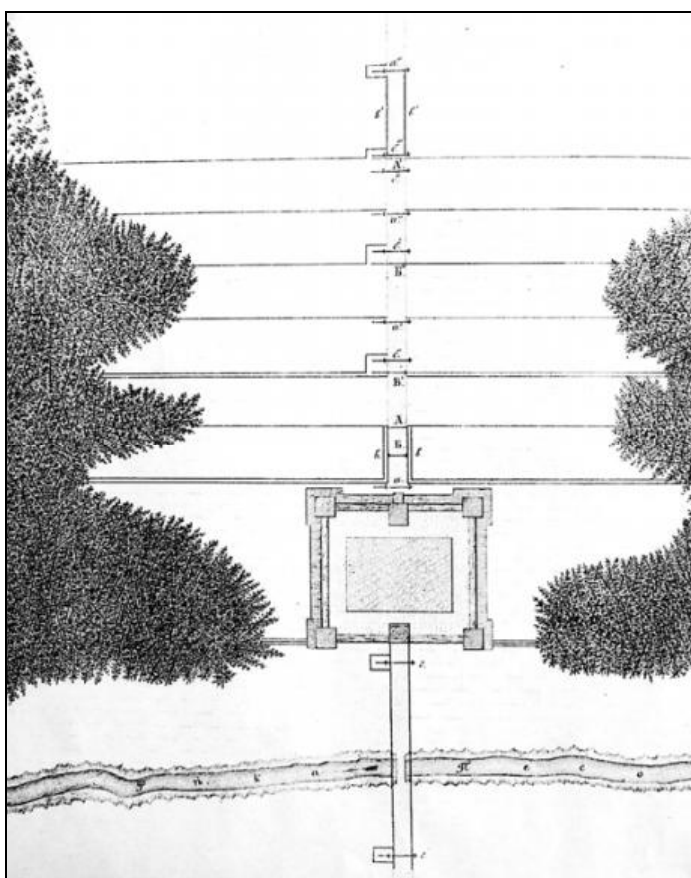

Рис. 26. Оборонительные сооружения на дороге через Столпицкую засеку в XVII в. (реконструкция Ф.Ф. Ласковского, 1858 г.) [119]

Для того чтобы более рельефно стали понятны некоторые детали, автор счел необходимым составить свою внemasштабную схему

Столпицкого узла обороны. Эта же схема учитывает недостатки и замечания по ходу изучения чертежей Ф. Ласковского и Н. Фальковского, а также основана на результатах сравнения прежних чертежей с документами XVII в. На отдельные из них обратил внимание ещё А.В. Никитин [120], другие выводы принадлежат автору монографии.

Обращает на себя внимание то, что в общей сложности городок имел 4 башни: две глухих, скорее всего, угловых и стоявших с русской стороны, и две проезжих. Все они были четырехугольные по форме, но имели при этом разные размеры: 4 x 4 сажени – проезжие и 2,5 x 3 сажени – угловые башни. Это 8,64 x 8,64 м и 6,48 x 5,4 м соответственно, при условии, что результаты измерения в документе (см. приложение 7) указаны в трехаршинных сажнях, каждая из которых равнялась 2,16 м.

По мнению А. Савельева, стены крепости на Столпицкой засеке выглядели следующим образом: «... столпицкой засеки город сосновый рублен в одну стену с быками, на быках ощен мост, около города поверх мосту город, рублен в две стены в клетку, а в клетках прорублены двери, ходить по городу» [121]. Н.П. Крадин комментирует это сообщение следующим образом: «Здесь заполненные землей и камнями срубы названы «быками». Быки соединены однорядной рубленой стеной, а поверх быков устроен настил, на котором стена рублена уже в два ряда с поперечными перерубами. Причем на стене нет галереи, а все клетки имеют сообщение между собой через двери» [122].

На территории городка были поставлены две избы и выкопан казенный погреб для «порохового зелья». Кроме того, острог был доведен до реки, что повышало ее защитные свойства в то время, когда ещё с русской стороны не был выкопан ров и поставлены надолбы. Это усовершенствование произошло уже после 1641 г.

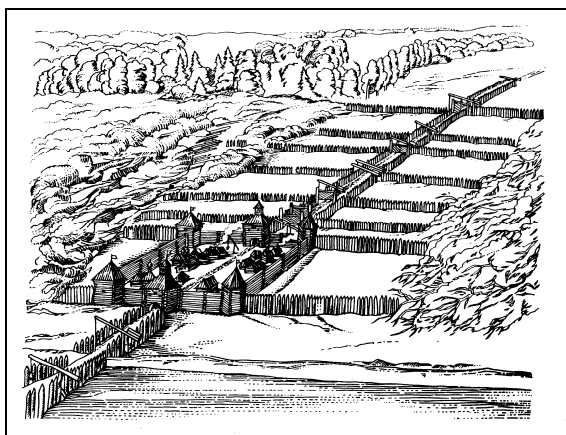

Рис. 27. Оборонительные сооружения на дороге через Столпицкую засеку в XVII в. (реконструкция Н.И. Фальковского, 1950 г.) [123]

Особое внимание было уделено общему укреплению городка. Заметим, намного больше, чем это делалось обычно, например, особенно прочной была сделана вся ограда, что достигалось установкой угловых башен.

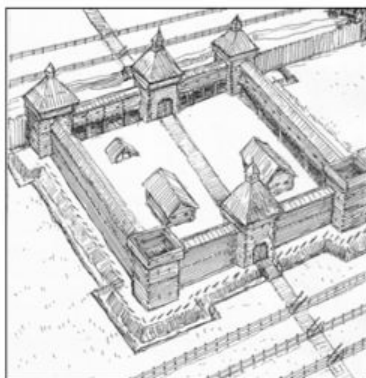

Рис. 28. Реконструкция Столпицких ворот
(И.Л. Чернай, Москва, 2003г.)

Стены по всему их периметру были оборудованы внутренними переходами в виде клеток с дверями для прохода. Это повышало защищенность оборонявшихся в крепости от обстрела с тыла, поскольку, как предположил А.В. Никитин, вне стен крепости находились более высокие точки для обстрела. На территории городка был оборудован погреб для хранения зелья – ядер, пуль и пороха. В крепости это было хорошо защищенное сооружение, так как запасы, создаваемые для «вогненного боя», были внушительными.

Остатки предполагаемого рва XVII в.
у Столпицких ворот, апрель 2006 г.

От засеки до реки Жиздры было около 8 верст. Это расстояние можно было без труда преодолеть на лошадях даже весной, осенью и летом после дождей примерно за час. Обычный обоз без спешки проходил этот путь за два часа. Вот почему те, кто рубили самый первый город на Столпицкой засеке – ворота в Козельск, хорошо понимали, что для татар он должен был быть непреступным узлом обороны. Важность его создания объяснялась ещё и тем, что сами татарские силы, могущие подойти к непреодолимой для них засеке с «польской» стороны, могли быть весьма внушительными, от нескольких сотен до трех-четырёх тысяч человек. К тому же у них просто не было другой возможности попасть в Козельск, кроме как попытаться прорваться по проломленной через засеку дороге.

Вот почему те, кто строил город, уже изначально побеспокоились о том, чтобы наиболее крепко прикрыть подступы к нему именно с «польской» стороны. Может быть строителям не пришлось бы городить надолбы в 6 линий, если бы они расположили городок за рекой Песочной с русской стороны. Однако для того, чтобы городок стал именно с полевой стороны, видимо, были какие-то веские основания. Археолог А.В. Никитин, например, объяснял это тем, что русская сторона была меньше покрыта лесом [124]. Впрочем, могла быть и другая причина, а именно та, что речка Песочная была неширокой и мелкой, а использовали ее только лишь как источник воды для питья и на случай лесного пожара. Не случайно, уже после 1641 г., реку дополнительно прикрыли с русской стороны рвом (см. приложение 11).

Каменная кладка в основании моста через реку Песочную, апрель 2006 г.

Став мысленно на сторону татарских конников, попытаемся в составе их отряда прорваться на русскую сторону через засеку у Столпицких ворот. Смоделируем весь ход такого предприятия, начав его из окрестностей Белёва, куда, в свою очередь, можно было попасть из Болхова. Условность такой задумки состоит, помимо всего прочего, ещё и в том,

что татарам прорваться из Болхова под Белёв было тоже совсем не просто, так как сначала надо было преодолеть хорошо укрепленную Бобриковскую засеку. На ней вдоль реки Бобрик на протяжении 10 верст были установлены 27 башен, поделаны надолбы и набит частик. Сами ворота у этой Белёвской засеки были тоже неплохо укреплены. Тем не менее представим, что прорваться к Белёву всё же удалось. А что же дальше?

Условия выполнения задачи таковы. Во-первых, предстоит сначала совершить переход от города Белёва до Столпицкой засеки, а это ни много ни мало 17 с половиной верст, или, полагая в 1 версте 500 сажений, а в сажени 213,36 см, около 18 км. Во-вторых, нужно будет преодолеть саму засеку глубиной 2361 сажени, то есть пять с лишним километров. Здесь сквозь лес была пробита неширокая просека, по которой, собственно, и была накатана дорога, поделаны гати через мокрые места, а кое-где и мостки через ручьи и речушки. Дорога песчаная, кони будут идти с трудом, утопая в этом песке. Наконец, пройти лавой путь от засеки до реки Жиздры, а это ещё семь с половиной верст, то есть около 8 км.

При благоприятном стечении обстоятельств на все предприятие потребовался бы один световой день – и мы в Козельске. Но всё было бы незатейливо, не будь на пути Столпицкого городка.

На первые укрепления этого узла обороны мы наталкиваемся, втянувшись в засеку на три с половиной километра (1606 сажений). Перед нами первые опускающиеся ворота, что-то вроде шлагбаума. Так просто обойти это место ни справа, ни слева невозможно, так как в обе стороны от этих ворот, от дороги до самого леса, что начинается по бокам дорожной просеки, путь нам преграждают надолбы.

Конечно же, смести эти первые ворота несложно, но после преодоления ворот мы оказываемся в узком коридоре, ограниченном опять же рядами надолбов, а это не только преграда, но и надежное укрытие для русских стрелков. Внезапно из-за этих надолбов в нас сыплются пули и стрелы. Это из укрытий вступили в дело русские ратники, вооруженные луками и пищальми. Помимо всего прочего, промежутки между отдельными стоячими бревнами надолбов прикрыты хворостом, пересыпанным землей, а поэтому русские защитники скрываются за ними, как за надежными щитами. Назад нам дороги нет – напирают свои же возбужденные внезапной опасностью конники, возникает затор. Впереди неизвестность.

Не скоро ещё в тылу татарских сил разберутся в том, что же случилось. Кто-то будет послан в лес на поиски обхода укрепленного участка дороги, но вскоре уже разведчики вернутся ни с чем. Обхода дороги нет, лес непроходим, а там, где нет оврагов, среди леса, оказывается, русскими давно поделаны непроходимые завалы из деревьев.

Один выход, прорываться вперед, ко вторым воротам. Задача не из легких, так как коридор между боковыми надолбами за первыми воротами уже наполнен убитыми соплеменниками и павшими лошадьми. Если только удастся проскочить за надолбы в сторону леса, то мы окажемся запертыми в ячейке между валом из деревьев в лесу и надолбами, поставленными от ворот в сторону леса. Другой выход – с трудом всё же,

но отойти назад, подальше от засеки. Прийти в себя, ночью выслать отряд для того, чтобы проделать проходы в линии засеки, как говорили, смести надолбы. В любом случае упущено время, утрачен фактор внезапности.

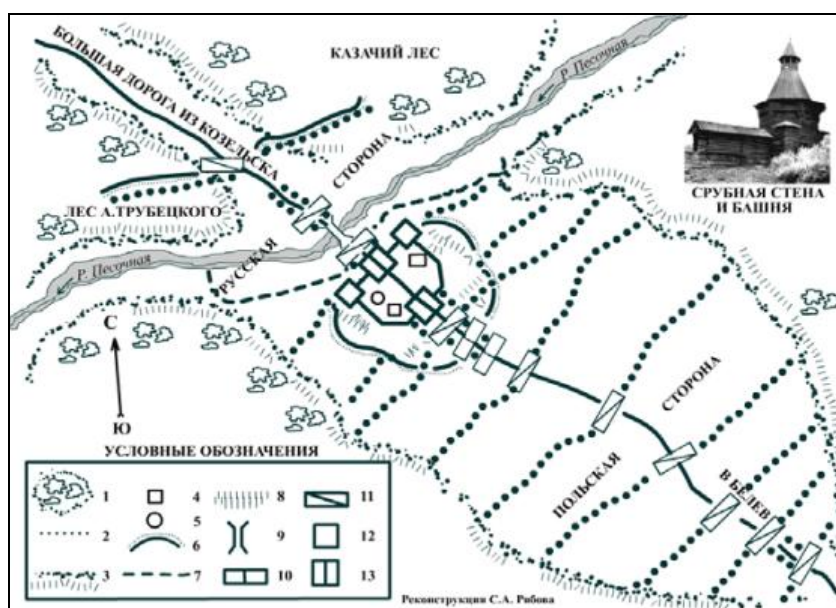

Рис. 29. Принципиальная схема укреплений у Столпицких ворот в XVII в.

Условные обозначения:

1 – засечный лес,	8 – частик,
2 – надолбы двойные (тройные),	9 – мост,
3 – лесной завал,	10 – ворота створные,
4 – избы,	11 – ворота опускаемые,
5 – пороховой погреб,	12 – башня глухая четырех-
6 – искусственный ров,	угольная,
7 – острог,	13 – башня с проезжими воро-
	тами.

ПОЯСНЕНИЯ К СХЕМЕ

ЛИНИИ ЗАГРАЖДЕНИЙ
(на плане показаны арабскими цифрами)

8 ЛИНИЯ НАДОЛБОВ
по 50 с на сторону

7 ЛИНИЯ НАДОЛБОВ
по 50,5 с на сторону

6 ЛИНИЯ НАДОЛБОВ
по 36,5 с на сторону

5 ЛИНИЯ НАДОЛБОВ
по 35 с на сторону

4 ЛИНИЯ ДВОЙНЫХ НАДОЛБОВ
по 46 с на сторону

3 ЛИНИЯ НАДОЛБОВ
по 40 с на сторону

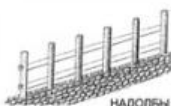
2 ЛИНИЯ ДВОЙНЫХ НАДОЛБОВ
по 50 с на сторону

1 ОСТРОГ
по 41,5 с на сторону
и тройных надолбов
по 8 с от конца острога
до лесного завала

ОСТРОГ У РВА

ТИП ЗАГРАЖДЕНИЙ

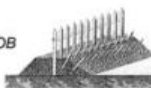
НАДОЛБЫ

ЧАСТИК

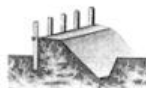
ДВОЙНЫЕ
НАДОЛБЫ

ОСТРОГ

НАДОЛБЫ
ТРОЙНЫЕ

НАДОЛБЫ
У РВА

ПРОФИЛЬ
РВА

1а После 1641 г. на этой линии
дополнительно открыт ров
и возле него поставлены
надолбы по 50 с на сторону.
Вместо опускной колоды
возведены опускные ворота.
Кроме того, набит частик
между ровом и крепостью.

Примечания:

1. Расстояния на схеме указаны в косяках
саженях.

2. За основу взят план реконструкции укреплений у Столпицких ворот
Ф.Ф. Ласковского (см. Ф.Ф. Ласковский. Материалы для истории
инженерного искусства в России. Ч. 1. СПб, 1858).

3. При подготовке плана использованы замечания А.В. Никитина
к плану Ф.Ф. Ласковского (см. А.В. Никитин. Оборонительные соору-
жения засечной черты XVI-XVII вв. // Материалы исследований по архео-
логии СССР №44. Т. 3. М., 1955).

4. На плане отражена также точка зрения автора о том, что го-
родок имел в общей сложности 4 башни, 3 из которых распо-
лагались с русской стороны.

ТИПЫ ВОРОТ
(на плане показаны
римскими цифрами)

ВОРОТА СТОВЧАТЫЕ
(III, XI)

ВОРОТА ОПУСКНЫЕ
(II, IV, VII)

КОЛОДА ОПУСКНАЯ
ДУБОВАЯ

Примечание:
Опускные колоды
располагались
отдельно
(I, VI, IX, XIII, Ia, IIa)
или при воротах для
их усиления (XII, VIII,
X, XII).

Впереди «крымцев» ждут ещё 8 ворот, причем не только в виде опускаемых колод, но и створные дубовые ворота, которые не так-то легко проломить (рис. 29). В конце концов нападавшие оказываются запертыми в гигантской воронке, в которой их будут последовательно уничтожать русские люди, вооруженные не только луками со стрелами и пищалями, но и пиками, и рогатинами. Скорее всего, до штурма самого кремля, то есть укрепленного деревянного городка, дело просто не дойдет.

Описание укреплений на воротах сквозь засеку и рассмотренная модель боевых действий на исследуемом направлении показывают, что здешняя крепость была не только хорошо укреплена. Внешний пояс, а также территория, расположенная внутри него, называвшиеся «городом сосновым, рубленным», имели ещё и внушительные размеры. Общая длина городских стен с башнями составляла 112 сажен.

Если взять за основу казенную сажень XVII в. – 217,6 см, то можем заключить, что периметр крепости был около 250 метров. В описаниях крепости (см. приложения 4, 6, 7, 11) можно обнаружить и другие подробности не только об ее устройстве, но и о том, что собой представляли крепость и укрепления на Столпичьей засеке в целом (рис. 30). Остается лишь добавить, что служба в подобных небольших крепостях неслась гарнизоном в составе около 50 человек в течение определенного срока, затем происходила замена людей.

Следующей крепостью на Козельских засеках был укрепрайон у реки Дубенки. Крепость на Дубенской засеке ничем примечательным от всех остальных не отличалась. Располагалась она в верховьях реки Дубенки, правом притоке реки Вытебеть. Сохранился промежуточный доклад о ходе восстановительных работ, производимых на этой засеке летом 1638 г. [125], позволяющий понять, что собой представлял этот укрепленный городок на дороге из Козельска в Болхов (рис. 31).

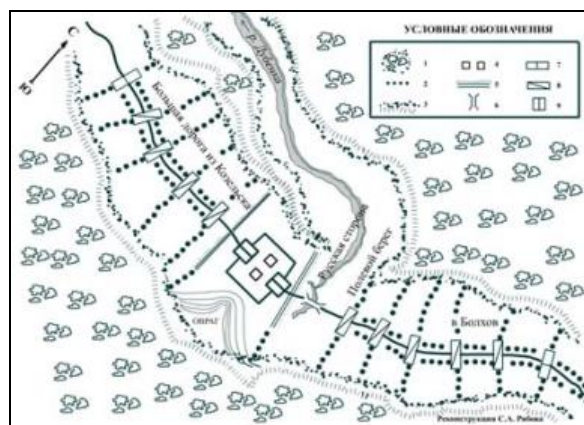

Рис. 31. Принципиальная схема укреплений у Дубенских ворот в XVII в.

Условные обозначения:

1 – засечный лес,	6 – мост,
2 – надолбы двойные,	7 – ворота створные,
3 – лесной завал,	8 – ворота опускаемые,
4 – казенные постройки на территории городка,	9 – башня с проезжими воротами.
5 – искусственный ров,	

Вот как описывает эту крепость А.В. Никитин: «На большой дороге из Козельска в Болхов на полевом берегу р. Дубенки был поставлен острог на дороге с двумя башнями, избою и пороховым погребом. С полевой стороны, на противоположном от городка берегу реки, укрепления были сделаны в виде пяти опускаемых и одних створных ворот и надолб, поставленных от дороги к засеке. На русской стороне на дороге были поставлены четверо опускаемых и одних створные ворота, и также надолбы поперек дороги. Здесь, как и в Столпичской засеке, рвы около крепости были ослонены досками, уменьшавшими их осыпание» [126].

Столь же важную роль в общей системе засечной черты, как и названные выше крепости, играла Кцынская засека. Вместе с тем, будучи удаленной почти одинаково от всех крупных городов, в которых содержался различный по численности гарнизон, в этой крепости требовалось предпринять дополнительные меры по обороне «по вестем», т.е. с получением данных о начале выдвижения татар из степи. Вот почему с самых древних времен организаторы засечного дела должны были уделять самое пристальное внимание обеспечению надежного прикрытия проходимых мест на этой засеке, и в особенности, наиболее слабому месту на ней – проездным воротам через засеку – Кцынскому острогу.

За время существования Кцынской засеки могли меняться как назначаемые свыше места пропуска через засеку, так и, соответственно, места расположения укрепленных городков при них. Расположение их обуславливалось, в первую очередь, дорогами, которые прокладывались через «заповедь», а также обстановкой, которая складывалась на том или ином направлении.

Относительно места нахождения Кцынского городка существует следующая традиционная точка зрения. Городок находился в непосредственной близости от села Кцынь. Этому мнению придерживалось большинство исследователей, ограничимся лишь упоминанием Н.Н. Анисимова и В.Н. Сорокина [127], а также А.В. Никитина. Последний, в частности, писал: «Обследование 1949 г. не обнаружило остатков этой крепости, но до сего времени на Карачевской дороге, около с. Кцынь, есть в лесу место под названием «городок». Здесь протекает небольшой ручей и находится овраг. Участок порос большим лесом и кустарником, который не дает возможности без раскопок точно установить местонахождение «городка» [128]. Между тем, существуют документы, прямо

указывающие на место нахождения интересующего нас городка у Кцынских ворот. Заметим, что ворота эти сугубо условно названы так по расположению на многокилометровой по протяженности Кцынской засеке. Документальные известия таковы: «...у Кценских ворот на засеке сквозь городка течет ручей, а берега у тово ручья круты, в ыном месте в человека есть» [129].

В описании Кцынского укрепленного городка, составленном в 1683г., конкретизируется «... сквозь городок течет ручей Гремячей, а через ручей в городок мост, да в городке ж мост, 2 избы с навесом, да клет казенная с навесом же (рис. 32) [130]. Таким образом, укрепленный городок располагался на ручье. В атласе Калужской области [131] удается разыскать малоприметный ручей Гремеша (Гремша) – приток реки Ловатянки, которая, в свою очередь, является левым притоком реки Рессы*.

Оснований, чтобы не верить сведениям документов, нет, кроме того, само название ручья является главным, к тому же наиболее стабильным признаком, указывающим на место расположения городка. За столетия названия рек, как правило, не изменялись, их не «переносили» по своему усмотрению с одного «поточка» на другой. Поскольку все речки и даже ручьи представляли естественные границы чьих-то владений, то правило сохранения их названий при нанесении на старинные чертежи и карты соблюдалось очень жестко, как в недавнем прошлом, так и в старину.

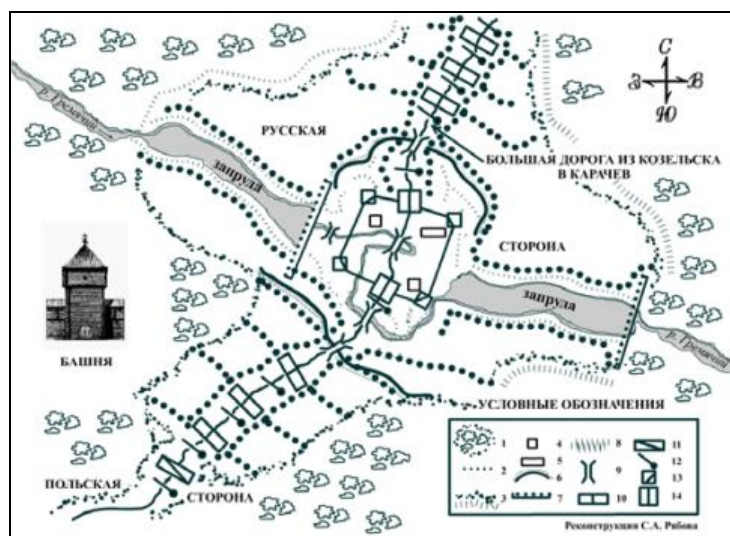

Рис. 32. Принципиальная схема укреплений у Кцынских ворот в XVII в.

* Есть ещё ручей Гремучий у с. Сорокино (см. указанный Атлас, лл. 97 б-1, 98 б-2.). Он тоже протекает в пределах Кцынской засеки, но отношения к Кцынским воротам вряд ли имеет в силу своего местоположения.

Условные обозначения:

1 – засечный лес,	8 – частич,
2 – надолбы двойные,	9 – мост,
3 – лесной завал,	10 – ворота створные с запо-
4 – изба с навесом на террито-	рами,
рии городка,	11 – ворота опускаемые,
5 – клеть с навесом на террито-	12 – колода опускаемая,
рии городка,	13 – быки,
6 – ров, ослоненный тыном,	14 – башня с проезжими воро-
7 – плотина на ручье,	тами.

Таким образом, Кцынский укрепленный городок в 1638 г., скорее всего, находился в районе современного села Ловать, чему существует несколько косвенных подтверждений. Так, например, в трех километрах к северо-западу от Ловати находится деревня Турьевка, в названии которой просматривается связь со словом «тур». Этот термин прежде означал «межевую насыпь», «бугор» или «курган» [132]. Называли «турами», от латинского слова «turtis» – «башня» [133], и башни русских крепостей. Термин «тура» активно применялся в русской армии XVII в., поскольку в ней служило немало иноземцев. Состояли они на службе, в том числе, и в отрядах, назначаемых для охраны засечных крепостей. Таким образом, деревня Турьевка своим названием подсказывает нам, что она находилась со стороны крепостной башни или на «границе», «меже». Название села Ловать, в любом случае, имеет яркий погранично-крепостной характер, особенно с учетом того обстоятельства, что в кцынском укрепленном городке главными наблюдательными и оборонительными элементами являлись именно «туры» – башни, влиявшие не только на облик самой крепости, но и, быть может, на местную топонимику.

Кроме того, в старинном селе Ловать, упоминаемом ещё в документах Свенского Успенского мужского монастыря в 1595 г., и сейчас имеется запруда явно старинного происхождения, устроенная, скорее всего, на месте искусственного водоёма, созданного ещё строителями кцынского городка. Древность села Ловать с учётом особенностей его расположения, дает основание предположить, что через него уже в XVI в. мог проходить тракт Карачев – Козельск, имевший важное военное и торгово-промышленное значение. Наконец, в названии этого места – от слова «ловить», усматривается смысл, связанный с понятиями – перехватывать, захватывать живьем, стеречь и др., отмеченными В. Далем. Таким образом, есть немало фактов, свидетельствующих в пользу гипотезы о том, что следы древнего укрепленного городка на Кцынской засеке следует искать в ближайших окрестностях села Ловать, которое располагается у слияния небольших рек Гремеша и Ловатянки. Совершенно очевидно, что это предположение требует всесторонней проверки со стороны археологов.

Ещё одна Козельская засека – Сенецкая, как принято считать, свое положение имела в районе реки Сенета, течет в юго-западной, наиболее удаленной от Козельска, части уезда. Сегодня это название позабыто, а сама речка, которая хотя и обозначена на современной карте-километровке в «Атласе Калужской области», но показана без названия [134]. На карте Сенета выглядит как безымянное продолжение рек Которянки или Драгожани. Между тем, ещё и в XVIII в. река эта была полноводной, поскольку ее питали многочисленные притоки, из которых назовем только правые: Чашенка, Пручка, Помокла, Ослянка, Близнец и другие, давшие названия деревням, располагавшимся на их берегах. Река Сенета упоминается в материалах дозора Козельских засек. Считается, что именно здесь проходила Сенецкая засека, на одной из дорог через которую были устроены засечные ворота с крепостью. Точное место их нахождения нам не известно. Весьма туманные указания на то, что от Сенецкой крепости до соседней Кцынской засеки было 33 сажени (около 70 м) и 5900 саженой до реки Жиздры (7200 м) [135], никак не проясняют нам этой картины.

Где же на засеке была Сенецкая крепость? Если на реке Сенете, то при какой дороге? Названная выше стратегически важная дорога Мещовск – Карачев проходила в 13 верстах, то есть далеко не только от реки Жиздры, но и речки Сенети. Значит крепость, если она вообще находилась здесь, то есть на северном, левом, берегу Жиздры, могла быть где-нибудь на дороге. На указанном удалении от реки Жиздры находится, например, селцо Буда-Монастырская. Если здесь был проход через засеку, а, следовательно, и крепостца при нем, то уместны несколько вопросов, которые пока остаются без ответа. Какова была роль крепости на этой второстепенной дороге, и кто нес службу на ней? Кто содержал засеку, какими силами она обслуживалась? Дело в том, что вокруг располагались только вотчины Свенского и Жиздринского монастырей, освобожденные от любых засечных дел как монастырские вотчины. Наконец, где же Сенецкая засека сходилась с Кцынской засекой? По свидетельству дозорщиков XVII в. – в 33 саженьях. Но тогда естественной границей в этом случае была бы река Жиздра, о которой, как о стыке двух засек, нигде не упоминается.

С учётом названных обстоятельств представляется, что Сенецкая крепость располагалась не на левом, а на правом берегу реки Жиздры. Во-первых, здесь протекают две хорошо известные нам речки. Они носят названия очень созвучные утраченному названию реки Сенеты. Это речки Сенек (левый приток Рессеты) и Ясенок (левый приток Жиздры), по которым проходила засека, и которую иначе как Сенецкая (от реки Сенек) или Ясенецкая (от реки Ясенок) и не назовешь. Во-вторых, здесь через реку Жиздру проходили дороги, имевшие по крайней мере до XVIII в. важное военное значение. Например, дорога Кцынь – Чернышено [136]. Начиналась она от села Кцынь, шла на север через Мойлово, через селцо Хотьково, где пересекала реку Сенек и дальше уже приближалась к реке Жиздре, где был налажен перевоз на плотах. После преодоления реки путники попадали в большое село Чернышено, а дальше уже в село Сухиничи.

В глухом лесном краю, ограниченном на севере рекой Жиздрой, совершенно неожиданной для неприятеля оказывалась любая крепость, построенная при речке Сенек. Здесь, где проходил Сенецкий участок Козельской засеки – последний, самый западный участок Большой засечной черты, на удалении 5 верст 900 саженей от реки Жиздры, ещё на одной козельской дороге, связывавшей села Кцынь и Усты (на Жиздре), находилось большое старинное село Буда. Здесь, скорее всего, и находились ворота через Сенецкую засеку. К востоку от Буды по сей день сохраняются остатки древнего вала протяженностью свыше 2-х километров. Интересно, что мнения о нахождении ворот у села Буда придерживались и авторы книги «Козельск» Н.Н. Анисимов и В.Н. Сорокин [137]. К сожалению, они не поведали нам, о какой Буде у них идет речь, о Буде-Монастырской, что на левом (северном) Берегу Жиздры или Буде – селе, что на правом (южном) берегу Жиздры. В их книге не говорится и о том, откуда они почерпнули сведения, на которые опирались.

В случае принятия приведенной гипотезы многие из противоречий, характерных для Буды-Монастырской, разрешаются сами собой. Всё становится на свои места. Лесной завал от крепости у Буды подходил к Жиздре, которая была естественной преградой, а засека шла ещё на протяжении трех верст на запад. А как же река Сенет, упомянутая в дозорах и описаниях засеки? Это вполне могла быть ошибка чертежника или переписчика. На письме буквы могли быть перепутаны. Так и могла появиться путаница в документах: вместо реки Сенек – река Сенеде – Сенет.

Сенецкая засека была среди Козельских засек, пожалуй, одной из старейших. В отличие от Кцынской, при которой различные крепости были построены поздно, на Сенецкой засеке они существовали ещё со времен Ивана Грозного и Федора Иоанновича. По преданию, именно здесь Иван Грозный производил досмотр крепостным сооружениям в 1571 г. [138].

Важность Сенецкой засеки обуславливалась, прежде всего, тем, что она была устроена на исключительно важном в стратегическом отношении направлении Москва – Брянск – Киев. Отсюда проистекали многие угрозы Московскому государству со стороны всех его исторических противников. В широкой полосе местности, ограниченной справа и слева лишь лесными неширокими и во многих местах проходимыми реками Болва, Жиздра, Рессета, располагались старинные города и села, такие, как Жиздра, Думиничи, Козельск, Мещовск. Здесь было средоточие многих путей, идущих от стен Москвы на юг и юго-запад. Правильнее всего будет говорить о том, что здесь был не просто один из участков Козельских засек – Сенецкий, а череда хорошо укрепленных оборонительных линий, можно сказать, Жиздринских засек. Историкам и археологам, несомненно, предстоит осветить истинную картину построения обороны Московского государства на древнем Брянском пограничном направлении.

Ещё совсем недавно о его роли знали куда как больше нашего. Не случайно, что в Калужском географическом атласе за 1786 г. есть подробные указания на то, каким образом проходила засека в здешних местах. В пояснительной записке к этому атласу читаем: «Сверх сего,

находится в сем уезде Сталицкая казенная засека ведомства Тульской оружейной канцелярии, которая начинается от границы Козельского уезда, по рекам Жиздре, Рессете, Вытебети, по речкам Мельмухе, Еловке, Язве, Хочева, Сученке, Лесне, Рессетице, Озерне, Могильне, Лютне, Боровке, Сороче и по обе стороны большой дороги, идущей из города Козельска в Карачев». В конце XVIII в., скорее всего, существовало свое деление засек, находившихся в ведомстве Тульской оружейной канцелярии. Не исключено, что оно началось или с момента передачи засек в оружейное ведомство, или новые названия засекам были даны уже в ходе территориальных переделов при образовании Калужского наместничества. При уездном городе Жиздра – Сталицкая засека, при Козельске – Смолицкая засека. О последней, также относившейся к ведомству Тульской оружейной канцелярии, упоминается, например, в труде Соймонова «Топографическое описание Калужского наместничества». О Смолицкой засеке у этого автора сказано, что она простиралась на 35 верст в длину и имела ширину 2 версты и более.

На этой протяженной засеке могли быть даже не одни, как считается сегодня, а несколько ворот на дорогах, которые прорезали засеку. Сохранившееся описание Сенецкой крепости, располагавшейся на реке Сенете, скорее всего, касается только одной из возможного множества таких укреплений (рис. 33).

Судя по останкам многочисленных городищ, здесь в XVI – XVII вв. могли быть не только укрепленные городки при дорогах, но и самостоятельные крепости, прикрывавшие промежутки между завалами, устроенными в лесах, и открытые безлесные места. Существуют легенды о том, что крупное село, а ныне город, Жиздра в древности тоже была пограничным городком, неподалеку от которого был основан Жиздринский монастырь – важная пограничная крепость на Брянском направлении.

Здесь, в краю многочисленных древних городищ, археологи уже обнаружили остатки валов, курганов, насыпей и других площадок. Большинство из них относятся к самым древним периодам нашей истории – временам первых вятичей. Разве это не свидетельство тому, что здешние прижиздринские места были не только хорошо обжиты, но и играли важное военное значение и в последующие времена.

Примечательно, что у города Жиздры находится место под названием «Курган князя Серебряного». По преданию, на Жиздринскую засечную черту при Иване Грозном царским указом был послан князь Серебряный – легендарная личность, собирательный образ героя-пограничника, служившего на засеке.

Несколько фактов, требующих сопоставления. Первый, о чем мы уже сказали выше, заключается в том, что именно здесь в 1571 г. царь Иван Грозный наиболее детально осматривал вновь построенные засеки. Вторым, когда Ф.И. Зюзин проводил в 1638 г. досмотр Сенецкой засеки, то он обнаружил здесь много старых укреплений, которые никак нельзя было восстановить теми силами, которыми он располагал. Только у Сенецких ворот были опу-

скные колоды, крепостная башня, а также лесной завал, шедший до самой Кцынской засеки. Ф.И. Зюзин утверждал, что прежде укрепления здесь создавались людьми из разных городов [139]. Третий, на соседней Кцынской засеке, при ее осмотре в 1638 г., даже следов каких-либо прежних укреплений обнаружено не было. Не потому ли была столь велика разница в укреплённости засек, что каждой из них отводилась своя роль?

Сенецкая засека была сильно укреплена, не в пример соседней, в то время как на ту, что была рядом, не хватило сил, средств и времени. Может быть, не было особой нужды? Может быть, мобилизующим началом, подстегивающим строителей, чтобы укрепить, прежде всего, брянское направление, послужили опасения гнева царя, сурово каравшего за недостатки в засечном деле и лично инспектировавшего Сенецкую засеку. Главная причина, видимо, была всё же в другом, а именно, в особой роли, которая отводилась засеке, прикрывавшей брянское направление – играть роль «мешка», в который можно было бы заманить неприятеля.

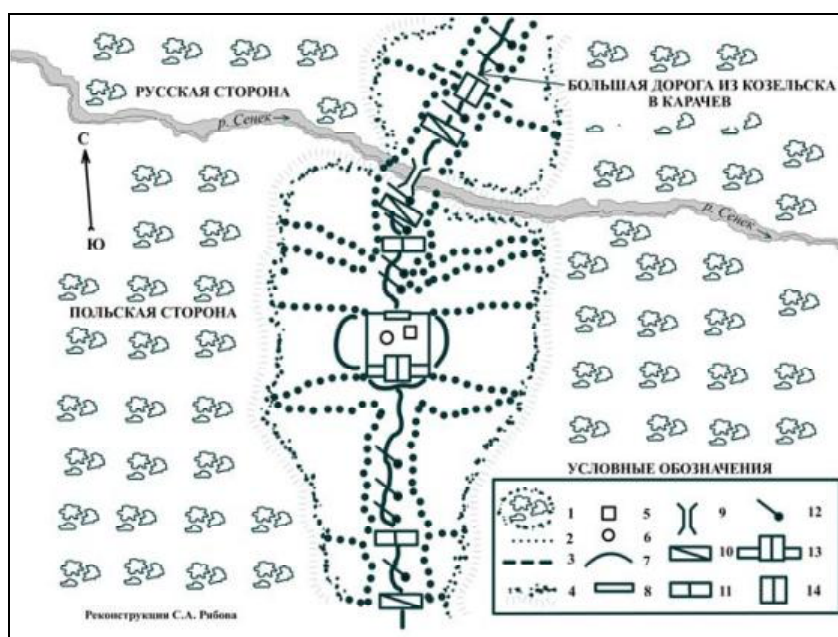

Рис. 33. Принципиальная схема укреплений у Сенецких ворот в XVII в.

Условные обозначения:

1 – засечный лес,	8 – острожные ворота створ-
2 – надолбы двойные,	ные,
3 – острог,	9 – мост,
4 – лесной завал,	10 – ворота опускаемые,
5 – изба на территории острога,	11 – ворота створные,
6 – погреб на территории ост-	12 – колода опускаемая,
рога,	13 – башня проезжая с тара-
7 – искусственный ров,	сами,
	14 – башня проезжая.

Следует подчеркнуть, что отнесение отдельных засек к числу Козельских имеет весьма условный характер. Столпицкая, Дубенская, Кцынская и Сенецкая засеки были включены в список Козельских из-за того, что в то время, когда здесь складывалась единая Большая засечная черта, они находились на территории волостей, относившихся к Козельским. Вместе с тем, какие-то из них до этого времени могли входить в другие оборонительные засечные системы. Так, например, фланговая Сенецкая засека могла представлять элемент хорошо укрепленного Жиздринского рубежа (от села, а позднее города Жиздра) на Брянском направлении. Такое положение тем более могло быть тогда, когда все засеки ещё не были объединены в единую черту, а представляли собой лишь отдельные звенья засечного леса на наиболее опасных направлениях. Изучение моделей крепостей на Козельских засеках продолжается, в основу всей аналитической работы закладываются сведения, разысканные в различных источниках.

Литература к части первой

1. *Геродот*. Истории: в 9-ти книгах. Л., 1972. С. 192-193.
2. *Иордан*. О происхождении и деянии готв. М., 1960. - 436с.
3. *Маврикий*. Тактика и стратегия. СПб., 1903. С. 241.
4. *Кочин Г.Е.* Материалы для терминологического словаря древней России. М-Л., 1937. С.190.
5. Акты Московского государства. 1971, С. 2-5.
6. *Калугин В.И.* Герои русского эпоса: Очерки о русском фольклоре. М., 1983. С.31.
7. Официальный сайт Национального парка «Орловское полесье». [Электронный ресурс] http://polesie.zapoved.ru/oort_recr, свободный.
8. Собрание народных песен П.В. Киреевского. Т.1. Л., 1977.
9. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981. С.607.
10. *Демин В.Н.* Загадки русского междуречья. М., 2003. С. 231.
11. *Геродот*. Истории: в 9-ти книгах. Л., 1972. С.192-193.
12. *Демин В.Н. и др.* Загадки русского междуречья, М., 2003. С. 231.

13. *Раппопорт П.А.* Материалы и исследования по археологии СССР. №31. М., 1956. С.32.
14. *Тепляков В.К.* Лес в жизни Древней Руси и Московии. М., 1992. С. 40.
15. *Павлов Д.М.* О восстановлении Козельских засек как уникального природно-исторического объекта.
16. *Гудзь-Марков А.В.* История славян. М., 1977. С. 487.
17. *Воробьев В.М.* Культурно-этнические контакты на континентальных водоразделах. Тверь. 2004. С.98.
18. Атлас Калужской области. Калуга, 2002. С.10-29.
19. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. Т.2. М., С. 231.
20. Акты Московского государства. Т.1. (о засечной черте) (при 7185г. июнь, кн. №389, л. 65); *Сторожев В.* Засечные книги, как историко-географический и археологический источник. СПб., 1892.
21. *Астахова В.* Поклонения древних// Лес и человек. М., 1979. С.138-139.
22. *Перепелицын А.* О необычных камнях – памятниках прошлого//Весть. 1998.
23. *Есипов В.П., Прошкин О.Л., Телеганова Е.А.* Комплексный памятник «Чертово городище». Калуга, 2000.
24. *Самойлов В.А.* Чертово городище – уникальный памятник. Козельск, 1991.
25. Народный быт, ремесла и фольклор Козельского района. Сосенский, 2004. С.117.
26. *Кавелин Л.* Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. С. 36-37.
27. Народный быт, ремесла и фольклор Козельского района. Сосенский, 2004. С.117.
28. *Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая* «Славянские древности», Т.1. М., Международные отношения, 1995. С. 438.
29. *Толстой Н.И.* Этнолингвистический словарь. Т.1. М., 1995. С.537-540.
30. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989.
31. Бюллетени Харьковского общества любителей природы. 1916.
32. *Петр (Петрей) де Ерлезунда.* История о Великом княжестве Московском. М., 1867.
33. *Рейтенфельс Я.* Сказание о Московии». М., 1997.
34. *Солоухин В.А.* Время собирать камни. М., 1990. 685с.
35. Калужский край. Козельский район. Этнографические очерки. М., 1999. 255с.
36. *Замятин Д.Н.* Стратегии интерпретации историко-географических образов России. [Электронный ресурс] http://www.hse.ru/journals/wrldross/vol02_2/zamiatin.pdf, свободный.
37. Там же.
38. *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства// Сборник императорского Русского исторического общества. М., 1892.
39. *Туровский Р.Ф.* Культурные ландшафты России. М., 1998. С.162-163.
40. *Замятин Д.Н.* Стратегии интерпретации историко-географических образов России. [Электронный ресурс] http://www.hse.ru/journals/wrldross/vol02_2/zamiatin.pdf, свободный.

41. *Туровский Р.Ф.* Культурные ландшафты России. М., 1998. С. 162-163.; *Бушуева Е.Н.* О некоторых народных говорах Тульской и Калужской губерний. СПб., 1897; *Ханыков В.В.* Летопись калужская, Калуга, 1991; *Ефремов А.И.* Известия калужского Общества изучения природы местного края. Кн.3. Калуга, 1918.
42. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. С. XXIX.
43. Там же.
44. *Ханыков В.В.* Летопись калужская, Калуга, 1991.
45. *Рябов С.А.* Не изгладился под «рубанком цивилизации». О языке козельских простолюдинов // Злой град. Козельск, 2006. С. 145-153.
46. *Баранов А.И.* Козельск возник как верфь//Козельск. 1997. 18 сентября.
47. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 140.
48. Там же, С. 142.
49. *Замысловский Е.Е.* Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884.
50. Изборник: Повести Древней Руси. М., 1986. С. 447.
51. *Кусов В.С.* Памятники отечественной картографии. М., 2003.
52. *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV – начала XVI вв. М., 1974. С. 57-62.
53. *Кусов В.С.* Чертежи земли Русской XVI-XVII вв. М., 1993. С. 238.
54. Памятники истории Киевского государства 9 – 12 вв. Сборник документов. Л., 1936. С. 219.
55. ПСРЛ. Т. III. СПб., 1841. С. 33.
56. *Морозов В.В.* Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI в. М., 2005.
57. *Марголин С.Л.* Оборона русского государства от татарских набегов. Сторожевая и станичная служба и засечные черты. М., 1948. С. 27.
58. *Арциховский А.В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 69.
59. *Мокеев Г.Я., Щенков А.С.* Планировка городов. Интернет-сайт <http://rels.obninsk.com/Eng/Rels/Limited/um/archit/art/plan.htm>
60. История русского искусства. Т.1. М., 1953. С. 575.
61. *Крадин Н.П.* Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988.
62. *Пухов В.А.* История города Калуги. Калуга, 1998. С.28.
63. *Кавелин Л.* Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Приложения. С. 38-39.
64. *Ушаков В.К.* Казаки в Можайске//Военно-исторический журнал. 2001, №9.
65. *Кавелин Л.* Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Приложения. С. 53.
66. Материалы к оценке городов Калужской губернии. Выпуск11-а (г. Козельск). Калуга, 1909.
67. *Кавелин Л.* Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Приложения.

68. Иностранцы о древней Москве. М., 1991.
69. *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV – XVII вв. М., 1973. С. 156.
70. *Никитин А.В.* Оборонительные сооружения засечной черты XVI-XVII вв.//Материалы исследований по археологии СССР. 1955. №44. Т.3. М., С. 201.
71. *Яковлев А.И.* Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916. С. 240-241.
72. Там же. С. 38.
73. *Уклеин В.Н.* След времен минувших. Тула, 1991. С. 68-69.
74. *Крадин Н.П.* Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988.
75. *Кочин Г.Е.* Материалы для терминологического словаря древней России. М-Л., 1937. С. 345.
76. *Каргалов В.В.* На степной границе. М., 1974. С. 161.
77. Книга Большому Чертежу. С. 84, 108.
78. *Вигилев А.Н.* История отечественной почты. Часть 1. М., 1977. С.36.
79. *Неделин В.М.* Орел изначальный. Орел, 2001. С.18.
80. *Киселев Н.* Большая Староордынская дорога//Московский журнал. №2. 2007. С. 48-50.
81. Книга Большому чертежу. М-Л., 1950.
82. *Мархоцкий Н.* История московской войны. М., 2000. С.38.
83. Атлас Калужского наместничества. СПб, 1782.
84. *Фирсов А.* Записки паломника//Исторический вестник, №3, 1899.
85. *Никитин А.В.* Оборонительные сооружения засечной черты XVI-XVII вв.//Материалы исследований по археологии СССР. 1955. №44. Т.3. М., С. 197.
86. Каталог древнерусских грамот, хранящихся в отделе рукописей библиотеки Салтыкова-Щедрина в СПб. Вып.11.
87. *Гуркин В.* Наследие Богдана Хитрово//Памятники отечества. Ч.1. №41. 1998. С. 42-44.
88. *Ключевский В.О.* Курс лекции по источниковедению. Лекция XIV. Т. V. С. 435.
89. *Крашенинников В. В.* Из истории монастырей юго-западных уездов центральной России в XVIII – первой половине XIX в.//Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 3. Ч.3. Киров. 1997. С. 34-41.
90. Книга Большому чертежу. М-Л., 1950.
91. *Зеленов В.С.* Дороги Калужского края. Калуга, 2001. С. 43.
92. Атлас Калужского наместничества. СПб, 1782.
93. *Щепанская Т.Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX-XX вв. М., 2003. С. 35.
94. *Никитин А.В.* Оборонительные сооружения засечной черты XVI-XVII вв.//Материалы исследований по археологии СССР. 1955. №44. Т.3. М., С. 201.
95. *Есипов В.П., Прошкин О.Л., Телеганова Е.А.* Комплексный памятник «Чертово городище»//Очерки по истории и культуре Калужского края. Калуга, 1996. С.12-14.

96. *Помяловский И.В.* Исследования в области римско-германской границы. СПб., 1886.
97. Народный быт, ремесла и фольклор Козельского района. Сосенский, 2004. С.17.
98. *Рошефор Н.И.* Описание церковных памятников калужской губернии. СПб., 1882. С.16.
99. *Успенский Е.* Рукописные материалы. 1989. Архив СЖТК. Институт наследия.
100. Материалы краеведческого музея города Одоева.
101. *Яковлев А.* Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916. С.13.
102. *Рябов С. А.* Словарь народных географических терминов, объясняющих названия рек Козельского района // Козельск. 1999. N 68-73, июнь.
103. Атлас Калужской области. М., 2002.
104. Калуцков В.Н. Топологическая теория культурного ландшафта//Гуманитарная география. М., 2004. С.
105. *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и великая степь. М., 1992. С. 142.
106. Природа и мы//Козельск. 2004. 24 сентября.
107. *Скобелев С.* Саянский острог – русский форпост в центре Азии. [Электронный ресурс] <http://www.nsc.ru/HBC/2001/n16/f08.html>, свободный.
108. Народный быт и фольклор Козельского района. Сосенский. 2004. С. 113-114.
109. *Никитин А.В.* Оборонительные сооружения засечной черты XVI-XVII вв.//Материалы исследований по археологии СССР. 1955. №44. Т.3. М., С. 201.
110. *Кульпин Э.С.* Граница леса и степи в судьбе России//Отечественные записки. №6, http://magazines.russ.ru/oz/2002/6/2002_06_28.html.
111. Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С.494.
112. *Широкопад А.Б.* Русь и Орда. М., 2004. С. 148.
113. Иностранцы о древней Москве. М., 1991.
114. *Яковлев А.* Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916.
115. *Никитин А.В.* Оборонительные сооружения засечной черты XVI-XVII вв.//Материалы исследований по археологии СССР. 1955. №44. Т.3. М., С. 197.
116. *Ераст (Вытронский).* Неизвестная Оптиная. СПб., 1998. С.141.
117. *Кавелин Л.* Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Приложения. С. 19.
118. *Никитин А.В.* Оборонительные сооружения засечной черты XVI-XVII вв. // Материалы исследований по археологии СССР. 1955. №44. Т.3. М., С. 197; Савельев А. Материалы к истории инженерного искусства в России. СПб., 1853.
119. *Ласковский Ф.Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть I. СПб, 1858; *Фальковский Н.И.* Москва в истории техники. М., 1997. С.45.

120. *Никитин А.В.* Оборонительные сооружения засечной черты XVI-XVII вв. // Материалы исследований по археологии СССР. 1955. №44. Т.3. М., С. 194-196.
121. Савельев А. Материалы к истории инженерного искусства в России. СПб., 1853. С.27.
122. *Крадин Н.П.* «Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988.
123. Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть I, СПб, 1858; Фальковский Н.И. Москва в истории техники. М., 1997. С.45.
124. *Никитин А.В.* Оборонительные сооружения засечной черты XVI-XVII вв.//Материалы исследований по археологии СССР. 1955. №44. Т.3. М., С. 195.
125. Там же, С. 196.
126. Там же, С. 196.
127. Анисимов Н.Н., Сорокин В.Н. Козельск. Тула, 1967. С.24.
128. *Никитин А.В.* Оборонительные сооружения засечной черты XVI-XVII вв. // Материалы исследований по археологии СССР. 1955. №44. Т.3. М., С. 197.
129. Там же, С. 197.
130. Там же, С. 198.
131. Атлас Калужской области. Л. 87 а-4; 94 а-1.
132. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т.IV. С. 444.
133. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. СПб., Т. IV. С. 123.
134. Атлас Калужской области. М., 2002.
135. *Никитин А.В.* Оборонительные сооружения засечной черты XVI-XVII вв. // Материалы исследований по археологии СССР. 1955. №44. Т.3. М., С. 199.
136. *Зеленов В.С.* Дороги Калужского края. Калуга, 2001. С. 48.
137. *Н.Н. Анисимов, В.Н. Сорокин.* Козельск. Тула, 1967. С. 24.
138. *Никитин А.В.* Оборонительные сооружения засечной черты XVI-XVII вв. // Материалы исследований по археологии СССР. 1955. №44. Т.3. М., С. 199.
139. Там же, С. 198.

ЧАСТЬ II

ЛЕТОПИСЬ КОЗЕЛЬСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

*В истории ничто не оканчивается
вдруг и ничто не начинается вдруг;
новое начинается в то время, когда
старое продолжается.*

С. М. Соловьев

Сегодня Козельск для многих ассоциируется исключительно с фактом и местом героической семинедельной обороны защитников этой крепости против монголо-татарской орды хана Батыя весной 1238 г. При этом остаются в тени не менее значимые события в истории этой частицы Русской земли, в разное время известной как «козельские места» или «козельские волости». Все они неразрывно связаны с обороной южного пограничья России*.

Глава 1

РАННЯЯ ПОГРАНИЧНАЯ ИСТОРИЯ КОЗЕЛЬСКА

От валов к засекам

Начало военной истории Козельска вообще, и ее пограничной составляющей в частности, теряется в глубине веков. Первые традиции защиты рубежа земель Верхнего Поочья, на которых проживали наши предки, начали складываться очень давно. Уже в праславянские времена здесь обитали предшественники славян – финно-угры, а затем кривичи, вынужденные защищать границы своего проживания от угроз извне.

В отличие от славянского населения, освоившего междуречье Дона и Днепра – южную окраину области его расселения, жизнь вятичей с приходом на Верхнюю Оку в V в. не была отягощена прямыми контактами с юго-восточными соседями. В VI в. вятичи так и не покорились аварам.

---

* Общая хронология истории исследуемого района исторического пограничья приведена в конце монографии (см. приложение 12).

В VII – конце X вв., когда в этом возникала эпизодическая нужда, вятичи лишь платили дань медом и мехами хазарам, чей каганат в начале VIII в. включал территории Северного Кавказа, Приазовья, большую часть Крыма, степные и лесостепные территории до Днепра.

Опасность для вятичей исходила от кочевых хазарских беков, обитавших вдали от столицы Хазарии и вблизи от русских лесов. Они совершали грабительские набеги на пограничные земли славян. Вот почему постепенно окрепшие славянские племена, и среди них вятичи, вынуждены были выделять своих представителей в состав постоянных многочисленных и хорошо вооруженных сил, которые направлялись в степь для того, чтобы оттеснять кочевников от своей территории.

Мало кто возвращался в родные места, но вернувшиеся подробно рассказывали о далеких краях, воинственных и внушающих ужас кочевниках. Главное, что приносили с собой возвращенцы – это драгоценный опыт организации обороны земли от степняков. Немалую пользу можно было извлечь, например, из знаний об обороне южного пограничья под Киевом, где проходили «Змиевы валы». Так в народе называли древние оборонительные земляные сооружения, возведенные по обоим берегам Днепра и вдоль его притоков. Название валов связано с легендой о том, как русские богатыри, победив «Змия», впрягли его в плуг и вспахали огромные борозды. Остатки валов сохранились по рр. Вить, Красная, Стugna, Трубеж, Сула, Рось и др. и достигают местами нескольких десятков километров в длину и до 10 м в высоту [1].

Точное время строительства «Змиевых валов» не известно. Тем не менее археологи уже составили достаточно полное представление о том, что собой они представляли и как они использовались в защите киевских рубежей против кочевников. С точки зрения оценки возможного влияния опыта применения «Змиевых валов» на организацию обороны лесостепного пограничья в средние века представляют интерес следующие выводы.

Все валы имели свою собственную конструкцию, которая выбиралась в зависимости от ландшафта, грунта и других особенностей местности. Они были сопряжены с естественными преградами, такими, как реки, овраги, озера, морской берег и др.

Валы не являлись обособленным сооружением, а были включены в общую систему оборонительного рубежа. Вблизи от валов обнаружены остатки городищ, рвов, а также дозорных пунктов позади линии валов, которые обнаруживаются через каждые 6-8 километров. При таком построении обороны не нужно было держать на границе большого войска. Достаточно было выставять дозоры на валах да зажигать сигнальные костры, оповещающие население о том, что появился враг и нужно укрываться в городищах или уходить в леса.

В цепи всех этих валов и рвов уже в древности оборудовались ворота для пропуска через заграждения людей и грузов. В первой части монографии уже было сказано, что католический миссионер Бруно в 1008 г. был свидетелем прощания с князем Владимиром на границе Киевского княжества возле ворот вала, которым, по словам миссионера, Владимир огородил свои земли.

Все эти валы, построенные в доисторическое время, по мере разрушения на некоторых участках постоянно восстанавливались.

Кочевники, встречавшие на своем пути валы, теряли время, что лишало их главного преимущества – внезапности нападения. Они были вынуждены останавливаться, заваливать рвы. Поскольку степняки ещё не умели вести осаду крепостей, то лишение их фактора внезапности было равносильно победе [2].

Всё это позволяет сделать вывод о том, что ко времени, когда на Руси приступили к строительству засечных черт, уже хорошо были известны дерево-земляные сооружения оборонительного характера с воротами. Заменяя валы преградами из засеченного леса, но сохранив при этом всю систему построения обороны, можно было и в лесной полосе иметь оборонительные сооружения, не уступающие «Змиевым валам». И не только им, но и древним оборонительным линиям, возведенным когда-то на территории других государств.

Такие валы первыми начали сооружать на заре нашей эры, главным образом, римляне. Свою приграничную линию – лимес – они укрепляли с помощью валов на протяжении столетий.

Наиболее известными фортификационными сооружениями, в силу своей относительно хорошей сохранности, являются многочисленные земляные и каменные валы, а также рвы. Длинными цепями тянулись они на многие километры, соединяя реки и другие естественные преграды. Многочисленные разрывы в цепях валов свидетельствуют о том, что такие промежутки прикрывались другими сооружениями, в том числе, возможно, и устраиваемыми в лесах засеками.

Были построены Задунайские и Зарейнские валы, пересекавшие всю Германию с юго-востока на северо-запад и называвшиеся официально «немецкой границей», хотя в народе их и поныне называют «чертовыми стенами». Система валов была возведена также на территории современной Румынии, Венгрии, Болгарии и Сербии. В Румынии укрепленная линия из трех валов общей длиной почти в 60 км пересекает перешеек между Дунаем и Черным морем возле городов Чернавда и Констанца. Валы высотой от 3 до 6 метров, один из которых считается древнейшим – каменный, а два других – земляные. Здесь же есть и ров. Это «Траяновы валы», названные по имени римского императора Траяна (53-117 гг.), при котором они якобы были сооружены. Остатки подобных валов и рвов обнаруживаются и в разных частях Польши, где разные их участки называют то «валами Храброго», то «Шленскими валами», а то и просто «старыми окопами».

В 1826 г. Иосиф Гамель*, повествуя о засеках – оборонительных сооружениях Руси XVI-XVII вв. писал: «Россия в то время имела ограду,

---

* Иосиф Христианович Гамель (1788-1861 гг.) – российский технолог и механик, академик Петербургской АН (1829 г.). Провел обследование фабрик и заводов России и в 1826 г. опубликовал «Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении», где изложил химико-технологические

которую можно назвать лесною оградой гораздо приличнее, нежели Великобритания называет флот свой сим именем (the wooden walls of England)» [3].

Скорее всего, переводчик допустил ошибку, Гамель, видимо, имел в виду оборонительную линию, возведенную в Англии и предназначавшуюся для защиты Британии от воинственной Шотландии. Эта 117-ти километровая стена высотой в 6 м с башнями через каждые 1,5 км строилась в первой половине II в. н.э. по приказу императора Римской империи Адриана.

Таким образом, опыт строительства дерево-земляных оборонительных сооружений мог быть применен и вдали от «Змиевых валов», в том числе и на территории современного Козельского района, причем, может быть, задолго до того, как в XVI в. здесь начали строить засеки.

В лесу, неподалеку от Козельска, у современного поселка Сосенский находится Чертово городище – уникальный памятник природы со следами деятельности древнего человека. Сейчас установлено, что это место ещё в 30-х гг. XX в. имело совершенно иной вид. Многие были здесь разрушены тогда, когда взрывали и вывозили камень для отсыпки полотна строившейся рядом дороги. Обратимся к рассказу одного калужского корреспондента, побывавшего на городище в XIX в., когда там ещё были целы каменные мегалитические сооружения: «При осмотре «городища» невольно берет раздумье и недоумение, как только можно было выстроить стену из камней, из которых поднять каждый, кажется, не в состоянии тысяча человек, до того поражают они неимоверной своей величиной.

Такие же камни в беспорядке разбросаны около самой стены. Всякий, осмотревший это городище, придет к тому заключению, что сложить эту постройку из громадных камней выше сил человеческих. Предположить же что-либо самородное тоже никак нельзя, т.к. ясно видно, что сооружение сделали при помощи искусственных сил. Итак, всё это остается пока загадкой» [4]. Загадка эта не разгадана и по сегодняшний день. Не представляли ли собой «постройки» в районе «Чертова городища» некие элементы единой оборонительной системы – грандиозной пограничной фортификационной линии, в которую были вписаны лесные завалы, небольшие крепостцы и валы? Предположение это вполне обосновывается всем ходом последующей пограничной истории Козельска.

Система засек, далеких от «Змиевых валов» и исторически и географически, не менее грандиозное оборонительное заградительное сооружение, чем «Змиевы валы». Только если главным строительным материалом киевлян была земля или камень, то здесь это был лес.

Учитывая, что Чертово городище территориально находилось в XVI-XVIII вв. на Столпицкой засеке, этой одной из Козельских засек, можно предположить, что и сама засека была устроена вдоль Жиздры

методы обработки металлов, а в 1833 г. – «Историю железного производства в России». Автор многочисленных работ по истории техники, а также по истории политических и торговых отношений России и Англии в XVI и XVII вв.

по рубежу существовавшей много веков до этого некой оборонительной системы. По берегам этой реки и на ее притоках предки муромских и мерянских племен селились уже в железном веке. Они основали в округе современного Козельска свои первые городища. Археологи обнаружили их следы поблизости от современных населенных пунктов, по которым и называли городища: Дешовское, Плюсковское, Волконское, Сосенское. В последующем на месте этих городищ селились вятичи. Стоянки их предшественников, таким образом, превращались в дозорные пункты вдоль «празасеки». Они служили интересам охраны границ расселения родов, племен и народов.

Первые сооружения заградительного типа могли быть возведены ещё древними вятичами, которые предположительно в начале V в. н.э. пришли на Оку откуда-то с берегов Вислы и «сели» на место будущего города Козельска в устье реки Другусны там, где она впадает в Жиздру. На сегодняшний день, кроме как на территории самого города, археологами обнаружены остатки вятичских городищ поблизости или на месте современных деревень и сел Пронино, Сосенский, Плюсково, Староселье, Городец, Немысино, Волконское и др. Это позволяет говорить о самых древних границах козельского района. География его прорисовывается и курганами, которые к настоящему времени обнаружены у селений Волконское, Пронино, Губино.

Киев не признавал границы с каганатом и не раз посылал дружины своих князей на восточного соседа. В 965 г. столица «неразумных хазаров» город Итиль была полностью разрушена киевской ратью князя Святослава. Ему же принадлежит заслуга в покорении вятичей Киевской Руси и обложении их данью. После смерти Святослава в 972 г. вятичи отпали от Киевского государства. Только в результате двукратных, в 981 и 982 гг., походов князя Владимира Святославовича с киевской дружиной на вятичей, они были окончательно покорены и обложены данью. Хазары, до разгрома их Святославом, сдерживали напор на русские земли со стороны другой грозной силы – печенегов и половцев.

Разрушение Итиля привело к тому, что на Русь хлынули эти враждебные тюркские племена. Сначала, уже в X в., пришли печенеги. В конце 80-х гг. X в. киевский князь Владимир Святославович проводил активную политику строительства княжеских крепостей для защиты своих областей от печенегов и поселял в них вятичей. Не исключено, что в наступлении печенегов на русские пределы повинен князь Владимир, напавший на византийскую Корсунь. С 990 г. Византия перешла от обороны к контрнаступлению. Византийцы подчинили Грузию, часть Армении и возобновили войну против болгарского царя Самуила. После же набега князя Владимира на Корсунь, на Русь как раз и напали союзники Византии – печенеги. В результате этой войны (989 – 997 гг.). Русь потеряла причерноморские степи. Историк замечает: «Границу лесостепи пришлось укрепить валами и частоколом. Корсунская эскапада дорого обошлась Руси» [5]. Тогда, под надежным прикрытием новых крепостей, было образовано и Черниговское княжество.

С XI в. в Чернигове, который в 1024 г. стал столицей одноименного княжества, была учреждена епархия. Первым князем Черниговским стал Мстислав Владимирович Храбрый (978-1036 гг.). Наследники черниговских княжеских родов – посадники, бояре, игумены и священники начали осваивать детинцы Козельска, Брыни, Серенска, Мещовска, Серпейска, Мосальска, Воротынска и других городов.

В каких условиях происходил процесс заселения черниговцами земель вятичей, точно неизвестно, но, скорее всего, делалось это «огнем и мечом», поскольку коренное население активно сопротивлялось. Так, например, в 1015 г., после кончины Владимира Святого, вятичи снова, как и в 972 г. после смерти Святослава, отпали от Киевского государства. До самого конца XI в. они оставались независимыми от Киева и других политических центров Руси. Не случайно сыну князя Владимира Глебу после смерти отца пришлось добираться в Киев из Муром (или Ростова?) сначала по Волге, а потом по Днепру. Это был не прямой, а окружной путь, как раз в обход уже в который раз «заратившихся» вятичей [6].

В 30-х гг. XI в. к ранее существовавшей по границе Киевской Руси линии городов по рекам Суле, Трубежу и др. добавилась ещё одна линия из 13 городов по реке Рось. Во второй половине XI в. непрекращающиеся набеги половцев на южные окраины Руси вынудили создать ещё и третью линию из 11 городов по Днепру. Уже тогда закладывались славные традиции участия и Козельска в охране южных и юго-восточных пределов Руси на рубеже, который специально заселяли «мужами лучшими от славян: новгородцами, кривичами, чудью и вятичами».

В 1054 г. Великий князь Ярослав разделил перед своей смертью главные города и земли вятичей между своими пятью сыновьями. Наказав им слушаться старшего сына, он отдал ему Киев. Вся же территория была поделена так, что главная их часть отошла во владение Святослава II Черниговского. Другая, меньшая, часть по рекам Угре и Протве досталась Всеволоду – князю Ростовскому и Суздальскому.

Совсем неподалеку от Козельска теперь стала проходить граница между Черниговской и Ростово-Суздальской землями. Киевляне называли тогда Ростово-Суздальскую землю Залесской Русью, поскольку она лежала за дремучими лесами, заселенными вятичами. Среди этих лесов и укрывался тогда ещё неизвестный летописцам Козельск – пограничный город на рубеже между двумя княжествами. По известиям более позднего времени, «предтеча Козельска» хотя и лежал на отдаленной периферии Киевской Руси, но это был пограничный город, игравший важную роль в военно-политических планах князей из дома Ростислава Великого, как назвал его историк Л.В. Алексеев [7]. Его обороняли не только сами горожане. При необходимости к ним на помощь высылались княжеские отряды из Чернигова.

Вслед за печенегами пришли половцы. За два столетия на Черниговскую землю через Переяславское княжество было совершено 19 половецких походов. Поэтому, начиная с 1061 г., Козельск не раз принимал самое активное участие в битвах с этим степным врагом. Тогда-то, видимо, по

настоящему и закладывались славные обычаи оборонять границы мест своего проживания насельниками Козельска, Брянска, Мценска и других городов – древних центров земли вятичей. Поскольку реки Рессета, Жиздра и другие могли входить в единую речную систему, поперечно связующую пути «из варяг в греки» и «из варяг в Халиссы», то этот путь, как и границы козельской земли, тоже нужно было охранять, а часто и оборонять. Это ратное дело порождало ещё одну традицию – оберегать пути – дороги, связующие города и земли, так же надежно, как и границу.

История вятичей хранит немало загадок, одна из них притягивает исследователей на протяжении не одного столетия. Великий князь киевский Владимир Всеволодович Мономах написал «Поучение к детям», или «Завещание»*. В нем повествуется о том, что ему две зимы подряд довелось ходить в «Вятическую землю на Ходоту и на сына его». Упоминается в «поучении» и некое место Корьдно, к которому ходил Мономах.

Существует немало гипотез относительно того места, которое Владимир Мономах упоминает под названием Корьдно и которое, как полагают, является древней столицей вятичей. В.М. Кашкаров (1868-1915 гг.) считал, что город вятичей Корьдно находился на месте или по соседству с селением Корна (Мосальский район), рядом с устьем р. Рессы, у ручья Коринка, на прямом пути из Черниговской области в Ростовский край [8]. Этому же мнению придерживается и Виктор Пухов [9].

Н.П. Барсов полагал, что Корьдно был к востоку от Тулы в районе современных местностей Карнали (на реке Зуше) и Каники (на реке Карнике). Академик Б.А. Рыбаков обозначил на карте древнерусских городов Корьдну на берегу реки Зуши у теперешней деревни Карнады, к северо-востоку от Новосиля Орловской области. Калужский исследователь В. А. Казаков считает, что Корьдно это Городня (близ Калуги), где славяне, закрепившись на Балтско-финском пограничье, построили или захватили крепость и назвали её просто Городом. Несмотря на все гипотезы относительно местонахождения летописного Корьдно, большинство авторов едины во мнении, что с дороги, проходившей мимо этого места, легко было попасть к другим городам Калужской земли, позже ставшими известными как Мещовск, Серенск, Ворытыньск, Перемышль, Козельск и другие.

Между тем, Корьдно мог быть пограничным пунктом, находившимся где-то на границе области расселения вятичей. Не связывая с названием Корьдно, Г.П. Смолицкая [10], например, утверждает, что в древности слово «корь» означало «небольшой лесок, выросший на месте вырубленного леса». В таких местах, как правило, находились сторожевые посты. Загадочное Корьдно и известное слово «кордон», обозначающее по

---

* «Поучение» входит в состав «Повести временных лет». Написано в 1117 г., хотя и находилось в Лаврентьевской летописи под 1096 г. В житие наличествует автобиографическая часть, в которой Владимир изображает себя не только мудрым правителем, но и смелым воином в сражениях и на охоте, к чему призывает и своих потомков.

В. Далю «караулы во взаимной связи для берега», вполне близки по звучанию. В украинском языке слово «кордон» и вовсе обозначает границу, на что обратил внимание составитель этимологического словаря русского языка Макс Фасмер. Он же связывал это слово с «помещением для караула, избой, в которой живут лесные сторожа, карантин» [11].

Всё это дает основание полагать, что в своем «Поучении...» Владимир Мономах ведет речь о некоем пограничном месте – укрепленном городе вятичей – Кордоне на границе их территории, где Ходота в это время мог держать пограничный отряд для защиты своей границы от нападений дружин киевских князей. Дважды брать пограничную крепость вятичей Кордон считалось подвигом, достойным такого полководца, как Владимир Мономах, чем он гордился и о чем, быть может, и записал в своем «Поучении...».

В 2000 г. археологи обнаружили неподалеку от подмосковного Звенигорода около 300 могильных курганов. Предполагается, что в VI-XII в. это было одно единое поселение площадью около 60 тысяч квадратных метров. Для сравнения – Москва такого размера достигла лишь к XIV в. Большой город перестал существовать буквально в одночасье. Исходя из обилия височных колец, найденных археологами, основное население этого места составляли вятичи. Ученые предположили, что найденное место и есть древняя столица вятичей – легендарный город Корьдно. По мнению специалистов, он был, быть может, уничтожен христианами миссионерами из Киева или Владимира [12].

Учитывая древние связи Козельска и Звенигорода, а оба города в 40-х гг. XIII в. были во владении одного князя – сына Михаила Черниговского Мстислава, – можно предположить, что между двумя этими центрами прочные связи существовали и в 1082-1083 гг., когда Корьдно защищал вятичские границы, держа оборону против Владимира Мономаха. В состав пограничной дружины в Корьдно могли входить и предки козельчан, и уже тогда они могли возводить заграждения, бывшие прообразом тех, которые будут строиться на засеках.

На рубеже Черниговской и Суздальской земли

Особенно активно осваивалось Верхнее Поочье в XI-XIII вв. Письменные источники домонгольского времени содержат сведения о пяти или шести городах на территории современной Калужской области. Только на территории Мещовского ополья в то время были основаны города Козельск (1146 г.), Серенск (1147 г.), Воротыньск (1155 г.) и Брын (1228 г.). Здесь известно свыше 60 памятников того времени, среди них 18 городищ, 40 селищ, 4 курганных могильника [13].

Рядом с Мещовским ополем стали Мосальск (1232 г.) и Неринск (1147 г.), местоположение которого точно не установлено. Весь этот богатый и хорошо освоенный район нуждался в надежной обороне, что вполне могло предполагать и строительство заградительных линий, хотя бы на отдельных направлениях. По предположению В. А. Чивилихина,

татары Субудая только потому и пошли весной 1238 г. по свободному от сплошных лесов распаханному водоразделу, на котором сегодня располагаются козельские села Пронино, Плюсково, Торбеево, Бильдино, Ерлыково, Покровское, Попелево, Фроловское и десятки других сел, что они вынуждены были идти в обход устроенных уже в начале XIII в. неподалеку от древней границы вятичей первых лесных засечных черт [14]. Эти засеки, по мнению писателя, уже тогда перекрывали пути продвижения врага, но были обустроены с таким расчетом, чтобы давать свободу перемещению торгового люда и своих собственных ратей.

На протяжении столетий главных сил, несущих смертельную угрозу населению Верхнего Поочья, где располагался и Козельск, было несколько. Наряду с бедами, которые приносили сюда хазары, печенеги и половцы до 20-х гг. XIII в., новое десятилетие того века ознаменовалось событиями, хотя и далекими географически, но таившими в себе неисчислимы горести и страдания в будущем.

В 1222 г. нападению 30-тысячного отряда хана Джэбе во главе с монгольским полководцем Субудай-багатуром подверглись половцы – южные соседи Руси, бывшей в то время лишь группой разрозненных государств-княжеств. Для Киевского, Галицкого, Черниговского, Северского, Смоленского и Волынского княжеств на горизонте замаячила реальная опасность испытать на себе чудовищный по силе удар со стороны пока ещё неизвестного врага – монголо-татаров, пришедших на половцев из-за Кавказского хребта. Спустя 6 лет границы русских княжеств были попорчены, и за три месяца хан Батый разгромил всю Северо-Восточную Русь. Уже 4 марта 1238 г. русские силы были разгромлены на реке Сить. Затем монголо-татары* захватили Суздальские и Владимирские земли, Верхнее Поволжье, Тверское княжество и Торжок – «пригород» Великого Новгорода, не дойдя до которого всего 150 км Батый приказал повернуть в степи, ориентируясь по течению Днепра. По пути были покорены Смоленское княжество, Северщина (современная Брянщина). Одним только препятствием на пути к степи оказался небольшой в ту пору городок Черниговского княжества – Козельск. Подвиг защитников этого городка-крепости, когда козлича семь недель держали оборону против многотысячной монголо-татарской орды весной 1238 г., навсегда вошел в историю всей Руси.

Козельский рубеж стал тем пределом, до которого дошел и откуда вынужден был спешно уходить в степь хан Батый. Теперь, после того, как мы познакомились с ранними страницами пограничной истории Козельска, становится понятным, что не только сила духа, но и большой боевой опыт, накопленный в предыдущих схватках со степняками, а также какие-то другие, не до конца известные нам обстоятельства, по-

---

* Впервые словосочетание «монголо-татары» было употреблено профессором Санкт-Петербургского университета П. Наумовым в 1823 г. До этого применительно к событиям, связанным с Чингизидами, употреблялись отдельные названия «монголы» и «татары» как равноценные.

служили основой для невиданного дотоле длительного сопротивления крепости Козельск монголо-татарам весной 1238 г. Обратимся к знаменитой «Летописи Калужской». Вот что пишет ее составитель: «В 1238 г., когда татары вторглись в Россию под предводительством Батые и истребили Владимир на Клязьме, Москву, Ярославль, Ростов, Тверь, Торжок и проч., только одних городов четырнадцать, кроме слобод и погостов, и не дошедши до Новгорода только ста верст, возвратились к Козельску; Козельские граждане защищались 7 недель, доколе татары разбив стены взломились на вал (рис. 34). Тогдашний Князь Козельский Василий Титович был ещё в младенчестве, и потому осажденные граждане и народ говорили: «положим живот свой за нь; здесь славу света приемше, тамо небесные венцы от Бога приемем», и резали врагов ножами, устремились на всё войско Батыево, изрубили многия стенобитныя машины Татарские и, положив на месте 4 000 неприятелей, сами, как выражается Карамзин, «легли на трупах». Хан по взятии города, умертвив в нем всех людей жен и младенцев, Козельск назвал злым городом; Князь Василий пропал без вести, говорили, что он утонул в крови» [15].

Текст повести о козельской обороне включен в «Никоновскую (Патриаршую)» (1539-42 гг.); «Лаврентьевскую (1377 г.)»; «Новгородские» – I, II, IV и V списки (составлены, по крайней мере, до XVII в.); «Летопись Авраамки» (конец XV в.); «Ипатьевскую»; «Софийский временник» (1432 г.); «Супрасльскую» (1520 г.); «Никифоровскую»; «Типографскую» (20-е гг. XVI в.); «Рогожский летописец», или «Тверскую», «Вологодско-Пермскую» и другие летописи.

Рис. 34. Штурм крепости Козельск монголо-татарами в 1238 г.
(Летописный свод XVI в., пропись)

Каждая из них привносит новые детали, однако неизменными остаются упоминания о том, что Козельск мужественно оборонялся в течение 7 недель самими горожанами; в последней вылазке за стены крепости участвовали только горожане; у стен Козельска татары потеряли 4000 своих воинов. После знакомства с летописными сообщениями, в большей мере напоминающими сводки Совинформбюро времен Великой Отечественной войны или литературно обработанные сказы назидательного характера, возникает много вопросов.

Большинство из них касается одного: каким образом небольшая крепость могла выдержать столь длительную осаду и чем объясняются «гигантские» потери татар, если против них воевали только «граждане» города Козельска? Объяснить всё это лишь одним героизмом, мужеством, силой духа или верой в Бога со стороны козличей невозможно. Вот почему появилось множество гипотез, главные из которых сосредоточиваются вокруг численности горожан или гарнизона крепости, характера действий татар и силе или слабости войска, собранного монголо-татарами для осады и последнего штурма города. Однако ответа не находит никто. «Не могло такого быть в принципе», «Могло, но не здесь и не тогда», «Всё вставлено в летописи для красного словца» – вот далеко не полный перечень эмоций, которые возникают после знакомства как с самими летописными известиями, так и с их комментариями.

Всё чаще авторы, повествующие о событиях времен монголо-татарского нашествия, попросту обходят стороной сообщения о Козельске. Между тем, героическая пограничная история Козельска является многомерной совокупностью фактов и явлений из прошлого. Отсюда и сама «героика» этого, некогда пограничного, города является далеко не простой для понимания. Проникновение в ее тайны затруднено из-за почти полного отсутствия документальных или материальных свидетельств, так как козельская пограничная территория в наибольшей степени подвергалась разрушениям, а все архивы, как правило, каждый раз уничтожались с приходом врага.

Рис.35. Монголо-татарские всадники.
Середина XIII – 1-я треть XIV в. Худ. М. Горелик

Вот почему большой интерес представляют новые документально подтвержденные гипотезы относительно обороны Козельска весной 1238 г. и среди них те, которые углубляют и расширяют богатую на события и многогранную тему «мир пограничного» в истории Козельска.

Так, например, недавно вышла в свет книга известного военного историка А.Б. Широкограда «Русь и Орда» [16]. В ней впервые изложен совершенно новый взгляд на события, произошедшие весной 1238 г. у стен Козельска. Автор отвечает на многие извечные вопросы, которые задают себе все, кто прикасался к этой теме. Он пишет: «Точных сведений о движении татарского войска назад в степь нет ни в русских, ни в восточных летописях. На мой взгляд, наиболее достоверным является путь, указанный в «Атласе истории средних веков» [17]. Видимо, действительно центр армии шел по линии Вязьма – Козельск, при этом была ли Вязьма разорена или сдалась на милость победителя – не ясно. Какой-то правофланговый отряд татар подошел к Смоленску и стал в 25 верстах от него на Долгомостье...» (рис.35).

Далее А. Широкоград приводит ставшую уже традиционной точку зрения на события под Козельском, а затем дает совершенно новый блок информации, которая требует осмысления: «По болгарской же летописи Козельск держался не 7 недель, а 7 дней. Причем штурм крепости не удавался не столько из-за отчаянного сопротивления жителей, сколько из-за атак конной дружины, укрывавшейся в лесу недалеко от города. Как только татары начинали штурм, с тыла их атаковывала конная дружина. На седьмой день конная дружина, находившаяся в Козельске, на рассвете пошла на вылазку. Татары проспали атаку, и большая часть дружинников из Козельска ушла в Чернигов. Козельск же был взят и по приказу Батухана (Батыя) сравнен с землей. По болгарской летописи в боях за Козельск татары потеряли убитыми 7 тысяч воинов». Историк заключает: «Таким образом, потери татарам под Козельском были нанесены не простыми горожанами (как это принято было говорить советскими историками), а сильными черниговской и козельской дружинами. Если верить болгарской летописи, то это был первый пример тактически грамотных действий русских в войне 1237-1238 гг. После взятия Козельска татарское войско направилось в степи, в Половецкую землю, где Батый разбил хана Котяна, который с 40 тысячами своего народа ушел в Венгрию, где получил земли для поселения» [18].

Приведенные сведения изложены в знаменитом своде болгарских летописей Бахши Имама «Джагфар Тарихы», 1680 г. В него вошла и «Летопись Гази-Бараджи» (Гази-Бараджи – болгарский царь, союзником которого был хан Батый), составленная в 1229-1246 гг., она же «Гази Барадж Тарихы» [19].

Не исключено, что сильные конные отряды, которые наносили ощутимые удары в тыл штурмующим крепостные стены монголо-татарам, есть не что иное, как резерв из Чернигова. Эта конница, скорее всего, и пришла на выручку Козельску – пограничному городу на самой окраине Черниговской земли, бывшему на границе с Суздальской землей.

Таким образом, это был не просто первый пример тактически грамотных действий русских, но и образец активных «беспокоящих» ударов передовых войск, выдвинутых в приграничную полосу монголо-татар с целью вынудить противника отказаться от дальнейших наступательных действий. Не из-за грозящей весенней распутицы, а эта версия считалась прежде одной из главных, а в силу того, что татарам были нанесены потери в живой силе, сделавшие их тумены небоеспособными, Батый вынужден был в тот год уйти в половецкие степи. Автор книги сообщает, что в 1239 г. монголо-татары пошли на Чернигов в качестве кары за активное участие черниговской дружины в обороне Козельска.

После «батыева нашествия» калужская земля и пограничные с ней территории продолжали быть раздробленными на ряд небольших княжеств: Мосальское, Тарусское, Оболенское, Воротынское, Козельское, Перемышльское, Мезецкое (Мещовское). Медынь входила в состав Смоленского, а Боровск, Малоярославец и часть калужских земель – даже в состав Суздальского княжества. Каждое из этих княжеств-государств имело свои собственные границы.

На северо-западе Козельский удел граничил с землями Новосильского княжества. В этом направлении на пространстве в 40 – 50 верст до рубежа рек Угры и Оки – естественной границы, протекали Серена, Птара, Высса, Большой Березуй и десятки других более мелких рек. Текущие по дну глубоких оврагов, они во многих местах были неприступной преградой на пути пеших и конных ратников. Одновременно все эти речки служили и хорошими ориентирами для выхода к Жиздре, Оке и Угре.

На востоке граница с Новосильским княжеством, городами которого были Белёв и Одоев, проходила по самой реке Оке.

Строго на севере, между козельскими землями и рекой Угрой, в XIV в. лежал обширный район Мезецкого удельного княжества, принадлежавшего потомкам тарусских князей. В XIV – начале XV в. граница между этими княжествами проходила как раз по территории современного Козельского района. Ее протяженность была свыше 300 км. Частично граница шла по рекам, в том числе по Жиздре и ее левым притокам. Перемышль, Алопово, Прыски, Козельск и Хозцы – вот та линия, к северо-западу от которой начинались владения потомков тарусских князей. Большое село Сухиничи уже было их владением. Граница шла почти строго по той линии, по которой сегодня проложены железнодорожные ветки: Козельск – Сухиничи – Киров – Бахмутово – Дабуж. Далее на север по рекам Рессе и Пополте. Это не что иное, как водораздел – высокие места с минимальным количеством естественных преград.

Освобожденные от леса уже в глубокой древности, водоразделы повсеместно стали легко проходимыми для неприятельских сил. Поэтому по ним на возвышенных местах ставили городки со своими собственными пограничными оборонительными сооружениями. Таковы Перемышль, Воротыньск, Любутск и другие города-крепости. Следы древнейших укреплений в пределах козельского района также можно и нужно

искать именно на водоразделе. Земля в окрестностях старинных, судя по названиям, сел Лавровское, Фроловское, Савинское, Старинка и других, расположившихся вблизи водораздела, скорее всего, хранит в себе немало памятников тех времен, когда здесь проходила граница между княжествами. К юго-западу от Козельска простирались общие с Карачевским княжеством земли, которые, в свою очередь, граничили с землями Брянского княжества. Таким образом, козельская земля, этот ныне далекий от рубежей России край, уже в древнее время была окружена границами, которые требовали защиты.

Несмотря на то, что соседние княжества принадлежали князьям из одного рода, границы Козельского удела не всегда были спокойными. Нередко в результате междоусобиц, здешнее население вынуждено было участвовать в приграничных походах своего князя на того или иного «сродственника». В соответствии с характером и степенью проявления угроз удельным князьям со стороны границ, возрастало или ослабевало их внимание к Козельскому уезду и соседним с ним уездам. Под воздействием сугубо «пограничных» факторов менялась «заселенность» тех или иных мест, нередко преображался даже и весь облик окружающей Козельск местности. Реки, дороги и тропы, поля, луга и лес – всё приспособлялось здесь под нужды нелегкого дела – охраны границы и ее всестороннего обеспечения. Изменялся состав служилого люда, усиливалась военная повинность местных жителей, возрастали заботы и ответственность у городской и уездной администрации за состояние границы.

На протяжении столетий важными факторами развития Козельска от первой временной стоянки наших предков у слияния Другусны и Жиздры до хорошо укрепленного города были не только торговля и экономическая деятельность. Важным условием возникновения и развития города, формирующим всю здешнюю реальность, выступала военно-пограничная роль Козельска.

В первой половине XIV в. удел находился в Карачевском княжестве, из состава которого он вышел в 1339 г., превратившись в Козельское удельное княжество, самостоятельность которого была ликвидирована в конце 60-х гг. XIV в., когда Козельск, располагавшийся на землях восточной Черниговщины, в ходе московско-литовской войны 1368-1372 гг. был включен в состав Литвы. Козельские волости многократно переходили от Литвы к Москве и обратно. В то время эта земля, на которую распространялась власть Ольгерда, тем не менее оставалась отчиной князей из Рюриковичей. Используя военную силу и родственные связи, Ольгерд стремился окончательно сделать их своими подручными. Так на многие десятилетия здесь закладывались традиции, когда русские князья будут подолгу служить то одному, то другому великому князю, а то и «на обе стороны».

После захвата великим князем литовским Витовтом Смоленска в 1395 г. к Литве отошла ещё часть земель, входящих в нынешнюю Калужскую область. На этот раз до села Фоминского. Можайск, Боровск, Калуга и Алексин сделались пограничными с Литвой, а Козельск –

пограничным городом на литовской стороне. Однако в 1402 г. Козельск с прилегающими местами был отдан «в вотчину и удел» князю Владимиру Андреевичу Серпуховскому. Затем город на реке Жиздре долгое время подвергался внезапным налетам с литовской стороны как удел серпуховско-боровских князей. Так, например, летописец в 1404 г. отметил: «Тогда же князь Липятычъ Иван, воевода Московский от Литвы убиен бысть. Литва же вступль же глубле в страну Московскую град Воротыненск взяша и в Козелсте (Козельске. Примечание автора) посадиша посадника свои, и близ Можайску воеваша» [20]. В свою очередь и русские полки были нередкими гостями на многострадальной козельской земле. Через нее трижды прошли ратники московского князя Василия Дмитриевича на Литву в 1406-1408 гг. [21].

В 1445 г. король Польский Казимир IV прислал в Россию литовское войско, которое, разорив Козельск и Калугу, прошло до реки Суходрови. Разгромив русскую рать, эта сила опустошила многие места и ушла за границу. Эти трагические события нашли свое отражение в документах того времени. Благодаря этому мы сегодня можем представить, что представлял собой Козельск в середине XV в.

Известно, например, что когда в 1445 г. семитысячные литовские силы были брошены на русские города, то Можайск, Верея и Калуга были взяты «панамии» сразу. Козельск же, который был в то время московским городом, прежде чем им овладели литовцы, в течение целой недели героически сражался против превосходящих неприятельских сил, надежно сковывая их действия. Особым героизмом при упорной защите этой крепости отличился тогда воевода Жичев – полководец князя Василия Ярославича, стоявший во главе отряда, в состав которого входило 260 ополченцев из Можайска, Вереи, Боровска и Серпухова. Согласитесь, вряд ли Козельск смог бы выдержать недельную оборону, не будь он хорошо укрепленным городом. Заметим, что это была одновременно и крупная крепость, ведь за ее стенами, помимо козличей, оборонялись ещё и ратники из четырех других городов. Примерно в это время неподалеку от Козельска была построена мощная крепость Перемышль, предназначенная для размещения крупных воинских контингентов, что подтверждается материалами раскопок. Вряд ли этот город был единственным хорошо укрепленным местом во владениях Владимира Андреевича Серпуховского – одного из самых активных участников войны с Литвой. Надо полагать, что «крепким орешком» был на границе и Козельск.

В границах «верховских» княжеств

Во второй половине XV в. Козельск окончательно вошел в состав «верховских» княжеств. Таковыми их называют за то, что находились они в верховьях рек Оки и Десны (рис.36). Не раз эти порубежные княжества переходили от Литвы к Москве и обратно, оказывались то по одну, то по другую сторону границы, установившейся между двумя великими княжествами – Литовским и Московским.

Для успешного противодействия Москве, великий князь Литовский Казимир IV, как до него поступал и Витовт, подачками и обещаниями благ за верную службу продолжал переманивать на свою сторону православных русских князей - потомков князя Михаила Черниговского. Их пространные владения широкой полосой лежали вдоль левого берега Оки и правого берега реки Угры.

В 1448 г. во владение Козельском вступил князь Ф.Л.Воротынский, который вместе с Новосильским, Одоевским и другими князьями ещё в 1405 г. фактически перешел на службу в Литву. Эти русские князья обязались платить Литве «полетнее», т.е. ежегодную дань, а также ходить вместе с Витовтом на войну при условии, что он будет оборонять их от «татар» и других недругов. Таким образом, к середине XV в. литовцы уже в который раз овладели окраинной московской территорией. Так Козельский уезд – старинная «отчина» московского государя, был присоединен к Литве и стал управляться из Смоленска.

На всей вновь обретенной земле Литвой была образована особая административно-территориальная единица – Смоленский повет. Разгоревшийся вокруг захваченной территории спор между Москвой и Литвой вынудил Литву окружить этот повет со стороны Московского государства особым, по выражению М.К. Любавского, «кольцом надежности».

Рис. 36. Верховские княжества на территории Чернигово-Северской земли в XIII-XIV вв.

Этот «пояс княжеств и владений» был отдан в судебно-административном отношении наместникам, управлявшимся из Смоленска, бывшего центром литовского военного округа. Он, в свою очередь, выставлял уже передовую рать против самого опасного врага – Москвы. Здешний литовский наместник являлся не только главным начальником, но и «политическим агентом и уполномоченным великого князя в области, заполненной неблагонадежными политическими элементами»[22].

Постепенно Смоленский повет был превращен Литвой в свою военно-политическую базу, призванную служить обеспечению безопасности границ земли литовского короля от притязаний московского великого князя. При этом главное внимание было сосредоточено на юго-восточной части смоленской земли, где напротив порубежной московской территории создавался передовой рубеж обороны. Козельские и другие «верховские» земли, очутившиеся по ту сторону от московской границы, казалось бы, должны были стать передовым заслоном Казимира IV от Москвы. Однако каких-либо серьезных мер по обеспечению охраны всей этой территории и самой границы здесь практически не предпринималось. Волости, подобные козельским, оказались настолько далекими от Смоленска, что литовские власти ничего не могли противопоставить тем сложным процессам, которые происходили в «верховских княжествах».

Перешедшие на службу в Литовское государство русские «верховские» князья тем не менее в соответствии с договорами между Москвой и Литвой были вправе делать окончательный выбор – кому служить. Это право и вызывало их колебания. Используя эту слабость, Иван III – великий князь Московский уговорами и обещаниями старался переманить на свою сторону этих князей, имевших русское происхождение и хранивших непоколебимую верность православию. Это обстоятельство являлось одним из решающих, но далеко не единственным фактором, обусловившим в конце концов окончательный их выбор в пользу Ивана III.

Важную роль в принятии такого решения сыграли и причины, обусловленные особенностями местоположения, а также спорным характером территории и границ «верховских» княжеств. Вот только некоторые из них. Очень скоро литовские пограничные волости, через которые следовали русские купцы, были наводнены разбойниками, грабившими и убивавшими торговых людей на дорогах. Известен, например, факт, когда здесь были ограблены русские купцы-ремесленники Борис-укладник, Митя-ножовщик, Зиновий-саадачник и Митя-однорядчик*. У этих купцов было с собой товара на 175 с лишним рублей [23]. Сумма по тем временам очень большая: в XV в. за 20 - 50 руб.

---

* Укладник, – мастер, делающий сталь, булат. Саадачник – изготовитель саадаков (сагадаков) – сделанных в едином ключе наборов для конных воинов: лук, налучье, колчан со стрелами. Однорядчик – портной, шивший долгополые кафтаны без ворота, с прямым запахом и пуговками, однобортный. Ножовщик – слесарь, специалист по выделке ножей.

можно было купить целую деревню с землей, постройками и скотом. Быстрое превращение приграничных районов, удаленных от центра, оставленных без должного внимания со стороны военной администрации, в вотчину разбойников – одна из причин.

Разбой на дорогах стал настоящим бедствием для пограничных территорий. Пограничными они считались номинально, так как для исполнения оборонных задач на них не было создано условий военного, политического и экономического характера. Так, например, Козельск – крупная крепость и военная база, был средоточием многих путей. От стен города в разные стороны уходили важные стратегические дороги, которые вели в Белёв, Болхов, Карачев, Брянск и в другие места. Для воеводы этого города поддержание порядка на путях следования войск, грузов и почты было первоочередной задачей. Тем не менее какие-либо серьезные шаги в этом направлении, видимо, сделаны не были.

Поскольку Козельск и другие «верховские» города во многом жили благодаря торговле, то разбой на дорогах порождал у населения неприязненное отношение к литовским наместникам.

Уезды, которые, как и Козельский, оказались между Великим княжеством Литовским и Великим княжеством Московским, становились «проходным двором». Через эти места беспрепятственно из одного государства в другое бежали не только преступники, но и знатные люди, и даже князья. Так, например, в 1451 г. от Василия II Тёмного в Литву бежал князь Иван Можайский с сыновьями. Им были пожалованы города Стародуб, Гомель и Брянск.

Подобные побегі требовали проведения жестких мер в отношении всех следующих через пограничные земли людей, с тем чтобы не допустить их свободного передвижения. Однако мероприятия, проводимые литовской стороной по противодействию такому явлению, чаще всего оказывались запоздалыми, а потому и неэффективными.

В конце XV в. на литовско-русском порубежье в землях великого княжества Литовского, стала проводиться агрессивная католическая политика. Это повлекло за собой резкое стремление православного населения бассейна верхней Оки войти в состав Русского централизованного государства. Поворот большинства населения в сторону православной Москвы потребовал от здешних наместников и князей принятия соответствующих шагов по укреплению на пограничных русских землях православной церкви. Это проявлялось, в том числе, и в поощрении строительства в непосредственной близости от литовской земли многочисленных монастырей, подобных Оптиной пустыни.

Наконец, объективной реальностью на спорных пограничных территориях, пока они окончательно не вошли в Российское государство, было отсутствие какого-либо мира между князьями. Так, например, до тех пор, пока все «верховские» княжества не перешли к Москве, между их князьями возникали споры и столкновения. Особенно это касалось совместных владений. Козельская великокняжеская волость находилась между вотчинными владениями

князей Вяземских, Перемышльских, Воротынских и других. Слезные жалобы стекались от них в Москву и Литву и накаляли и без того непростые взаимоотношения между князьями-соседями.

Все эти споры и неурядицы, обусловленные пограничным положением «верховских княжеств», а также прямое невыполнение Литвой своих обязательств по защите Одоева, Воротынска, Козельска, Белёва и других городов от «татар», привели к тому, что «верховские» князья один за другим открыто начали переходить вместе со своими вотчинами к Москве.

Одним из первых в начале 1470-х гг. на сторону Москвы перешел князь Семен Одоевский. В 1481-1482 гг. к Ивану III выехал князь Федор Бельский. В апреле 1483 г. Сигизмунд заключил последний договор с князьями Воротынскими как с князьями-присяжниками. На службе у польского короля остались сыновья Федора Юрьевича Воротынского – Дмитрий и Семен, а также их племянник Иван Михайлович Воротынский. Третий сын князя Федора Юрьевича, Михаил Федорович, от участия в этом договоре отказался и уже в 1484 г. перешел в Московское государство.

В зоне русско-литовских пограничных конфликтов и войн

Начало восьмидесятых годов XV в. – грозные для Руси годы. В это время, со слов великого князя Ивана III, его люди «беспрестанно емлют королеву землю». Это означало, что уже не один год продолжались непрерывные столкновения на русско-литовских рубежах. В первую очередь подвергались нападению те города и волости, которые Иван III требовал возвратить под московскую власть. Однако несмотря ни на что до 1487 г. русско-литовская граница, весьма условное понятие для «верховских» княжеств, оставалась неизменной. Главная причина заключалась в том, что пограничные инциденты развязывались здесь не силами великокняжеских войск, а здешними наместниками без привлечения крупных сил. Поэтому каких-либо серьезных результатов мелкие стычки местного масштаба принести не могли.

В 1487 г., после победоносного похода на Казань и ее взятия 9 июля, Иван III наконец-то получил долгожданную возможность сосредоточить главные усилия на разрешении затянувшегося пограничного конфликта с Великим княжеством Литовским. Предстояло возвратить западные земли, входившие в состав Литвы со времени захвата их Витовтом. Для этого Москвой была избрана тактика создания прецедентов для вмешательства во внутренние дела этого государства с использованием войск, освободившихся на востоке, то есть под Казанью [24]. С этого времени на всем протяжении московско-литовской границы началась пусть пока ещё и мелкая порубежная, но всё же война. Главным ее содержанием были нападения на пограничные крепости. Любопытно, что Козельск в это время оставался нетронутым, по крайней мере, прямых указаний на разорение города и уезда в документах того времени мы не находим.

Почему одни литовские города подвергались нападкам, в то время как Козельск не разоряли? Это объясняется ролью и местом того или

инного города, расположенного на южной московской границе. В зависимости от опасности, которую они в себе таили, каждому из литовских городов Москвой была уготовлена своя судьба. Козельск, в отличие, например, от Мценска и Любутска, неоднократно разоряемых русскими князьями, у Ивана III в этом отношении серьезных опасений не вызывал. В свою очередь Любутск находился между Алексиным и Калугой на реке Оке и потенциально в любой момент мог быть использован Литвой в качестве опорной базы при действиях на границе против московской стороны. Из города Мценска, который стоял на реке Зуше, исходила постоянная угроза литовского нападения с тыла на московские «сторожи», которые выставлялись ближе к степи. Козельск, скорее всего, был вне военно-пограничных интересов и опасений Ивана III.

Главным итогом череды непрерывных стычек на границе, как правило, с большим перевесом на русской стороне, стало полное расстройство литовской обороны во всей пограничной полосе и на значительную глубину. Вследствие постоянно усиливавшегося военного давления со стороны Москвы на порубежных литовских владельцев начался массовый их переход на службу Ивану III. Для нас наибольший интерес представляет установление времени «выезда» от Литвы князей Воротынских, поскольку Козельск на протяжении 30 лет находился под их наместничеством. Мнения историков на этот счет расходятся. Вот почему, проанализировав основные их предположения, остановимся на выводах историка К. В. Базилевича. Хотя и с долей сомнения, он утверждал, что Иван Михайлович Воротынский переехал в Москву в 1487 г.; Дмитрий Федорович Воротынский (сын Федора Воротынского, которому Козельск был отдан в наместничество Казимиром IV в 1477 г.) – в декабре 1489 г. [25].

Существовали некоторые «тонкости» службы «верховских» князей «на две стороны». Так, например, переход князя на службу от короля к великому князю Московскому не обязательно означал, что вместе с ним переходило в новое подданство и население территории, которая была за князем. Скорее всего, так было и с Козельском. Несмотря на то, что князья Воротынские, владевшие этим городом, и перешли на сторону Москвы, население самого Козельска и уезда всё ещё оставалось литовским. Поэтому местных жителей старались увести за московский рубеж, о чем постоянно жаловались послы Казимира IV. Так, например, в 1489 г. подверглись нападению литовские земли неподалеку от Воротынска. В документах того времени находим, что москвичи «под городом были, города добывали, место выжгли, бояр и боярынь много поймали и всих головами семь тысяч повели» [26]. Заметим, что речь идет и о козельчанах, поскольку Козельск тогда ещё принадлежал князьям Воротынским или оставался литовским без наместников Воротынских.

Во время этих походов русскими были выведены за московский рубеж тысячи человек, что было связано с политикой Ивана III по заселению южной окраины Московского государства путем основания слобод, населявшихся людьми, угнанными из литовских пределов. Свидетелем

событий тех времен выступает топонимика. Так, например, под Москвой, ближе к бывшей границе с Литвой, на русской стороне из приведенных сюда козельчан было основано село Козельское. Одновременно в конце XV в. Москва, ведя борьбу с набегами Литвы, вынуждена была создавать на литовском берегу Угры и в Приугорье пункты обороны, а также осваивать этот район в целом. С началом перехода земель к военно-служилым людям, готовым защищать пределы Московского государства, по правому, прежде бывшему литовским, берегу Угры появилось немало новых русских селений – сторожевых поселков и слобод. Так, например, здесь получил земли «смолянин» Иван Федоров сын Плюсков». По этому владельцу названо немало деревень и сел. Деревня Плюсково есть, в том числе, и вблизи Козельска.

Однако и литовцы совершили немало успешных рейдов по русским приграничным землям (рис. 37). Так, например, 27 декабря 1488 г. великий князь Иван III послал грамоту с жалобой послу польского короля и литовского великого князя о разорении калужских земель литовцами. В отместку за это подверглись нападениям полками из Калуги Мценск и Любутск (трижды). В плен был взят воевода литовского наместника Василий Протасьев. К началу 90-х годов отношения между Москвой и Литвой накалились как никогда. Почти все шаги Москвы по упрочению своего положения и по объединению земель вокруг себя Литва и Польша встречали в штыки. Непростые отношения сохранялись и между князьями «верховских» княжеств, одни из которых отошли от Литвы, а другие ещё нет. Споры между ними из-за пограничных земель раздражали и Москву, и Литву. Теперь, в отличие от прошлых лет, стала наблюдаться новая картина. Нападения на литовскую землю отныне производились не местными московскими властями, как это было прежде. Они исходили от русско-литовских князей, недавно перешедших на московскую сторону. Так, например, люди Дмитрия Федоровича Воротынского вместе с перемышлянами и калужанами «выбрали и выграбили» немало литовских волостей.

Рис.37. Литовцы уводят в плен русского. Рисунок XVI в.

Все те непростые процессы, которые были характерны для таких пограничных районов, каким на литовско-русской границе являлся и Козельск, были известны великокняжеским московским аналитикам. Из всего происходящего на территории «верховских княжеств», располагавшихся непосредственно у границ Московского государства, они делали далеко идущие выводы. В соответствии с результатами анализа сложной обстановки предпринимались всё новые шаги для того, чтобы оторвать на свою сторону «верховские княжества» и их правителей с тем, чтобы расширить пределы Московского государства и тем самым создать плацдарм для проведения новых активных мер по обеспечению безопасности центральных районов страны со стороны границы.

В 1492 г. Иван III открыто объявил войну великому князю Литовскому Александру и захватил часть его земель, в чем его поддержал крымский хан Менгли-Гирей. Это был первый крупный поход на Литву. Тогда при участии русских князей, перешедших на сторону Москвы, были взяты многие города. Русские войска и «дикая конница» Менгли-Гирея неожиданно вторглись летом 1492 г. одновременно с востока и юга в Литву и быстро овладели тринадцатью городами, среди них Козельск, Белёв, Воротынский и Перемышль. Иван III, не дожидаясь заключения мирного договора, объявил эти города присоединенными к Москве. Таким образом, Козельская, некогда московская великокняжеская волость, бывшая между вотчинных владений Вяземских, Перемышльских, Воротынских и других князей, была возвращена в Московское княжество. В 1493 г. все Воротынские и другие «верховские» князья вынуждены были окончательно отказаться от подданства Литве. Потеря пограничных крепостей вынудила Александра Казимировича пойти на переговоры о заключении «вечного мира» с Москвой. В этом договоре в Литве видели единственную возможность остановить продвижение Московского государства в западно-русские земли. Стороны в конце концов признали состоявшимся фактом переход вместе со своими вотчинами на службу в Московское государство князей Воротынских, Одоевских, Белёвских и некоторых Мезецких. Литве же были возвращены Серпейск, Любутск, Мосальск и некоторые другие «верховские» города. Москва брала на себя обязательства не претендовать на Смоленск и Брянск.

Однако новый договор не установил точной границы в этом районе. Так, например, за Литвой остались ещё некоторые козельские места, которые до этого принадлежали детям Воротынским. Договор не устранил и всей запутанности отношений между «верховскими» князьями. Всё это давало почву к столкновениям между ними, равно как и между литовской и русской сторонами до времени подписания следующего договора в 1508 г., когда к Москве отошли козельские волости и одновременно приграничные смоленские пригороды: Кцынь, Прыски, верховья реки Серены, Липицы, Взбынов, Лугань, Местилово и Хвостовичи. С присоединением этих дальних западных районов к Москве Иван III получил возможность укрепить и их.

В целом выгодные условия заключенного мирного договора 1494 г. стали главным итогом затянувшегося пограничного конфликта и войны 1492-1494 гг. Теперь граница Московского государства отодвинулась далеко на запад в верховья рек Оки, Угры и Жиздры. Это обстоятельство вывело на новые роли и Козельск. Отныне он оказался на острие клина, вдававшегося в литовские пределы. Возросла роль этого города и Козельского уезда в целом как одного из удобных плацдармов для наступления в глубь Великого княжества Литовского в случае обострения обстановки на западе. С завершением затянувшегося конфликта с Литвой и присоединением Козельска и других «верховских» городов к Москве обстановка на западной границе несколько разрядилась. Однако никак не ослабела постоянно беспокоившая боль от ударов, которые наносились по русским пределам со стороны Крымского ханства. Как заметил в середине XIX в. историк Козельска Леонид Кавелин, «дальнейшая история Козельска, с выходом из рода Владимира Храброго (после 1410 г. – Примечание автора) и до XVIII столетия представляет мало отрадного: это летопись ежегодных набегов крымцев» [27]. Об этом следует сказать отдельно.

В пыли и гари ордынских набегов

Несмотря на то, что обстановка на западных границах Московского государства формировалась, главным образом, под воздействием непростых и противоречивых отношений с Великим княжеством Литовским, постоянно угрожающим фактором на этом направлении, начиная с XIV в., были также татарские орды, беспощадно терзавшие русское население даже тогда, когда было свергнуто монголо-татарское иго. Особую остроту опасность со стороны степи приобрела с образованием под эгидой Турецкой империи из состава Золотой Орды нескольких татарских ханств, которые стали проводить хищническую политику по отношению к своим соседям. Главная причина заключалась в том, что эти ханства могли существовать самостоятельно только благодаря финансовой подпитке со стороны других стран, а также за счет людских и материальных ресурсов, которые они захватывали в ходе многочисленных походов. Особую опасность представляло Крымское ханство, избравшее объектом набегов русские, украинские и польские земли.

Нужно признать, что на протяжении всего XV в. Козельск в числе других городов, бывших на территории «верховских» княжеств, подвергался лишь эпизодическим нападкам со стороны мелких отрядов крымских татар, или как их ещё называли, – «ордынских казаков».

Больших походов крымские князья сюда не предпринимали, так как «слабо развитые «верховские» княжества были малонаселенными, бедными и далекими географически для того, чтобы интересоваться крымско-татарскую знать» [28]. Вожаками для нее были богатые

южные окраины Польши и Литвы. Впрочем, даже и мелкие отряды крымцев несли с собой неисчислимые беды для здешнего населения, которое каждый раз один на один оставалось с хитрыми и алчными до наживы татарами. В случае их неожиданного прихода Козельск попросту не кому было защитить.

Дело в том, что каких-либо серьезных мер со стороны князей Воротынских, которые до начала XVI в. владели не только Козельском, Серенском и Перемышлем, но и Калугой, по обороне своих земель не предпринималось, так как для этого у них просто не было сил.

Нельзя было рассчитывать и на помощь со стороны Литвы. В то время она не вмешивалась в дела князей Воротынских, так как великие князья Литовские Казимир IV, а затем и Александр I были заняты или организацией отпора Крымскому ханству на коренных окраинах своего княжества, или «замирялись» с ханами и воевали вместе с ними против Москвы. Вследствие подобной политики западно-русские земли, практически не защищавшиеся литовским центром, свободно разорялись татарами из Крыма. Так, например, было в 1477 г., когда хан Большой Орды Ахмат разорил Козельск и Перемышль. Случилось это именно тогда, когда великий князь Литовский Казимир IV отдал Козельск в руки присяжника Федора Воротынского. Надо полагать, что тот набег Ахмата на Козельские земли накануне знаменитого его похода на Москву в 1480 г., имел далеко идущие разведывательные цели.

В ту пору козельская земля представляла собой несколько волостей, входивших в состав Великого княжества Литовского и со времени возможного прихода орды Ахмата автоматически становилась житницей орды. За ее счет орда могла существовать в период завершающей стадии подготовки к броску через реки Угру и Оку на московские земли. Вот почему особый интерес представляют события, известные в русской истории как «Стояние на Угре» 1480 г.

Козельск вместе с другими «верховскими» пограничными городами осенью-зимой этого года оказался разграбленным татарскими войсками хана Ахмата. Они прошли через «верховские» княжества восточнее линии Новосиль – Мценск – Любутск на русскую границу к рекам Угре и Оке между Калугой и Алексиним. Поскольку между Ордой и Литвой была договоренность о военном сотрудничестве против Москвы, хан Ахмат рассчитывал на благосклонность «верховских» земель, подвластных Казимиру IV. Однако литовский король не пришел на помощь татарам. Вологодско-пермская летопись повествует: «Пошел Ахмат по литовской земле и пленил: Мценск, Белёв, Одоев, Перемышль, два Воротынска, старый и новый, два Залидова, старый и новый, Опаков, Серенск, Мезыск (Мещовск), Козельск – всего 12 городов» [29].

Сегодня существует несколько точек зрения на то, что же послужило первопричиной грабительского похода Ахмата по восточным пограничным с Москвой литовским городам. Отметим лишь одну гипотезу, характеризующую чрезвычайную сложность ситуации на пограничной территории. Историк К.В. Базилович, например, предположил, что разорение

Ахмат-ханом 12-ти городов на территории «верховских» княжеств произошло из-за того, что русские князья и русское население в тылу Ахмат-хана попросту отказались выступить на стороне «татар» против защитников Московского государства, или даже выступили против соединения с» татарами» [30].

Отсутствие противодействия со стороны Крыма вело к тому, что на приграничных литовских территориях начинало зреть недовольство неприятием мер по защите и обороне пограничных городов, в том числе и Козельска. Нужно было принимать меры к недопущению свободного проникновения на территорию пограничных уездов и беспрепятственного передвижения в их пределах татарских отрядов. Необходимо было объединить князей граничивших сторон в их стремлении обезопасить землю от «татарских приходов». Эти задачи никто не решал. Несмотря на то, что Московское государство было кровно заинтересовано в обороне от татар, великий князь Московский Иван III, вступивший на престол в 1462 г., каких-либо действенных мер по защите православного населения, проживавшего вблизи от границ коренной Руси, не предпринимал. Мало того, он не мог даже что-либо сделать для того, чтобы надежно обезопасить жителей своих центральных областей от нападений с южного направления. Он не имел возможности построить с этой стороны какие-либо оборонительные сооружения, вынесенные вперед, за границу. Историк И.Д. Беляев пишет: «Московское государство, отделенное от татар владениями князей Рязанских, Муромских, Нижегородских и других, не имело ни права, ни возможности строить укрепления на чужих землях, не редко враждебных» [31].

Впрочем, Иван III не только не мог что-либо сделать, но и был заинтересован в том, чтобы, «верховские» князья, колебавшиеся то в сторону Литвы, то в сторону Москвы, в полной мере и поскорее ощутили на себе все беды от «крымских приходов». Он желал, чтобы Воротыньские и другие «верховские» князья, наконец-то поняли, что Литва не будет и не способна их защищать. Поэтому он никакой поддержки им не оказывал, ожидая, когда же они в поисках надежного укрытия от крымских татар перейдут на его сторону. Осуществление мер по прикрытию своих южных границ стало для Московского государства возможным только после того, как его границы расширились на юг и восток.

Случилось это уже после того, когда «верховские» княжества окончательно перешли на сторону Ивана III. Тогда же мероприятия военного характера против угроз из Крыма были подкреплены и по линии дипломатии. «Вечное dokonчание о братстве и любви» – договор 1494 г., подписанный с Литвой, уже содержал важное положение о совместной обороне «украинных мест» против татар. Благодаря присоединению к Москве «верховских» княжеств, когда граница была далеко отодвинута в литовские пределы, стало возможным лучше организовывать и оборону против татар на всей южной границе. В это время приобрел статус «московского» пограничного города и Козельск.

Отныне не только рязанские, тульские, но и бывшие «литовско-польские» брянско-заокские земли стали югом Московского государства, а располагавшиеся здесь города оказались пограничными с Крымским ханством.

История не сохранила для нас подробностей того, как осваивали козельские земли московские бояре после присоединения «верховских» княжеств к Москве. Однако можно с уверенностью сказать, что сложное дело обустройства всей жизни на новых территориях осуществлялось не на пустом месте.

Организирующим ядром являлся сам город Козельск – хорошо укрепленное место. Бывший на границе с Литвой, он одновременно оказался и на «крымской уkraine». Теперь на долгие два столетия история Козельска стала неразрывно связана с историей героической борьбы России за нерушимость ее южных границ.

Начало суровой битвы с крымским царством разбойников, живших войной, грабежом, следует отнести к XVI в. В первые годы этого столетия лишь изредка крымские мурзы оказывались в пределах южных приграничных районов Московского государства.

Однако приходили они и на козельские земли, в число которых в то время, по разным оценкам, входило от 13 волостей до 21 волости. Весь этот обширный район находился между Жиздрой, Угрой и Окой «на польской» – южной, относительно Москвы, стороне государства. Какой-либо заметной роли в его обороне в то время Козельск ещё не играл. Это объяснялось тем, что у Ивана III не было особой причины для беспокойства за южную границу. Для того, чтобы получать своевременные вести об угрозе с юга, ему незачем было вводить на «крымской уkraine» сторожевую службу.

Всю необходимую информацию об опасных передвижениях ордынских отрядов даже вдали от границ в Москве получали непосредственно из Крыма, с которым поддерживались мирные отношения. Не было нужды высылать в «украинные» города и свои силы. Крымских ханов попросту задабривали дорогими подарками, поэтому большинство пограничных инцидентов, которые всё же случались, удавалось разрешать путем переговоров.

В 1503 г. от Литвы под московскую власть перешли города Путивль и Рыльск, находившиеся уже непосредственно на границе со степью. Отныне появилась не только возможность контролировать татар на дальних подступах к «украинам» Руси, но и необходимость дальнейшего укрепления всего южного приграничного региона. Тем более, что по мере укрепления Крымского ханства стал складываться его военный союз с Литвой против Москвы, что послужило вскоре открытому разрыву Москвы с Крымом.

После 1507 г. суровой реальностью стала непрерывная череда хищнических набегов «агарян» – так в русских летописях называли крымских татар, на «крымскую уkraine».

Рядом с Русью образовалась, по выражению В.О. Ключевского, «разбойничья берлога», из которой в любой момент могла напасть сила в тридцать тысяч головорезов. Теперь и Козельск стал интересовать татар из Крыма. Если прежде в летописях, разрядных книгах и дипломатических документах это место упоминалось в разряде литовских «дел», то теперь всё чаще Козельск стал фигурировать в связи с «делами» крымскими.

Глава 2

«ВСПОЛОШЛИВОЕ» ВРЕМЯ

Всполошить, всполохать – встревожить, пугать, внезапно беспокоить, производить тревогу. Всполох – беспокойство, тревога, набат, бой в барабаны, трещотки, звон для сбора народа. Всполошливый – тревожный, пугливый, страшливый и беспокойный.

Вл. Даль «Толковый словарь живого великорусского языка».

В канун суровых испытаний

С самого начала XVI в. для московских городов, располагавшихся на окраине государства, не было более опасного и коварного врага, чем крымские татары*. Замечательный историк пограничного дела С.Л. Марголин отыскал образную характеристику ситуации для Руси того времени: «Батый молнией прошел, а теперь татары из русской земли не выходят» [32]. В этих условиях основной задачей местного пограничного руководства, назначаемого в города «крымской украины», сталокрытие путей, ведущих из степи к нашим «украинам».

Тогда на козельской земле в дремучих лесах, тянувшихся по Жиздре, Дубенке и Бобрику, раньше чем где-либо стали рубить засеки. Фактически с них было начато создание оборонительной черты, которую на про-

---

* Крымские татары – далее «крымцы».

тяжении столетий затем будут создавать русские государи. Почему именно здесь было положено начало засечному строительству?

Ответ подсказывают несколько общерусских эпизодов борьбы против «татар». Эти события обусловили линию прохождения засек в первую очередь здесь. 11 августа 1378 г. на реке Воже в ходе короткого и победного сражения русскими были впервые разбиты отряды хана Мамай. Сокрушительный удар по «татарам» был нанесен 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле. Наконец, 5 декабря 1438 г. на реке Белёве, по соседству с козельскими местами, произошло ещё одно сражение, о котором следует сказать отдельно.

Для «крымцев» было крайне важно иметь вблизи московских границ свои опорные пункты. Одним из таких мест, где они попытались проверить лояльность Москвы к своему присутствию у русских границ, был выбран город Белёв. Он был захвачен осенью 1438 г. ханом Улу-Мухаммедом, изгнанным из Орды сыновьями Тохтамыша. Хан не просто рассчитывал отсидеться здесь, а затем возобновить борьбу за ханский престол. Он желал заключить с Москвой мир и остаться жить по соседству.

Засев в городе, «крымцы» зимой сильно укрепили его крепостью, построенной из льда, снега и хвороста, и стали подвергать непрерывным грабежам окрестности. Василий II Тёмный послал против хана свою рать под начальством Дмитрия Шемяки, которая предприняла попытку штурмом взять город. В летописи говорится: «В лето 6 946 (1438) месяца декабря 5, бой бысть великим князем руським на Белове с царем Махметом» [33].

Хан ещё долгое время находился вблизи южных русских пределов. В 1439 г. он сжег московские посады, после чего отступил за Волгу, где в 1444 г. занял Нижегородский кремль, а затем захватил Казань. Места, где два года кочевал Улу-Мухаммед, нам неизвестны. Козельск вряд ли мог приютить хана, но вот селения, расположенные в южной части уезда и изрядно пограбленные «крымцами», видимо давали им приют и пропитание. Впрочем, досталось их жителям и от воинства Шемяки, посланного из Москвы на хана. Последнее обстоятельство возбудило жителей южных волостей против самого Василия II Тёмного. Несмотря на успех русских войск под Белёвым, «татарам» был преподнесен серьезный урок. Великий князь Московский ещё раз убедился в том, насколько притягательными для татар является южное направление, и тогда был сделан вывод о необходимости его надежного прикрытия. Василий II Тёмный твердо показал ханам, что Москва не намерена позволять вить разбойничьи гнезда у своих границ и что за линией русских городов, таких, как Белёв, Рязань, Тула, Одоев, Козельск и других, что лежат на левом берегу Оки, для «крымцев земли нет» и никогда не будет.

Таким образом, первые шаги в области проведения политики противодействия татарским ханствам предпринимались и ранее. Однако настоящие условия для того, чтобы великий князь Московский мог осуществлять независимую от «крымцев» государственную внутреннюю и внешнюю политику, сложились только во времена правления Ивана III (1462-1505), когда были созданы постоянные вооруженные силы,

которые в военное время достигали 350 тысяч ратников. Международный авторитет и возросшее могущество страны позволяли без оглядки на возможное недовольство со стороны враждебных соседей твердо решать вопросы и пограничной политики.

Костяк сил, которые использовались в Московском государстве для военно-пограничных целей, составляло казачество. Не ранее второй половины XV в. пришли казаки и в Козельск. Здесь они поддерживали внутренний порядок в городе и охраняли местное население от нападения разбойного люда, особенно на торговых путях. Козельские казаки представляли силу, способную вести оборонительные действия с опорой на построенные в лесу засеки. Они должны были каждый раз с получением вестей из степи, выдвигаться на угрожаемые направления, а при необходимости усиливать немногочисленные гарнизоны засечных сторожей в укрепленных городках на засеках.

Городовые казаки служили в легкой коннице, составляли одну тесно сплоченную общину и сообща владели земельными угодьями. Земля давалась им при условии нести постоянную сторожевую службу. Все члены казачьей общины были равны, управление осуществляли периодически сменяемые «выборные», подлежавшие отчету перед казаками. Городовые казаки несли полковую и станичную службу, которая для них имела регулярный характер и полностью регламентировалась специальными уставами. Из их числа «верстались»: казаки-однодворцы, казаки-полковые и казаки станичной и сторожевой службы. Управление городовыми казаками находилось в ведении Стрелецкого приказа, а подчинялись они воеводе или осадному голове, от которых получали жалование из городского бюджета. Все они составляли служебные общины, наделялись землями и имели определенные льготы в торговле и промыслах. За всё это они присягали на верность великому князю, и несли службу. В свободное от службы время казаки занимались земледелием, ремеслами и мелкой торговлей.

Другой категорией людей, которые пополняли постоянное войско и несли военную службу, были «дети боярские». Поступая на службу, они получали не только землю, но и жалованье. Кроме того, им давались льготы в торговле и некоторых промыслах. «Дети боярские» состояли в ведении Разрядного приказа [34]. Казаки и «дети боярские» разделялись на городских и полковых, на станичных и сторожевых. Те из них, кто привлекался «для сторожи на сторожевых притонах и к разъездам», получали за это жалование. Конница Козельска состояла из «детей боярских» и отдельных казаков. Все они имели вокруг Козельска свои поместья, в которых и проживали, а в крепость собирались только при получении известий о приближении «крымцев». В «спокойное» же время в их «осадных дворах» в городе жили крестьяне и холопы, призванные поддерживать эти дома в исправности.

Как и в конце XV в. через козельские места по дорогам из-за польской границы следовали купцы с богатыми товарами. Они становились объектами для нападения со стороны разбойников, орудовавших в лесах. Ватаги бандитов, как и встарь, хозяйничали на здешних путях с тем,

чтобы после очередного разбоя убраться восвояси, в Литву. В 1507 г. шайка «литовских удалцов», состоявшая из пяти головорезов, которой предводительствовали Петр и Дашко Васильевы, напали на калужских и козельских купцов. Купцов ограбили, а кого-то и убили. Леонид Кавелин отмечал, что «подобные грабежи, особенно нападения литовцев на пограничные города, случавшиеся не редко, подавали повод к неприязненным столкновениям России с Литвою» [35].

Великий князь Василий Иванович вынужден был, например, обращаться через польских послов к королю Сигизмунду с жалобами на систематические ограбления торговых людей литовцами. При этом грабеж козельских, алексинских, калужских, псковских купцов в ряду обид ставился на одно место с занятием литовцами целых русских волостей, как это было в 1507 г. с землями князя Бельского, или взятие литовцами в Брянской области более сотни деревень и сел. Русский правитель требовал за это «надлежащего удовлетворения» и грозил тем, что иначе он «найдет управу» [36]. Такова была суровая реальность, обусловленная близостью литовской границы: главную опасность с запада по-прежнему представляли бандиты всех мастей.

Что касается южного направления, то здесь, с точки зрения участия Козельска в охране и обороне границы со степью, он ещё не был пограничным городом. Тем не менее внезапные прорывы в здешние места небольших ордынских отрядов не являлись редкостью. Тогда все как один, стар и млад, становились на защиту себя и своего имущества от разорения «басурманами». Немногочисленное и слабо вооруженное козельское «войско» не могло обеспечить безопасность всего местного населения. Причастность Козельска к охране южной границы была ещё пока опосредованной и заключалась в следующем.

Во-первых, козельские казаки по очереди командировались в южные города для наблюдения за татарскими шляхами. Там, вдали от мест, где остались их семьи, казаки овладевали боевым опытом, который затем, по возвращению домой, использовали в охране своего города и дорог. Во-вторых, город давал приют тем, кто следовал на службу к степным рубежам. Через Козельск проходили ратники, спешившие в сторону городов, прилегающих к степи, а иногда подолгу стояли здесь отряды русских ратников из других городов. В крепости останавливались и возвращавшиеся с южных сторож и станиц потрепанные в боях городовые казаки и «дети боярские». В-третьих, сюда из дальних мест стекались важные вести об опасных намерениях «крымцев» для передачи вестей воеводам главных сил, стоявших по берегам Оки и Угры. Через Козельск, в свою очередь, передавались распоряжения на «украину».

Для решения этих задач нужно было иметь немалый гарнизон, требовалось постоянно и целенаправленно укреплять город, строить на подступах к нему сооружения, обеспечивавшие обнаружение и задержание неприятеля для организации ему отпора, наконец, требовалось охранять окрестные дороги. Для этого, уже в который раз, отстраивались крепостные стены города. В лесу за рекой Жиздрой было начато возведение

укреплений, места расположения которых привязывались к дорогам, ведущим в Брянск, Орел, Болхов, Карачев и Белёв.

В это время вся полнота ответственности за решение задач, связанных с охраной и обороной городов и путей, а также с защитой населения на местах возлагалась на великокняжеских наместников, назначаемых особыми царскими указами. Они же отвечали и за обустройство «украинных» уездов для этих целей. Известны два козельских наместника, сыгравших важную организующую роль в развитии исследуемого района. Это Петр Михайлович Плещеев (август 1499 г.) и Александр Иванович Стригин-Оболенский (август 1507 г.) [37]. П.М. Плещеев – выдающийся деятель эпохи Ивана III, дипломат, умер в 1517 (1518?) г. Являлся богатым землевладельцем, владел 64-ю населенными местами, главным образом, в Московском, Звенигородском, Верейском и др. уездах. Участвовал в походе к Путивлю в 1500 г. и возглавлял сторожевой полк. Был порученцем в Тверь (весна 1501 г.), послом в Литву (1503 г.). А.И.Стригин-Оболенский неоднократно получал различные пожалования: Козельск, Стародуб, Новгород Северский, Псков. Являлся наместником в Стародубе (апрель 1525 г., зимой 1525/26 г. и, возможно, в декабре 1531 г.), а также в Пскове (апрель 1536 г.). Погиб в 1536 г. Оба они относились исключительно ответственно к порученному им делу. При этих наместниках накануне суровых испытаний, когда в стране были приняты меры по укреплению православия, монастырь Оптиной пустынь перестал быть общежительным*, а в самом городе Козельске был основан Вознесенский девичий монастырь, куда были переведены монахини из Оптиной пустыни.

Проверка надежности прикрытия южных рубежей Руси

Первая серьезная проверка надежности обороны против «холуев турецких султанов» произошла уже весной 1512 г., когда в первой половине мая вновь, после пяти лет непрерывных вымогательств, на белевские и одоевские места, к Козельску и Алексину пришли «крымцы» во главе с сыновьями Менгли-Гирея. Историк А.А. Зимин пишет, что их было пятеро. Среди них и пасынки Нур-Салтан Ахмат-Гирей и Бурнаш-Гирей.

Козельск было поручено оборонять князьям Ивану Михайловичу Воротынскому, а также братьям Федору и Роману Ивановичам Одоевским [38]. Крымские татары, что было обусловлено тактикой нападения, выслали вперед летучий отряд, который дошел до Калуги. О том, что этот город подвергся нападению, повествуется, например, в записке Лаврентьева монастыря: «В лето 7020 (1512 г.) нападоша на град агаряны, против которых вышел князь Семен Иоаннович Калужский со своими

---

* По одной из гипотез этот монастырь и назывался так, поскольку в нем «оптом», т.е. совместно проживали монахи и монахини.

гражданами...» [39]. Главные же силы к Калуге не продвинулись дальше Козельска, так как боярин и воевода князь Данила Щеня, командовавший большим полком, вышел навстречу «крымцам» и обратил их в бегство. Однако козельские, белёвские и другие близкие к ним места «крымцы» всё же успели разграбить, после чего ушли в степь с большим полоном.

Знакомство с основными подготовительными мероприятиями против нашествия Менгли-Гирея, а они активно проводились на широком фронте по реке Угре, где, как известно, в соответствии с наказами угорским воеводам «по всем местам, где пригоже» были расставлены русские силы, наталкивает на вывод о том, что Козельск, как Белёв и другие «заоцкие» места, изначально были обречены быть в заложниках у крымских татар. Ведь угорский оборонительный рубеж проходил на удалении более чем в 70 км к северу от Козельска. На Угре в 1512 г. предпринимались поистине беспрецедентные меры по обороне границы. Предполагается, что в преддверии нашествия Менгли-Гирея даже поменяла свое место Калуга, занявшая более выгодное стратегическое положение. Эту гипотезу выдвинул ещё в 1781 г. профессор Зуев [40].

Между тем, ведение оборонительных действий против «крымцев» на угорском, удаленном от Козельска, рубеже было не единственным вариантом, который рассматривало военное руководство. До того, как река Угра была избрана местом сосредоточения главных сил, московские военачальники готовили в качестве стратегического передового рубежа обороны другую водную преграду. Это река Брынь, которая протекает в 40 км к западу от Козельска и на которой расположен современный город Сухиничи. Оттуда шел важный стратегический путь из Брянска в Калугу и далее в Москву. На реку Брынь русские войска должны были выходить для организации отпора «крымцам», при этом идти в степь за врагом им задачи не ставилось [41]. Таким образом, Козельск, исходя из первоначальных планов организации обороны границы, мог оказаться в тылу русских войск и фактически прикрывался бы ими от нападения со стороны рано обезлесевшего водораздела. Однако в 1512 г. подобным планам обороны не суждено было сбыться. Избранный брынский рубеж оказался попросту слишком удаленным, и русские войска не успели на него выйти. Тогда в качестве передового и был избран другой, на этот раз приближенный к Москве рубеж. Это река Угра. Теперь Козельск в случае прихода врага каждый раз оказывался на «временно оккупированной территории» и должен был самостоятельно заботиться о своей безопасности.

Таким образом, одним из следствий первой серьезной проверки надежности прикрытия южных рубежей Руси стал перенос главного оборонительного рубежа на десятки верст к северо-западу от прежнего рубежа обороны с Брыни на реку Угру. Отныне Козельск хотя и мог рассчитывать на помощь со стороны, но она могла прийти к нему через более продолжительное время. Поэтому нужно было всемерно укреплять городскую крепость, а особую важность приобрела задача прикрытия удаленных от Козельска мест оборонительными заграждениями в виде засек и, прежде всего, на брянском

направлении. Другим важным итогом боевых действий на южной границе весной 1512 г. стал вывод о необходимости активизации разведывательной деятельности в приграничных районах, а также заблаговременного предвидения действий войсковых сил, направляемых за Угру, где находились важные в стратегическом отношении крепости, такие, как Козельск и Перемышль.

Новые взгляды на оборону границы были закреплены в важнейшем документе по управлению войсковыми силами – в «Наказе угорским воеводам» от 1512 г. Долгое время он даже считался первым «уставом» пограничной службы*. Ставя задачи на расстановку полков по Угре, «Наказ ...» не сковывал инициативы полководцев, а предоставлял им широкие полномочия для активных действий за Угрой: «А будет коли пригоже, посматрив по делу, отделив им воевод с людьми от себя, послать за Угру, и им тогда велеть итти за Угру князю Ивану Михайловичу Воротыньскому да окольничему Петру Яковлеву, да князю Федору Пронскому, да князю Андрею Курбскому, да Алешке Кашину и иным, которым пригоже, а людей с ними послать из всех полков, сколько пригоже. А посматрив по делу, будет им пригоже всем итти за Угру с людьми, и им оставить тогда на Угре князя Тимофея Тростенского да князя Андрея Оболенского, да князя Семена Романовича Мезецкого, а людей им оставить детей боярских не по многу...» [42]. Таким образом, «Наказ ...», не сковывая самостоятельности и инициативы воевод, заключал в себе потенциальную возможность оказания действенной помощи городам Заугорья, в том числе и не близкому Козельску. Положительным было то, что план обороны был общий, действия же воевод – «посматрив по делу», то есть фактически по их решению.

В период с 1500 по 1550 гг. со стороны крымских татар было предпринято в общей сложности 43 крупных похода на русские земли, не считая мелких. Оборона по берегам рек Угры и Оки стала общегосударственной повинностью. Василий III вынужден был «утвердить свою землю заставами». В это время ситуация на южной границе Московского государства была настолько напряженной, что она стала объектом пристального внимания иностранцев. В их донесениях многократно упоминаются эти «государевы заставы», а С. Герберштейн в своих заметках трактовал борьбу против крымских и казанских татар как «жизненную задачу» для Москвы [43].

Роль пограничной заставы, в широком понимании смысла этого слова, играл и Козельск. Вновь, как и прежде, вся полнота ответственности за боевую службу по охране и обороне южной границы была возложена на царских наместников пограничья. В период с 1512 г. наиболее заметной фигурой среди них в Козельске был служилый

---

* В настоящее время первым «Уставом» пограничной службы считается «Приговор о станичной и сторожевой службе» 1571 г.

удельный князь, в свое время одним из первых «выехавший» из Литвы, воевода Иван Михайлович Воротынский (? – 1535г.).

За прочность охраны и обороны южной границы радели: в Калуге Иван (Овчина) Федорович Телепнев - Оболенский (около 1520 г.), Василий Семенович Одоевский (1528-1529 г.) и Петр Федорович Охлябинин (1532 г.); в Карачеве Семен Михайлович Чертов; в Новгороде-Северском князь Иван Барбашин.

В любых по степени напряженности отношениях с Крымом степняки приходили под Козельск, однако при этом постоянно сохранялась и угроза с запада. Вот как историк Н.И. Костомаров писал о внешней политике Крымского ханства: «Вообще в это время Крым усваивал ту хищническую политику, которой следовал постоянно впоследствии: срамливать между собой Литву и Москву, манить ту и другую своим союзом и разорять волости обоих государств» [44]. С этой точки зрения обстановку в Московии первой половины XVI в. С. Герберштейн характеризовал так: «Государь ведет войны то с литовцами, то с ливонцами, то со шведами, то с (казанскими) татарами, или даже если он не ведет никакой войны, то всё же ежегодно по обычаю ставит караулы (в местностях около Танаиса и Оки) числом в 20 тыс. для обуздания набегов и грабежей со стороны перекопских татар» [45]. У этого автора мы тоже находим указания на то, что в 1494 и 1504 гг. охранялась граница с Литвой по реке Угре [46]. Каждый раз между интересами Крыма, Москвы и Литвы оказывалась и козельская земля.

Поскольку крымские ханы имели постоянного союзника в лице Речи Посполитой, то все наиболее крупные военные походы против Русского государства проводились Крымом и Польшей согласованно. Вот почему Московское государство вынуждено было воевать на два фронта: строить систему обороны страны, вырабатывать тактику борьбы с татарскими набегам и одновременно предпринимать всё более решительные меры для того, чтобы обезопасить свои границы от польско-литовской агрессии на западе. В этой связи важное место в планах Василия III отводилось взятию литовской крепости Смоленск, для чего потребовалось ещё больше укрепить южную границу со стороны Крыма. Уже весной 1513 г. 12 полков с воеводами стали в новой крепости Туле, 5 полков заняли позиции по реке Угре, а позже большой отряд был послан и в Стародуб.

Козельск играл не последнюю роль в планах войны с Литвой. Этот город был избран той крепостью, от стен которой, как и в 1501 г., частью сил русские войска начали наступление на Рославль, а затем на Смоленск. После его взятия в 1514 г. по очередному мирному договору с Литвой к Москве отошли земли, принадлежавшие до этого Литве. В состав Козельского уезда вошли «Алопов, Озереск, Порыски, Тарбеев, Вырки, Сытичи, Вейно, Олешня, Коробки, Брынь, Орнеры, Сухиничи». С присоединением этих и других смоленских земель к Великому княжеству Московскому Калуга как пограничная крепость на границе с

Литвой свое значение утратила. Граница теперь стала проходить западнее Смоленска, поэтому роль Козельска в обеспечении спокойствия на южных пограничных рубежах возросла. Успехи в «смоленских делах» позволили провести новые меры по укреплению охраны «крымской украины» с учётом расширения уезда. Как и прежде их проведение в жизнь было возложено на местных воевод.

Следует отметить ещё одну особую роль, которую играл Козельск в это время, находясь на границе с Литвой. Речь идет о демонстрации силы московского государя перед лицом сопредельных правителей путем организации вылазок против приграничных литовских городов. Участие в военно-политической борьбе великих князей Московского и Литовского за «верховство» в приграничье, хотя и отвлекало и без того небольшие силы южных городов от обороны границы с Крымом, однако одновременно такие походы в пределы Литвы предупреждали ее от открытых нападков на русские пограничные места. Показательной в этом отношении является акция, проведенная силами козельчан и воротынцев против литовского города Мезецка* около 1520 г.

Обстоятельства были таковы. Со смертью удельного князя Семена Иоанновича Калужского 26 июня 1518 г. Калуга перешла в прямое подчинение московскому великому князю Василию Ивановичу. Тогда-то, как повествует историк А.А. Зимин, и «произошло столкновение («брань...») детей боярских Козельска и воротынцев с жителями Мезецка: последний принадлежал князю Дмитрию Ивановичу, а Козельск Василию III (ранее же – князю Семену). Козличи и воротынцы пограбили мезчан с санкции державного правителя («по великого князя велению»)) [47]. Доподлинно неизвестно, чем же завершилось разбирательство возникшего спора. Понятно лишь одно: козличей и воротынцев использовали для того, чтобы продемонстрировать, что именно русский великий князь вправе «казнить» даже «иностранные» города и княжества по своему усмотрению, не взирая на то, что их граждане не являются его подданными. Одновременно было показано, что Козельск и Воротынск, эти некогда «верховские», то литовские, то русские города, отныне являются только русскими. И лучшим доказательством тому была отчаянная смелость русских «детей боярских» из Козельска в походе против литовского Мезецка. Не исключено, что эта отчаянная вылазка преследовала и более далеко идущие планы, например, продемонстрировать свою силу перед союзниками Литвы «крымцами» накануне возможного их нападения на русские земли. Дело это оказалось вполне своевременным, но, по-видимому, малоэффективным.

В 1521 г. система охраны и обороны границы на «крымской украине» в очередной раз подверглась серьезному испытанию на прочность. Тогда «крымцы» во главе с Мухаммед-Гиреем сумели обойти русские войска, собранные на берегу Оки, и сравнительно легко прорвались через этот

---

* Мезецк – современный город Мещовск Калужской области.

рубеж. Мухаммед-Гирей дошел до Каширы и Коломны, в июле осадил Москву, после чего ушел с большим полоном. Многие русские воеводы погибли, другие попали в плен. Царские полководцы, которые допустили поражение под Москвой, попали в опалу. Из тяжелого поражения на Оке были сделаны новые серьезные выводы. Стало понятно, что не зависимо от рубежа, близкого ли к степи, или удаленного от нее, но должна осуществляться надежная система мер для получения и передачи данных о приходе врага. Требовалось наносить ему поражение ещё до выхода на рубеж Ока – Угра, который оказался слишком близким к Москве. Вместе с тем, разрабатывая стратегию и тактику разгрома больших крымских сил на дальних подступах к основному оборонительному рубежу, московское военное руководство исходило из понимания, что выходить в поле навстречу врагу главными силами было исключительно опасно. Крымские татары могли обойти русские полки и, преодолев Оку, как и в 1521 г., ворваться в центральные области, а затем выйти и к Москве.

Для разрешения противоречия между необходимостью своевременного вскрытия замысла противника, его поражения ещё на дальних подступах, и невозможностью использовать для этого главные силы, призванные оборонять основной рубеж обороны «на берегу», был только один путь: иметь уже в «мирное» время в поле сильные города-крепости. Впрочем, «мирное» для того периода время – понятие относительное: подсчитано, например, что на каждый «мирный» для «крымской украины» год в XVI в. приходилось два года войны.

К тому времени Козельск, видимо, был мощным по тем временам форпостом, способным, ведя оборону, сковывать противника для того, чтобы обеспечить главным силам возможность вовремя развернуться на основном рубеже обороны по Угре и Оке. Занимая хотя и фланговое положение относительно основных направлений наступления крупных объединенных сил крымских мурз и царевичей, Козельск должен был быть готов не только к встрече с небольшими отрядами крымчаков, но и к противодействию пытающимся прорваться вдоль реки Жиздры крупным объединенным крымско-литовским силам. Утверждения некоторых авторов о том, что XVI в. Козельск был лишь маленькой «крепостицей», якобы не только не заселенной, но даже и без собственного названия, вряд ли имеет под собой почву.

История изобилует примерами умелых действий русских приграничных сил, в основе которых лежал опыт, накопленный прежде. Так, например, летом 1517 г. двадцатитысячное войско четырех крымских мурз ворвалось на русские земли в районе Тулы. Навстречу им вышли московские силы во главе с воеводами князьями В. С. Одоевским, И. М. Вортыньским и другими. Они заставили татар повернуть восвояси. Из 20 тысяч в степь вырвалось только 5 тысяч, да и те «пешии и нагие». Главной причиной столь серьезных потерь у татар стали умелые активные действия русских «пеших людей украинских». Они зашли «наперед» татарам и «им дороги засекли, и многих татар побии». Подобные «засечные» действия, когда татар били «в лесах, по крепостям, и на бродах» ещё раз

подтвердили высокую эффективность тактики прикрытия маршрутов движения татар временными полосами засек и крепостями при них. Поскольку В. С. Одоевский и И. М. Воротынский участвовали в 1507 г. в отражении набегов крымских татар на козельские и другие украинные места, то спустя 10 лет они успешно использовали опыт засечного дела, накопленный ими в прижиздринских лесах.

В царствование Василия III Московское государство представляло собой окруженную со всех сторон крепость, на которую постоянно усиливали напор враждебные соседи: Польша, Литва и Ливонский орден. Они делали всё для того, чтобы оторвать от Великого княжества Московского его окраины. На юге княжества по-прежнему хозяйничали мелкие татарские шайки из Крыма. Время от времени в ее пределы вторгались и многочисленные войска крымских ханов.

Большинство нападений из Крыма совершалось неожиданно и стремительно. Татары «воевали белевские, одоевские и козельские места» и исчезали так же внезапно, как и появлялись. В документах редко упоминается о том, что со стороны пограничных крепостей «от поля», в том числе и Козельска, предпринимались какие-либо меры по отражению таких нападений. Этому есть только одно объяснение – чрезвычайная хитрость со стороны крымских татар. Они всегда действовали отдельными мелкими отрядами, грабили и опустошали, главным образом, районы на удалении 40-70 км от мест сосредоточения основных сил. Расчет был таков, чтобы не быть более двух дней в одном районе, подвергшемся разграблению. После «акции» татары тотчас возвращались домой с уже поделенной добычей. Исключение составляли лишь большие летние походы самого крымского хана или мурзы со значительными силами, иногда в составе многих тысяч человек, как это было в 1517 г., когда «с четырьмя мурзами» на «великого князя украины» приходила крымская рать численностью в 20 тысяч человек.

Первостепенное значение «крымцы» придавали ведению разведки, чтобы знать точно, куда следует вести войско и каким маршрутом убираться прочь из русских пределов. Поэтому оборонявшиеся войска не успевали встретить врага и, в лучшем случае, лишь догоняли его при отступлении. Набеги на пределы Московского государства совершались один, а то и два раза в год: иногда около Троицына дня, но чаще – во время жатвы, когда легче было ловить людей, рассеянных по полям. Нередко нападали крымские люди и зимой, когда легко можно было переправиться через реки, а мороз сковывал болотные топи. В самом начале 30-х гг. XVI в. с помощью турок крымский престол занял Сахиб-Гирей, который проводил враждебную Москве политику и сразу же организовал против нее ряд походов*. Между нападениями он постоянно угрожал московским украинным городам. Поэтому правительство,

---

* Только за 10 лет в 30-е годы XVI в. со стороны Крыма было предпринято 13 набегов на «украины» русского государства.

бдительно наблюдая за происками Сахиб-Гирея, внесло существенные коррективы в построение охраны всей «крымской украины» и придало ему глубоко эшелонированный вид (рис.38).

Рис. 38. Построение охраны и обороны Московского государства в XVI в.

Пояснительная записка (к рис. 38).

Основные задачи системы обороны и охраны «южной границы»:

I. Контроль за главными путями (шляхами) выдвижения татар:

(1. Бакаев, 2. Муравский, 3. Изюмский, 4. Кальмиусский, 5. Ново-Кальмиусский шляхи, 6. Свиная дорога) и своевременное доведение информации об опасности их прихода до воевод пограничных городов;

II. Прикрытие отдельных направлений войсковыми силами и заграждениями, а также сковывание действий «крымцев» на них.

Рубежи оборонительные и охраны границы:

I – Главный оборонительный рубеж – реки Угра и Ока. По «рописи» на него выходили полки из представителей разных городов.

II – Рубеж укрепленных городов (Козельск, Белёв, Перемышль, Лихвин, Одоев и др.) с оборудованными вблизи от них отдельными участками засек для прикрытия «перелазов и бродов». На этот рубеж выходили разведывательные разъезды станичников с IV рубежа.

III – Рубеж, к югу от которого ежегодно «жгли степь», – линия городов Карачев, Орел, Мценск, Новосиль, Дедалов.

IV – Ближний рубеж службы «сторожей» – рубеж реки Сосны (г. Ливны). Наряды высылались из городов Карачев, Орел, Мценск, Новосиль, Дедалов, Епифань и Данков.

V – Рубеж разъезда «станиц» – южнее Курска.

VI – Дальний рубеж службы «сторожей» и станиц, высылаемых от «стоялых голов» – реки Северный Донец, верхние притоки рек Орель, Ворскла, Псёл и Сула. Наряды высылались от городов Путивль и Рыльск.

Ближайшим к Москве оборонительным рубежом оставался «берег» – так одним словом называли берега рек Угры и Оки. Из дворян и «детей боярских» на случай прихода неприятеля каждый год набиралась московская рать, которая выставлась на берегах Оки для несения «береговой» или «весновой» службы. Большой полк выставлся у Серпухова, полк правой руки у Калуги, полк левой руки – у Каширы, передовой полк – у Коломны, сторожевой – у Алексина. Вперед выдвигался ертаул – передовой отряд для разъездов. Однако теперь укрепленные города Козельск, Перемышль, Белёв и Тула – города «от поля», стали тоже составлять оборонительную, а не сторожевую, как это было прежде, линию. Стали более активными действия «сторожей» и «станиц» в местах, близких к степи. Это объяснялось тем, что к этому времени уже не только укрепилась оборонительная линия по Оке, но и было начато строительство новых крепостей на юге: в Коломне, Чернигове, Кашире, Зарайске и в других городах. Теперь при получении вестей о приближении «крымцев» русские полки с Оки и Угры в определенном порядке выдвигались в «поле». Если же оттуда не приходило тревожных вестей, полки стояли на своих местах до глубокой осени, «доколе большие снега не укинут», и лишь тогда разъезжались по домам.

Показательными являются умелые действия великокняжеских сводных сил по защите белёвских, одоевских и тульских волостей в 1531 г. Когда в феврале в Москве узнали о том, что крымский хан подготовил поход на Литву [48], царские аналитики сделали вывод о возможности вторжения «крымцев» в русские пределы после разорения литовского пограничья. Допускалось, что в силу установившихся к этому времени в

целом добрососедских отношений с самой Литвой, этот западный сосед всё же не даст «крымцам» использовать литовское пограничье в качестве плацдарма для нападения на русские «украины» и тогда крымский хан, отказавшись от похода в Литву, может начать поход на Русь.

Учитывая этот вариант возможного развития событий, Московское правительство решило помешать «татарам» совершить самостоятельный поход в литовские земли. Одновременно предусматривалось укрепить и оборону западного направления, с тем чтобы пресечь вторжение татар с территории западного соседа при возвращении их из похода в Литву.

В Москве полагали, что только сил северских князей для отражения вторжения «татар» с территории Литвы будет недостаточно, поэтому было предусмотрено собрать рать на границе с западным соседом. Пунктом сбора и был избран Козельск, где по случаю ещё одной опасности, на этот раз со стороны хана Сахиб-Гирея, вместе с братом Федором Меньшим в качестве воеводы второй руки находился Роман Иванович Одоевский [49]. Группировку русских сил в Козельске составили лучшие дружины северских князей, усиленных великокняжескими войсками, на что указывает чередование в разрядной записи северских князей с московскими воеводами: «В большом полку воеводы князь Петр Иванович Репнин. В передовом полку воеводы князь Иван Федорович Телепнев да князь Микита княж Борисов сын Туренин. В правой руке воеводы князь Федор да князь Роман Иванович Одоевский. В левой руке воеводы князь Иван Шемяка Васильевич Пронский да Григорий Григорьев сын Лошаков Колычев. В сторожевом полку воевода князь Иван Иванович Белёвский» [50].

Общее командование было возложено на князя И.М. Воротынского. Предвидя ханские замыслы относительно похода на Русь, одна армия под командованием боярина князя В.В. Шуйского была поставлена в Кашире.

Развитие обстановки было спрогнозировано правильно. В самый последний момент хан отменил решение и позволил царевичу Бучагу совершить самостоятельный набег на русские земли [51]. Крупных русских сил на Оке и в Заокской полосе из-за зимнего времени не было, поскольку армия И.М. Воротынского находилась в Козельске, а армия В.В. Шуйского – в Кашире. Зная, видимо, подобное расположение русских войск, татары Бучаги попытались прорваться между двумя названными армиями на Тулу, чтобы выйти затем в густонаселенные районы страны для их разорения. Предвидя такое развитие событий, армия И.М. Воротынского была в короткие сроки переброшена из Козельска в Тулу и усилена частью сил армии князя В.В. Шуйского.

Нападение «крымцев» на Тулу было отбито, но они серьезно потрепали русские силы. За это воеводы-руководители из армии И.М. Воротынского И.В. Ляцкий и кн. И.Ф. Овчина-Оболенский были арестованы и доставлены дьяком А. Курицыным в Москву. Опала была непродолжительной и уже на следующий год все они снова приступили к руководству войсками [52].

Внесение серьезных коррективов в стратегию и тактику действий наших сил против «крымцев» обуславливалось рядом обстоятельств. Важнейшим условием для всех дальнейших шагов по совершенствованию системы обороны, стало превращение целого ряда городов, близких к «украине», в хорошо укрепленные крепости, способные содержать уже многочисленные воинские гарнизоны. Подробные сведения об этом находим мы у многих историков, например, у М.К. Любавского. Говоря о Козельске, он отмечал, что этот город на Жиздре являлся одним из «первоначальных базисов обороны Московского государства с южной стороны» [53].

Этот город, имевший укрепления ещё и до XVI в., при Иване Грозном стал крепостью, оборонительная ограда которого состояла из деревянного рубленого города протяженностью 380 сажень. Город имел 3 проезжих и 6 глухих башен. Поскольку важную роль в этой крепости играл всё же земляной вал, то будет правильнее сказать, что город имел земляной кремль с деревянным городом. Другие города, с точки зрения укреплений, представляли собой следующее: Болхов – деревянный город; Перемышль – земляной с деревянной крепостью; Мценск – деревянный кремль с земляным городом; Белёв – земляной город [54].

Набираясь опыта, военное руководство Московского государства становилось смелее и с каждым разом планировало всё более дальние походы в сторону Крыма. В 1533 г. калужский наместник И.М. Воротынский включил в состав русских войск, выступающих в особенно тяжелый поход далеко в степь на крымские улусы, и козельчан. Уже в мае «дети боярские», имевшие поместья под Козельском, были направлены в соседний город Карачев на комплектование войск, уходящих к Крыму под водительством боярина Шереметьева.

С 1541 г. в Козельск стали приходить полки во главе с воеводами. Прежде это произошло с Одоевым, Белёвым, а позже с Болховым и Брянском. До этого времени охрана и оборона заокских земель поручалась наместникам и воеводам, которые должны были опираться на собственные силы. Однако не только укрепление городов-крепостей и увеличение их гарнизонов обусловило коренное усиление обороны южных границ. Во многом оно стало возможным благодаря тому, что эти города теперь стали центрами, по соседству с которыми начали возводить уникальные по своей сути оборонительные сооружения – засеки.

Засеки сами по себе не были новшеством, но в XVI в., когда основную опасность для Москвы стало представлять направление, откуда наступали отряды «крымцев», интересы обороны государства вызвали необходимость надежного его прикрытия всеми возможными способами, в том числе, за счёт привлечения на свою сторону сил природы.

В дремучих непроходимых лесных чащобах к югу от Москвы, на направлениях ожидаемого набега «на крымскую Украину» вновь начали валить деревья. Их, как и встарь, «зарубали» на высоте человеческого роста, поваленные стволы комлем поднимали на пни, а кроной обращали в сторону, откуда ожидали приход врага.

Местные жители были заинтересованы в том, чтобы лес как можно скорее был бы превращен в неприступную для врага стену. Дело в том, что благодаря своей ширине, а засека в некоторых местах простирались вширь на много верст, она выступала не только преградой для врага, но и являлась надежным местом убежища для населения в момент прихода «татар». Под прикрытием вала из засеченного леса места укрытия жителей окрестных деревень и сел в засеках становились ещё более надежно защищенными. Обычно такие места укрытий людей в лесу называли «зимницами». В одном из документов, касающихся Рязанских засек и датированных 1529 г., содержатся сведения о том, что «... изстари бывали тут зимницы Раменских деревень на убежище от татар» [55]. Такую же защитную роль играли засеки, устроенные и в лесах близ Козельска. Так, например, и сегодня на границе Козельского района с бывшим Лихвинским, а ныне Чекалинским, районом Тульской области, можно отыскать заброшенный лесной поселок с названием Зимницы. Когда-то здесь, где сходилась Козельская Столпичья засека со Слободецкой Лихвинской засекой, укрывались в страшную пору татарских набегов, а время это называли «вспошливым», напуганные жители близлежащих деревень.

Первоначально участки засеки оборудовались лишь в отдельных местах. Для того чтобы установить, как и когда получило свое новое масштабное развитие засечное строительство у реки Жиздры, следует принять во внимание следующие разрозненные факты. Историк А.В. Никитин* отмечал, что первые сборы средств на «засечное дело» в Московском государстве были организованы в 1532 г., тогда же, полагают историки, был создан и специальный аппарат управления отдельными звеньями черты [56]. Известно также «стояние» русских войск против многотысячных войск «татар» у города Белёва, к югу от Козельска в 30 км, на реке Бобрин в 1534 г. Слово «стояние» обозначает оборону, которая, как правило, опиралась на крепостные сооружения или укрепленную естественную преграду. Известно, что «крымцы» неоднократно пытались прорвать русскую оборону в лесах под Белёвым, но безуспешно. Отсюда мы можем предположить, что уже к этому времени вдоль реки Бобрин существовала засека, по крайней мере, отдельное ее звено.

Таким образом, начало 20-х – 30-е гг. XVI в. – время, когда и под Козельском могли появиться первые участки засек, которые прикрывали, быть может, ещё только лишь дороги, а также места возможных выходов неприятеля к речным бродам. Вывод о том, что именно в это время не только укреплялся «берег» по Оке, но и одновременно приступили к воз-

---

* Никитин Аркадий Васильевич (1914-1987), родился в Москве. В 1941 г. окончил МГУ, более 35 лет проработал в археологии. В 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Оборонительные сооружения засечной черты XVI-XVII вв.». Основные научные интересы: крепостные сооружения средневековья; материальная культура и ремесло XVI-XVII вв.; славянское население Севера X-XVI вв. Занимался исследованиями засечной черты.

ведению засек, делают многие военные историки [57]. Наряду с прикрытием «перелазов» через реки, в это время повсеместно увеличилась и глубина охраняемого приграничного пространства, так как новые задачи по активизации разведки за возможными маршрутами выдвижения крымских татар были поставлены перед казаками в Рязани и Путивле. Была усилена сторожевая и станичная служба во всех городах, располагавшихся на «южной уkraine», а также начались крупные оборонительные работы по всей пограничной линии.

Эпоха Ивана Грозного

В 1533 г., будучи ещё трехлетним ребенком, после смерти своего отца Василия III на великокняжеский престол вступил Иван IV. В силу малолетства царя фактически государством многие годы управляла его мать Елена, дочь князя Глинского – выходца из Литвы. Во все годы правления Елены, и даже после ее смерти в 1538 г., не прекращалась борьба за власть между боярскими группировками Бельских, Шуйских, Глинских. Их правление привело к ослаблению центральной власти, а произвол вотчинников вызвал широкое недовольство и открытые выступления в ряде русских городов. В 1547 г. 16-летний Иван Васильевич официально венчался на царство в Успенском соборе в Москве. Начальный период его правления был отмечен внутри- и внешнеполитическими успехами. Правительство в 1549-1560 гг. провело ряд реформ как местного, так и центрального управления. Расширился состав Боярской думы, был создан новый орган власти – Земский собор, который решал многие вопросы внешней политики и финансов. В числе важнейших задач оставалась защита страны от набегов крымских ханов.

Несмотря на ряд предпринятых шагов по укреплению обороны южных рубежей Московского государства, которые стали продолжением деятельности, начатой ещё Иваном III, дедом Ивана Васильевича, строительство засек – важная часть всей системы обороны границы, находилось в зачаточном состоянии. Не существовало и какой-либо организованной службы на засеках. Так было и под Козельском, куда лишь периодически наведывались разъезды и станичники из-за Оки и Угры. Их задачами были: контролировать известные и искать новые маршруты «татарского приходу», а также осуществлять опрос местных жителей на предмет своевременного выявления признаков появления татарских разведывательных дозоров. В случае получения достоверной информации о неприятеле, сведения о нем спешно доставлялись в Москву и доводились до воевод главных сил, стоявших на Оке и Угре. Русские «скрытые притоны» – так назывались разъездные караулы, были малоэффективными, поэтому татары беспрепятственно проникали через территорию Козельского и соседних с ним уездов вплоть до рубежа Оки. Для того чтобы успешно функционировали козельские засеки, должны были сложиться определенные условия.

Во-первых, рубеж к югу и юго-западу от реки Жиздры должен быть густо заселен, так как для обслуживания важных стратегических дорог, связующих столицу с дальними «украинными» городами, необходимо было иметь оседлое население. Нужны были многочисленные деревни и села, способные выделять людей для поддержания в проезде состоянии дорог, а также строительства укреплений в местах пересечения ими заповедных засечных лесов. Из этих населенных пунктов подбирались засечные сторожа, которые несли постоянную службу по охране засек. В случае опасности эта постоянная стража усиливалась вооруженными так называемыми «подымовными» людьми, которые набирались из ближайших деревень и селений, а иногда и войсками, подходившими из Козельска или из других мест. Засечные сторожа находились в непосредственном ведении «засечных голов», а главное начальство над засеками вверялось воеводам.

Во-вторых, должна была получить свое развитие вся система сторожевой и станичной службы в Московском государстве на «крымской украине». Эта так называемая польская служба должна была успешно решать задачи наблюдения и своевременного оповещения пограничных городов и Москвы об угрозах со стороны «крымцев». Только при этом условии мог быть реализован новый замысел обороны против Крыма: «татары» должны были каждый раз наталкиваться «далеко позади тех урочищ, по которым стоят сторожи, ездят станицы»*, на сильную, непрерывную линию различных сооружений – то есть на засечную черту.

Иными словами, система оборонительных мероприятий на юге должна была соответствовать двум главным задачам, которые перед ней ставились: дать своевременные сведения о выдвижении «татар» и, по возможности, задержать это движение. Это стало возможным, когда в систему обороны южной границы вошли сторожевая и станичная службы, а также засечная черта. Произошло это не ранее 1556 г. Историк И. Беляев пишет: «Лет за 15 до 1571 г. существовала уже длинная цепь укрепленных городов по всей степной Украине от Алатыря и Темникова до Рыльска и Путивля. Сторожевая служба была в ведении Разрядного приказа, в который доставлялись все росписи станиц и сторож» [58].

Теперь, когда «украинные города» надежно прикрыли степь по ее северной оконечности, городские казаки начали проникать в степи для нападения на «крымцев». Полагают также, что «большое засечное строительство велось в 1521-1566 гг., когда была создана целая сеть засек. Особенно напряженные работы велись на южных засеках в конце 1570 г., когда необходимость мобилизации больших воинских сил для войны в Прибалтике ослабила войсковое прикрытие крымского и ногайского рубежей» [59].

---

* *Сторожа* — небольшой конный пост, несший службу несколько впереди засечной линии. *Станица* — конный отряд, высылавшийся далеко в степь, Стройную организацию сторожевая и станичная служба получила только с 1570-х гг.

Таким образом, учитывая рассмотренные факторы, можно заключить, что Козельск превратился в по-настоящему пограничный город далеко не сразу. Одним из условий к тому послужило устройство в лесу за Жиздрой нескольких звеньев козельских засек. Сначала они были построены на отдельных направлениях (участках), а затем уже эти звенья были связаны воедино между собой и сочленены с засеками, которыми ведали воеводы соседних городов.

Координацией действий засечной стражи, своевременной починкой и восстановлением укреплений, привлечением к службе на засеках местного крестьянского населения занимался созданный по царскому указу Засечный приказ, который просуществовал, по некоторым оценкам, до 1580 г. [60].

Ситуация с засечным строительством под Козельском как в капле воды отражала картину возведения засечной черты на границах Московского государства в целом. Если до второй половины XVI в. были построены только отдельные ее элементы, то со второй половины XVI в. можно уже говорить о том, что была создана стройная оборонительная система – Большая засечная черта (рис. 39).

Результаты досмотров Козельских засек в первой половине XVII в. показывают, что на отрезке времени с конца XVI в. и вплоть до начала реставрации засек в 1638 г. никакого нового серьезного строительства на черте не велось. Следовательно, пришедшие в полное разрушение засечные крепости, остатки которых были обнаружены дозорщиками в 1636-1638 гг., позволяют представить, как были обустроены засеки ещё при Иване Грозном и Федоре Иоанновиче (см. приложение 4).

Наиболее прочно были прикрыты засекой отдельные направления, как правило, совпадавшие с основными дорогами, соединявшими города, расположенные к югу и юго-западу от Москвы, со столицей Московского государства. Это брянско-калужско-московское, орловско-юхновское и белевско-калужское направления, выводившие из Крыма к берегам рек Угра и Ока. При этом в первую очередь и наиболее надежно был закрыт участок, располагавшийся в верховьях реки Жиздры на ее притоках, таких, как Сенек (Ясенек), Сенета и другие. Здесь оборонительные сооружения в виде засеченного леса и крепостей были построены в несколько линий. В общую систему обороны был вписан Жиздринский Троицкий монастырь, который располагался на правом берегу р. Жиздры недалеко от ее слияния с речкой Бродной (ныне Жиздринский район Калужской области).

Козельск был прикрыт засекой, которая, видимо, одной из первых получила свое собственное название – Столпицкая по той причине, что преобладающим элементом в ее системе были «столпы». Под этим термином в XVI в. понимались наблюдательные башни или вышки, которых было много на этой засеке. В XVII в. вместо термина «столп» получил распространение термин «башня».

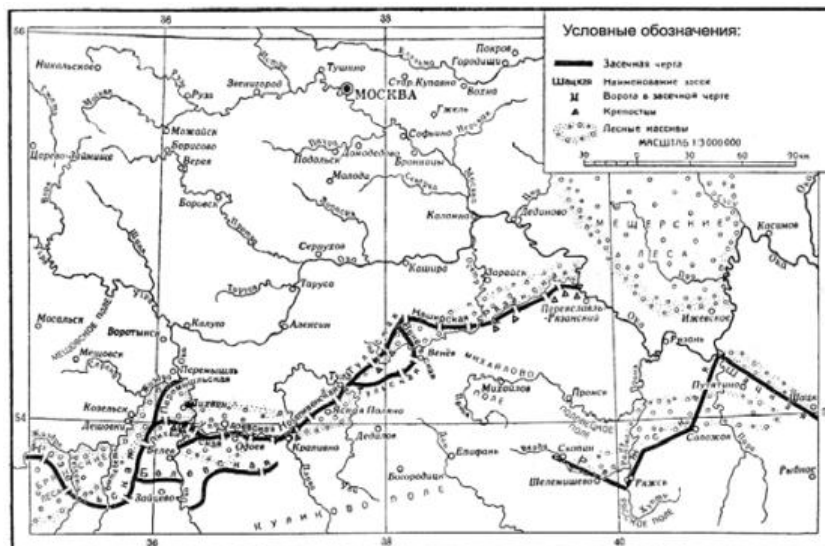

Рис.39. Большая засечная черта в XVI-XVII вв. [61]

Протяженность Козельских засек была уже свыше 110 верст и они имели на всех дорогах сквозь засечные леса деревянные крепости – ворота. Здесь были построены 5 таких укрепленных городков, располагавшихся в районе современных населенных пунктов Буда, Кцынь, Кирейково, Киреевское, Шепелево [62]. К концу XVI в. на Козельских и соседних с ними засеках находились следующие укрепления, следы которых с трудом, но всё же удалось обнаружить спустя полвека в ходе дозоров 1636-1638 гг. Так, например, много сооружений было возведено на Столпицкой засеке.

В материалах дозора отмечено: «Засака большая и изстари на ней крепостей было много». Главные крепостные укрепления, а это башня глухая, башня проезжая (ворота) и створчатые ворота «от поля», то есть при въезде на засеку с южной стороны, стояли на дороге Козельск – Белёв в том месте, где сквозь засечный лес протекала река Песочная. На засеке был рублен лесной завал большой протяженности. Городок с башнями, избами и конюшнями, а также надолбы и колоды на дороге были поставлены и у реки Бобрик, текущей сквозь Белёвский засечный лес, соседствующий со Столпицкой засекой.

Серьезное внимание было уделено лесному району за Жиздрой, располагавшемуся на правом берегу реки Вытебеть. «Место приточное, прежде сего татарове хаживали», говорится о нем в отчете по итогам дозора 1638 г. Здесь на дороге из Козельска в Болхов в XVI веке находились «Дубенские ворота» – укрепленный городок, названный так потому, что он стоял на берегу реки Дубенки. Крепость имела дубовую башню с прочными, дубовыми же, воротами.

Другие ворота – створные и опускные, 9 опускных колод, надолбы в два ряда и надолбы отводные составляли надежную преграду врагу на самой дороге. Ров прикрывал подступы к крепости, а «места плохая» в засечном лесу были укреплены лесным завалом. В районе Кцынской засеки каких-либо укреплений не было, дозорщики в 1638 г. не обнаружили даже их следов. Другое дело – далекое от Козельска место – Сенецкая засека, в пределах которой протекала река Сенек (Ясенек, Сенедь). Там было мало «мест, которые покрепче», а потому было возведено много укреплений. Так, например, при старинном большаке, ведущем в Карачев, находилась крепость с башнями, имевшими крепкие ворота и мост. Множество опускных колод и надолбов было поставлено и по самой дороге на подъезде к городку.

В XVI в., когда Заокская засечная черта стала иметь главенствующее значение в деле обороны южных границ, город Козельск, а также крупные волостные центры его уезда, такие, как Кцынь, Кирейково и др., являлись теми базами, вокруг которых «для бережения от приходу воинских людей учинены были засеки и на засеках всякие крепости». В непосредственной близости от этих базовых центров были устроены многочисленные оборонительно-заградительные укрепления – искусственные препятствия. Причем они были многочисленнее и разнообразнее, чем это будет в середине следующего столетия. В систему козельской части Заокской засечной черты входили: собственно засека – преграда из засеченных деревьев, валы, рвы, надолбы, рубленные тарасы. Здесь были, видимо, и земляные городки, некоторые из которых имели проездные ворота, а другие только глухие башни. Городки без ворот предназначались для сдерживания неприятеля и были построены с учётом противодействия «навалному приступу».

В местах пропуска населения через засеку в лесу прожигались проходы, ставились засечные ворота, сооружались деревянные и земляные форты с башнями и подъёмными мостами. Серьезными преградами служили реки со сплавными бревнами, утыканными гвоздями и кольями, вбитыми в дно. Во-вторых, существовало четкое взаимодействие Заокской засечной черты со сторожевой службой, организованной на всем протяжении «дикого поля». В-третьих, козельская крепость и ее гарнизон предназначались для защиты близлежащих деревень и сел от «поганцев», тем самым служили делу сохранения сил, привлекавшихся для строительства, обороны и охранения всего засечного оборонного «хозяйства».

При Иване Грозном границы засечного леса были обозначены специальными знаками – гранями. Характер этих знаков, обозначавших прохождение заповедного леса и его границы, был различным. Старовозрастные деревья, холмы, а то и просто ямы с камнями играли роль граней. Места нахождения граней обозначались ясно видимыми вехами или столбами, на которые уже наносили особые отличительные знаки. Преимущество ям, наполненных камнями, перед другими знаками заключалось в том, что в случае лесного пожара, когда все другие

ориентиры уничтожались огнем, всё же удавалось по этим ямам восстановить грани на прежних местах. Впрочем, и сами ямы не были надежным охранителем граней, поскольку они заплывали и тогда подлежащие охране «признаки» бесследно исчезали.

Валы, надолбы и другие «крепости» строились силами мобилизованных на черту ратных людей, а также «многих прибылых людей из городов, которые к тамошнему краю податны». Во главе «строельного» дела стояли воеводы. Была организована служба «лесной сторожи» и установлена система сбора «посошных» людей для работ на засеке. Существовала специальная норма засечного строительства, когда «делали то валовое дело бояре и воеводы и полковые их ратные люди с поместий своих и с вотчин крестьянских и с бобыльских дворов по развытке (разверстке. – Прим. автора), с 20 дворов по сажени, а однодворцы всякой человек по сажени, а иные по 2 и по 3 сажени» [63]. Исключение было сделано только для монастырских сел, которые освобождались от повинностей, связанных с ее охраной. Положение, при котором «ни посошных людей на службу не наряжают, и лесной сторожи не стерегут, и засеки не секут» распространялось, например, на владения Иосифо-Волоцкого монастыря, который имел земли у засек в южной части Козельского уезда.

Обустройство козельского пограничного района было делом хлопотным, опасным и чрезвычайно ответственным. Нужно отдать должное мужеству тех козельских воевод, которые всё это время брали на себя ответственность за охрану границы на подступах к главной оборонительной линии. Они сами, без расчета на своевременную помощь главных русских сил, денно и нощно радели за то, чтобы враг безвестно не мог преодолеть полосу шириной в 40-50 км от Жиздры до Угры. Допущение такого прорыва считалось тяжелейшим воинским преступлением для воеводы и каралось беспощадно.

Спустя короткое время Козельск вышел на первую, передовую, линию обороны Московского государства, в то время как рубеж по реке Угре стал глубоким тылом. Теперь город стал важным звеном во всей линии крепостей, таких, как Пронск, Михайлов, Зарайск, Тула, Одоев, Белёв, Карачев и Мценск. Его силы уже были настолько серьезными, что их стали привлекать к отражению крымских нападений в других «украинных» местах. Так, например, летом 1541 г. козельские воеводы по «государеву велению» действовали под командованием князя Д. Бельского вместе с силами из Рязани, Тулы, Серпухова, Одоева на рязанском направлении, а затем ходили «до Дону», где совместно с донскими казаками «многих татарских сторожей побили». В августе 1550 г. козельчане вдали от родных мест принимали участие в боевых действиях в составе сил по предотвращению вторжения «крымских людей» в Северскую землю, а также в район Карачева и Белёва.

В период, когда больших крымских вторжений не ожидалось, станичную и сторожевую службу на «крымской украине» по-прежнему

несли местные силы. В моменты же непосредственной опасности сюда направлялись полки из центральных районов страны на усиление.

Так, например, в 1549 г., когда великокняжеским наместником в Козельске был Игнатий Борисович Голохвастов, сюда пришел полк во главе с воеводами отцом и сыном Очин-Плещеевыми. Силы здесь были поставлены совсем не напрасно. Благодаря этому удалось отбить очередной набег «татар».

В 50-х гг. XVI в. охрана и оборона «крымской украины» строилась минимальными силами, так как главные пограничные силы, а это войска и пушки, готовились к применению в походе на Казань, который был запланирован на 1552 г. После окончания войны с Казанью вновь все силы были брошены на первую оборонительную линию «украинных» городов «от поля». Здесь ещё на подходе к Оке задерживали «татар», которые на другой берег реки за десять лет так и не сумели пробиться ни разу. На тыльном рубеже полки теперь стояли только в Калуге, Коломне и Кашире. По-прежнему важную роль в жизни козельчан играли засеки, а вся забота о них, а также о лесных дорогах возлагалась на воевод. Они не допускали прокладки новых лесных путей, которыми мог бесконтрольно воспользоваться неприятель. В заповедном лесу под страхом смертной казни была вообще запрещена всякая рубка деревьев. Воеводы радели о засеке, устраивали ее ревизию и строго взыскивали с тех, кто допускал ее порчу.

Засечная черта в то время стала представлять собой практически непрерывную «полосу отчуждения, настойчиво охраняемую правительством от всяких посягательств со стороны окрестного населения» [64]. Для того чтобы разграничить административную компетенцию по заведованию отдельными звеньями засек, было введено особое понятие – «замок» – как конец одного большого засечного звена. До этого предела распространялась ответственность засечных сторож и голов, назначаемых на каждое из звеньев засеки для присмотра за ней. На замках, где сходились звенья засек, то есть, был их стык («цуцеп»), помещались «граневые признаки», а иногда возводились и фланговые укрепления.

Роль и значение засеки в обороне Москвы в XVI в., как, впрочем, и в последующее столетие, однако не следует преувеличивать. Историк В.О. Ключевский отмечал, что «ещё в XVI и XVII вв. государство защищалось не столько укреплениями, сколько людьми, дворянской поместной милицией. Боевая крепость уезда определялась... количеством ратных сил, находившихся в уезде» [65]. Для увеличения их численности важную роль сыграли меры, предпринимаемые царской властью, так, например, в 1550 г. Иван Грозный роздал земли тысяче своих лучших слуг из числа так называемых подмосковных помещиков.

Под Козельском получили имения бояре Темка, Уродко и Пельзей Федоровичи Дурново–Игнатьевы и Петр Семенович Игнатьев – потомки Федора Бяконта, одного из бояр Ивана Калиты. Дворяне и «дети боярские» составляли теперь полки московских дворян, в отличие от уже

имевшихся городских дворян. Всем им были предоставлены земельные наделы, с каждых пятидесяти десятин которых дворянин должен был выставлять на службу одного вооруженного воина на коне.

Под руководством Ивана Грозного в России была создана особая система приказов. Главным военным ведомством, занимавшимся сбором дворянского ополчения, распределением вооруженных сил по всей территории страны, а также назначением воевод, стал Разрядный приказ.

Этот орган централизованного управления через приказные (съезжие) избы, во главе которых стояли назначаемые из Москвы воеводы, ведал всеми тридцатью тремя пограничными городами России с их уездами. Разрядный приказ делился на «столы» (отделы) – Белгородский, Приказной, Московский и др. Большинство материалов, поступавших от воевод с Козельских и соседних с ними засек, шли по линии Владимирского «стола».

В соответствии с наказами другого приказа – Стрелецкого, осуществлялось управление только что созданным стрелецким войском. Ежегодно в декабре проводились смотры стрельцов, проверялась их готовность. Первоначально стрелецкое войско комплектовалось из тяглового посадского населения, а в последующем из стрелецких семей. Штатная организация стрелецкого войска в XVI в. была такова: статья (приказ) – сотня – полусотня – десяток. Всего в государстве было 12 000 стрельцов, из них 7 000 – в приграничных городах. Первые стрельцы (рис. 40) пришли в Козельск в 1551 г. при воеводе князе Даниле Семеновиче Одоевском. Они находились в ведении Стрелецкого приказа, к службе на засеках не привлекались и вместе, а также наравне с городскими казаками, стрельцы составляли особый разряд войска, противоположный «детям боярским». Хотя общее число стрельцов, бывших в городе, нам не известно, видимо, их было не мало, поскольку окраинная часть Козельска, где проживали преимущественно стрельцы, стала со временем называться Стрелецкой слободой. Земли стрельцов, располагавшиеся за чертой города, примыкали к его южной окраине.

Рис.40. Стрельцы в крепости

Благодаря целеустремленной работе Ямского приказа всё более совершенным становилось отлаженное ещё при Василии III почтовое сообщение. Сведения о приближении неприятеля к самым дальним границам Руси быстро становились достоянием Московского правительства и русских полководцев в пограничных городах. Дороги вокруг Козельска, пригодные для почтовых пересылок, соединяли город со всеми другими пограничными центрами. Так, например, известия о появлении даже небольших по численности татарских разведывательных отрядов, о чем мы можем судить по данным более позднего времени, поступали, например, на козельскую Столпицкую засеку по трем маршрутам: Белгород – Курск – Мценск – Болхов – Белёв; Оскол – Ливны – Мценск – Болхов – Белёв; Белгород – Курск – Орел – Мценск – Болхов – Белёв [66].

Начиная с великокняжеского наместника Федора Ивановича Бутурлина (1554 г.), несмотря на то, что Козельск по-прежнему входил в число «украинных городов крымских для людей приходу», это место стало одним из немногих на «крымской украине», куда перестали ставиться воеводы с полками. Главная причина такого «невнимания» заключается, видимо, в том, что Козельск в обороне против татар, приходящих из Крыма по традиционным маршрутам, играл всё меньшую роль и превращался в тыловой гарнизонный городок. Теперь его силы составляли своеобразный резерв, а главная задача теперь заключалась в том, чтобы, защищаясь самостоятельно от мелких отрядов крымчаков, просачивающихся через главную линию обороны, вынесенную далеко «к полю», одновременно оказывать помощь воеводам «от поля».

Так, например, осенью 1550 г. крымские войска, опередив действовавшие заодно с ними ногайские отряды, напали на белёвские места и «карачевское подлесье». Они стремились ослабить военное давление Москвы на Казань. Нападение было отбито, но в декабре 1550 г. на случай крупных повторных нападений «крымцев» на этот участок границы были переброшены воеводы из ряда городов, в том числе из Мещовска, Серпейска и Мощина, для усиления находившихся здесь полков [67]. Видимо, не остался в стороне и Козельск. Так было и позже. Летом 1555 г., например, в Белёве было собрано русское войско численностью 13 тыс. человек под командованием Ивана Васильевича Шереметьева и Льва Андреевича Салтыкова. 2 июля войско выступило на крымские владения против Девлет-Гирея. В составе русского войска были силы «московских городов выбор», стрельцы и казаки. 3 июля 1555 г. состоялась битва «на Судьбищах», где русские войска потерпели поражение.

Все силы после окончания войны с Казанью были брошены на первую оборонительную линию «украинных городов от поля». Здесь задерживали главные силы «татар», поэтому до реки Оки они за десять лет не сумели пробиться ни разу. Полки на тыльном рубеже теперь стояли только в Калуге, Коломне и Кашире.

«Крымцы» почти ежегодно с 1554 по 1598 гг. пробивались к стенам Козельска. Но это были мелкие летучие отряды, город и уезд постоянно испытывали на прочность «крымцы», которые приходили чаще всего с юго-запада, из польско-литовских пределов, где против них предпринимались весьма неэффективные меры. Наиболее сильные удары со стороны «татар» Козельск испытывал на себе вплоть до 1555 г., т.е. до тех пор, пока Михаил Петрович Репнин и Григорий Иванович Нагой не возвели на реке Нугрь город Болхов. Он, наконец-то, надежно прикрыл подвергавшиеся частым неприятельским вторжениям козельские, белёвские и мценские места. До этого времени Козельск, как правило, один на один оказывался перед неприятельскими войсками и в то же время должен был высылать некоторые силы для укрепления южных городов.

Особое внимание теперь стали уделять разведке противника. Так, например, в 1556 г. было немало слухов о том, что в коренных улусах Крымского ханства зреет замысел в очередной раз придти в Московское государство. Были посланы гонцы для того, чтобы «проведавать про крымского же царя вести». Казаки-разведчики брали крымских языков, испытывали о ханских планах. Вести в Москву о подготовке Крыма к нападению приходили из различных источников, в том числе и от перебежчиков. В мае 1556 г. из Крыма бежал некто Демешка Иванов, который предупредил, что «царь крымский вышел, а хочет быть на Тульские места или на Козельские, а запас велел царь взять на всё лето». Из заявления перебежчика были своевременно сделаны выводы и приняты все возможные меры к тому, чтобы не допустить «безвестного» (неожиданного) прихода «татар» к южным рубежам Московского государства. Сам Иван Грозный в июне 1556 г. выезжал в Серпухов, где расставлял полки по городам и на «перелазах» через Оку. Тем летом полки были поставлены в Калуге, Воротынске и Козельске.

Так Демешка Иванов оказал неоценимую помощь Козельску. Данные, полученные от него, в совокупности с разумными распоряжениями и подготовительными мерами, предпринятыми со стороны пограничных и военных московских руководителей, спасли от смерти и крымского плена многие сотни козельчан и жителей других южных порубежных городов. Ещё на дальних подступах к границе были сорваны планы татар, чтобы проникнуть безвестно в русские пределы. Однако обстановка разрядилась только в конце сентября после того, как успешно завершились дальние походы русских воевод на «коши» крымских царевичей. В октябре 1556 г. после того, как Иван IV узнал о том, что Девлет-Гирей выпустил всех людей, а в поход на Русь пошли за полоном лишь небольшие татарские загоны, царь приказал отвести полки из городов. Войска ушли и из Козельска. На границе были оставлены лишь небольшие отряды в Калуге, Болхове, Мценске, Карачеве, Дедилове, Пронске и Михайлове.

Одним из важных условий, превращавших Козельск в важную стратегическую крепость, было прохождение через город дорог – важных стратегических путей из Польши и из Крыма в центральные области

Московского государства. Неподалеку были и перекрестки таковых дорог. Среди прочих эти дороги играли и ещё одну роль в жизни государства. Дело в том, что до того времени, когда на южных окраинах Московского государства встали новые крепости, а это примерно до 1564 г., Козельск оставался важным пограничным городом, через который проходили из разных мест паломники к русским святыням в Москву, на Соловки и в другие места. Особенно это относилось к казакам, которые, попадая в какую-то трудную ситуацию, всегда просили помощи у Господа Бога, Божьей Матери и Святых Угодников. Кроме Богородицы самым почитаемым святым у казаков с конца XVI в. были Николай Чудотворец, а также соловецкие Чудотворцы Зосима и Савватий.

Путники следовали через Козельск и его окрестности, которые нередко надолго давали им приют. Дело в том, что из этого пограничного города, где находился воевода, паломники должны были подавать специальные прошения к царю, и только после получения разрешения могли продолжить свой путь к святыням. Каждого богомольца козельские пограничные власти рассматривали как ценного информатора. Его подробно расспрашивали о ситуации за рубежом и на окраинах государства. Особое внимание приказные люди проявляли к тем, кто вышел из плена. В первую очередь, допытывались до мельчайших деталей недавних событий, особенно в Турции или Крыму.

Вся разведывательная информация, полученная от паломников, немедленно направлялась в Москву в Посольский приказ. Так козельские дороги, благодаря их притягательной силе для людей всех сословий и интересов, становились на службу пограничного дела, позволяли получать важную разведывательную информацию о намерениях противника.

Иваном Грозным и царской администрацией предпринимались активные меры к тому, чтобы обезопасить южные границы путем привлечения на свою сторону противников крымских ханов. Так, например, весной 1556 г. Ивану Грозному предложил свои услуги в борьбе с Крымской ордой князь Дмитрий Иванович Вишневецкий, уже три года как создавший Запорожскую Сечь. Царь принял их, за что отдал во владение Вишневецкому город Белёв. Вплоть до 1560 г. на этого князя возлагалось руководство всей обороной южных границ Московского государства от набегов крымских татар. Он имел свою собственную доктрину порубежной войны. Главным инструментом в ее реализации являлось служилое казачество. Степняки настолько боялись казаков, что не смели даже приближаться к русским пограничным землям, однако тревожные вести о возможном приходе врага к «украинам» по-прежнему доходили до Козельска.

В 60-х гг. XVI в. Московское государство вынуждено было по-прежнему вести оборонительные действия на двух фронтах: против татар и поляков. Показательными в этом отношении являются 1564, 1566 и 1568 гг., когда русские полки «на берегу» расставлялись не на всем его протяжении, а стягивались к Калуге для того, чтобы быть готовыми

действовать одновременно на двух направлениях. Теперь и при строительстве засек вынуждены были учитывать польский фактор. Поэтому уже в 1562 г. были вновь, как и в 1532 г., организованы общегосударственные сборы средств на «засечное дело».

Осенью 1565 г. войска Девлет-Гирея приходили под Болхов и ушли из тех мест только 9 октября. Осенью 1568 г. на одоевские, чернские и белёвские места приходили отряды Шифирмурзы Сулешова, однако ушли, узнав о приближении русских войск. Подобные приходы «крымских стад» в близлежащие к Козельску места не могли не вызывать беспокойства в городе и его окрестностях, поэтому укрепление города не прекращалось ни на день, а забота о козельской крепости всегда была ориентирована на способность выдерживать длительную осаду.

Результаты анализа участия Козельска в обороне южной границы Московского государства, начиная от легендарной семинедельной обороны города весной 1238 г. от «батыевой рати» и до начала XVIII в., позволяют сделать важный вывод. Во всех случаях основной формой оборонительных действий козельчан против неприятеля являлось длительное удержание города с тем, чтобы сковать как можно большее количество его сил на длительный срок у стен своей крепости. Отсюда главной задачей воевод всегда было содержать город и уезд в таком состоянии, чтобы с получением тревожных известий издалека в короткие сроки перевести город на осадное положение. Осадное время было для козельского воеводы периодом самой кипучей деятельности. Прежде всего, по его приказанию к тем местам, где могли появиться татары, направлялись разъезды с благонадежным головою из дворян или «детей боярских». На них возлагалась задачи разведать: какого по численности противника следует ожидать, откуда и по каким путям он может подойти, куда он выйдет в первую очередь?

Затем воевода высылал к засекам, располагавшимся на территории уезда, засечных голов, которые должны были «подле засек собрать уездных людей со всяким боем, худые места на засеках поделать, рвы почистить и стоять на засеках со сборными людьми с великим береженьем, чтоб воинские люди чрез засеку не прошли и уезда не повоевали». По приказанию воеводы в уезд, в станы и волости посылали особых приказных с объявлением о том, «чтоб все служилые и неслужилые люди, дети боярские с женами и детьми, их вдовы и недоросли, боярские люди и пашенные крестьяне с женами и детьми и со всеми животами (имуществом) в осаду». Местных жителей строго-настрого предупреждали: «Кто в осаду не пойдет или не поедет, и возьмут того татары, тот пусть выкупается и выкупает свою родню сам, а из государевой казны ему выкупа не ожидать».

Сам воевода в это время должен был устроить наряд (подготовить всю немногочисленную артиллерию) в городе, для каждого служилого человека найти место в остроге и поставить перед ним задачу на «бесстрашное сидение» в осаде. Он должен был также проверить, достаточно ли в городе заготовлено кольев и камней для ведения

обороны крепости. В подготовке к предстоящим действиям участвовали все головы, атаманы, есаулы, казаки, стрельцы, пушкарки, воротники, затынщики, плотники, вестовщики, рассыльщики, дворники и кузнецы, бывшие в это время в городе и в посаде.

При угрозе городу, ещё до того, как неприятель покажется на горизонте, приступали к укреплению слабых мест и созданию всевозможных препятствий вокруг города, чтобы враг долго не мог подойти к крепостным стенам. Затынщики города – осадные люди или сидельцы – разделялись на части: одна для обороны ограды, другая для наступательных действий. Часть войска распределялась по стенам, башням и воротам. Каждый знал свое место для «осадного сидения». Жители города заготавливали камни, колья, расставляли кадки с водой на случай, если неприятелю удастся поджечь крепостные постройки, а также срочно выкашивали вокруг укреплений траву, чтобы уберечь их от возгорания. К Козельску со всех окрестностей тянулись в то время вереницы мирных поселян: кто на лошади, кто пешком. Здесь всех «переписывали, почасту осматривали, держали в городе или в остроге и не велели выходить во всё лето, чтоб их татары не взяли», а за теми, кто почему-нибудь медлил идти в осаду, посылали специальные наряды. Отказников отлавливали, сажали в тюрьму, наказывали батогами и кнутами.

Пребывание в окружении было чрезвычайно трудным для тех, кто находился в крепости. Вот почему каждый стремился избежать участи сидеть в осаде, многие предпочитали прятать свое добро в земле и скрываться в лесах, оврагах и болотах. Спрятанное добро, если его хозяин был убит или попадал в плен, часто навеки оставалось в земле. Здесь, видимо, нужно искать причину появления кладов, которые, по народным рассказам, зарыты во многих местах под Козельском.

Задачи по подготовке и поддержанию города в высокой степени готовности к действиям «будучи в осаде», подробно ставились в царских наказах, которым должен был руководствоваться каждый воевода, заступивший на службу в крепость. Главным содержанием наказа было подробное перечисление всего того, что надлежало сделать, заступив на должность. Другими распорядительными документами были указы, отписки и «памяти». На деле указы выполнялись плохо. Историк М.Н.Тихомиров, говоря о наказах, писал: «Когда вы разворачиваете эти приказные документы, перед вами открывается картина всеобъемлющей деятельности приказов. Но когда вы присмотритесь, как эти указы на местах приводились в жизнь и в какой мере это приказное делопроизводство связывалось с тем, что было на местах, у вас останется очень невысокое представление о централизации XVII в. В наказах мы читаем о том, как воевода должен прийти в город, принять ключи, как должен отправить старого воеводу. А действительность такова, что когда являлся новый воевода и уезжал старый, то в городе происходила суматоха, люди старого воеводы начинали с того, что вывозили всё добро из тех палат, в которых жил этот воевода, вплоть до заслонок и дверных петель; и,

когда сюда въезжал новый воевода, то первым делом приглашались мастера и заново всё делали» [68].

За невыполнение царского наказа с воевод строго взыскивалось, вплоть до смертной казни. То, как выполнялись на местах царские указы, строго контролировали из Москвы. В укрепленные города с инспекционными заданиями специально направлялись царские должностные лица, а нередко и сам государь, объезжая города с различными целями, живо интересовался и состоянием крепостей. Так, например, в мае 1563 г. Иван Грозный посетил Козельск и окрестные дворовые села, где осмотрел старые «удельные» гнезда козельских князей. Царь был также в Калуге, Оболенске, Перемышле и Воротынске [69].

Краеведы Н.Н. Анисимов и В.Н. Сорокин в книге «Козельск», к сожалению, без ссылки на первоисточник рассказали, что Иван Грозный в ходе тогдашней инспекционной поездки нашел козельскую засеку в плохом состоянии. За нерадивость засечного начальства царь в гневе приказал арестовать козельского князя Михаила Пузыну, а саму козельскую волость передать в опричнину. Пузына бежал в Литву, а после смерти был погребен в одном из католических монастырей [70]. Впрочем, легенда о снятии с должности князя Михаила Пузына, видимо, не имеет под собой почвы, как и то, что не недостатки на засеках стали истинной причиной включения Козельска в опричнину.

Старинный княжеский род Пузын ведет свое начало не от князей Козельских – потомков святого князя Михаила Всеволодовича Черниговского, а от князей Смоленских. От жившего во 2-й половине XV в. князя Василия Глазыни, сын которого князь Иван имел прозвище «Пузынин». Заблуждение о родстве Пузын с козельскими князьями было развеяно в XIX в. и отражено в знаменитом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона [71]. В монастыре, о котором идет речь в книге «Козельск», скорее всего, покоятся останки одного из когда-то многочисленных представителей рода князей Пузына, долгое время служивших в Западной Украине. Так, например, один Михаил Пузына являлся гродненским старостой и послом в Москве в 1712 г. Другой князь Михаил Пузына, умерший в 1724 г., был «великим писарем Литовским». Как мы видим, исходя из времени жизни, ни один из Михайлов Пузына не мог быть в числе засечных начальников при Иване Грозном.

Историки спорят об истинных причинах царских объездов «крымской украины». По мнению некоторых авторов, одна из причин, по которой Иван Грозный лично посещал свои дальние владения, объяснялась внутренней борьбой за «властные полномочия, чины и земли» между боярско-княжескими группировками. Как писал историк Г.П. Енин, это было время «переплетения личных амбиций, обид, оппозиционных настроений, мнимых и реальных заговоров, «измен» в виде ухода за рубеж и репрессий.

Политическая и экономическая самостоятельность знатных и влиятельных наместников таила в себе совсем не призрачную угрозу

сепаратизма, особенно реальную на западном порубежье, во вновь завоеванных землях» [72]. Царь и опричники боялись внутренней смуты и готовились вооруженной рукой подавить мятеж могущественных земских бояр. Для этого границы должны были быть прикрыты надежно, дабы они в Крым и Польшу не бежали от царских репрессий.

По этой же причине в период 1565-1570 гг. Козельск, Перемышль, Лихвин, Ярославль с Суходровью, Медынь с Товарковым, Вышегород на Поротве, Опаков на Угре, Белёв, Можайск и Вязьма с прочими многими городами были переведены в опричину. До этого времени эти островки русской земли находились вне опричных уездов, как не были взяты в опричину Мосальск, Калуга, Новгород-Северский, Тула и многие другие места.

Исходя из количества «детей боярских», выделяемых в походы Ивана Грозного, вокруг Козельска в то время было около 400 дворянских поместий. У многих здешних «людей заслуженных, израненных в битвах», при образовании опричного войска царь отобрал владения и передал их детям боярским, зачисленным в опричину. Однако несмотря на вхождение в опричные места, козельская титулованная знать тем не менее не была репрессирована или истреблена в такой степени, как это стало с другими князьями в короткий период 1565-1566 гг. Чем это было обусловлено?

Во-первых, эта земля вошла в состав единого Русского государства без продолжительных и кровавых войн, а потому здесь владельцами были князья, угодные и верные Москве, иначе они были бы уничтожены ещё при Иване III, как это стало с князьями новгородскими. Наверное, Иван Грозный, в свою очередь, чувствовал большую зависимость от здешней аристократии, а может быть, даже и боялся ее.

Во-вторых, сами наместники были лояльно настроены по отношению к московской власти. Они получили владения из рук московских государей, а значит, и полностью от них зависели.

Наконец, была и ещё одна, пожалуй, главная причина, по которой посещал Козельск и другие «украинные» места царь и почему в ходе развернутого террора остались нетронутыми здешние наместники. Это чрезвычайная опасность самого козельского направления с точки зрения крымской угрозы. Из таких «украинных» мест, как Козельск, если бы не было у Ивана Грозного лада с местной служилой аристократией, могла придти такая татарская сила, которая смела бы и самого царя и его опричников. Несмотря на то, что царь обладал многими качествами, которые делали его зловещей и мрачной фигурой, ему, по свидетельству современников, были присущи многие достоинства, такие, как расчетливость, политическая дальновидность, упорство в достижении целей. Он был осторожен и одновременно напористо смел, тверд и при этом гибок, упрям и по-восточному хитёр. Поэтому он не мог не понимать всей опасности южного пограничья.

Однако не только отсутствие грубого террора по отношению к здешним воеводам и наместникам, а также известия о тех страшных погромах, которые творились в других местах, делали более лояльными и покладистыми местных пограничных начальников. Немалую роль в деле привлечения дворян к службе по охране границы сыграл князь Михаил Воротынский, который сумел сплотить вокруг себя единомышленников, что до поры до времени не гневало Ивана Грозного.

М.И. Воротынский (рис. 41) был крупнейшим вотчинником, последним удельным князем России, сыном Ивана Михайловича Воротынского, умершего в 1535 г. В декабре 1544 г. участвовал в отражении набега крымских татар на Белёвский уезд, в следующем году был воеводой Васильсурска, летом 1552 г. отражал набег крымцев на тульских засеках, а затем в том же году участвовал в качестве воеводы в походе на Казань. Во время опалы на бояр в начале 1560-х гг. он с семьей был сослан в Белозерск, но с учреждением опричнины возвращен царем ко двору и, как никто другой, на протяжении всего опричного времени верой и правдой служил Ивану Грозному, организуя охрану границы государства. Он руководил всеми ее многоплановыми аспектами: от разработки руководящих документов до непосредственного управления военно-пограничными силами на границе (рис. 42).

Рис.41. М.И. Воротынский, фрагмент памятника
«Тысячелетие России», Великий Новгород

Когда в 1571 г. завершилось строительство Большой засечной черты, Иван Грозный тут же лично объехал новые засеки. 26 апреля царь, как и в 1563 году, посетил Козельские места. Летописец записал: «Того же месяца апреля в тот же 29 день царь и великий князь ездил в объезд в Козельск, в Белёв, в Болхов и в иные украинные места от Крымской украины» [73]. В каких дворовых козельских селах побывал Иван

Грозный, неизвестно. Вероятнее всего, царь в тот приезд осмотрел самую западную оконечность Козельских засек, а именно Сенецкий участок, прикрывавший брянское направление. Состояние этого засечного участка в начале XVII в., что следует из материалов его дозора, позволяет сделать вывод о том, что здесь имелись самые многочисленные крепостные сооружения, которые были возведены именно при Иване Грозном и в послеопричное время.

В актах московского государства, касающихся охраны и обороны «южной украины», Козельск упоминается не так часто, но он каждый раз незримо присутствует на их страницах. Так, например, из царского указа о назначении князя М.И. Воротынского руководителем всей пограничной службы (рис. 42), мы одновременно узнаем и о назначении Изота Толстого засечным головой, призванным руководить охраной засек и обереганием государства от прихода крымских и ногайских людей.

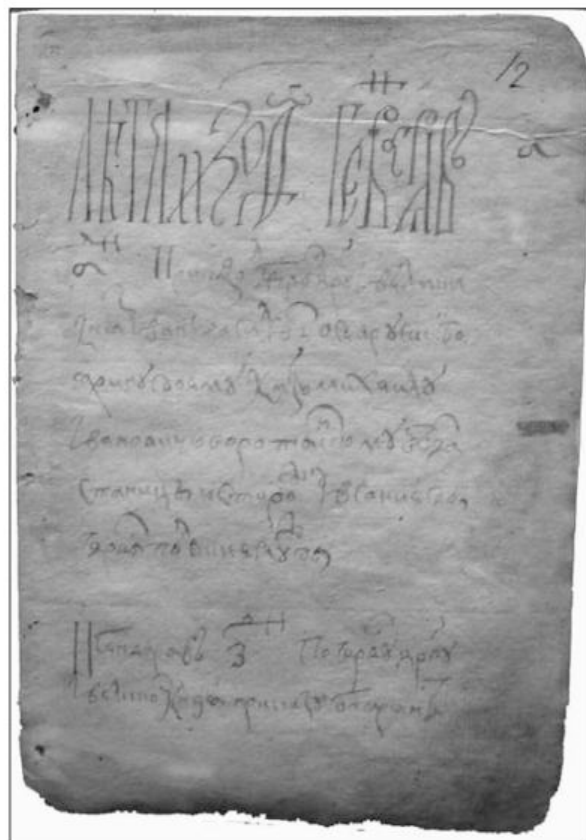

Рис. 42. Фрагмент указа Ивана IV о назначении М.И. Воротынского «ведать станицами и сторожами». Из фонда Центрального пограничного музея ФСБ России

Вместе с И. Толстым должны были «быть приказчики и сторожа», которые были обязаны охранять засеки и отражать набеги неприятеля. Это целиком и полностью относилось и к козельским пограничным делам. В соответствии с принятым в то время порядком и здесь в сторожа обыкновенно брали по 1 человеку с пищалью, топором и киркой с каждых двадцати дворов. От казны на каждого такого засечного служилого человека отпускалось по два фунта пороха и такое же количество свинца. При смене сторожей из-за болезни или другой какой причины, бывшие сторожа ручались за новых. За службу засечные сторожа получали вместо жалованья пахотные земли и сенокосы.

В случае порубки заповедного леса с засечных сторожей взыскивался штраф, за каждое срубленное дерево по 1 рублю.

Тем жителям, которые осмелятся проложить в засеке дорогу или тропинку, срубят дерево с межевым знаком или без него, предстояло заплатить штраф: за дорогу и вырубку дерева со знаком – 10 руб., а за тропинку и дерево без знака – 5 руб. Сверх того, виновных в порубке, кто бы он ни был – помещик, вотчинник или крестьянин, наказывали телесно – били кнутом при всем народе, чтобы неповадно было и другим, а в случае, если кто будет уличен в том, что чинит порухи повторно – «казнили смертью».

До наших дней сохранился ещё один замечательный распорядительный документ, подготовленный на основе Устава пограничной службы. Это «Наказ 1572 г. князю М.И. Воротынскому, первому воеводе Большого полка, назначенному в пограничную охрану южной границы России» [74]. В нем, наряду с другими вопросами, назывались несколько возможных вариантов набега крымцев.

Первый вариант – поход к Москве и столкновение со всеми русскими войсками, так называемое «прямое дело». Второй – обыкновенный грабеж окрестностей без больших вооруженных столкновений, когда татары посмеют «войну распустить».

В первом случае составители «Наказа», считая наиболее вероятным, что хан перейдет Оку в ее верховьях и «пойдет на Болхов старою дорогою», а поэтому предписывали боярам и воеводам спешить в козельские места к реке Жиздре. «Да по тем воротам, засекам, по лесом по обеим сторонам в крепких местех, – говорится в «Наказе», – стать с пищальми и с луки, где как пригоже, и на перелазех и в крепких местех на лесех на крымских людей приходити и лести мешати».

В случае, если крымцы придут только пограбить «заречные места тульские, и рязанские, и алексинские, и козельские», то «Наказ» предписывал опять-таки посылать упомянутые выше силы, добавив к ним лишь «резвых людей немецких».

Кроме того, предполагалось устраивать засады на тех путях, по которым будут отступать с пленниками татары. Особое внимание «Наказ» уделял иностранцам – «немцам».

«А о немцах наемных бояром промыслить, – говорится в нем, – чтоб на них те же головы, которые с ними будут, корм приготавливали на продажу, а платили бы цену немцы по цене. А пива велеть сварить на Коломне и в Серпухове, а велеть немцом цену платить, згадывая (устанавливая. – Прим. автора) по цене, чтоб было немцом корм и питье на продажу изготовлены; а цену на них имати».

Освещению вопросов охраны границы Руси на ее южных направлениях, на засечных чертах посвящено немало книг. Наиболее основательные труды увидели свет до 1917 г. [75]. Не мало написано и в наши дни, в том числе и козельскими краеведами [76]. Однако названный выше документ 1572 г. ещё недостаточно широко введен в научный оборот вообще и, тем более, практически никак не используется в качестве важнейшего источника по истории Козельска времен Ивана Грозного. Вот почему необходимо уделить наказу «в память боярину и воеводе князю Михаилу Ивановичу Воротынскому с товарищи» особое внимание.

М.И. Воротынский лично руководил подготовкой и отражением нападения на Московское государство со стороны крымского хана Девлет-Гирея ещё в 1571 г. В береговом войске Воротынского среди 1225 ратников, бывших в полку воеводы Никиты Романовича Одоевского, были «дети боярские выборные – 25, козлич – 130 человек». К сожалению, несмотря на всю серьезность подготовки русских сил к отражению возможного прихода Девлет-Гирея, крымскому хану всё же удалось в 1571 г. скрытно преодолеть оборонительные линии и ворваться в Москву.

Такого страшного разорения страна не знала давно. Были уведены в плен десятки тысяч людей. В ходе рейда Девлет-Гирея вдоль Оки было разорено 40 городов, в том числе и Козельск. Заслуживает внимания такая особенность этого похода Девлет-Гирея, как достижение скрытности действий татар при прорыве ханскими силами в мае 1571 г. заблаговременно укрепленного русского пограничного рубежа. Некоторые историки полагают, что их путь прошел именно сквозь козельские места. Результаты анализа обстоятельств прихода Девлет-Гирея доказывают несостоятельность этой точки зрения.

Первоначально в планы татар входило напасть только на деревни и села Козельского уезда, для чего они и пошли в верховья Оки. Форсировав Оку через Быстрый брод неподалеку от Коломны, татарские «загоны» далее двинулись на Болхов и Козельск. Мы не знаем что стало бы с Козельском и его уездом, исполнились планы Девлет-Гирея в точности. Скорее всего, последствия для козельчан были бы катастрофическими. Ведь хан планировал на этот раз ограничиться грабежом исключительно лишь одного этого района, имея при этом «крымское стадо» в 40 тысяч воинов. Однако вмешался случай, изменивший намерения хана. В его ставку был доставлен перебежчик из Белёва – некто Кудияр Тишенков. Этот боярский сын посулил провести крымское войско короткой дорогой в обход всех русских застав и полков прямо к Москве, и Девлет-Гирей последовал за Тишенковым. Результаты предательства были чудовищными. Москва была почти полностью сожжена, а татары с

огромным «полоном», разорив многие русские области, ушли в свои улусы через Каширу и Рязанскую землю.

Существует несколько точек зрения на то, каким маршрутом провел Кудияр Тишенков татарское войско, минуя хорошо охраняемые русской ратью перелазы (броды). Все, однако, сходятся во мнении, что противнику удалось в середине мая 1571 г. совершить настолько удачный обходной маневр, что повсюду, где бы затем ни появлялась многотысячная крымская армия, ее приход становился полной неожиданностью для воевод Ивана IV.

Последуем, например, за рассуждениями историка Владимира Волкова [77]. Он проанализировал несколько устойчивых «мифов» отечественной науки об этом самом страшном нашествии Девлет-Гирея и, в частности, пишет: «Так, А.А. Зимин, вслед за автором Пискаревского летописца, спутавшего маршруты движения крымского войска в 1571 и 1572 гг., полагал, что татарское войско в мае 1571 г. наступало на Москву через тульские места. Б.Н. Флоря утверждает, что Кудияр Тишенков, явившийся с другими перебежчиками к стоявшему на «Злыньском поле» (южнее Болхова, совр. село Злынь Орловской области) хану, предложил перевести татарское войско через Оку. Злыньское поле находится южнее Болхова уже за Окой, понятно, что изменник мог обещать провести татар лишь через лежавшую у них на пути Жиздру». Далее Владимир Волков излагает свою точку зрения: «Изменник обещал хану провести крымское войско через неохраняемые «перелазы» в верховьях реки Жиздры, там, где ещё не ходило крымское войско. В середине мая 1571 г. 40-тысячная армия в районе Перемышля перешла Жиздру и начала обходить расположение опричного войска с тыла, выдвигаясь в направлении Москвы» [78].

Итак, не беря во внимание то, что В.А. Волков ошибочно полагает, что верховья Жиздры – это район Перемышля, что не соответствует действительности, ибо верховья этой реки находятся в глухих Брянских лесах, почти в двухстах километрах к западу, позволим не согласиться с В.А. Волковым в главном. Надо полагать, что Девлет-Гирей не форсировал Жиздру в районе Перемышля, а прошел к Москве именно тульскими местами, как и полагал историк А.А. Зимин [79]. Это подтверждается несколькими обстоятельствами.

Во-первых, перемышльское направление, а у Перемышля река Жиздра впадает в Оку, было крайне неудобным для преодоления ее многотысячным войском, так как ширина реки в ее устье здесь наибольшая и, даже несмотря на «меженину» (засуху), о которой упоминает В. А. Волков, Жиздра вряд ли могла быть легко преодолима без того, чтобы татарская переправа не была замечена русскими наблюдателями. Орда, переправляясь через реки, растягивалась вдоль их берегов на несколько верст. Мало того, татарам пришлось бы, перейдя через Жиздру, тут же форсировать ещё и Оку.

Во-вторых, выбор этого направления «крымцами» для достижения внезапности действий не подтверждается, например, более поздними

взглядами на построение обороны и тактику действий русских сил, которые были выработаны с учётом уроков из этого майского 1571 г. похода на Русь Девлет-Гирея и закреплены в «Наказе» 1572 г.

Наконец, если мы проанализируем все последующие меры по укреплению обороны южной границы, то увидим, что Перемышльские и Белёвские засеки позднее уже не восстанавливались даже и тогда, когда возрастали угрозы со стороны Крыма. Причина – они очень рано оказались на второстепенных направлениях. Вряд ли Московское правительство быстро забыло уроки 1571 г., если не обращало впредь внимания на перемышльское направление. Таким образом, Кудияр Тишенков, поведя он крымских татар на Перемышль – сыграл бы роль костромского Ивана Сусанина. Если татары всё же прошли в верховьях Жиздры, например, на Жиздринском направлении (известном позднее как Сенецкая засека), тогда зачем было бы Девлет-Гирею, приняв решение идти на Москву, совершать длительный переход в сотни верст по козельским землям для того, чтобы затем выйти к Воротынску и форсировать Оку или Угру?

Таким образом, именно через тульские, а не козельские места по потаенным неохраняемым маршрутам скрытно и прошёл Девлет-Гирей, ведомый Кудияром Тишенковым в мае 1571 г. Следовательно, Козельск не проявил той преступной беспечности, которая привела к уничтожению Москвы и которая позорным пятном могла бы лежать на истории этого пограничного места.

На следующий год, когда Девлет-Гирей снова рвался к Москве, и получил князь М.И. Воротынский от царя и боярской Думы знаменитый «Наказ» на охрану и оборону южной границы, в котором с учётом уроков прошлого была поставлена и задача «не пропустить за Жиздру» крымского хана. Этот документ вносит некоторые новые штрихи в историю Козельска. Прежде всего, при детальном ознакомлении с его содержанием поражает глубокий прогноз возможного характера действий крымского хана, его царевичей и мурз во время нашествия на Московское государство. В «Наказе» приведены не только все возможные варианты «прихода» крымских татар (последовательность, маршруты, и линия поведения вражеских войск), но и подробно, по каждому из вариантов действий противника, расписаны наиболее целесообразные контрмеры, которые надлежало предпринять нашим силам.

Первый сценарий – при получении только лишь первых известий из дальних мест о начале ханского похода с намерениями выйти к рубежу Оки. В этом случае в соответствии с заблаговременно установленным порядком, «по росписи», на свои места, на угрожаемые направления на берегу Оки и Угры начинали выдвижение русские воеводы с полками из отдельных «украинных» уездов и городов. Например, из Каширы они уходили в Коломну и Серпухов. Четко было прописано, что Козельск в этом случае немедленно переводится на осадное положение, в город собираются служилые люди из всех окрестных мест.

На осаду переводились также Серпухов, Калуга, Рязань и Тула. Следует подчеркнуть, что никаких выдвиганий войск со стороны Козельска в это

время не планировалось, так как, видимо, их там не предусматривалось иметь или попросту не было. Усиливается разведка на «дальних проездах» на засеке для того, «чтоб дал Бог заранья про царев поход было в ведоме». Кроме того, в козельские места «до засеки, и Жиздрою до коих мест надобе» должны были быть готовы, в случае необходимости, придти на помощь Козельску полки бояр и воевод с берега Оки.

Второй сценарий – если крымская рать преодолеет Оку в ее верховьях (южнее Болхова) и по ее левому берегу пойдет «на Болхов старою дорогою», то есть по Свиной дороге. Отсюда открывался путь в сторону Козельска с выходом к засеке.

При таком развитии событий следовало «казаков польских наемных с пищальми 1000 и с двумя головами», а также «вятчан в струзах» срочно выдвинуть из Калуги к реке Жиздре. Следовательно, Козельская и соседние с ней засеки, оборонительные сооружения, заблаговременно возведенные на Черте, всё должно было быть готово к приёму наших войск и организации ими надежной обороны в прижиздринских лесах.

Третий сценарий – когда крымские войска всё же преодолеют засеку, обойдут где-либо русские силы, поставленные на ней, сумеют преодолеть Жиздру и выйти на ее левый берег с тем, чтобы двигаться в северо-восточном направлении к Угре. В этом случае русская рать должна была спешить на Угру. При этом строго воспрещалось вступать в бой с неприятелем в открытом поле – «на поле без крепостей». Козельчане должны были держать осаду в городской крепости.

Наконец, если русские полки встретятся с врагом вне крепостей, то они должны были занять прочную оборону, «стрельцом поиззакопаться по крепким местом» и держать прочную оборону.

Таким образом, во всех случаях главными условиями успешного решения оборонительных задач, возлагаемых на Козельск, было наличие хорошо укрепленных города-крепости и острогов полевого типа на засечной черте, а также поддержание в проезде состоянии дорог. На этот раз царский приказ был выполнен. Девлет-Гирей не прошел к Москве, однако Иван Грозный не простил князю М.И. Воротынскому пропуска через границу крымского хана к Москве в 1571 г. Никакие прежние заслуги этого воеводы учтены не были. По сфабрикованному доносу, за якобы имевшее место колдовство против государя, князь М.И. Воротынский вскоре был арестован и зверски замучен царскими палачами.

Во второй половине XVI в. границы Московского государства стали укрепляться новыми городами-крепостями, которые возводились к югу от козельского рубежа. В короткое время были построены Орёл и Данков. Продолжилось укрепление охраны границы и по берегам рек Оки и Угры. Уже с 1569 г. размещение полков по этому рубежу стало обязательным и с 1572 г. на «берегу» их стояло по 5 ежегодно. Шло формирование новой оборонительной линии и на самых дальних подступах к границе Московского государства, активно заселялась лесостепь. Благодаря принятым мерам вся юго-восточная окраина страны, в том числе и козельская область на его окраине, стала

испытывать чуть меньшее давление со стороны Крыма. Снизилась угроза нападения с этого направления, так как теперь силы крымских татар разбивались о новые укрепленные места.

Город Козельск, несмотря на оживленное строительство новых крепостей в других местах вдали от Москвы, по-прежнему получал большое внимание и помощь со стороны царской администрации. Одной из причин сохранения повышенного внимания к бывшим «украинным» местам оставалось опасение царя за политические настроения на окраине страны. Другая причина заключалась в непрекращающихся прорывах через новые рубежи страны отрядов татар из Крыма. Теперь они действовали всё более дерзко, решительно и беспощадно. Приходы врага к стенам Козельска хотя и были лишены неожиданности, однако урон от них не становился менее ощутимым.

По мере продвижения на юг московское правительство активно переселяло в пограничье часть «детей боярских» из центральных уездов. Служилые люди занимали опасные места и, переводя сюда своих крестьян, создавали вблизи засек мелкие поселки и починки. Здесь же они выбирали землю под пашню и луговые места для покосов. Среди первопоселенцев были и служилые люди низших разрядов – казаки и стрельцы, состоявшие под началом сотников, голов и атаманов, назначавшихся из дворян и «детей боярских».

В последней четверти XVI в. были завершены основные работы по строительству Большой засечной черты. Теперь она представляла собой не отдельные разрозненные участки засек, а практически непрерывную, на многих направлениях устроенную даже на нескольких рубежах, линию. Продолжалось укрепление и Козельской засеки, которая состояла теперь из четырех звеньев: Столпицкой, Дубенской, Сенецкой и Кцынской засек, ставших частью общей черты от польской границы до Рязани. Эти засеки укрепили рвами и новыми лесными завалами, а среди непреодолимых заграждений устроили крепости-ворота с надолбами и опускными колодами.

За обустройство засек и поддержание их в надлежащем состоянии по-прежнему отвечала засечная стража, набираемая из жителей прилегающих к засечной черте деревень. В период нападения татар всё население засечной черты, а также селяне ближайших населенных мест принимали участие в отражении татарских набегов. Деревни и села, расположенные на расстоянии до 15 верст от засеки, выставляли в случае опасности с трех дворов по одному человеку с пищалью, а расположенные в 20-25 верстах – с пяти дворов по одному человеку. Обычная же норма была по одному человеку с 20 дворов.

В 1574 г. был последний раз в XVI в. проведен сбор средств на «засечное дело», тогда же участникам сторожевой службы был увеличен земельный надел: к ранее выделенным 20 четям земли было прибавлено ещё 30 четей на человека, а в третий год службы для приобретения коня и снаряжения выдавалось по 3 рубля, чтобы у каждого было по два добрых коня. Рядовые казаки, конечно, поощрялись меньше, и земельный надел

им не увеличивался. Вся сторожевая служба находилась в ведении Разрядного приказа. В Козельске за ее организацию отвечал воевода (наместник), а все обязанности по непосредственной организации службы сторожей, их подготовке, представлению для проверки воеводе и направлению в сторону, откуда ожидался приход татар, исполнял находившийся в подчинении воеводы стоялый голова. Воеводы и стоялые головы осуществляли контроль за «исправностью» службы сторожами, для чего периодически объезжали места расположения сторож.

Несмотря на всю серьезность мер, предпринимаемых для того, чтобы обезопасить пограничные районы от татарских и польских нападений, обстановка на землях «крымской Украины» оставалась сложной. Начиная с 70-х гг. XVI в. начался повсеместный массовый «выход» крестьян и холопов на юг, где ставились новые города, требовавшие больших гарнизонов. Туда же водворялись служилые землевладельцы из других пограничных районов, оказавшихся вдали от границы.

«Верховые сходцы», так называли тех, кто выходил из мест, располагавшихся в верховьях Оки, поступали в распоряжение воевод для заселения новых городов на пограничной укрепленной черте у Волги и на «диком поле» к югу от средней Оки. Многие шли и дальше за «черту» и становились «вольными» казаками. Вследствие миграционных процессов уменьшилась военная прослойка в среде населения «украинных» городов и уездов, так как здешние служилые люди ушли на новые рубежи. Колонизация лесостепной зоны на юге отбирала людские ресурсы, вела к массовому уничтожению лесных массивов, так как строительство южных крепостей, большого русского флота и речного флота для казаков требовало много древесины. Возрастал напор на местное население со стороны монастырей.

В Козельский и соседний с ним уезды из центра хлынули преступные элементы всех мастей, поэтому разбой на дорогах стал вновь обычным явлением в здешних местах. Не случайно в последующее время здесь будут укрываться и черпать силы противники Годуновых и Шуйских, такие, как Болотников или Лжедмитрий. Район Верхнего Поочья постепенно стал слабым звеном в системе Московского государства, превратился в пристанище реакционных сил.

Неспокойной, многозаботной стала для пограничного Козельска весна 1576 г. Иван Грозный готовился в ту пору к широкомасштабным военным действиям на юге – походу в Крым. Войска встали в Калуге, где по «берегу» распределили свои полки. Не остались без внимания и «украинные» города, на укрепление гарнизонов которых были направлены войсковые силы. Однако начало похода откладывалось из-за угроз Руси с запада. Период с 1579 по 1589 гг. охарактеризовался не просто серьезным осложнением обстановки на российско-польской границе. На протяжении десяти лет продолжалась война Московского государства против польской агрессии, развязанной в 1579 г. польским королем Стефаном Баторием. Ударам польско-литовской армии подверглись многие русские северо-западные города.

Для защиты страны был предпринят поход против Батория. В этом походе участвовали калужские наместники со своими полками. Среди них из Перемышля – Василий Михайлович Баранчеев; из Серпейска – Иван Михайлович Чернышов; из Лихвина – Иван Васильевич Голутвинов; из Воротынского – Иван Михайлович Воротынский; из Мосальска – Василий Михайлович Курбский; из Мещовска – Иван Васильевич Нечаев; из Боровска – Григорий Михайлович Пыжов; из Серпейска – Иван Михайлович Чернышев и Жераковской. Между прочими воеводами был и наместник из Козельска – Иван Васильевич Лыков с полком.

Таков почти полный список воевод, кому выпало участвовать в первых походах против Речи Посполитой в той затяжной и малоуспешной для России войне. Для того чтобы стало возможным оставить свои города и села на период польских походов, все эти полководцы прежде сделали многое для того, чтобы обезопасить свои земли от крымской угрозы. Поэтому воеводы зависели друг от друга, они тесно взаимодействовали между собой при организации отпора татарам, не раз приходили на помощь друг другу при отражении их нападений.

В последней четверти XVI в. обстановка, в которой оказалась Россия, а также угрозы ее безопасности четко и недвусмысленно были определены в ходе православного Собора 1580 г. В то время России угрожали многие государства: «от Турского и от Крымского, и от Нагай и от Литовского Короля, с ним же совокупишася Польша, Угры, Немцы Лифляндские и другие свейские; с все совокупившеся, образом дивияго зверя распыхася, гордостию дмящеся, хотяху истребити православие» [80]. Все эти угрозы, как мы уже увидели, в полной мере проявились и на границе с Крымом, в том числе, на засеках у Козельска.

После опричнины

Со смертью в марте 1584 г. Ивана Грозного закончилась целая эпоха в жизни Московского государства. То было время, которое оставило в истории не только черные события, но памятно и активной и результативной деятельностью царя и воевод по укреплению обороны страны на ее границах. Трудно сосчитать, сколько бы ещё русских людей было уведено в плен, не стань на пути крымских орд Козельск и другие пограничные города-крепости.

Историки полагают, что период продолжительностью в 38 лет (1558-1596 гг.), благодаря предпринятым мерам по укреплению «ожной украины» Московского государства, прежде всего, засеками, характеризовался тем, что ни разу татарские набеги не простирались на территорию страны дальше Черты. Исключением стал лишь 1571 г., когда Девлет-Гирей прорвался далеко за Оку.

Действительно, несмотря на то, что татары каждый год нападали на русские пределы, они каждый раз вязли в засечных лесах и вынуждены были довольствоваться полонением местных жителей заокских областей. Таким образом, Козельский и другие пограничные уезды, можно сказать

без преувеличения, заслоняли собой центральную часть страны на протяжении почти сорока лет.

Вступление в 1584 г. на царский престол сына Иоанна IV Федора Иоанновича и начало его царствования были омрачены множеством бед, в том числе и тех, что пришли на южные окраины Московского государства. Так, например, весной 1584 г. крымские шайки жгли села в Белёвском, Козельском, Воротынском, Мещовском и Мосальском уездах. Татарские и ногайские отряды общей численностью от 40 до 52 тысяч человек во главе с Арасланом-мурзой перешли через Оку и в течение двух недель «воевали многие городы», в том числе и Козельск, Мещовск, Мосальск, а также можайские, дорогобужские, воротынские и вяземские места на Угре. Захватив «полону бесчисленно много русского народу», ордынцы пытались убраться из русских пределов. Русские войска были выдвинуты сначала на берег Оки, а затем совершили контрнаступательный поход, в результате которого в ходе активных боевых действий 7 мая 1584 г. в 8 верстах от Калуги у слободы Монастырской, что в устье реки Выссы, в упорном сражении враг был разбит. Был освобожден и полон численностью до 70 тысяч человек. Руководил нашим войском думный дворянин Михаил Андреевич Безнин.

В 1587 г. 30 тысяч крымцев через Козельск, Воротынск и Мещовск вторглись в мосальские земли. Спустя четыре года крымский хан Казы-Гирей внезапно, со 150-тысячным войском, вторгся в пределы Московского государства и подступил к самой Москве. Однако отсюда, потерпев несколько поражений и оставив значительную часть обоза, хан обратился в бегство, преследуемый русскими, которые около Тулы взяли в плен более тысячи «крымцев».

Последний раз в истории России крымские татары, разбив русские полки на Оке, дошли до Москвы 4 июля 1591 г., но в город им войти не удалось. Один из вернувшихся домой после неудачного похода в русские земли татарин делился впечатлениями: «Государева Украина не по-старому, ныне-де укреплена накрепко, и городов поставлено много, и людьми наполнена многими, и впредь ходить на Русь никак немочно, везде поделаны обозы, а по-русски крепости.... Такой-де на нас в те поры страх напал, чаяли того, что нам и в Крыму не бывать. А и так не многие пришли, а то всех на Руси побии» [81].

С этих пор крымские ханы всё больше были заняты борьбой с казаками из Запорожья, с Дона и Днепра, и им было не до походов в московские земли. И хотя «крымцы» ещё не раз нападали на козельскую, мещовскую, воротынскую и перемышльскую земли, например, в 1592, 1595 и 1597 гг., всё чаще успех оказывался на стороне русских. Опытные русские воеводы с полками встречали непрошенных гостей на дальних подступах к городам и всё чаще оставляли неприятеля ни с чем. К Козельску могли прорваться лишь небольшие отряды из недобитых татарских сил. Пути их главных сил по древним шляхам через леса были надежно прикрыты новыми крепостями, такими, как Воронеж и Ливны. Крым на время перестал

быть главной угрозой для южных окраин Московского государства. В 1594 г. Казы-Гирей заключил мирный договор с царем Федором, получив от него 10 тысяч рублей и много других подарков. С тех пор, благодаря денежным посылкам и демонстрации российской стороной самых решительных намерений противостоять хану, Казы-Гирей вынужден был отказываться от походов в русские земли.

Исследуя пограничную историю Козельска конца XVI – начала XVII вв., следует учитывать, что в эти годы здешние условия складывались во многом под влиянием двух факторов. С одной стороны, началось активное пробуждение национально-освободительного движения русского и соседних с ним народов западных областей против Польши. С другой стороны, этот период истории характеризовался подавлением антипольских выступлений на западных, пограничных с козельскими, землях польскими войсками. На смену крымским татарам на Россию стали нападать поляки.

В 1594 г. на территории Украины произошло крупное восстание казаков под руководством казачьих гетманов Григория и Северина Наливайко, которое было жестоко подавлено Польшей. С тех пор разрозненные шайки «гулящих людей» начали терроризировать южные окраины Московского государства, причем делали это не меньше, чем прежде татары из Крыма.

Теперь козельские и соседние с ними земли оказались своего рода «пограничным миром» двух держав – Московского государства и Речи Посполитой. В пограничных землях противодействовали друг другу, по крайней мере, две силы. Одна сила (со стороны Москвы) была направлена прежде всего против Крыма. Другая сила со стороны Польши, Белоруссии и Украины. Козельская земля уподобилась бывшему «верховскому княжеству», в котором то одна, то другая сила брала верх.

Козельск был большим и хорошо укрепленным городом, о его существовании знали далеко за пределами Московского государства. В этом крупном центре порубежной торговли были представители разных народов: русские, литовцы, поляки, немцы, татары и др. Для иностранцев, прибывающих с запада, Козельск представлялся ещё литовско-польским городом, последним остановочным пунктом на пути в Калугу. В конце XVI в. даже в русских документах этот «заоцкий» город называли «украинным городом на польской стороне».

В энциклопедии «Города России», изданной в 1994 г., сказано, что в конце XVI в., в пору наивысшего расцвета Козельска, в нем проживало 15 тысяч жителей и было 40 церквей. Цифры эти явно завышены. Для сравнения: в Калуге насчитывалось 3 тысячи жителей. В XVI-XVII вв. понятие «город» включало в себя не только сам город, но и весь уезд, поэтому, надо полагать, 40 церквей было во всем Козельском уезде, численность населения которого и составляла порядка пятнадцати тысяч человек. В черте города, скорее всего, было 5-6 церквей. Приведенные выше данные о татарских набегах на козельские волости, о

многотысячных «полонах» никак не свидетельствуют в пользу гипотезы о расцвете Козельска в конце XVI в.

Конец 80-х и 90-е гг. XVI в. памятен принятием новых мер по укреплению южной границы. В 1598 г. строится Царицын, в 1591-1592 гг. восстанавливается Елец, в 1594 г. возводятся Кромь, в 1593 г. – Белгород и Оскол, в 1599 – Валуйки и в 1600 г. – Царев-Борисов. Теперь отпала необходимость выставлять полки по берегу Оки. Линия этих полков теперь была выдвинута за Оку, в Тулу.

Историк В. Волков заметил, что отныне «почти весь бассейн реки Оки оказался надежно прикрытым русскими ратями, стоявшими в восьми городах (Мценск, Новосиль, Орёл, Тула, Крапивна, Епифань, Дедилов и Венёв), что способствовало началу активного хозяйственного освоения края» [82]. Тогда же царь Федор Иоаннович предпринимал и весьма энергичные меры по поддержке тех, кто нёс непростую и очень опасную службу на здешних окраинах. В 1592 г. вышел указ об освобождении от повинностей и налогов помещиков, состоящих на военной службе и живших в своих поместьях. Тогда же появились и так называемые «белые земли», которые вообще не облагались податями. Одновременно были ужесточены меры против выхода крестьян от хозяев. Отмена Юрьева дня в 1593 г. окончательно прикрепила крестьян к земле. Эти и другие мероприятия оказывали в целом положительное влияние на охрану засечной черты, так как позволяли привлекать к ней всё большее число стражников.

Не в стороне от пограничных забот находились и козельские дворяне. Большинство из них так или иначе были связаны со службой по охране рубежей государства или принимали участие в обеспечении большого засечного дела. Заслуживают упоминания князь Владимир Мосальский и Семен Ступишин – составители одних из первых, к сожалению, до наших дней не дошедших, козельских писцовых книг. По этим книгам рассчитывали, например, сколько пеших людей и лошадей должен был высылать тот или иной хозяин для засечного дела, определяли количество подымовных людей для обороны засек. В среде козельского боярства выделился также Григорий Петрович Шемякин-Шаховской, который значился в боярских списках в выборе по Козельску до 1602-1603 года.

Здесь владели землями многие заслуженные люди, например, князь, боярин, воевода Иван Петрович Шуйский (?-1588 г.), имевший поместье в сельце Вейно; боярин и воевода Иван Васильевич Годунов (? – 1602 г.), которому принадлежали земли Козельского уезда, близкие к белёвским местам – собственности Иосифова монастыря. Все эти люди, располагавшие землями вблизи Козельских засек, сами были не только царскими приближенными или состояли в родстве с государем. Большинство из них немало лет прослужили на передовых рубежах России. Так, например, упомянутый выше И.В. Годунов в 1583 г. посылался на литовскую

границу для обмена пленных, в 1586 г., в 1587 г. «по крымским вестем»* он был с полком правой руки в Алексине, откуда сообщал, что к Крапивне приходили татары. В 1588 г. командовал передовым полком в Калуге, в 1591 г. во время отражения нападения хана Казы-Гирея он также командовал передовым полком. В 1597 г. ходил вторым воеводой передового полка «на берег». В 1598 г., будучи вторым воеводой в Алексине, ещё раз держал оборону против Казы-Гирея.

В эти годы поддержанием порядка на Козельской засеке руководил и отвечал за недопущение дел, могущих нанести ущерб лесным пограничным массивам, Кузьма Безобразов – первый представитель рода Безобразовых, которые с тех пор на протяжении столетий были тесно связаны с Козельской землей. В самом конце XVI в. в Козельске были известны дворяне Кременецкие и Волжинские, а также другие представители знатных родов.

Немалую положительную роль в решении задач охраны порубежного края играло и местное духовенство. В 1589 г. для городов обширной калужской области Московского государства в Москве было утверждено патриаршество. Одним из созданных в то время центров епархиального управления стали Крутицы (под Москвой) с кафедрой епископа Сарского и Подонского, в ведении которого оказались пограничные города Козельск, Перемышль, Лихвин, а также Мещовск, Серпейск и Воротынский. Тогда же в 1589 г. в Оптиной пустыни, которая не имела каких-либо вотчин и потому жила на подаяния, была построена одна из первых деревянных церквей [83]. И вот что в этой связи представляется особенно интересным и даже знаменательным.

Деревянный храм этот простоял сто лет. В 1689 г. вместо него начали строить каменный соборный Введенский храм с приделом Преподобного Пафнутия Боровского. Видимо, и первая оптинская церквушка была поставлена в XVI в. в монастыре у Столпицкой Козельской засеке в честь того же праздника – Введения во храм Пресвятой Богородицы. Примечательно, когда в России в 1893 г. будет создан Отдельный корпус пограничной стражи, то Введение станет храмовым праздником пограничников. Традиция отмечать этот праздник сохраняется и сегодня. Ежегодно 4 декабря, согласно подписанному в 1996 г. соглашению о сотрудничестве между Русской Православной Церковью и Пограничными войсками, в российских храмах совершаются торжественные молебны «о здравии воинов, на рубежах страны стоящих». В этот день воины в зеленых фуражках поминают павших при защите границ во все времена. Конечно же, выбор этот пал на Введение во храм не случайно. Традиция связи тех, кто охранял границу, с этим

---

* «Крымские вести» – сообщения о движении отрядов крымских татар к южным и юго-западным границам Московского государства из Крыма или с Муравского шляха. Действия «по крымским вестем» предполагали прикрытие границы на выгодном рубеже или упреждение татар в выходе к этому рубежу в результате выдвижения русских войск на подступы к границе навстречу неприятелю.

праздником пришла из глубокой древности. Не исключено, что деревянная церковь во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы и была поставлена в Оптиной пустыни на средства и в соответствии с пожеланиями козельских засечных сторожей и воевод, которые, может быть, приходили сюда на богомолье прежде, чем отправляться на Столпицкую, Дубенскую, Кцынскую или Сенецкую засеки.

В 1598 г. южные рубежи Московского государства прикрывала 21 засека протяженностью в 590 верст и 17 сажений [84]. Ослабление угроз со стороны Крыма, заключение перемирия с Польшей, а также основание новых городов: Ливны, Ельца, Воронежа, положивших начало строительству Белгородской укрепленной пограничной линии, – все это содействовало расцвету Козельска в послеопричное время. Благодаря последовательной пограничной политике царской администрации и лично Федору Иоанновичу период 1584-1598 гг. в истории Козельска стал временем относительного спокойствия. Не случайно в это время здесь и по соседству сложилась хорошо налаженная торговая система. Акты того времени содержат немало сведений об установлении торгов (ярмарок) в большинстве уездов. Так, например, в Мещовском уезде, с которым граничил Козельский уезд, в поместье дьяка Щелкалова в 1596 г. была организована первая такая ярмарка. Торговые ярмарки устраивались затем и на отобранных у Литвы землях вотчинников Плюскова, Товаркова, Утешева и Карамышева [85].

Однако впереди уже были новые страшные бедствия, которые придут в Козельск с началом царствования Бориса Годунова.

На рубежах Руси «безгосударной»

В истории Козельска было немало драматических страниц. Но не было хуже тех, которые относятся к последней трети XVI – первому десятилетию XVII в. На это время пришлось огромное количество событий, вокруг которых не утихают споры историков, пытающихся уже в который раз осмыслить то, что тогда произошло. Ставятся новые акценты, по крупицам собирается всё то, что имело отношение к тому времени.

«Смутное время», Русь без государя, иными словами, «безгосударная». Общепринятыми рамками этого периода считаются 90-е гг. XVI в. – 1613 г., причем, применительно к Козельску, эти границы более широки, так как с избранием первого царя из Романовых здесь ещё не закончился период Смуты. Ещё и в начале 30-х гг. XVII в. рыскали по многострадальной Козельской земле ватаги и банды приверженцев того или иного государя. В кровавую круговерть борьбы, словно в гигантскую воронку, были вовлечены многие тысячи людей самых разных национальностей и разной веры. Поляки, литовцы, немцы, татары, русские и украинцы – все они пришли в движение в пограничных областях Московского государства.

В козельских событиях как в капле воды отразились те непростые процессы, которые были характерны для всей России периода «Смутного времени». Тем не менее были здесь и свои особенности. Уезд и сам город

тогда стали «разбойничьей вольницей», местом «зимования» (укрытия. – Прим. автора) неприятелей всех мастей. Оставаясь областью, соседствовавшей с «татарскими шляхами», одновременно этот район превратился в средоточие путей прихода «польских людей» и зоной пристального внимания со стороны крымской и польской разведок. Это было чрезвычайно сложное и интересное по своим последствиям время. Всё случившееся в здешних пограничных местах на долгие годы сформировало характер обстановки на всех юго-западных окраинах Московского государства. Здесь ярко проявилась роль московских окраин в защите или, наоборот, поспании центральной власти.

После смерти в 1598 г. последнего царя из Рюриковичей – Федора Иоанновича, на непродолжительное время на царство вступил Борис Годунов – личность, у которого всякого рода строительство было самой настоящей страстью. Вот почему совершенно не случайно накануне «смуты» получило развитие русское зодчество. Этот царь задумал, но не успел осуществить строительство в Москве гигантского храма «Святая Святых» – собора Воскресения Господня. Зато ему удалось построить каменные храмы в вотчинах Хорошёво и Вязёмы под Москвой. При нем в Калуге был построен большой деревянный острог, внутри которого помещались Покровский, Архангельский, Георгиевский и Рождественский храмы. Благодаря любви Бориса Годунова к строительству сложилась и особая «годуновская школа» укрепления границы. По годуновским чертежам, например, совершенствовалась засека близ Перемышля, а на Оке была организована «плавная» (судовая) рать.

Строительство новых городов по соседству со степью и размещение в них многочисленных гарнизонов препятствовало проникновению врага со стороны Крыма, однако, обеспечение работ по укреплению передового рубежа охраны границы отбирало немало сил у крепостей, располагавшихся на тыловой линии. Опора Бориса Годунова в пограничной политике и в охране границы на мощные регулярные войска численностью до 65 тысяч человек требовала всё новых ратников, возрастали повинности помещиков по обеспечению армии всем необходимым.

В это время охрану Черты на пространстве от брянских лесов до Рязани несли 78 «детей боярских» полковой службы, 247 «детей боярских» конных с пищальми, 160 засечных сторожей, 460 казаков и стрельцов преимущественно из ближайших городов и другие ратные люди [86]. Этих сил было недостаточно, вот почему приходилось искать всё новые и новые способы противостоять угрозе со стороны Крыма. Особенно остро нехватка людских ресурсов на засеках по «южной украине» ощущалась во время больших походов. Тогда приходилось прибегать к различным ухищрениям, чтобы татары не догадались, что южные границы в отдельных местах чрезмерно оголялись из-за призыва служилых людей в царские полки. Так, например, во время похода Годунова в 1598 г. с 40-тысячным дворянским ополчением против хана Казы-Гирея в лесах засечной черты производилась «шумная демонстрация» присутствия русских сил для устрашения татар [87]. Крымский хан, подготовив-

шийся к нападению на Русскую землю, так и не отважился вступить в ее пределы.

Южный район Козельского уезда был традиционно крепко связан с казаками, которых стремился подчинить своему влиянию Годунов. Поддерживая мирные отношения с турецким султаном, царь постоянно угрожал казакам, особенно донским, и притеснял их за «нападения на азовцев». Жителям приграничных районов, например, запрещалось торговать с казаками. Такое недружественное отношение к казачеству привело к проявлению с их стороны ответных враждебных чувств. Сначала стали объектом систематических нападений со стороны казаков границы России, а затем казачество открыто выступило против Годунова за возвращение на московский престол законного, по их мнению, наследника. Была и ещё одна причина, по которой казаки не хотели признавать Бориса Годунова.

Царь всячески поддерживал монастыри. При патриархе Иове, по крайней мере до 1605 г., Оптиный монастырь, например, получил на поминование умершего царя Федора Иоанновича земли у Козельска: «на речке на Другусне место мельничное (братьев Афанасия и Тимофея Желябужских), да рыбную ловлю по той же речке, обще с посадскими людьми». Скорее всего, были и другие дачи этому и другим монастырям. Это, в свою очередь, вело к обострению отношений между монахами с одной стороны, и стрельцами, казаками и крестьянами, с другой. Дело доходило порой до серьезных стычек между ними. Так, например, уже в 1601 г. начались массовые выступления крестьян, вызванные притеснениями со стороны монахов Иосифо-Волоколамского монастыря в южной части Козельского уезда. Центром возмущений стали глухие, близкие к Северской «Украине» и к «дикому полю» места – окрестности села Вейно, откуда впоследствии крестьянские беспорядки прокатились по всему уезду.

Несмотря на первые признаки приближающегося голода и беспорядки «Смутного времени», козельские дворяне во главе с воеводой в 1601 и 1604 гг. вынуждены были уделять внимание и подготовке к отражению «нечаянных» приходов крымцев. К счастью, тогда опасения оказались напрасными. Для служилых людей в Козельске складывались всё более тяжелые условия. Во многом они были обусловлены миграционными процессами, толчком к которым послужило то, что при Борисе Годунове множество людей, независимо от их положения, были самыми различными способами сжиты «с их жилищ и привычной пашни». На козельскую окраину, которая в конце XVI – начале XVII в. стала «слабым звеном» в системе Московского государства, из центра и с северо-востока устремились те, кто бежал от непомерного гнета помещиков в надежде найти для себя в этом лесном районе на Жиздре относительную свободу. Не найдя искомого и прожив здесь какое-то время, проходящие переселенцы-«кочевники» продолжали двигаться на юг в сторону построенных на новом рубеже городов-крепостей. Туда же

двинулись и многие стрельцы, казаки, ездоки и вожи (проводники), пушкар и затинщики*, для которых Козельск был родным городом.

Эти «приходцы с севера», как их называли в среде жильцов новых городов у степи, по началу казались себе вольными. Но постепенно, как и все остальные, они превратились в служилых людей «по прибору»**. Большинство из них, а все они имели опыт службы на сторожевых постах козельской засеки, должны были вновь поступать на пограничную службу. На новых местах, далеких от родного дома, на необорудованных рубежах служба не прельщала их, так как не было каких-либо выгод. Кроме того, все они должны были обязательно нести службу не только на границе, но и осадную службу в самих новых городах. Бывшие козлички бросали все и вновь уходили домой на Жиздру.

В истории «Смутного времени» обычно выделяют период восстаний холопов и крестьян. Одним из их предводителей в сентябре 1603 г. стал некто Хлопок. Особенно острый характер выступления приняли на козельской земле ещё за год до этого. В этом обнаруживается ещё одна особенность пограничного характера здешних мест – отсюда, от прежней границы, распространялись волны всех будущих бурь, которые докатывались до Москвы. Здесь формировались силы, которые несли ей опасность не меньшую, чем от крымских татар. Боярское правительство вынуждено было посылать для подавления «разбоев» у границы свои войска. Осенью 1602 г. значительные силы направлялись Москвой для выполнения этой миссии в соседние с козельским уезды. Воевода Е.В. Бутурлин и дворянин Ф.П. Акинфов приходили «за разбойниками» в Медынь. В период с декабря 1602 г. по январь-февраль 1603 г. приказным в Козельске служил А.И. Безобразов. Этот соратник М.Б. Шеина прославился активным участием в подавлении подобных выступлений в Волоке Ламском осенью – зимой 1602/1603 г. и, надо полагать, на новом месте не был в стороне от борьбы с «разбоями» и «ворами».

Теперь уже было не до того, чтобы заботиться о Засечной черте, ибо границы оказались «распахнутыми». Требовалось очищать дороги от тех, кто нападал на хлебные обозы и грузы, шедшие в голодающую Москву. Голландский купец Исаак Масса засвидетельствовал, что самыми большими партиями разбойники действовали на путях, которые связывали столицу с Польшей и Ливонией [88]. На этих путях как раз и находился Козельск, который из передовой, с точки зрения фортификационного оборудования, крепости, постепенно превратился лишь в место скопле-

---

* Затинщики – категория служилых людей в русском государстве XVI-XVII вв., обслуживавших «затинную» (стоявшую за крепостной стеной) артиллерию.

** Служилые люди «по прибору» – люди, набравшиеся на государственную службу из крестьян и посадских (стрельцы, пушкар, городские казаки и др.). За службу получали денежное и хлебное жалование, освобождались от налогов и повинностей.

ния огромного количества постоянно меняющегося народа. Сюда приходили и отсюда шли к новым местам отряды царских войск, направлявшихся из Москвы на борьбу с восставшими на окраинах государства казаками и крестьянами. Ими были разграблены запасы, разобраны на дрова крепостные стены и башни, отпущены преступники из острога.

Козельск в это время, надо полагать, имел весьма плачевный вид и представить его можно по дошедшему до нас описанию такой крепости, как Углич. Историк Н.И. Костомаров так описывал угличскую крепость в первое десятилетие XVII в.: «... мосты погнили, башни стоят без кровли, ров засыпался, а кое-где и не копан. Ратных людей почти нет, стрельцов и воротников ни одного человека, пушкарей только 6 человек и те голодные. Пороха нет, хлебных запасов нет» [89]. В Козельске главной заботой воеводы была уже не засека, нужно было добиться хотя бы того, чтобы «по всем улицам и переулкам и по полым (незастроенным. — Прим. автора) местам и подле городов боев, грабежов, и убийств и татьбы, и пожаров и всякого воровства не было». Однако и эта задача была вряд ли выполнимой.

Совсем скоро «крымские дороги» к козельской засеке стали тем путем, по которым устремились с «поля» к Калуге и Москве массы казаков и рать самозванцев, сначала Лжедмитрия I, потом Лжедмитрия II. В 1604 г. по этим дорогам началась открытая польско-литовская, а в 1609 г. польско-шведская интервенции против Русского государства, которые окончательно дезорганизовали службу на Большой засечной черте. Вся Калужская земля превратилась в арену битвы различных сил, а засечная черта на протяжении долгих лет стала играть лишь роль хорошего ориентира и горьким напоминанием о временах стабильности, когда чтили и мужественно отстаивали государственные интересы на границе.

Татары из Крыма теперь беспрепятственно проникали далеко за ее пределы и достигали даже окрестностей Москвы. Засеки никем не поддерживались, не охранялись и сами засечные леса. Большинство крепостей были сожжены, а сохранившиеся из них, как и немногочисленные лесные хутора, теперь служили лишь местом для укрытия разбойников.

Хотя засеки потеряли своё значение как препятствия на пути врага, однако лесные завалы, возведенные прежде, становились нередко смертельно опасными преградами на пути самих русских войск. Так, например, в ходе войны с самозванцем Лжедмитрием II в город Болхов, расположенный на орловской земле и связанный дорогой с Козельском, были посланы артиллерия и обоз. Они сгрудились у единственных ворот через Звенигородскую засеку, охранявшую подступы к Болхову от татарских набегов. Тем самым был закупорен узкий проход сквозь лесной засечный завал. В это время город спешно покидала многотысячная русская рать Дмитрия Шуйского, вынужденная отступать под ударами литовско-польских войск, бывших на стороне самозванца. Ворота через засеку оказались забитыми пушками и телегами, ставшими непреодолимой преградой на пути отступавших. Началась страшная

давка. В это время на объятую ужасом толпу, скопившуюся у засеки, налетела польская кавалерия, которая буквально посекла деморализованную русскую рать. В руки врага попала вся тяжелая осадная артиллерия и весь обоз. Трупы тысяч русских воинов остались лежать на полях у засеки под Болховом.

Не менее трагичной в то время была обстановка и на калужской земле. 26 сентября 1610 г. сюда ворвались черкасы*. Придя сюда, они «распространили грабеж и убийства и захватили множество пленных, причем взяли и самый город Козельск» [90]. Это одна из страшнейших отметин в истории Козельска. По сей день точно не установлено, кто же тогда внезапно овладел городом. Было изрублено 7000 жителей, взят большой «полон», в который попали воеводы и бояре, а сам город сожжен. Сведения туманные: кто такие казаки, «вышедшие было на поиски из королевского войска», они же «люди Сигизмунда, пришедшие из-под Смоленска»?

В любом случае в военном отношении они были противником не менее, а то и более опасным, чем татары: «Черкасы обладали хорошими военными навыками, огнестрельным оружием, стремились нападать внезапно, использовать численное превосходство и, как правило, не ввязывались в затяжные бои. В отличие от татар, они штурмовали российские укрепления. Для крымцев основной целью нападений был людской «полон», а черкасы не стремились проникать в глубь российской территории, их вполне устраивали деньги, имущество и вооружение, которое можно было отбить у посольств, сторожей и станиц в «приграничном районе». Кроме того, своевольные польские магнаты, имея в своём распоряжении сильные надворные войска, вполне могли себе позволить вести на пограничье собственную войну» [91].

Сегодня почти не осталось материальных памятников от того времени, когда Козельск и его уезд оказались в самом фокусе событий в Руси «безгосударной», но кое-что всё же сохранилось. Так, например, в конце XIX – начале XX в. в районе современных сел Хотени и Потросово были обнаружены клады монет, которые относятся ко времени Шуйского (от 1606 до 1608-1609 гг.), когда денежное обращение было практически уничтожено. Клад в Потросово состоял из полутора тысяч монет на сумму в 10-15 рублей и принадлежал, скорее всего, к имуществу «воинников»-пограничников из числа стрельцов и казаков. Эти служилые люди заступали на засеку с оружием и снаряжением, взятым у родственников, а деньги, полученные на их приобретение, обычно прятали. Кто не вернулся из похода, тот и оставил клад «невостребованным». По тем временам, когда стрелец имел жалованье от 4 до 7 рублей в год (в Москве), «городовой» казак 50-75 копеек, а рядовой казак 3-6 рублей в год, 15 рублей – это были немалые деньги.

---

* Черкасы – украинские днепровские казаки, названные так по месту проживания их предков, которых когда-то отселили из Руси на Кавказ и которые вернулись оттуда на Украину. Их ещё называли «малороссийские, или запорожские» казаки.

Чудовищными разорениями козельского порубежного края польско-литовские «орды» отметились и «при боярех» (1612 и 1613 гг., «семибоярщина»). В это время по Козельскому уезду, как и по многим другим местам, рыскали польские воровские шайки, которые нередко надолго оставались в пределах уезда или поблизости от него. Тогда едва ли не главной самостоятельной целью их действий стало разграбление монастырей. Вожаками добычей в Козельске, видимо, был для них Вознесенский девичий монастырь, поскольку сведения об убиенных монахах, относящиеся примерно к этому времени, содержатся в первых синодиках этой обители. Синодики Вознесенского монастыря и Оптиной пустыни – важные исторические документы, в которые было занесено немало имен и погибших русских ратников – выходцев из Козельска, а также других людей, так или иначе связанных со здешними местами (см. приложение 8). Все они служили, а многие и сложили свои головы на литовских и южных рубежах Российского государства. В числе павших, например, упоминаются многие представители рода Воейковых, а также 14 человек из рода Беклемишевых. Православная церковь всегда молилась за «христолюбивое воинство русское», желая ему победы над врагом. Впрочем, есть и другие церковные документы, в которых можно обнаружить имена людей, служивших делу охраны Засечной черты на Козельской земле. Это вкладные книги Оптиной пустыни, Перемышльских и других близлежащих монастырей XVII-XVIII вв. Известно, что большую часть их доходов составляли пожертвования, многие из которых делались на помин своей души и своих близких ратными людьми – козельчанами.

В октябре 1612 г. в Козельск доставили окружную грамоту, в которой к разным властям имущим людям обратилось духовенство. В документе была дана оценка текущей ситуации: «Где святые церкви? Где Божии образы? Где иноки многолетними седидами цветущие, инокини добродетелями украшенныя? Не всё ли до конца разорено и обругано злым поруганием? Где бесчисленное народное множество в городах и селах христианских? Не все ли без милости пострадаша и в плен разведены?»

В грамоте содержался призыв спешить всем под Москву на помощь русской рати. Получили в Козельске и другую грамоту, подписанную Мининым и Пожарским. В ней стрельцы, казаки из этого «украинного» города призывались придти под стены Москвы на помощь ополченцам из Коломны и Рязани.

Чтобы окончательно «замирить смуту», потребовалось ещё немало времени, пока у русского народа не образовались силы, которые сумели сплотиться и победить польско-литовских и прочих интервентов. В состав этих сил, пусть и не сразу, вошли крестьяне, горожане, торговцы и духовенство из Козельска. Немало было в их числе стрельцов и казаков, в ком ещё осталась верность пограничному делу.

Возрождение козельского пограничья

После избрания в 1613 г. Михаила Федоровича Романова на царский престол главными противниками Московского правительства стали «хищные казацкие и литовские шайки». Требовалось срочно восстановить нарушенные пределы государства и наконец-то освободиться от притязаний на его престол со стороны различных, в том числе заграничных, претендентов.

Неспокойно было на российских «украинах». В марте 1613 г. Козельский уезд был захвачен литовцами, которые закрепились на берегах реки Брынь. В июле они и вовсе сожгли город. Это было уже второе за три года полное уничтожение города людьми польского короля Сигизмунда III. Такого не было за всё сто лет борьбы с крымскими татарами.

Враг стал другой. Татары, как правило, лишь окружали город, блокировали его с целью изоляции сидевшего в нем гарнизона и недопущения укрытия за крепостными стенами уездных жителей. Благодаря такому нехитрому приему «агаряне» получали полную свободу действий, прежде всего для захвата «полона». Уходя из уезда, «крымцы» вновь блокировали город для того, чтобы беспрепятственно увести захваченную добычу – «полон» и стада [92]. Татары не стремились к тому, чтобы истреблять русских людей и вообще не отличались в этом отношении какой-либо кровожадностью. Историк, повествуя о событиях более позднего времени, писал о том, что в 1637 г. на общую цифру потерь среди русских людей, выражавшуюся примерно в 2 280 человек, убитыми были всего лишь 37 человек. В 1645 г. было убито только 20 человек, в то время как всего потери составили 5 750 человек. «Татары не хотели кровопролития и избегали боевых столкновений» [93]. Это ещё раз показывает, что пленные русские люди были главной и наиболее ценной добычей татар, ради которой они приходили на Русскую землю.

Литовцы же были беспощадны к людям и их скарбу. Они вырезали всех жителей поголовно, а их хижины предавали огню. Зная об этой лютой нововрага, русские люди стали куда более активными участниками в охране границы и в укреплении своих крепостей, чем это было прежде «при татарех». Большое внимание разворачиванию работ по восстановлению пограничных укрепленных мест на южной окраине государства уделял и сам царь Михаил Романов. О том, что засеки к 1613 г. не только не утратили своего значения, но и находились в поле зрения избранного царя, свидетельствует переписка некоторых царских воевод с Михаилом Федоровичем. Из нее, в частности видно, что у засеки уже находились засечные воеводы Г. Хлопов и Ф. Старостин. Вместе с городовыми воеводами А.А. Хованским (г. Белёв), А.В. Измайловым (г. Калуга), И.А. Хворостининым и Т. Мещерским (г. Мценск), В. Зиновьевым (г. Брянск), Г. Тюфякиным (г. Тула) эти засечные воеводы активно поддерживали нового царя [94].

Необходимо было восстановить и наладить функционирование всей системы охраны границы, причём сделать это применительно к новым условиям. Дело в том, что фактически разрушенная в период «Смутного времени» система оборонительных рубежей России – засечных черт – к началу царствования Романовых уже не соответствовала возлагавшимся на нее задачам. Теперь, прежде всего, необходимо было восстановить не только сотни километров старой Заокской, но и продолжить строительство новой – Белгородской засечной черты, первые укрепления на которой были возведены ещё в 1578 г.

Работа предстояла грандиозная и чрезвычайно сложная, тем более что за время «Смуты» значительно уменьшилось пограничное население в целом, и особенно в районах, наиболее пострадавших от литовского разорения и гражданской войны, таких, как Козельский уезд. Так, например, в 1616 г. крестьяне козельского помещика А. Быкасова «разбрелись от литовской войны и от русских воров». Даже в 20-х гг., когда на южных окраинах государства было уже достаточно спокойно, из этого уезда на юг ушли 32 крестьянских семьи, что подтверждает сказанное выше [95].

Это обстоятельство требовало от царя Михаила Федоровича принятия самых жестких мер по восстановлению численности населения приграничных районов, для того чтобы было кому реализовать грандиозные царские планы по восстановлению разрушенной Засечной черты и для строительства ее звеньев на новых рубежах. Поскольку одним только насильственным переселением крестьян в пограничные районы решить проблему не удавалось, то упор был сделан на обеспечение строго дифференцированного подхода к выбору мест проведения первоочередных восстановительных работ в приграничных районах. Так, например, в ответ на «жалобы калужан на полное разорение их от запорожцев Сагайдачного при нашествии королевича Владислава», Калуга в 1620 г. получила царскую льготу, которая на три года освободила их от «всяких четвертных доходов, пятинных и запросных денег, хлебных запасов и иных податей», а также «от подвод и кормов посланникам, гонцам и стрельцам, за исключением спешных дел» [96]. В 1623 г. калужане ещё на три года были освобождены не только от этих повинностей, но и от «городового и острожного дела», т.е. от обязанности строить укрепления.

Козельск, наоборот, сразу же вошел в число тех городов, где такая работа стала проводиться в первую очередь и упреждающими темпами. Первые шаги по восстановлению города, сожженного поляками в 1613 г., были предприняты уже в период между 1614-1616 гг. при осадном голове Михаиле Исааковиче Щербачеве и первом гражданском городском воеводе Павле Никитиче Хомякове (1615, 1616 гг.). Работы продолжились и при воеводе Иване Ивановиче Сомове, в воеводство которого уже в 1616 г. «украинный» Козельск считался довольно укрепленным городом, «снабжённым войсками». И.И. Сомов был воеводой в Козельске и Лихвине также в 1618-1619 гг. [97]. Козельск в это время причислялся к Рязанским городам и указывался в разрядных росписях среди городов второго отдела

(всего было 5 отделов). Из всех 53 городов, учтенных в разряде, вместе с Козельском среди Рязанских городов в этом отделе числились: Переяславль-Рязанский, Зарайск, Михайлов, Пронск, Ряжск, Шацк, Сапожок, Гремячий, Таруса, Венёв, Елифань, Данков, Декилов, Боровск, Ярославль Малый, Лихвин, Перемышль, Белёв, Орёл, Карачев, Чернь и Мещовск.

Однако гарнизон козельской крепости оставался ещё незначительным и составлял всего 113 человек. Среди них было 50 пеших стрельцов, 40 пушкарей и затынчиков, 5 человек воротников,* 10 рассыльчиков (гонцов), 2 кузнеца и 6 плотников. Ещё 41 человек были командированы из Козельска в Калугу к воеводам Даниле Ивановичу Долгорукому и Матвею Григорьевичу Волчкову. По заведенному в ту пору порядку оценки военного значения городов, Козельск не входил даже в число тех из них, в которых содержался малый отряд «для сообщения с главными полками, в случае неприятельского перебега». Такие малые отряды насчитывали от 240 до 659 служилых людей и были в Михайлове, Зарайске, Данкове и других городах. Более крупные отряды воинских людей численностью в 620-1000 человек находились, например, в Калуге, Рыльске, Путивле, Белгороде [98].

Условия, в которых по существу заново возводился козельский острог, были крайне неблагоприятными. Мешали начатым работам, а зачастую и срывали их непрекращающиеся атаки на город и его окрестности со стороны литовско-польских «шак» и казачьих ватаг. О напряженном характере обстановки свидетельствует, например, далеко не полный «реестр» событий того времени: нападения на козельские села «самого отчаянного и неугомонного хищника» – польского полковника Лисовского в 1615 г.; крупные выступления казаков в районе села Вейно в 1616 г.; приход из-под Смоленска и Брянска в окрестности города казаков, которые «днем и ночью воевали» в Козельском уезде в апреле – мае 1616 г., и многие другие факты.

В первой декаде марта 1616 г. с тревогой ожидали очередного нападения крымских татар. Обстановка была настолько тревожной, что государь приказал в случае прихода татар на калужские места (на Воротыньск и Мещовск) стольнику и воеводе князю Ивану Троекурову идти на татар, а князю Василию Туренину выслать к нему голов с сотнями на помощь**. Весной 1617 г. разорением деревень и разбоем здесь отметились казаки Ивана Олферьева, а в октябре Козельск был взят польскими «лисовчиками»

---

* Ворóтники – категория служилых людей с XVI по XVII вв., в обязанность которых входила охрана городских ворот в мирное время и их оборона в случае штурма неприятеля.

** Иван Борисович Троекуров и Василий Иванович Туренин – деятели времен Михаила Романова. В. И. Туренин был стольником и воеводой в Астрахани, умер в походе в степь против калмыков в 1634 г.

из отряда полковника Чаплинского, который уже в начале польской интервенции в Россию овладел сначала Мещовском, а затем пришел в Козельск. Город сдался на милость победителя и присягнул этому поляку. Чаплинский тотчас же укрепил город и, зимую в нем, совершал дерзкие налеты на близлежащие места.

Только когда 1 (11) декабря 1618 г. в деревне Деулино под Москвой было заключено перемирие между Московским государством и Речью Посполитой, Козельск вновь вошел в состав русских городов, как всегда «искупив свою ревность не по разуму жертвами кровавыми и тяжкими» [99]. Новый договор регулировал раздел смоленских, черниговских и новгород-северских земель. Теперь граница с Польшей (Литвой, Ливонией) приблизилась к Козельску: близлежащие Мосальск и Путивль оказались на самом рубеже, а Серпейск и вовсе стал частицей ливонской земли.

Хотя Козельск, отойдя к России, и получил некоторую передышку, но его, как и многие другие «украинные» города, ещё нужно было окончательно «очистить к Московскому государству», а «литовских людей вывести вон». Необходимо было принять меры к укреплению границы с Польшей. Требовалось в первую очередь осуществить масштабные восстановительные работы в самом городе. После очередного литовского разорения «лисовчиками» Чаплинского, работы по восстановлению Козельска вновь были продолжены воеводой Иваном Ивановичем Сомовым, заступившим здесь на воеводство ещё в 1616 г. Видимо, в отличие от других, он не запятнал своей чести сдачей города полякам в 1617 г., а потому и был поставлен воеводой здесь снова.

Основные же работы по возрождению города-крепости завершились уже при воеводе Зиновии Григорьевиче Яковлеве. Царь сам контролировал ход строительных работ. В мае 1619 г. воевода направил в Москву подробный отчет о плачевном состоянии Козельска и попросил «на острожное дело и на всякие острожные крепости ... семьсот рублей». Царь на просьбу выделить указанную сумму строго ответил: «Козельское острожное дело у тебя делается добре дорого». Перед пограничным начальником Яковлевым была поставлена четкая задача: «Козельский острог доделати и колодези покопать ныне осенью до замарозков». Одновременно царь прислал в Козельск вместе с Иваном Желябужским «прибавку к прежнему в триста рублей».

Условия для восстановительных работ были далеко не лучшими. В документах Разрядного приказа, касающихся управления и состояния городов, находим мы сведения о нападении в 1619 г. разбойников во главе с сыном боярским Иваном Ерговым на козельских белопоместных казаков [100].

Несмотря на почти полную разруху, Козельск как пограничный город продолжал выполнять отдельные разведывательные задачи в интересах Московского правительства. Например, в 1619 (1620 г.) из Серпейска

в Козельск пришли и были задержаны два «казацких пахолка»* – калужанин Нефед Федоров и брянчанин Григорий Федоров, которые до этого были уведены в Серпейск казаками, шедшими из Москвы. Был произведен подробный опрос «пахолков» о польских и литовских «вестей» для направления затем обстоятельного доклада в столицу [101].

Работы по укреплению границ шли быстро, но ещё многое предстояло сделать, для того чтобы Козельск стал играть ту же роль, какую он играл при Иване Грозном в конце XVI в. Скорее всего, речь пока не шла о восстановлении Козельских засек, так как для этого просто не было сил. Зато восстановительные работы полным ходом шли на других участках Заоцкой засечной черты. Судя по разрядной «рописи» 1616 г., общее количество войск, участвовавших в восстановлении этой черты, составило 24 350 человек.

В целом удалось восстановить и полковую службу, что было серьезным предостережением татарам. Теперь они воздерживались от походов в пределы Московского государства, а с 1618 по 1630 гг. они не только не пересекали черты, но и ни разу не достигали ее. Только в 1623 и 1625 гг. им удалось прийти в соприкосновение с ратью московской полковой службы [102].

На многострадальной земле по берегам Жиздры обстановка более или менее стабилизировалась в период с 1620 по 1625 гг., о чем могут свидетельствовать некоторые факты. Так, например, в это время Козельск вновь становится известным за границей как мирное русское место. Петр Петрей де Ерлезунда – шведский дворянин, дипломат, военный комиссар при экспедиционном корпусе короля Швеции Карла XII, побывавший в Москве в 1620 г., отметил: «В 12 милях (немецкая миля в XVII в. – около 5 русских миль) от Калуги лежит деревянный городок с крепостью по имени Козельск» [103].

О том, что обстановка была здесь в целом спокойной, указывает, например, и то, что в 1620 г. в Козельске был заложен храм Вознесения Господня, а около 1625 г. были возобновлены монастыри Оптиная пустынь и Резванский Николаевский монастырь в Перемышле [104].

Следовательно, к этому времени основные работы по укреплению города и уезда были уже проведены, кое-где даже восстановили отдельные укрепления на засеках. В «Книге Большому чертежу», изданной в новой редакции в 1627 г., были упомянуты Козельская Дубенская и Белёвская (Бобриковская) засеки: «... а по Боброку сечена лесом засека и надолбы к Оке реке поставлены были, и острог, и ров копан, и в воде по речке Боброку честик-колье дубовое вострое в колоды ставлены...» [105].

Крепости на Столпицкой, Кцынской и Сенецкой Козельских засеках, скорее всего, вовсе не восстанавливались. В пользу этого свидетельствуют результаты дозора, проведенного в 1638 г. Данные таблицы (см. приложение 4) показывают, что к этому времени от сооружений,

---

* Пахолкок – батрак, работник (В.Даль).

имевшихся на Козельских засеках прежде, почти не осталось и следа. Это подтверждается или полным отсутствием данных или указаниями типа: «А башни и ворота, и надолбы, и все крепости погнили» (Дубенская засека), или «Тех башен и надолб и частику и колод, избы и конюшен – все погнили, только знатно, где что было» (Белёвская Бобриковская засека).

Возникает вопрос: за сколько же лет могли придти в такое состояние различные деревянные укрепления, построенные среди девственных лесов без ремонта? Ответ на него подсказывают результаты очень тщательного досмотра, например, Рязанских засек, производившегося в 1679 г. Тогда под рукой досмотрщиков оказались не только подробные схемы работ, произведенных за 41 год до этого – в 1638 г., но даже и имена тех, кто заведовал работами, и сколько «деловцов» было на каждом звене. Результаты дозора выявили следующую картину: «И те крепости прошлого 146 г. (1638 г. – Прим. автора) деревянные городки, и острожки, и надолбы, и частики, и башни, и косые острожки, и мосты, все выгнили и обвалились, делоть будет вновь, а поделкою делать будет невозможно. А на которых засеках земляные валы учинены, и рвы выкопаны, и тем земляным валам и рвом без поделки быть немочна, и рвы во многих местех засыпаны... А черты и грани все в целости, и спору в том нет» [106].

Таким образом, результаты сравнения данных по Козельским и одной из Белёвских засек, приведенных в приложении № 4, с теми, что касаются Рязанских засек, показывают, что на Столпицкой, Дубенской, Кцынской и Сенецкой засеках в предыдущий раз крепости были поставлены примерно за 40 лет до 1638 г., то есть в самом конце XVI в., накануне «Смутного времени». Это значит, что в период, когда на всей заокской засечной черте были проведены массовые восстановительные работы на рубеже 20-х и 30-х гг. XVII в., Козельские засеки не восстанавливались, и сделано это было лишь в 1638 г., тогда как в других местах на Большой засечной черте восстановительные работы были проведены на 10 лет раньше.

Действительно, с 1628 г. главным предназначением Козельских засек стало лишь обозначение «границы Польской». Остатки прежних крепостей на засеках, а это валы, палисады, рвы, лесные завалы, устроенные здесь ещё при Иване Грозном и Федоре Ивановиче, постепенно пришли в безнадежно разрушенный вид. Охранялись только грани, по которым ещё и можно было судить о том, где была прежде хорошо укрепленная Засечная черта. Всё внимание было уделено укреплению козельской пограничной крепости. Немало сил отдали этому дворяне из рода Шепелевых и Павловых, а также Дементий Васильевич, Михаил Исаакович и другие представители рода Щербачевых. Все они известны из козельской десяти* 1621-1622 гг. как занимавшие высокие выборные должности в

---

* Десятня – список служилых людей, составившийся в XVI-XVII вв. при определении кому из них и на какую службу идти, а также при раздаче поместий или денежного содержания.

козельской администрации [107]. Главная же нагрузка по руководству всем крепостным строительством и организацией службы козельского гарнизона лежала на воеводах Павле Степановиче Давыдове (1625 г.), Семене Андреевиче Подгорецком (1627 г.), Игнатии Щербачеве (1629 г.), Илье Васильевиче Чемесове (1630 г.) и других.

Известный интерес представляет установление тех сил, которыми располагал Козельск для обороны самого города и уезда. Ответ на этот вопрос можно получить, проанализировав, например, миграционные процессы, которые протекали на территории Козельского уезда начиная с 1613 г. В число жителей Козельского уезда за это время вошла, во-первых, наиболее лояльно настроенная по отношению к избранному царю Михаилу Федоровичу Романову часть городских казаков, не ушедшая на Дон и оставшаяся под Москвой. Уже 1 апреля 1613 г. из Москвы в Козельск в составе войска князя А.А. Хованского пришло 2323 казака, какая-то их часть осталась здесь навсегда.

В 1620 г. у некоторых московских дворян, обосновавшихся под Козельском на удалении от 3 до 15 верст, была отобрана часть земель для расселения 125 казаков атамана Павла Борисова. Казаки были присланы в Козельск из Можайска и Ярославля для несения службы по охране Засечной черты. Белопоместные козельские казаки, по сведениям документов последующего XVIII в., вошли, например, в число совладельцев лугов и пашен в селе Березичи. Тогда каждому казаку были даны сотни четвертей пашни и десятки крестьян, которых они нещадно эксплуатировали и были для них «пуще неверной Литвы».

Для привлечения людей в пограничный Козельский уезд осуществлялась активная раздача не только оброчной земли, но и бортных лесов как это, например, практиковалось в 20-30-х гг. XVII в. в Северской земле (Рыльский, Путивльский и Белгородский уезды) [108].

Во-вторых, после 1620 г. в состав местного городского казачества влились черкасы (запорожские казаки), не пожелавшие вернуться к польскому королевичу Владиславу.

В-третьих, сюда пришли многие служилые люди – выходцы из разоренных литовскими людьми или из потерянных для Москвы других уездов. После окончания «Смуты» по различным уездам Калужской губернии (Перемышльскому, Медыньскому, Оболенскому), другим замосковным уездам было расселено множество служилого люда из «городов» западной окраины государства. На новых местах все они именовались по тем городам, откуда вышли, например, «можайчане», «вереичи», «смоляне». Они сохраняли организацию городов и держались обособленно.

В-четвертых, в число горожан влилось немало представителей местных доопричных княжеских родов. Так, например, в ходе известной раздачи дворцовых земель «за московское осадное сидение королевича приходу» землями под Козельском были наделены московские дворяне, например, С.П. Воейков.

И, наконец, иноземцы, которых принимали в городе воеводы. Следует подчеркнуть, что привлечение выходцев из-за рубежа на службу в

«украинных» городах активно поощрялось московским правительством. Торговля и ремесла зачастую становились именно их уделом. Вот почему, например, воеводы особенно активно пристраивали на службу в Козельске «литвинов-перебежчиков».

Таким образом, состав тех, кто привлекался к службе по охране Козельска, а также участвовал в защите соседних городов, был пестрым и во многом случайным. Никакой сплоченности не было, отношения между владельцами – служилыми людьми здесь были неустойчивыми. По словам историка А.А.Новосельского, «вся эта масса вдруг посаженного в уезд служилого люда была связана только соседством и лишена какой бы то ни было объединяющей организации» [109].

Местное крестьянство и казаки – вот кто в первой половине XVII в. составляли главную вооруженную силу козельского гарнизона. Они обеспечивали охрану города и мест за пределами городских стен, при этом сами становились объектом для нападения со стороны поляков и тех запорожских казаков – «черкас», которые остались верными Польше.

История козельского казачества вообще, и история его участия в сторожевой пограничной службе, в частности, заслуживают особого изучения. Скажем лишь, что самое массовое расселение белопоместных казаков здесь началось в 1620-1621 гг. Их обустройством руководили И. Ярлыков и подъячий Т. Поздеев. Именно тогда на месте Ямной слободы на южной окраине города возникло поселение, получившее название Казачья слобода. Спустя почти два столетия оно будет перенесено на северную окраину города и получит название Новоказачье. В 1628 г. в Козельске насчитывалось 122 белопоместных казака.

Хотя главные работы по восстановлению системы охраны границы на южных рубежах были в целом завершены, тем не менее, жизнь в Козельске стала не намного безопаснее. Ещё не раз после «великой разрухи» «Смутного времени» Козельск, как и другие города на крымской «украине», страдал от черкас, литовцев и поляков. Обстановка несколько разрядилась лишь тогда, когда были восстановлены уничтоженные в Смутное время Воронеж (1626 г.) и Белгород (1627 г.). К тому времени уже были приняты весьма действенные меры по улучшению всей службы на рубежах станиц и сторожей в далеких от Козельска, но близких к степи землях.

В 1623 г. царем Михаилом Федоровичем был подписан «Устав о сторожевой и станичной службе», который был разослан к воеводам пограничных городов 1 марта 1623 г. Несмотря на то что этот устав касался, главным образом, службы «в поле», отдельные его положения брались во внимание и при организации службы сторожей на Козельских засеках. Этот «Устав», сохранив в основном принципы сторожевой и станичной службы, заложенной ещё при Иване IV*, включил в себя и ряд новых

---

* «Приговор о станичной и сторожевой службе» от 16 февраля 1571 г., разработанный Воротынским.

положений, не вошедших в «Приговор» Воротынского, но получивших свое развитие в более поздних боярских приговорах. Так, например, станицы теперь не доходили до Днепра, низовьев Северского Донца и Дона. Самые дальние разъезды ограничивались реками: Сеймом, Псёлом, верховьями Ворсклы, Оскола, Волюя и Тихой Сосны. Сторожи из Путивля, Белгорода и Валук, самых дальних степных городов, не отходили от города далее пятнадцати верст, в то время как по «Приговору» Воротынского сторожа и станицы уходили до сорока – шестидесяти верст. Данный «Устав» с внесенными изменениями действовал до конца XVII в. и его положениями руководствовались козельчане, которые направлялись на службу в дальние южные города.

Результаты исследования вопросов козельской пограничной истории дают основание говорить о том, что к середине XVII в. все масштабные, проведенные в рекордно короткие сроки работы на Козельских засеках, были направлены в первую очередь не на интересы обороны против крымских татар, а против опасностей, исходивших с запада. Не случайно, в относительно близком к тем событиям XVIII в. «Топографическом описании Калужского наместничества», изданном Соймоновым в Санкт-Петербурге в 1785 г., прямо указано, что Козельские засеки были устроены в 1630 г. «для обозначения границы с Литвой» [110]. Для того чтобы рассматривать именно Польшу и входившую в ее состав Литву в качестве главного неприятеля, оснований уже было названо больше чем достаточно. Однако новые обстоятельства четвертого десятилетия XVII в. ещё больше подтверждают необходимость серьезного учёта опасности, проистекавшей со стороны этого западного соседа России.

Историки утверждают, что «заботы об охране и устройстве звеньев засечной черты уже с 1620 г. становятся всё более заметными, а после 1630 г. указания на это становятся всё многочисленнее». Так, например, правительство в плановом порядке обеспечивало крепости «украинных» городов необходимыми припасами и, в первую очередь, оружием. В конце декабря 1631 г. во все пограничные города по зимнему пути были посланы пушки, ружья, ядра и порох в «прибавку» к тому, чем они располагали. В Козельск отправили дополнительно к уже бывшим там общим запасам пороха в 48 пудов ещё «зелья пушечного 8 пуд, да ручного 40 пуд» [111]. Несмотря на это, «все мероприятия до 1635 г. носили отрывочный и случайный характер. Не было ни сил, ни средств, чтобы заняться этим делом настойчиво и систематически» [112]. Нужны были новые «сполохи», для того чтобы подстегнуть развертывание активных работ. Они не заставили себя ждать. С началом очередной русско-польской войны 1632-1634 гг. действия поляков, литовских людей и запорожцев, которые активно нападали на наши гарнизоны, стали создавать всё большую напряженность на Московской «украине». Особенно тяжелой обстановка стала во время войны за Смоленск летом 1633 г., когда к тому же резко снизилась численность войск на Большой засечной

черте. Если в 1629 г. здесь было расставлено 12 тысяч, то теперь их осталось всего 5 тысяч человек.

Польскую опасность особенно сильно ощущали в Козельске. Дело в том, что по мере последовательного восстановления и укрепления засечной черты на юге, Козельск частично утратил значение форпоста в системе обороны Московского государства от набегов со стороны Крыма. Однако никак не уменьшилась его роль как крепости, близко расположенной к границе с королевством Польским, которое подбивало крымских татар на походы в Московию. Канцлер Великого княжества Литовского Николай Радзивилл в ту пору писал: «Не знаю, как это по-богословски, хорошо ли поганных напускать на христиан, но по земной политике вышло это очень хорошо» [113]. В ответ на это признание патриарх Руси Иоасаф, которого отличало компетентное понимание роли церкви в делах государства по обеспечению безопасности границ, призывал царя заблаговременно разместить по «украинным» городам конных и пеших ратных людей для предотвращения преступных действий крымского хана на южной границе.

Резкая активизация «крымцев» на южных направлениях потребовала принять экстренные меры по защите границ Московского государства. Одним из таких мероприятий стало проведение в 1632 г. дозора Засечной черты, включая и Козельские засеки. Впрочем, не исключено, что этот дозор проводился ещё по одной причине. В начале мая 1626 г. в Москве произошел чудовищный пожар. Тогда было уничтожено громадное количество актов в архивах, сгорели даже те документы, которые пережили оккупацию Кремля поляками. Погибли документы писцовых дел, по которым производился «расклад» повинностей, налогов, учитывалось тягловое крестьянское и посадское население [114]. Для того чтобы восстановить дела, царь Михаил Федорович и «послал писцов во всю Московскую землю». Не исключено, что и следующий дозор 1632 г. был обусловлен этими же причинами.

Во время очередной интервенции в Россию (1632-1634 гг.), помимо всего прочего, Польша всячески поощряла выступления против центральной московской власти казаков, которых предостаточно было в приграничных русских землях. Делалось это для того, чтобы отвлечь московские войска от участия в польской кампании и перенацелить их на подавление казачьих бунтов. Так, например, в 1633-1634 гг. казачьи атаманы Анисим Чертопруд и Теслев привели с реки Яика «гулящих людей» в Козельский уезд, в Дудинскую волость, где в селе Волховец был создан казачий штаб Чертопруда. Весь Козельский уезд был тотчас охвачен казацкими волнениями. Казаки нещадно грабили здешнее население, в их разбойничье движение втягивались даже местные дворяне, к ним примыкали и многочисленные дезертиры, бежавшие из-под стен Смоленска, где в то время велись активные боевые действия. Ещё до трагической развязки войны некоторые «дети боярские», солдаты и казаки покинули армию для того чтобы сражаться с татарами и защищать свои семьи в уездах подвергшихся нападениям. Другие

бежали, чтобы, пользуясь беспорядками, грабить боярские владения. Историк Г.В. Иловайский писал: «После позорной сдачи количество дезертиров и разбойников резко возросло. К моменту заключения мирного договора в июне 1634 г. примерно восемь тысяч таких грабителей разгуливали в уездах Козельска, Воротынского и Белёва. Против них пришлось выслать регулярные войска, и постепенно они разошлись; некоторые из них отправились на Дон» [115].

Козельск в это время превратился из некогда большого города в военный «казачий городок», в котором вся жизнь была обусловлена интересами отдельных групп служилого населения. Приходится удивляться, откуда только в то время брались здесь оружие и амуниция, кто занимался ремонтом снаряжения, наконец, кто ковал лошадей? Кроме стрельцов, казаков, пушкарей здесь больше никого не было. Сохранились сведения за 1634 г. о том, что в тот год посадских людей в Козельске было настолько мало, что сборщики пятины, например, собрали всего 35 рублей 16 алтын, так как даже «торговали и промышляли в Козельске исключительно стрельцы, казаки и пушкари».

Посадские люди вместе с женами и детьми просто-напросто разбежались из города из-за нестерпимых правёжей*, когда денежные сборщики нещадно истязали тех посадских, которые не платили подати. Повинности, которые должны были нести простые горожане, были огромными, если учесть то большое количество казаков, стрельцов и пушкарей, которое было тогда в Козельске и его окрестностях.

Всех их нужно было вооружить, накормить и обмундировать. Нужно было платить им жалование, содержать крепостное хозяйство и самого воеводу. На всё это должны были быть деньги в местном бюджете, который формировался за счёт налогов, которыми облагались посадские жители, а их-то и не было.

4 июня 1634 г. был заключен «Поляновский» мир с Польшей в войне 1632-1634 гг. Польский король Владислав окончательно отказался от претензий на русский престол и соответственно на значительные русские территории. Как и после Деулинского перемирия, заключенного зимой 1618 г., в 1635 г. началось размежевание новой русско-польской границы в соответствии с положениями нового договора о мире.

Против Козельского уезда граница с Польшей ближе всего стала подходить со стороны Путивля и Брянска, в которых межевание границы с Польшей было завершено в октябре 1637 г. и в июле 1647 г. соответственно. В условиях временного перемирия с поляками удалось укрепить охрану границы на Большой засечной черте. Здесь была значительно увеличена численность войск и уже в 1636 г. она составила 17 тысяч человек, что позволило более эффективно противодействовать

---

* *Правёж* — битье батогами несостоятельного должника, в русском судопроизводстве это наказание выступало как средство принуждения к уплате долга.

угрозам со стороны Крыма. Тогда же усилилась деятельность по строительству новых и укреплению старых крепостей, с тем чтобы оградить южные районы страны от набегов татар. При этом русские фортификаторы учли опыт русско-польской войны 1632-1634 гг., когда поляки успешно засекали в лесах пути подхода русских сил под командованием Шеина к крепостным стенам Смоленска.

Под воздействием уже только польско-литовского пограничного фактора жизнь людей, оставшихся после всех бед в живых и на своей земле под Козельском была полна забот и тревог. Например, много хлопот местным жителям доставляли повинности, связанные с восстановлением засек, а также служба в засечных сторожах под руководством засечных голов.

Глава 3

БЕСПОКОЙНЫЕ «УКРАИНЫ»

*Идут на Русь татарове по смете ты-
сечи с четыре и большии, а позадь тех
полков пыль встоает велика.*

Ориентировка из Тулы на Стол-
пицкую засеку, составлена по док-
ладу станичника Андрея Ушакова,
17 мая 1638г. [127].

В ожидании набега басурман

Несмотря на возросшую в 30-х гг. значимость Засечной черты для укрепления обороны Московского государства от Польши и Литвы, в Москве не ослабевали опасения и за состояние дел на границе с Крымом. В результате разрыва русско-турецких отношений в 1633 г. крымские татары активизировали военные действия, которые всемерно поощрялись поляками. Так, например, на южные «Украины» был послан царевич Мумарек Гирей, который «повоевал, пожег многие места, и набрал большой полон». Этот набег «крымцев» вызвал серьезные опасения за безопасность Москвы, а также привел к тому, что немало дворян и «детей боярских», набранных из «украинных» мест и воевавших под Смоленском, опасаясь за судьбы своих близких, оставшихся в козельских местах, бежали из-под Смоленска к казачьему атаману Чертопруду, который в это время «бандитствовал» под Козельском [116].

На повестку дня особенно остро встала задача, которая царским правительством позже была сформулирована следующим образом: в короткое время, предоставленное перемирием с Польшей, добиться такого положения на московских «украинах», «чтобы против бусурмана стоять

вооружась, без страхования». Многого предстояло для этого сделать, но уже тогда Козельск крепко стоял на своем месте между Жиздрой, Угрой и Окой, нередко оставаясь один на один с неприятелем. Здешние крестьяне, горожане, казаки и стрельцы беззаветным «оборонением межи» прикрывали Калугу и Москву от «приходов» врага с юга и запада. Для отпора татарским набегам служилые люди южных уездов смыкались в уездные отряды и сосредоточивались в районах своих укрепленных мест, но очень часто правительство оттягивало их на защиту укрепленных пунктов, располагавшихся в тылу. В 1630-х гг. за Окой и на Оке насчитывалось более 40 таких фортов, в т.ч. и Козельск [117].

Неизвестно, какие бы потрясения ещё испытала многострадальная Козельская земля, не будь на ней в короткие сроки после «Смутного времени», пусть и частично, но всё же восстановлены засеки. Они, вместе со смежными звеньями других засек, даже в том состоянии, в котором все они находились к началу 1630-х гг., оказывали определенное психологическое воздействие на татар, отвращали их от прохода через здешнее пограничье при возвращении с добычей из русских пределов. Так, например, они удержали «крымцев» от перехода из Калуги по Карачевской дороге на запад в 1633 г. после того, как те «повоевали» Калугу и Воротыньск. Будучи на западном фланге Большой засечной черты, эти засеки уже в который раз послужили той стеной, вдоль которой татары вынуждены были спешно уходить через Белёв и Болхов в степь. Татары не пошли на Мещовск, Козельск и Серпейск ещё и потому, что в этом случае, преследуемые московскими войсками, они непременно были бы притеснены к Козельским и Белёвским засекам, и не только потеряли бы захваченный полон, но и были бы полностью истрепаны у лесных завалов за Жиздрой, поскольку крепости на засеках одинаково прочно были укреплены как с «польской», так и с «русской» стороны.

В это время татарские нападения по-прежнему держали в страхе население южных уездов, о чем свидетельствуют факты. Так, например, из 311 семей, бежавших в те годы на юг из «украинных» городов, было 13 крестьянских семей из-под Козельска и по 28 семей из-под Белёва и Карачева [118].

Опасная жизнь в пограничье не только заставляла людей уходить из этих мест, куда в любой момент могли придти татары или литовцы, но и отражалась на тех, кому некуда было бежать и они вынуждены были оставаться. Исследователи не раз отмечали тот факт, что характер, нравы, религиозные и частные обычаи, а также наречие жителей исторических пограничных районов чрезвычайно долго отражали «тот неизменный порядок, как было всё это усвоено в древности нашими предками». Так, например, в конце XIX в. историк города Одоева, бывшего пограничной крепостью в XIV-XVII вв. и своей судьбой схожего с Козельском, И. Краснопевцев подробно описал особенности жителей Одоевского пограничья.

Он подчеркивал, что одной из причин, по которой сложились такие их черты, как «безусловная покорность ко всем случайностям, равнодушие ко всем неудобствам и недостаткам в жизни..., тоска и грусть, выражающие

задавленную, страдную и разбитую жизнь этого населения», является та, что «город Одоев и пределы его в древности, как пограничные с бывшим Литовским княжеством, имевшим постоянную вражду с великими князьями Московскими, подвергались постоянно нападениям со стороны литовцев, не раз уничтожавших и опустошавших не только селения уезда, но даже и самый город, вследствие чего жители Одоевского удельного княжества необходимо должны были с усиленною бдительностью следить единственно только за действиями своих внешних врагов и позаботиться о самых необходимых для существования своего предметах и средствах к сохранению себя в безопасности от врагов. Поэтому-то все нити жизни этих жителей, все действия их до сего времени носят на себе отпечаток какой-то забитости, порабощения и грусти». И добавляет, что «разные обрядности и обычаи сохранили отчасти древнюю свою языческую форму, или же отчасти позаимствованы от татар и литовцев» [119].

В условиях всеобщего страха у людей за одну только возможность внезапного появления татарских летучих отрядов, наличие Засечной черты хотя бы как-то успокаивало местное население. Татарские «полоны» могли быть куда большими, не будь на южной «украине» Московского государства засек. Как совершенно справедливо заметил историк: «Московская оборонительная система значительно ослабляла эффективность татарских нападений и оправдывала свое назначение и затраты на нее государственных средств. Население правобережной Украины не имело подобной защиты, почему и страдало от татарских набегов сильнее» [120].

Обстановка на южных границах Московского государства ещё более накалилась с середины 30-х гг., когда набег татар стали постоянными и уже отличались большой глубиной проникновения в русские пределы. Наибольшее число «татарских проломов» сквозь засеки было отмечено в полосе к востоку от Венева до Переяславля Рязанского. Вот только несколько цифр, характеризующих русские потери от татарских набегов в это время: 1632 г. – 2660; 1633 г. – 5700, всего свыше 8 тысяч человек было взято в плен и уведено на невольничьи рынки за два этих похода. Поэтому правительство вынуждено было ещё раз обратиться к укреплению заокской Засечной черты в ее старых пределах, хотя в Москве хорошо понимали, что это не решит проблему охраны границ России в целом. Требовалось перенести оборонительный рубеж дальше к югу.

После очередного набег из Крыма было решено строить Белгородскую засечную черту, и работы были начаты. Однако сразу стало ясно, что на строительство уйдет много времени. Вынуждены были обратить внимание на старую засечную черту с тем, чтобы восстановить ее в том состоянии, какой она была ещё в XVI в. Для реализации этого замысла уже осенью 1635 – зимой 1636 гг. был организован широкий дозор Козельских и смежных с ними засек. Лихвинскую и Перемышльскую засеки осматривал Лев Федорович Волконский с градодельцами – «мастерами, чертещиком, подъячим и толмачем». При нем находился инженер Давыд Николь. У Белёвских засек был Василий Иванович Толстой [121].

Козельские засеки должен был осматривать Иван Яковлевич Вельяминов – московский дворянин, засечный воевода Веркушской засеки (одна из Тульских засек, проходила по реке Веркуше – приток реки Осетр). При нем также состояли «чертещик и подъячий». Один из его докладов по результатам осмотра состояния козельской черты и укреплений на ней, а также высказанные им предложения по их восстановлению пришлись не по нраву царю. В наказе И.А. Вельяминову было строго указано: «Велено тебе всякими крепостями засеку укрепить для бережения всего Московского государства, а не для девяти деревень» [122].

Беспокойство и тревога за южные пределы особенно возросли после захвата казаками в 1637 г. Азова, когда русско-татарские и русско-турецкие отношения ухудшились ещё больше. Очередной набег татар 1637 г. стоил Русской земле свыше 2 280 человек, уведённых в плен. На южной границе были предприняты дополнительные меры по ее защите ввиду возросших угроз со стороны татар. Правительство Михаила Романова даже было вынуждено принять меры к тому, чтобы ограничить доступ в пограничные районы новых землевладельцев. Так, например, в 1637 г. были определены 12 «заказных городов», среди них находящиеся южнее Козельска Мценск, Болхов, Карачев и другие города, в которых вообще не разрешалось давать новые поместья и приобретать вотчины боярам и всяким чинам из других уездов.

Сделано это было для того, чтобы не мешать местным служилым людям выполнять задачи по охране приграничной зоны. Козельский уезд в число «заказных городов» не вошел, но также остался закрытым, поскольку в условиях «закрытости» черноземного юга этот город сразу же стал настолько привлекательным для богатых землевладельцев, что представители правящей верхушки и столичного дворянства могли буквально хлынуть под Козельск, не сделав Боярская дума его закрытым. Поэтому потребовалось ввести дополнительные ограничения, чтобы не сорвать процесс освоения других уездов России.

В октябре 1637 г., когда в очередной раз ждали появления татар на Оке, было принято решение и отданы соответствующие указания о том, чтобы «на время» собрать предметы амуниции и оружие в местах, обеспечивающих их быстрый разбор. Такие места были избраны, главным образом, при храмах и в монастырях. Спустя месяц был издан новый царский указ, обращенный к стольникам, стряпчим, дворянам и «детям боярским» многих уездов. В соответствии с указом все служилые люди уже весной 1638 г. должны были быть готовы к мобилизации в армию, для чего требовалось каждому за зиму обзавестись «долгой пищалью или карабином, чтобы с одним пистолем однолично никаков человек в полку не было». В указе объяснялось, что «короткий бой к татарскому бою без карабинов худ и короток». Те, кто не мог запастись карабином, обязан был иметь при себе хотя бы «добрую рогатину» [123]. Подобное обращение послужило набатом, правительство «било в барабаны, звонило, собирая народ» на то, чтобы противостоять нависшей угрозе со стороны Крыма.

В качестве первоочередных мер для дополнительного прикрытия угрожаемых направлений с юга чуть раньше было поставлено вновь несколько земляных крепостей вроде Бельского городка, городов Усерд и Яблонов (1637 г.). С ними Козельск на протяжении длительного времени с тех пор был связан общими заботами по крепостному строительству и охране новой границы. Об этом свидетельствуют, например, многочисленные сведения о посылке из Козельска в «Яблонов и на Усерд» служилых людей, которые содержатся в разрядных приказах. До наших дней сохранились отписки из города Козельска за 1638 г., в которых речь идет о направлении туда служилых людей из Перемышля, Козельска и Чернигова. Во всех этих городах набором людей для «командирования» в Яблонов и Усерд занимался севский осадный голова Никита Булгаков [124].

Зимой с 1637 г. на 1638 г. Разряд приступил к планированию сложных оборонительных мероприятий на всё предстоящее лето 1638 г. План организации обороны, как предполагается, был разработан думным дьяком Иваном Афанасьевичем Гавреневым и был обсужден в Боярской думе [125]. Важное место среди всех мер организационного порядка заняла разработка Разрядом подробного плана размещения вооруженных людей на засеках. В частности, на 90 верстах Козельских засек с четырьмя воротами предусматривалось разместить 1400 ратных людей, а на Лихвинской Слободке – 1000 человек [126].

Был установлен четкий порядок руководства обороной засек с началом вторжения крымских сил. Общее руководство обороной государства с опорой на засеки должен был осуществлять сам государь. Главный штаб обороны предусматривалось иметь в Туле, а руководство его деятельностью было поручено князю Ивану Борисовичу Черкасскому. В это время в районе Большой засечной черты располагались значительные войсковые силы, например, постоянная подвижная армия разместила свои полки в Переяславле-Рязанском, Михайлове, Пронске, Венёве, Туле, Дедилове, Крапивне, Одоеве, Новосиле. Передовой полк этой армии стоял в Мценске. Управлять силами на отдельных засеках должны были специально назначаемые лица. Так, например, по особому расписанию «велено было быть в приход Крымского царя больших воинских людей оберегать и над засечными воеводами, и над головами всякого засечного строенья смотреть»: из Одоева, в том числе за реку Оку по Козельские засеки, – боярину и воеводе князю Ивану Андреевичу Голицыну; из Крапивны – боярину и воеводе Ивану Петровичу Шереметьеву; из Венёва – окольникову и воеводе князю Семену Васильевичу Прозоровскому; из Переяславля-Рязанского – боярину и воеводе князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому. Всем этим лицам было поручено не только руководство войсками на отдельных больших участках черты при отражении набега татар, но и организация всех работ по подготовке обороны на засеках в пределах своей ответственности ещё до его начала.

Столицкая, Дубенская, Кцынская и Сенецкая Козельские засеки были «по местам боярам и воеводам не расписаны потому, что те засеки от городов, где стоят бояре и воеводы, отдалели, и тех засек в приход

Крымский и нечаянных людей оберегать засечным воеводам и головам, которые посланы от государя из Москвы» [127]. Несмотря на то что Козельские засеки с началом войны поступали под управление московских воевод, на время их восстановления и в период заблаговременной подготовки к отпору неприятелю на эти засеки командировались свои руководители работ, о которых будет сказано ниже.

Одновременно разрабатывался и план сбора на засечные работы «деловцов», а также предпринимались действенные шаги по его реализации. На работу предполагалось посылать ратных и сошных людей, собранных из окрестных сел и деревень из расчета: с 3-х дворов – по 1 человеку с ближних деревень, а с 5-ти дворов по человеку – с дальних деревень [128]. Для упорядочения распределения этих «работных людей» вся засечная черта, которую предполагалось реставрировать, была разбита на звенья. Каждое из них было подчинено своему воеводе. Счет звеньям начинался от Рязани и шел с востока на запад. Центральное десятое звено было подчинено непосредственно тульскому штабу. Козельские засеки в чередех всех других на Большой засечной черте были на ее фланге: Столпицкая – 19-е, Дубенская – 20-е, Кцынская 21-е и Сенецкая – 22-е звено. Впрочем, скорее всего, приведенная нумерация звеньев засек носит условный характер. Порядковые номера каждой из них могли быть присвоены А. Яковлевым для удобства изложения результатов своего исследования в книге «Засечная черта Московского государства в XVII веке» [129], откуда почерпнуты эти сведения. Автор данной монографии ни в одном из документов Разряда таких порядковых номеров не встречал. Названия звеньев засек в них соответствуют городам, у которых они располагались.

Общий надзор за ходом работ по подготовке обороны возлагался на Разряд, который зимой 1638 г. организовал проведение подробнейшего инструктажа воевод, которых предполагалось послать непосредственно на черту для организации работ по восстановлению засек. Учитывая последующие сведения о ходе работ на засеках, можно предположить, что уже тогда был установлен круг таких руководителей. Среди них на Столпицкую засеку Москвой командировался князь Н.И. Белосельский, а с ним М.С. Пустошкин; на Дубенскую – князь Д.П. Горчаков и И.Д. Щербачев; на Кцынскую – И.С. Благово и Я.А. Истомин; на Сенецкую – Ф.И. Зюзин (Беленицын). К сожалению, биографии большинства активных участников того «спешного засечного дела» не известны, однако о некоторых из них следует рассказать.

Никифор Иванович Белосельский, которому предстояло восстанавливать Столпицкую засеку, – выходец из знатного дворянского рода литовского происхождения. Один из его предков перешёл на службу в Московское государство. Его отец Иван Елизарьевич Белосельский был послан в 1577 г. от ливонского герцога Магнуса к царю Иоанну IV Грозному с известием о завоевании городов Кеси и Куконоса. Никифор Иванович Белосельский был патриаршим стольником в 1629 г. при Филарете Никитиче. В 1643 г. представлял царю Михаилу Федоровичу

побочного сына короля датского, графа Вальдемара, которого предполагали в Москве женить на царевне Татьяне Михайловне. В 1645 г. был воеводой во время укрепления урочища Большой Курган близ Белгорода. Много лет служил на границе, охранял южные московские пределы от нападений со стороны Крыма. При патриархе Иосифе, в 1647 г. Никифор Иванович межевал патриаршее село Степановское. В 1649 г. был послан из Москвы вместе с подьячим Иваном Хоненевым к ногайским мурзам с царским предложением поселиться под Астраханью и принять присягу русскому царю служить «верно и без хитрости» [130].

Дмитрий Петрович Горчаков восстанавливал укрепления на Дубенской засеке. Он представляет знатный дворянский род, тесно связанный с Козельском. Его предками были Мстислав князь Черниговский, а также князь Козельский Тит. От Романа Горчака – князя Козельского и пошла фамилия Горчаковых. Князь Д.П. Горчаков в 1611 г. был в полку князя Д.Т. Трубецкого, в 1626 г. являлся объезжим головой в Москве, где особенно активно участвовал в общественной жизни 1631-1634 гг. В 1633 г. Горчаков принимал участие в организации обороны Москвы. Умер князь Дмитрий Петрович Горчаков в 1642 г. Эта ветвь рода Горчаковых дала России Петра Аркадьевича Столыпина (Горчаковы – материнская линия Столыпина). Князь Горчаков Дмитрий Петрович – прадед Столыпина.

На Дубенской засеке вместе с Д.П. Горчаковым руководил восстановительными работами *Иван Данилович Щербачев* – представитель древнего рода Щербачевых, все основные корни которого также связаны с городом Козельском и Козельским уездом. Уже нескольких Щербачевых упоминают разрядные книги 1590-х гг.: Первой Щербачев – осадный голова и губной староста в Козельске; Сулеш Щербачев — осадный голова и губной староста в соседнем с ним Лихвине. Щербачевы имели поместья под Козельском в трех местах: села Костешево, Ярлыково (запустевшее), сельцы Тучковское, Высокое (запустевшее) и деревня Бильдино; Нижние Прыски и Верхние Прыски и прилегающие к ним пустоши. В 1634 г. Иван Данилович Щербачев просил за смоленскую службу «написать его в выбор».

Иван Степанович Благово – руководитель строительства укреплений на Кцынской засеке – происходил из старинного русского дворянского рода, своими корнями восходящего к началу XVI в. Благовы, или Благово служили в XVII в. стольниками, дворянами московскими и стряпчими. Иван Степанович Благово был в 1619-1620 гг. воеводой в Твери, а в 1622 г. – в Можайске. В 1624 г. он описывал Сольвычегодский уезд. Был активным участником московской придворной жизни, в 1628 г. – объезжий голова в Москве. В 1628-1630 гг. в качестве второго воеводы был в Переяславле Рязанском вместе с князем Иваном Шаховским. В 1632 г. строил острог Устюжна Железопольская (г. Устюжна, ныне в Вологодской области).

Воевода И.С. Благово проявил себя исключительно добросовестным исполнителем «государева острожного дела». Отличительной чертой его была высокая требовательность к посадским людям, которых он нещадно «в тюрьму сажал и на правеже бил». Земские челобитчики из тех мест,

где ему доводилось возглавлять строительные работы, не раз жаловались царю на жестокое обращение со строителями [131]. Опыт же, полученный И.С. Благово на Дубенской засеке, где ему приходилось работать в условиях жесткого противодействия посадских старост его требованиям, не раз пригодился ему на других участках работы. Требовательность была обоснованной, ибо истинным бичом стали в ту пору побегі работников, постоянные выступления рабочих и их жалобы во все инстанции на самого воеводу. При этом отношение «деловцов» к работам на засеках нередко было резко негативным, поскольку места работ были сильно удалены от посада (40 верст и более), а сами работы были продолжительными по времени, иногда более 10 недель. «Деловцы» нередко писали царю челобитные, в которых просили освободить их от засечной повинности. Так, например, известна «Челобитная тульских посадских людей царю Михаилу Федоровичу».

В ней, в частности, говорится: «... многих, государь, посадских людишек на Орловской засеке побил деревьем да смерти, а иных ломала руки и ноги, и многия изувечены. И от того, государь ужасу многия люди, пометав дворишка свои, разбежались безвестно, а ныне многие ставились в твои государевы службы в солдаты и к днепровския казаки, и в засечные сторожи, и в казенные кузнецы. И каторые, государь, посадския людишки остались, и те до конца погибли, и твоего государева тягла тенуть некому» [132].

Работами на Сенецкой засеке руководил *Федор Иванович Зюзин*, о котором известно, что он был представителем древнего рода Зюзиных, связанного с Калугой. Зюзины принимали активное участие в событиях 1611 г.

На смежном с Козельскими засеками Слободецком участке Лихвинской засеки работами руководили *Н.И. Карамышев* и *Д. Матов*. Из них мы располагаем только известиями о Никите Ивановиче Карамышеве – выходеце из старинного дворянского рода, предок которого татарин Карамыш выехал в Москву в начале XV в. Многие Карамышевы оставили свой след в военной истории России. Никита Иванович, как и его предки, всю жизнь служил отечеству, немало лет отдал службе в пограничных городах. В 1618 г. он был воеводой в пограничном с Литвой Стародубе, в 1624 г., будучи в чине дворянина московского, Никита Карамышев охранял Москву. В 1626 г. в Валуйках участвовал в обмене пленными. На протяжении трех лет был воеводой в Красноярске (1632-1635 гг.).

Возглавить работы по реконструкции черты по соседству с Козельскими засеками на Бобриковской (Белёвской) засеке было поручено названному выше И.С. Благово. Перемышльская засека реконструкции в 1638 г. не подвергалась, так как играла к этому времени лишь вспомогательную роль.

Напряженность военной подготовки нарастала, поэтому приготовления захватывали всё большие слои служилых людей. На устройство крепостей был введен особый побор денег со всех видов земель по 10 алтын с чети пашенной, а с некоторых по 20 алтын (кроме тех городов, которые числились в Казанском приказе и приказе Большого дворца). В январе

были строго предупреждены о готовности к возможным скорым предстоящим действиям все солдаты, а также драгуны, которые теперь привлекались для службы и на засечной черте. Драгуны составляли особый вид кавалерии, состоявший из всадников, которые по вооружению и приемам действий могли вести также и пеший бой. На вооружении драгунов состояло холодное оружие, пистолеты, а также облегченные ружья (мушкеты, карабины и фузеи). Драгунские полки, а в России было сформировано 12 рот по 120 рядовых, получали из казны для службы лошадей, по 4 рубля в год на амуницию и обмундирование, кроме того, им положены были и месячные кормовые. Летом драгуны служили в крепостях, обучались военному делу, на зиму их распускали без содержания по домам. Драгуны служили и в Козельске, память о них долгое время хранили горожане, например, ещё и в XIX в. одну из речек, протекающих через город и известную сегодня как Другусна, называли Драгункой.

В марте – апреле 1638 г. была назначена дата явки в Москву всех служилых людей, а сбора в ней стрельцов – 1 мая. На выделение служилых людей с соответствующим вооружением в полки была введена специальная повинность, которая распространялась на 18 посадов и 18 уездов, лежащих по обе стороны черты: Рязск – Коломна – Калуга – Воротыньск – Козельск и др. На поверку же оказалось, что калужане не были подготовлены к несению этой повинности. Когда они вместе со служилыми людьми из других городов срочно были вызваны в пограничные полки «по вестям», все они вынуждены были просить отпустить их по домам, т.к. прибыли на службу без кормов для лошадей, а также без запасов продовольствия для себя.

Не остались без внимания даже те оборонительные возможности, которыми располагали церкви и монастыри. В очередном царском указе было сказано, чтобы на комплектование действующей армии явились «и монастырские слуги лутчие, конные во всякой ратной сбруе». Митрополиты, архиепископы, а также все монастыри были обязаны предоставить места, где можно было бы на «время» собрать «ратную сбрую – латы, зерцала, пансыри, бехтерцы, шоломы, шапки, мисюрки, шишаки» [133].

Надо полагать, что Оптиная Макарьевская пустынь, располагавшаяся под Козельском, какое-либо реальное участие в подготовке отпора татарам вряд ли приняла, поскольку в 1625 г. она была только возобновлена после литовского разорения. В ту пору в этом «государевом богомолье» было всего 12 человек братства. Деревянная церковь Введения Пречистой Богородицы, 6 келий старцев, мельница и земля в Козельске под огородами – вот и всё достояние, бывшее в начале 30-х гг. у этой обители. Лишь неустанными молитвами, обращенными к небесам, и могли духовно помочь монахи и старцы защитникам засек. Это относится и к девичьему Козельскому Вознесенскому монастырю, сильно пострадавшему во время польско-литовской интервенции. Однако были по соседству с Козельском и богатые монастырские владения, например, владение Иосифо-Волоцкого монастыря, земли которого простирались на значительной территории в южной части Козельского

уезда. Многочисленные села, лежавшие при Сенецкой засеке, принадлежали также Жиздринскому Троицкому и Свенскому Успенскому монастырям.

В конце марта – начале апреля во все города, близ которых располагались засеки, из Пушкарского приказа одновременно несколькими рассыльщиками по разным маршрутам были направлены грамоты о сборе «деловцов» и направлении их согласно расписанию на работы к назначенным звеньям засек. Грамоты были адресованы воеводам городов: Перемышля – Якову Стрешневу; Лихвина – Марку Давыдову; Белёва – Степану Вельяминову; Козельска – Ивану Федосеевичу Кутузову. В Мещовск воеводе Алексею Андреевичу Комынину была направлена грамота, в которой содержался указ о направлении «деловцов» с мещовского посада и со всего уезда на Кцынскую Козельскую засеку. С получением грамот воеводы обязаны были послать выписки из этих грамот во все населенные пункты уездов для неукоснительного исполнения их требований по выделению людей, инструментов и лошадей с мест в районы работ.

Спешное засечное дело

Работа по строительству укрепленных городков была чрезвычайно сложным, дорогостоящим и ответственным делом. Предстояло на каждом месте провести широкие подготовительные работы, сопряженные с немалыми трудностями самого различного, а порой и совершенно неожиданного свойства. Условия, в которые были поставлены организаторы и исполнители работ на засеках в 1638 г., характеризовались: дефицитом времени на производство работ, так как «с наступлением сухого времени ожидание набега становилось очень напряженным»; отсутствовала полная информация о том, что и как нужно было строить, для её получения требовалось провести дополнительный дозор засек; налицо были постоянные проволочки (задержка грамот, необходимость переписки по каждому поводу, отсутствие «деловцов», безынициативность и нерадивость воевод на местах, многие засечные головы попросту не исполняли свои обязанности); склоками и длительными тяжбами с помещиками, которые должны были выделять «деловцов»; существовала постоянная угроза нападения со стороны не только татар, но и литовцев (поляков), что требовало принятия охранительных мер, таких, как первоочередное строительство укрепленных городков; наличием сложных условий природного характера, таких, как большая вода весной, грязь и непроезжее состояние дорог, жаркое засушливое лето, вследствие чего часто случались лесные пожары.

Мобилизация сил на засечные работы прошла далеко не блестяще, что во многом объясняется тем, что все планы и расчеты по выделению ресурсов на конкретные участки работ оказались не только не реальными, но даже «фантастическими». В Разряде планировали одно, на деле

всё получилось совсем иначе. Так, например, из города Калуги, в котором на посаде был всего 171 двор, требовали выслать на работы 1 241 человека и 250 лошадей. Из-за таких непомерных требований посадский люд просто разбежался, как произошло это в Козельске, Калуге и Белёве. В этих городах из посадов попросту бежали все их жители [134]. Из-за этого воеводы в городах оказались беспомощными на случай внезапного прихода татар. Все силы, которыми они прежде располагали, были или посланы собирать «деловцов», или попросту бежали куда глаза глядят подальше от города. Готовить сами города к возможному набегу татар воеводам уже было не с кем.

Серьезные недостатки, допущенные на этапе заблаговременной подготовки работ (нереальные планы, нечёткая постановка задач на местах и др.), помноженные на дефицит практически во всем (отсутствовал инструмент, продовольствие, было недостаточно оружия, чертежей, бумаги и др.), превращали управление самим процессом строительства крепостей на засеках в исключительно сложное, опасное и неблагодарное дело.

К восстановлению Козельских засек активно привлекалось население из других мест. Так, например, белёвскому помещику Ивану Коробину и его соседям для восстановления черты было приказано взять 363 человека «деловцов» и 72 лошади. Из этого количества 264 человека и 49 лошадей предназначались на Сенецкое звено, а 117 человек и 32 лошади на Кцынское звено Козельских засек [135].

Активно участвовали в укреплении здешних засек, наравне с другими, и жители Мосальска. Их воевода Семен Васильевич Волынский был послан для организации работ недалеко от Козельска. Под его надзором находились специально отряженные из ближайших городов люди с лошадьми, телегами, топорами и лопатами.

Непосредственно перед началом работ был проведен обстоятельный досмотр местности на предмет выявления старинных построек, определения сильных и слабых сторон прежних «крепей». Был определен объем работ, которые было необходимо провести для приведения засеки в прежнее состояние, когда она удовлетворяла интересам обороны и прошла испытание.

Как было сказано выше, всеми работами на местах руководили специально назначенные лица. Вместе с князем Н.И. Белосельским и М.С. Пустошкиным, командированным на Столпичскую (19-е звено) засеку, на другие участки Козельских засек были посланы: князь Д.П. Горчаков и И.Д. Щербачев на Дубенскую (20-е звено), И.С. Благово и Я.А. Истомин на Кцынскую (21-е звено) и Ф.И. Зюзин (Беленицын) на Сенецкую (22-е звено) засеки.

Под рукой у князей Н.И. Белосельского, Д.П. Горчакова, И.С. Благово и Ф.И. Зюзина, которым предстояло трудное засечное дело на Козельских засеках, оказались лишь малоинформативные результаты дозоров засек, проведенных за три года до этого И. Я. Вельяминовым и другими дозорщиками. Вот почему царским посланцам из Москвы пришлось самостоятельно ещё раз пройти по еле заметному рубежу

среди некогда заповедных Брянских лесов, чтобы оценить на месте все те условия, которые оказывали здесь влияние на прочность обороны. Важнейшими, определяющими характер, содержание и последовательность реставрации засек, были военно-географические условия. К ним относились: ожидаемый характер действий крымских татар; особенности применения русской стороной своих сил и средств в обороне южной «украины», а также географические и природные условия районов, в которых планировалось вести оборонительные действия.

Для того чтобы стали понятными размах и сложность того многопланового дела, которое предстояло в короткие сроки совершить на засечной черте, прежде всего следует уяснить, что в 1638 г. по существу заново должна была быть возрождена та система оборонительных мероприятий на юге, которая существовала при Иване Грозном и Федоре Иоанновиче и в целом отвечала бы предъявляемым к ней требованиям, ибо соответствовала двум главным задачам, которые перед ней ставились: дать своевременные сведения о выдвигении татар и, по возможности, задержать это движение. Эта система, как известно, состояла из двух основных элементов: во-первых, сторожевой и станичной службы, во-вторых, из засечной черты.

К 1638 г. сторожевая и засечная службы практически были восстановлены в том качестве, какими они были прежде. Дело было за Засечной чертой. Мудрость царя Михаила Федоровича Романова и Боярской думы состояла в том, что было решено строить новую засечную черту намного южнее прежней. Обстановка же заставила упреждающими темпами сначала восстановить засеки, имевшиеся раньше.

В пограничной истории нередко бывало так: брались за решение масштабных задач – призывали на помощь прежний опыт. Так было, например, когда в январе 1571 г. князь М.И. Воротынский собрал в Москву опытных начальников частей «детей боярских», казачьих атаманов, умудренных опытом станичных голов для разработки Устава пограничной службы. Теперь же предстояло припомнить, как всё было пятьдесят лет тому назад, попытаться найти схемы прохождения засек и установить, кем и как они охранялись и оборонялись.

Проблемы, с которыми столкнулись организаторы восстановления Козельских засек, хорошо видны на примере хода работ на Столпицкой засеке, куда Н. И. Белосельский и М. С. Пустошкин прибыли 9 апреля 1638 г. С первого же дня они столкнулись с непредвиденными обстоятельствами. Началось всё с того, что засечного головы Ивана Осиева не оказалось на месте*. Еле-еле его нашли, он, оказывается, проживал в своей деревне в Болховском уезде за сотни верст от Столпицкой засеки. Пришлось вести переписку, чтобы заставить Осиева прибыть на

---

* Засечными головами на Козельских засеках в 1638 г., кроме Ивана Осиева, были: Дементий Шипилов (из г. Твери), Антон Панов (из г. Ростова), Илья Кориев и Петр Рагозин [129].

место своей службы на засеку. Но он не приехал. В конце концов после публичного наказания Иван Осиев наконец-то прибыл в Козельск. Какие-то подготовительные работы с привлечением местных сил из окрестных деревень удалось всё же начать. Однако и здесь не обошлось без досадных курьезов. Например, возник скандал с боярыней Натальей Головиной, которая должна была предоставить крестьян на работы. Оказалось, что все они уже работали на Сенецкой засеке за сто верст от Столпицкой засеки. С перебранками их всё же удалось перевести под Козельск. Распоряжения Н.И. Белосельского не нашли полной поддержки у здешних воевод и помещиков, которые всячески противились высылать подводы с «деловцами».

Шли дни, а из Калуги на работы никак не прибывал основной отряд «рабочего люда». По предварительному расчету должны были прийти 15 «детей боярских», дьячок и 642 «деловца» с лошадьми. Наконец 23 апреля прибыли первые люди. Среди них 8 «детей боярских», 3 пушкаря, однако ни один «деловец» не явился. Новое несчастье приключилось 27 апреля. В Казачьем лесу, ныне урочище Казацкая, случился пожар, который перешел на правую сторону дороги из Козельска в Белёв на лес Алексея Трубецкого и охватил засеку. Выгорело с версту заповедного леса.

Окрестные помещики противились выделять крестьян на работы, да и сами крестьяне всячески уклонялись от них. Особенно этим отличались горожане-козлички. Как говорили, «посад хоронился». Козельскому воеводе И.Ф. Кутузову, например, удалось кое-как собрать лишь 20 человек для работ на Кцынской засеке, но из них двое «деловцов» убежали. Всего же в Козельском уезде в 1638 г. было собрано и направлено на работы 246 человек и 49 лошадей на Сенецкую и 50 человек на Кцынскую засеки.

Из Тулы приходили всё более гневные угрозы от князя Черкасского в адрес руководителей работ на местах, которые, как могли, объясняли, почему работы у них идут мало успешно и предупреждали, что не уложатся в сроки. Выручало то, что на отдельных соседних засеках, например, на Перемышльской и Белёвских, работы в 1638 г. не велись вовсе, а потому была возможность использовать приписанных к ним «деловцов» на строительстве укреплений на других восстанавливаемых участках. Не удалось начать работы на ряде участков и Кцынской засеки, где из-за прошедшего смерча всё было «дромом и заломом большим заломано».

При детальном ознакомлении с лесом в районе Столпицкой засеки, где должны были быть поставлены укрепления, выяснилось, что строительный материал никак не соответствовал требованиям, ибо здесь лес «поросл в бревно небольшое». Ко всему прочему оказалось, что здесь нужно делать укрепления заново, на пустом месте и при недостатке сведений о том, что и как здесь было прежде. «А на Столпицких воротах, что было никаких крепостей, и таво всего ничего не знать, всё погнило», – докладывал Никифор Белосельский в Калугу Ивану Стрешневу.

В короткие сроки письма с изложением возникших проблем доходили с засек до Калуги и Москвы, а обратно в места работ приходили ответы. Причем это были не отписки, а обстоятельные документы с изложением позиций руководства по каждому письму, с перечнем мероприятий по оказанию помощи или указанием карательных мер к нерадивым.

Изучение обстоятельств, в которых оказался Н.И. Белосельский, руководивший работами на Столпицкой засеке, буквально шокируют. Так, например, на восстановление всех сооружений на засеке протяженностью в 31,5 версты смогли привлечь однажды лишь 100 «деловцов», прибывших на работы из разных мест без какого-либо инструмента и всего с дюжиной лошадей. На многочисленных же письменных обращениях к боярам – старшим начальникам, которые отсылал в Тулу и Москву Н.И. Белосельский, каждый раз появлялись гневные резолюции. Так, например, по одной из очередных жалоб на отсутствие «деловцов», из Тулы ему на засеку отписали, что он завалил всех бумагами. Было строго указано, что он «пишет, вракает, делает ворота лишние, а завалом замолчал, и то он плурует дуростью своею и оплошкою».

Вот почему Никифор Белосельский вынужден был обходиться мизерными силами для возведения крепостных сооружений на Столпицкой засеке. Так, при общей протяженности восстановленной к 5 июня 1638 г. части засеки в 21 версту 478 саженей и при ширине в 2550 саженей, в период с 3 мая по 4 июня на все работы Белосельский смог привлечь лишь 145 человек «деловцов» и 30 человек с лошадьми. Поступление деловцов шло крайне неспешно, партии были малочисленными.

В таких непростых условиях шла работа на Столпицкой засеке весной и летом 1638 г., тем не менее производительность труда и нагрузка на «деловцов» поражают. Например, всего за 5 дней на этой засеке 100 «деловцов» без надлежащего инструмента и лошадей засекли 3 версты, то есть сделали почти 6 км завала. Несмотря на все трудности уже к 10 июля 1638 г. наметились некоторые результаты работ по строительству крепостей. За период с конца мая, когда всё-таки были начаты полномасштабные работы, до 10 июля на Столпицкой засеке был выполнен следующий объем работ: покрыли башни дубовым тесом в два ряда; по обе стороны от башни поставили острог и надолбы, примыкавшие к лесному завалу; поставили 2 ряда надолбов по 185 сажен на сторону вдоль дороги; в конце надолбов поставили ворота опускаемые, верхи дубовые; сделали под воротами колоду опускаемую; установили надолбы поперек дороги; построили 4 с половиной версты лесного завала; обложили город в длину 24 сажени косых, а поперек 20 сажен, да 3 башни, срубили города и башен 8 венцов, да в башне сделали ворота. На всё это пошло 4 тысячи бревен. К осени, а строительство продолжалось с 3 мая по 4 сентября, работы были в основном завершены. Был срублен городок 25х23 сажен, поставлено 1948 саженей надолбов, в том числе и тройных. На их строительство, а также для возведения

крепостных строений вокруг городка, использовали в общей сложности 7100 бревен*.

Следует учитывать, что не раз за это время приходили тревожные известия из дальних мест о появлении на горизонте татарских разведывательных разъездов и групп «крымцев». Вести шли по налаженному каналу от сторожей и станиц «от поля»: Белгород – Курск – Мценск – Болхов – Белёв – Столпицкая засека. Нужно было предпринимать охранительные меры. Вот почему в первую очередь построили башню, о чем доложили в Москву: «... и с мая с третьего числа по 24 ден срубили и поставили башню на старом месте, где бывала преж сего башня и ворота, да у нас, государь. Поставили ворота створчатые от полевой стороны, где бывали преж сего последние ворота от поля» (рис. 43).

Рис. 43. Строительство деревянного города, старинная гравюра

В то время, когда восстановительные работы на засеках ещё шли полным ходом, в июне 1638 г. в Москве уже был подготовлен расчет сил, необходимых для их охраны. В Разрядном приказе сохранился документ – приказ окольничему князю В.И. Ахмашукову-Черкасскому «о количестве солдат и драгун, потребных для охранения засек». В нем, в частности, говорится: «Быть на тех засеках в Козельском уезде к Сенецким воротам на Сенецкой засеке Федору Зюзину 50 чел., а ведать от реки Жиздры до межевых граней с Кцынской засекой 12 верст, поперек 1464 сажени; Кцынской засеки к Ивану Благово 50 чел., а ведать вдоль на 30 верстах на 260 саженьях, поперек 1719 сажень; к Дубенским засекам ко князю Дмитрию Горчакову 50 чел., а ведать от Кцынских граней до Белевской Бобриковской засеки вдоль 32 версты, поперек 1755 сажень; Столпицкой засеки ко князю Никифору Белосельскому 100 чел., а ведать от Белевской Бобриковской засеки до Лихвинских и Перемышльских засек вдоль 21 верста 478 сажень, поперек 2550 сажень. В Лихвинском уезде от Слободской засеки к Никите Карамышеву 200 чел., а ведать от Козельской Столпицкой засеки до Оки реки, вдоль на 12 верст, поперек

---

* Содержание и масштабы основных работ на Дубенской, Кцынской и Сенецкой засеках раскрываются в приложениях к монографии (см. приложение 4).

1 ½ версты» [136]. Для размещения гарнизона были построены специальные сооружения, а в начале июля для охраны Столпицкой засеки из полка В. Росформа сюда направились 100 человек солдат во главе с капитаном и урядником. Однако дошли до места назначения только 90 человек, так как «10 человек со знаменем были отняты на Дубенской засеке». Поскольку денег своевременно солдатам не платили, то они начали постепенно разбегаться.

После большой «деловой поры»

В сентябре 1638 г. восстановление Большой засечной черты в основном было завершено. Однако реконструкция Козельских и других засек в 1638 г. не завершилась. Каждый доклад, поступивший с отдельных звеньев засеки, был детально проанализирован не только в центральном штабе в Туле, но и в Москве. Отчёты по результатам выполненных работ за сезон 1638 г., поступившие от Н.И. Белосельского, М.С. Пустошкина и других руководителей с Козельских засек, сочли неудовлетворительными, а планы посчитали не выполненными. Была создана специальная комиссия для проверки того, что было сделано на местах. Руководил ей И. Вельяминов, который лично проводил досмотр засеки ещё в 1636 г. и в деталях разбирался в том, что и как здесь было прежде и какие работы нужно было провести для того, чтобы выполнить царский наказ: восстановить засеку и крепости на ней в таком состоянии, как это было прежде. Спустя год от Никифора Белосельского спустя год запросили повторный подробнейший отчёт о проделанной работе. Отчёт был представлен в Разряд 14 сентября 1639 г. В письменной объяснительной записке о причинах невыполнения плана работ Н.И. Белосельский писал: «Засека большая и изстари на ней крепостей было много».

За то, что руководители работ на Столпицкой засеке не обеспечили восстановление всех крепостных сооружений, с них было строго взыскано. В Туле и Москве были подготовлены и обстоятельные соображения по устранению выявленных недостатков и недоделок. Воеводам были даны новые конкретные указы по обустройству засек в следующем году. Так, например, на Бобриковской Белёвской засеке «деловцы» из Козельска, Мещовска, Калуги, Лихвина, Воротынского и Перемышля под руководством Лукьяна Васильчикова* должны были устроить глухой завал и поставить крепости на Бобриковской засеке, с тем чтобы не допустить прорыва татар в Козельский и Мещовский уезды. Им надлежало в 1639 г. устранить неприкрытую в 1638 г. завалом брешь между Столпицкой и Дубенской засеками протяженностью в 10 верст, образовавшуюся из-за

---

* Лукьян Григорьевич Васильчиков происходил из древней московской дворянской фамилии, которая гордилась тем, что из неё вышла одна из восьми жен Ивана Грозного, Анна Григорьевна (ум. не позднее 1577 г.).

вклинивания Бобриковской засеки между ними [137]. Уже после 1638 г. был несколько реконструирован и укрепленный городок на Столпицкой засеке. С «русской» стороны тогда был выкопан ров, а между рвом и крепостью набили густой частик.

Важная роль отводилась постоянному «освещению» обстановки на засеках и вблизи них. Так, например, уже в ноябре 1639 г. на все засеки были посланы государевы грамоты с требованием оценить их состояние, а главное, в деталях разобраться как и кем заселены прилегающие к засекам места и какова обстановка у засек в полосе местности шириной 10 верст. Нужно было установить, например, кому принадлежат земли, примыкающие к заповедным лесам, кто живет на своей земле, а кто давно не появлялся в своих вотчинах. Подробно расписывался перечень вопросов и порядок получения ответов на них. 12 ноября 1640 г. царским указом было объявлено о проведении специального дозора засек. Для того чтобы исключить какую-либо путаницу, каждая из групп дозорщиков получила выписку из «Росписи засекам, учиненным в 146 г. (1638 г.) И.Б. Черкасским». В частности, в ней значилось, что Козельская Столпицкая засека простиралась на 22 версты 460 саженей, Дубенская на 35 верст, Кцынская на 15 верст 520 саженей, Сенецкая – на 9 верст 500 саженей [138]. В ходе изучения документов, касающихся засечного дела, встречаются самые противоречивые сведения о протяженности отдельных больших и малых звеньев (табл. 7).

Таблица 7

Сведения о Козельских засеках, содержащиеся в различных документах 1638 г.

Засека	Протяженность засек, (версты – в., сажени – с.)		
	1638, Разряд, Московский стол	1638, Рейторский приказ, Пушкар- ский стол	1638, Разряд, Владимирский стол
Столпицкая	22 в. 460 с.	Данные отсутствуют	31 в. 471 с.
Дубенская	35 в.		17 в.
Кцынская	15 в. 520 с.		15 в.
Сенецкая	9 в. 500 с.		5 в. 933 с.
Козельские засеки в общем:	92 в. 450 с. в т.ч. 10 в. – участок Боб- риковской Белев- ской засеки между Столпицкой и Ду- бенской засеками).	111 в. 339 с.	Общие данные отсутствуют.

Причин, по которым данные о засеках разнятся или отсутствуют, было несколько: различные методики измерений и формы отчетности; учёт в центре окончательных данных или только промежуточных отчетов; умышленное искажение отчетности на местах, и другие. Сюда вряд ли можно отнести такую причину, как использование на местах различающихся

мер длины. Несмотря на то что в XVII в. были известны сажени различной длины, в документах обычно указывалось, в каких именно саженях производились измерения. Так, например, Никифор Белосельский в одном из отчётов прямо указывает: «Всякие засечные крепости и лесной завал мерян той государевой саженью, каковая была прислана из Тулы с детьми боярскими Любимом Овсянниковым и Иваном Демьяновым» [139].

Однозначно утверждать что-либо о проведении в 1640 г. дозора Столпицкой засеки, так как отчёта о нем пока не обнаружено, нельзя. Известно лишь, что на Козельские засеки предусматривалось выслать группу дозорщиков, в состав которой входил бы дворянин и подъячий. Зато нет сомнения, что досматривалась соседняя Лихвинская засека, поскольку сохранился подготовленный Б.Д. Бартеневым отчёт о её досмотре. Данные дозора примечательны тем, что они позволяют оценить ситуацию с заселенностью жилых мест, располагавшихся вблизи засек, поскольку деревни и сёла были поставщиками «подымовного» населения, которое должно было оборонять засеку в моменты опасности.

Из Писцовых книг следует, что Борис Бартенев, осмотрев 32 версты 671 сажень Лихвинской засеки от Полошевских ворот до Столпицкой засеки, не далее 10 верст от черты с полевой стороны насчитал в общей сложности «2 погоста да соборную церковь Николы Чудотворца Гостунского, 9 сел, 39 деревень, 1 починок, 48 пустошей. С русской стороны 4 села, 1 сельцо, 27 деревень, 1 починок, 69 пустошей». Это без учёта «тех починок и пустошей, которые к тем селам и деревням припущены». Обратим внимание на обилие пустошей – заброшенных деревень. Народ в них был уничтожен в литовскую войну или разбежался, а деревни были сожжены. Такая ситуация, несомненно, была характерна и для мест, прилегающих к Козельским засекам.

Есть косвенные указания на то, что в 1640 г. проводился дозор и Кцынской засеки, причем предпринял его, видимо, сам Иван Благово, который восстанавливал засеку в 1638 г. Об этом дозоре находим мы несколько запутанное сообщение у историка А. Яковлева: «Благово предпринял дозор, взяв с собою засечных голов, засечного приказчика и приписных сторожей из дер. Гостьковой. Дозор он начал «от вала, где сек Лукьян Васильчиков Бобриковскую засеку...» [140]. Путаница у А. Яковлева заключается в том, что он относит это к дозору 1638 г., якобы проводившемуся перед началом работ по восстановлению засеки. Но Лукьян Васильчиков, о чем указывалось выше, засекал Бобриковскую Белевскую засеку лишь в 1639 г., устраняя недостатки, допущенные в 1638 г. Значит, сведения А.Яковлева датируются не ранее 1639 г.

Контроль за состоянием засек, а также некоторые работы, которые, не были столь масштабны, как прежде, проводились и в последующие годы. Так, например, в документах Разрядного приказа сохранилась «Черновая отписка от столника и воевод от князя Якова Черкасского с товарищи и под нею дозорная роспись Козельским, Белёвским засекам их же, столника и воевод 149-го (1641) г.». Следовательно, и в этом году

проводился дозор засек, который мог быть частью общего досмотра крепостей, проводившегося вплоть до 1641 г.

Изучение состояния обороны было организовано тогда на всем рубеже вдоль Оки, где было «велено по засекам в городах воеводам» стоять. Известно, что в Серпухове и в других городах по Оке досматривал крепости в 1639, 1640-1641 гг. стольник Федор Елецкий и дьяк Григорий Теряев [141]. В 1642 г. в «украинных» местах вновь проводился «досмотр острогам, крепостям и смотр служилым и всяким жилецким людям». В Козельске смотр проводил козельский воевода Дементий Федорович Хлопов, в Белёве – Никита Константинович Наумов, в Карачеве – князь Василий Горчаков, в Серпейске Григорий Хитрово, в Перемышле – Яков Стрешнев, в Новосиле – князь Григорий Шеховской [142].

Говоря о значении Большой засечной черты после ее восстановления в 1638 г., следует отметить, что она играла в целом важную роль в системе обороны удаленных от Оки мест, таких, как Козельск или Мещовск. Теперь лесные укрепления, о существовании которых хорошо знали татарские царевицы, удерживали их от глубоких проходов в русские земли. Так, например, в 1644 г., когда ими было захвачено в плен 10 тысяч человек, татары по Свиному шляху дошли только до Карачева и Орла, но дальше на север не продвинулись, видимо, знали, что упрутся в Козельские засеки.

Вместе с тем, опасения против «крымцев» не оставляли воевод и жителей «украинных» городов ни на один год. Весной 1646 г., заботясь о безопасности границ и зная коварство «крымцев», царь собрал против них трехполковую рать. Во главе ее был поставлен князь Никита Иванович Одоевский. Тогда же в очередной раз был проведен дозор всех засек. «Дозорили засек и засечного строенья: ... во 154 г. (1646 г. – Прим. автора) Лихвинские, Белёвские, Козельские стольник и воевода князь Михайло, княж Андреев сын Кольцов-Мосальский». Об этом есть запись в Дозорных книгах, хранившихся в Пушкарском столе Рейтерского Приказа [143].

Летом 1646 г. рать Одоевского соединилась с астраханским воеводой Семеном Романовичем Пожарским, донскими казаками и с князем Муцалом Черкасским. Действуя в направлении на Азов, им удалось нанести серьезное поражение «крымцам» царевича Нурретдина. «С этого времени наши южные украины на некоторое время успокоились», – пишет историк Иловайский. С 1648 г. сведений о сколько-нибудь крупных вторжениях татар в пределы русских земель мы не имеем. Крымский хан стал «воевать» правобережную Украину.

Тревожные годы

В связи с передвижением оборонительной линии Русского государства на юг, к Белгородской черте из Козельска, Белёва и из других городов старой южной «украины», начался постепенный отлив служилых людей. Казаки и стрельцы переезжали к новым местам, а сами крепости

постепенно разрушались, хотя по указу от 20 октября 1652 г. «Мещовск, Медынь, Лихвин, Серпейск, Козелеск, Боровеск», как и 49 других городов, были вновь отнесены к «украинным» городам. Это говорит о том, что с них не снималась задача заботиться об обороне южной границы. В соответствии с принятым тогда порядком пограничными городами, стоявшими «по степной украине», управляли городские воеводы четвертого разряда. Дела они вершили самостоятельно без «товарищей» (помощников), каковые назначались к воеводам третьего разряда, управлявшим так называемыми внутренними городами. Козельскими воеводами в рассматриваемый период XVII в. в разное время были: Иван Федорович Кутузов (1639 и 1641 гг.), Дементий Федорович Холопов (1640 г.), Богдан Матвеевич Мещерский (или Хитрово, 1643 г.), Иван Унковский (1654 г.), Гаврила Яковлев (1655 г.), Василий Иванович Кошелев (1676 г.), Василий Митрофанович Полонский (1678 г.), Андрей Никитович Юшков (1696 г.). Каждый из них немало сделал для поддержания городских укреплений и засек в боеготовом состоянии.

В 1656 г. вновь проводился дозор Козельских засек, что было, вероятно, связано с завершением войны с Литвой. Оказалось, что мир установился ненадолго – спустя два года война разгорелась с новой силой и засеки вновь оказались востребованными. Уже в 1657 г. состоялся новый их дозор. Его целью было проверить ход устранения выявленных ранее недостатков, а также оценить возможности засек по предотвращению проникновения в центральные районы России моровой язвы. Эпидемия этой страшной болезни обрушилась на страну сначала в 1654 г., а затем в 1657 г. Во время морового поветрия дороги и тропы сквозь леса перекрывали преградами из засеченных деревьев, чтобы не пустить больных людей в «здоровые» местности.

Одновременно предпринимались меры против истребления засечных лесов. Так, например, огромный урон лесам наносили «будные» заводы, изготавливавшие поташ, который применялся при изготовлении стекла, в красильном производстве, а также для промывки шерсти и при изготовлении мыла. Поташ получали путем вылужения, выпаривания и прокаливания золы, для получения которой, в свою очередь, усиленно выводились широколиственные леса. О масштабах истребления леса для выработки поташа позволяют судить, например, такие цифры: на производство 1 т поташа требовалось в среднем около двух-трех тысяч кубометров древесины, то есть нужно было вырубить 7-15 га леса. Некоторые купцы получали заказы на продажу поташа в объеме 900 т и более, для производства которого требовалось вырубить не менее 10 тыс. га широколиственного леса [144].

Большое количество лесов уничтожалось также для нужд других лесохимических производств, таких, как смоло- и дегтярокурения, изготовления канифоли и скипидара, а также на дрова для выплавки металла, производства селитры и т.д. В Козельском уезде традиционно вырабатывали высококачественные «квасцы, смольчугу и поташ» [145].

Вот почему в 1659 г. было запрещено основывать вблизи засек новые заводы без особого государева повеления. Не позволялось рубить там деревья и дрова даже ратным людям, имевшим по уложению царя Алексея Михайловича право без позволения владельцев повсюду рубить леса на собственные нужды, но не для продажи. Ремонт оборонительных сооружений и работы по возобновлению Большой засечной черты повсеместно проводились также в 1659, 1666, 1676-1679 гг., а его началу, как правило, предшествовал тщательный досмотр засечных укреплений. Подобные дозоры проводились на Козельских и смежных с ними засеках (табл. 8).

Опасная обстановка на «украинах» возникала не только из-за внешних угроз. В 1660 г. патриарх Никон при поддержке царя Алексея Михайловича взялся исправлять богослужебные книги и церковные обряды в соответствии с греческими православными традициями. Это привело к расколу в русской православной церкви. Резким противником Никона выступил протопоп Аввакум. В уезды на окраины России устремились противники реформ, вследствие чего обстановка в приграничных городах стала накаляться. Ко всему прочему зимой 1660 г. вновь возникла угроза нападения со стороны Крыма. В Козельск, как и в другие города, пришли «грамоты опасные» с царскими указаниями о том, как себя вести воеводам в этих условиях. Государь требовал от воеводы Козельска, чтобы он «по городу, и по острогу, и по земляному валу денные и ношныя сторожи держал крепкие». Стрельцы, пушкар и другие воины выходили на службу с пищалями, бердышами и даже с деревянными рогатинами.

В 1664 г. пришли тревожные вести о надвигавшейся опасности со стороны польского короля Яна Казимира, в составе войска которого находились многочисленные отряды союзных королю татар, отличавшихся «страстью к разорению и полону». К юго-западным границам Московского государства были спешно выдвинуты русские полки. Начальником над собранными повсеместно войсками был поставлен Яков Куденетович Черкасский «со товарищи». Этот князь был хорошо известен в Козельске – пригородная деревня Дешевки являлась его вотчиной, а сам князь возглавлял дозор Козельских, Белевской и Лихвинской засек в 1641 г.

Летом 1677 г. Россия начала войну против турецко-татарских войск Ибрагим Паша и Кара-Мустафы. Правительство хорошо понимало, что борьба предстоит долгая, не исключено, что крымские и ногайские татары предпримут ответные вылазки в русские пределы. В который раз вспомнили о засеках и уже 30 августа 1677 г. всем засечным головам, в том числе и на Козельские засеки, была направлена царская грамота, в которой содержалось требование в короткие сроки проверить состояние засек и привести их в порядок.

Было подробно расписано, на что обратить особое внимание. Надо полагать, что речь шла о том, чтобы добиться такого положения засечных крепостей, которое существовало прежде. И вновь, уже в который раз, оказалось, что всё нужно строить заново, так как крепости на засеках вновь пришли в полную негодность.

Таблица 8
Сведения о дозорах Козельских и соседних с ними засек в XVII в.

Год	Перемышльская (Озерковская)	Засеки					Белёвская (Бобриковская)	Лихвинская (Слободская)
		Стоплицкая	Дубенская	Козельские		Сенецкая		
1632 ¹				Дозор				
1635 ²	Д.Ф. Волконский			И.Я. Вельяминов			В.И. Толстой	Д.Ф. Волконский
1638 ³		Н.И. Белосельский М.С. Пустошкин	Д.И. Горчаков И.Д. Щербачёв	И.С. Благово Я.А. Истомин	Ф.И. Зюзин (Беленицын)		И.С. Благово Я.А. Истомин (?)	Н.И. Карамышев Д.Матов
1640				И.С. Благово				
1641 ⁴				Я.К. Черкасский				
1646				М.А. Кольцов-Мосальский				
1652				Дозор			Дозор	
1656				Дозор				
1657 ⁵				Дозор				
1660								
1662	Дозор			Дозор				
1663				Дозор				
1676				Дозор				
1677		Дозор проводился дважды в течение года						
1679	Дозор						Дозор	

¹ Проведение дозора было обусловлено резкой активизацией действий на южных направлениях татар при поддержке Польши. Материалы дозора до нас не дошли.
² Осенняя экспедиция 1635 г. проводилась с целью определить состояние и выработать предписания об охране засек накануне возобновления работ по строительству Белгородской засечной черты.
³ Дозор проводился в апреле 1638 г. и предшествовал началу работ по восстановлению (реставрации) засек.
⁴ Черная отписка от столника и воевод от князя Якова Черкасского с товарищи и под нею дозорная роспись Козельским, Белевским засекам их же, столника и воевод 149-го (1641) году//Описи архива разрядного приказа XVII в. Разрядный приказ, опись 1668 г., 3.2, дело 222, л. 304. СПб, 2001. С. 224.
⁵ Результаты дозоров 1656 и 1657 гг. были занесены в Дозорные книги, в то время как известия по большинству дозоров других лет находим мы, главным образом, в Писцовых книгах (см. приложение №9).

Главной причиной, по которой для Козельска задача восстановления засек в 1677 г. стала «неподъемной», явился очередной пожар, который полностью уничтожил город. Нужно было отстраивать городскую крепость, и даже для этого не хватало сил, а тем более для проведения масштабных работ на засеках. Результаты произведенной тогда по указу святейшего Московского патриарха Иоакима переписи дворов показывают, что при наличии в городе 3224 крестьянских и бобыльских дворов, здесь вовсе не было посада. Население посада разбежалось, опасаясь быть привлеченным к работам по восстановлению городских укреплений и засек. Для сравнения, в других городах, по сведениям переписной книги 1677 г., на посаде было: Перемышль – 26; Мещовск – 38; Лихвин – 39; Белёв – 357; Болхов – 240; Карачев – 28 дворов. Козельск же, оставаясь укрепленным городом, наполнялся в основном крестьянским и служилым людом разных чинов. Результаты дозоров 1656 и 1657 гг. были занесены в Дозорные книги, в то время как известия по большинству дозоров других лет находим мы, главным образом, в Писцовых книгах (см. приложение 9).

Впрочем, к этому времени Козельск как пограничная крепость свое значение утратил, поскольку граница с Крымом шагнула далеко в степь и на новом южном, удаленном рубеже стали и новые крепости. Козельск превратился в тыловой гарнизонный город и место сбора резервов. Такие города называли в то время «курятниками».

Теряя свое военно-пограничное значение, Козельский уезд, в то же время становился всё более притягательным для крупных землевладельцев-вотчинников. В 1677 г. в уезде, например, было 4 княжеских вотчины, 195 дворов которых принадлежали князьям стольнику Ивану Михайловичу Егупову-Черкасскому, стряпчему Дмитрию Ивановичу Жирово-Засекину, окольным Григорию Афанасьевичу Козловскому и другим знатым владельцам.

Среди представителей старомосковской нетитулованной знати в уезде обосновались стольник Глебов Матвей Богданович, дворянин и казначей Иван Богданович Камынин, дворянин московский Иван Гаврилович Коробьин, думный дворянин Федор Иванович Леонтьев и др.

В числе козельских вотчинников было 16 представителей провинциальных служилых людей. Среди них: думный дворянин Иван Афанасьевич Желябужский, стольник Михаил Михайлович Киреевский, дворянин московский Григорий Федорович Киреевский, Федор Алексеевич Полтев, стольник Лев Дмитриевич Толочанов, окольный Борис Гаврилович Юшков, стряпчий Дмитрий Иванович Яблочков, думный дворянин Богдан Васильевич Яковлев и другие.

В 1678 г. продолжилась русско-турецкая война. Русская армия вместе с украинскими казаками активно противодействовала захвату турками украинских земель. Для участия в походе к крепости Чигирин, дважды осаждавшейся турецкой армией, нужны были всё новые силы. От 72 русских городов было взято в состав действующей армии свыше девяти с половиной тысяч человек. Города Козельск, Серпейск и Мосальск представили в полк окольного и воеводы князя Ивана Ивановича Лобанова-

Ростовского 143 человека из состава даточных людей [147]. Этот год интересен для исследователей истории городов южной «украины» тем, что до нас дошли документы, характеризующие состояние засечной черты. Царю 25 июня 1678 г. была представлена «Докладная выписка о засеках, бывших в ведомстве Пушкарского стола Рейтарского приказа»*. Этот документ был обнаружен Археографической комиссией в 1862 г. и опубликован в многотомном труде «Дополнения к актам историческим, собранным археографической комиссией» [148].

В «Докладной...» в виде отдельных выписок из различных документов отражались история и состояние засек, в которое они пришли за 40 лет после восстановления их в 1638 г. В справке говорилось о том, что Козельская засека простиралась в длину на 111 верст и 339 сажень, и на ней было устроено 5 ворот. Перемышльская засека протяженностью в 20 верст имела одни ворота; Лихвинская, что на 88 верстах – семь ворот, Белёвская засека на 22 верстах располагала двумя воротами. Всего засеки существовали при 10 городах, простирались на 532 версты и имели 32 ворот. Вся их система была теперь оптимизирована. В отличие от положения 1638 г., например, Лихвинская и Белёвская засеки уже не делились на самостоятельные звенья. Если раньше о них говорили во множественном, то теперь в единственном числе. Тульские, Венёвские, Каширские, Рязанские, Ряжские, а также Козельские засеки по-прежнему состояли из нескольких самостоятельных засек - звеньев.

В «Докладной...» сообщается также, что Козельскими засеками, как и в 1638 г., ведают засечные головы. В отличие от них Лихвинская и Белёвская засеки ведались дозорщиками. В документе названы дозорщики Лихвинской и Белёвской засек Иван Матвеевич Темирязов и Петр Варфоломеевич Филатов. Всего же у засек в 1678 г. было: засечных голов 32 человека; засечных поместных и беспоместных сторожей – 201 человек, а у них «детей, братьев и племянников» 318 человек.

В общей сложности на засеках состояло на службе поместных и беспоместных сторожей и их «детей и братья и племянников» 519 человек. В этом документе содержался также доклад Федору Алексеевичу Романову о ходе выполнения требований царской грамоты, разосланной 30 августа 1677 г. Отмечалось, что с мест каких-либо докладов о произведенных работах не поступало, зато помещики и вотчинники били челом, чтобы он не велел на засеках «поделывать» крепости в сезон 1677 – 1678 г., а разрешил бы вернуться к крепостному строительству позднее. Скорее всего, среди челобитчиков были и козельчане. Пожар 1677 г. и необходимость посылки ратников в действующую армию на фронты русско-турецкой войны были тому вескими причинами.

---

* Рейтарский приказ по указу великого государя и великого князя Федора Алексеевича Романова ведал засеками.

Поскольку новых данных о состоянии засек не поступило, составители докладной записки приложили к ней выписку из одной Разрядной книги, ранее присланной в Пушкарский приказ. В ней шла речь о том, что и как было сделано на засеках в 1638 г. Видимо, сведения Разрядной книги были неполными. Об этом, например, свидетельствует то, что в выписке, хотя подробно и перечисляются воеводы, «бывшие по вестям» на засеках, но умалчивается о том, кто из них был у «Козельской засеки, у Кцынских ворот, у Дубенских ворот, у Толпицких (так в документе. – Прим. автора) у Лихвинских засек, у Слободецких ворот и др.». Нам же эти фамилии известны, они названы на своем месте при повествовании о больших засечных работах 1638 г. Кое-какие материалы дошли до нас и от дозора засек, который проводился в 1677 г., например, описание Козельской Столпицкой засеки, сделанное дозорщиками (см. приложение 5).

Царь Федор Алексеевич внимательно изучил представленную ему докладную записку и тотчас издал указ с боярским приговором: «Об осмотре и поправке границ и засек, о выборе в головы к засекам отставных Дворян и детей Боярских даточных и о наказании за порубку засечных лесов». Этот указ раскрывает характер и объем работ, которые должны были быть выполнены для наведения порядка на границе, а также определяет ответственность, которая налагалась за нарушение режима лесной засечной черты (см. приложение 10).

К 1678 г. относится и ещё один важный документ – «Опись городов». В нее были занесены подробнейшие сведения о многих городах того времени. Этот документ хранился в Разрядном приказе и содержал, например, известия о том, что в составе «заоцких» городов числились: «Колуга, Лихвин, Мещоск (Мещовск), Серпееск (Серпейск), Мосалеск (Мосальск), Козелеск (Козельск), Воротынеск (Воротынский), Перемышль». В описи городов содержится одно из наиболее подробных описаний города Козельска [149]. Поскольку ранее этот документ полностью нигде не публиковался, он помещен в качестве приложения (прил. 3). Особый интерес эта опись представляет ещё и потому, что она рисует перед нами картину Козельска через год после пожара 1677 г. и накануне пожара, который случился в 1690 г., когда выгорела половина города.

В начале XVIII в. Козельск был тесно связан с пограничным городом Севском (ныне райцентр в Брянской области)*. Это была мощная крепость, укрепленная дубовыми стенами с пятью башнями и защищенная со всех сторон водами рек Сев и Мерица, а также озером, соединенным с р. Сев. Вокруг этого центра дислоцировались войсковые части, так называемые севские полки. Поскольку этот город находился на самой границе с польскими землями, то и Козельск, не раз

---

* Севск (Севьско) как поселение Чернигово-Северской земли известен с 1146 г. В XIV в. неоднократно подвергался нападениям татар. Во второй половине XIV в. был захвачен Литвой и возвращен России уже после русско-литовской войны 1500-1503 гг. Севск – место ссылки опальных бояр.

направлявший в Севск своих служилых людей, оказывался вовлеченным в единую глубоко эшелонированную систему обороны русских пределов от угроз с юго-запада от Литвы и Польши. В Разрядном приказе хранились карты Севского полка, на которых были показаны Верховья Оки и Угры с прилегающими землями, «в которых местех леса и броды...», вместе с этими картами содержались чертежи Белёвской и Бобриковской засек, соседствующих с Козельскими [150].

В первой половине XVIII в., несмотря на то что пограничное, с точки зрения оборонительных функций, значение Козельска в это время уже было фактически утрачено, город продолжал играть важную роль в решении государственных задач как передовой пост на его окраине. Так, например, в 1718 г. в связи с угрозой проникновения в Россию опасных болезней, подобно начавшейся тогда в Старооскольской и Белгородской провинциях** моровой язвы, в Козельске и других городах, а также на путях из охваченных эпидемией районов, принимались особые меры карантинного характера. В ряде мест на въезде в пределы Козельского уезда и на подступах к городу выставлялись специальные заставы. Карантинная служба в то время являлась одной из разновидностей пограничной службы.

После пожара 1690 г. Козельск оправился быстро. Сказывался немалый опыт преодоления последствий этого бедствия, а также большая помощь, которую получил уездный город от окрестных деревень и сел. Козельский уезд к тому времени был самым населенным среди других уездов Калужской провинции Московской губернии. Велики были и размеры этого уезда. Он простирался: на западе до Думиничей, на востоке – до Вырска, на юге почти до Болхова и на севере до села Ильинского. В 1715 г., спустя четверть века после пожара, Козельск выглядел следующим образом: «... город деревянной рубленой, в нем 2 башни проезжие, 6 глухих по мере около города и башен 389 сажень, стоит при реке Жиздре. В городе приходских церквей – 6, да в уезде Козельском – 89. Итого – 95». В городе имелся магистрат, а в нем бургомистр и ратман, а также крепостная контора с надсмотрщиком, в которой «крепили» (оформляли) разные деловые бумаги. Здесь была таможня, кабацкая контора, конская изба, где содержались лошади для почтовых и иных разъездов. Был в Козельске и небольшой квасцовый завод, принадлежавший Василию Филиппову, на котором перерабатывались квасцы, впервые обнаруженные на калужской земле в 1700 г. немецким минералогом Блюером. Уже было значительным и посадское население, насчитывавшее 274 человека [90].

** Провинция – часть территории России, установленная при Петре I по реформе административного управления 1708 г. Тогда вся территория Российского государства была разделена сначала на 8, а затем на 11 губерний, среди них Московская, Санкт-Петербургская, Смоленская и др. Губернии делились на провинции, которых было около 50.

Последним из известных нам козельских воевод являлся надворный советник Чичерин, который показан в документах за 1765 г. Пожалуй, это был и последний пограничный начальник, который был озабочен опасениями за приход неприятеля со стороны Крыма. Угроза эта нет-нет, да и маячила на горизонте, например, в 1769 г. в самом конце зимы крымские татары хана Крым-Гирея последний раз совершили набег на Россию.

Воеводское управление городом Козельском – исключительно интересная для исследования тема, которая ещё ждет своей разработки. Учитывая тот факт, что именно на плечи воевод ложилась основная тяжесть по организации и руководству всеми аспектами участия населения города и уезда в обороне засек, будет уместно сказать следующее. За время, в течение которого в Козельске действовало городское воеводское управление, повсеместно введенное в начале XVII в., через гражданское городское воеводство в Козельске прошло не менее 80 человек. Это следует из предпосылки, что с 1613 по 1730 гг. и с 1730 по 1760 гг. срок пребывания на воеводстве составлял 2 года, с 1760 по 1775 гг. – 5 лет. Расчеты весьма приблизительные, так как в период от начала XVII в. до 1730 г. срок воеводства мог составлять 1–2–3 года. На сегодняшний день известны имена только 27 таких воевод (то есть около 34 %). До начала XVII в. известны 5 воевод (с 1549 по 1579 гг.), однако их правильнее было бы называть «боеводами», поскольку они предводительствовали по случаю боя, т.е. при ведении боевых действий. Все основные мероприятия по переходу в Козельске от воеводского управления к управлению «городскими головами» были проведены в 1776 г.

От «заповеди» к казенному надзорному лесу

В 1632 г., за шесть лет до знаменитого восстановления укреплений на засечной черте, по грамоте, данной царем Михаилом Федоровичем, в 15 верстах от Тулы на реке Синяя Тулица, между деревнями Торхово и Слободка (Городище), были основаны первые в России чугунные и железные заводы. Построены они были Андреем Виниусом и работали на руде, которую добывали на реке Алене в Дедиловском уезде. Поскольку заводы предназначались, главным образом, для удовлетворения потребностей русской армии в пушках, ядрах и прочих снарядах, то эти заводы тотчас же поступили в ведомство Пушкарского приказа. В его подчинении в мирное время находились и все крепости, построенные на засеках, которые с получением «вестей» переходили уже в распоряжение Разряда. Так Пушкарский приказ взял на себя полную ответственность за строительство и поддержание в боеспособном состоянии крепостных сооружений, максимально приспособленных для ведения эффективного ружейно-пушечного огня и, одновременно, за обеспечение их орудиями «вогненного боя». Это ведомство поставляло на засеку ядра, гранаты, гвозди, железный «частик», разнообразные детали для навешивания и запора ворот, железные листы для обшивки ворот, подковы, лопаты, топоры, заступы, а также проволоку и чугунные плиты.

Производство металла для всего этого многообразного арсенала железных и чугунных предметов требовало много дерева. Уже только одно это обстоятельство, рано или поздно, но должно было обратить внимание Пушкарского приказа на леса Большой засечной черты, в которых располагались многочисленные крепостцы, подобные тем, что были построены на Козельских засеках. В 1648 г. в Москве на реке Яузе ствольный мастер Фран Акин основал завод «для делания ружей». В 1653 г., уже в Тульской губернии, голландец Аким и гамбуржец Марцелиус основали ещё один ружейный завод, и Тула, этот «центр управления» засечной чертой, стала столицей оружейного производства. Так экономические и военные интересы закономерно привели к тому, что в начале XVIII в. все засечные черты были переданы в ведение Приказа артиллерии.

При Петре I, во время войны с Карлом XII, заповедные леса засекались в последний раз. Получив известия о том, что Карл XII, вторгнувшись в Россию, намерен идти через Смоленск на Москву, Петр I издал закон о защите Отечества, в котором предусматривал меры «предосторожности на случай вторжения неприятельского, об укрытии пограничными жителями хлеба и сена в ямах, о заготовлении мест для скота и людей в лесах и болотах» [151].

Одновременно Петр I поставил А.Д.Меншикову задачу: «Ежели опасаться будешь, что неприятель, обманув, пройдёт через Луки или Торопец или Смоленск внутрь государства, на то способ такой, чтоб от самого Пскова, даже до Смоленска, все дороги, ведущие вовнутрь, засечь крепко заранее (кроме той, которая лежит от Пскова до Смоленска и Киева), а оставить только Смоленскую и Псковскую, а когда неприятель приблизится к рубежу, то и Смоленскую засечь, а Псковскую всем войском заслонить и на сей совет желаю вам в помощь».

Была подготовлена к обороне не только крепость Смоленска, но и создана 200-километровая укрепленная линия, идущая от Полоцка к Смоленску, Рославлю и Брянску. Она состояла из засек, проходов, завалов и охранялась посадскими людьми Смоленска, Полоцка, Рославля, а также крестьянами этих уездов.

Сведений о том, какие распоряжения отдавались и были ли вообще таковые относительно Калужских засек, не найдено. Вместе с тем, калужско-смоленское направление как зона возможного наступления шведских вооруженных сил и контрнаступления наших войск против шведов, в планах войны активно рассматривалось. Был, например, подготовлен к обороне Брянск, где находилась кораблестроительная верфь. Предполагалось, что через Брянск, Козельск и укрепленную Калугу, шведская армия могла выйти к Москве – столице России. Удар и наступление на этом направлении Карл XII мог осуществить от русско-польской границы с рубежа Стародуб – Костеничи, при этом шведский король рассчитывал на те 4 тысячи запорожских казаков, которые состояли у него на службе. Они-то хорошо знали особенности местности в смоленско-калужском пограничье, поскольку под Козельск «запорожские разбойники», упоминавшиеся ранее как «азовские казаки», приходили ещё

за сто лет до того. Не будь «Петровских викторий» на границе осенью 1708 г., Козельск вполне мог оказаться в зоне боевых действий русских против шведов. Поскольку с целью помешать наступлению неприятеля с началом вторжения Карла XII государь повелел засекал леса во всех удобных для этого местах, внимание могло быть обращено и на Калужские засеки.

Точно известно, что леса Тульской и соседней с ней Калужской губернии при Петре I превратились в главных поставщиков древесины, столь необходимой для производства ружейных прикладов, пушечных лафетов и прочих деревянных деталей в оружейном производстве.

Важную роль играл и продукт специальной обработки древесины – древесный уголь, который использовался в технологиях, связанных с металлургией, металлообработкой и производством пороха.

Ружейное производство совершенствовалось, а потребности армии в оружии постоянно росли. 15 февраля 1712 г. Указом Петра I в Туле был основан первый в России казенный оружейный завод, который построили в рекордно короткий срок, за 22 месяца. В 1714 г. завод уже дал первые ружья с ударно-кремневыми замками, мушкетоны, пистолеты и «белое», т.е. холодное, оружие, столь необходимые для нужд регулярной армии. Тульский оружейный завод стал не только первым казенным предприятием по производству вооружения в России и первенцем отечественного станкостроения, но и одним из главных потребителей леса на оружейное производство. По мере возрастания запросов армии на оружие возникла необходимость в реконструкции всех оружейных заводов, которая была начата в 30-х гг. под надзором генерала де Генина. В 1737 г. начальник Тульских оружейных заводов бригадир, майор артиллерии Андрей Венедиктович Беэр, который непосредственно руководил реконструкцией Тульского оружейного завода, поставил вопрос о том, чтобы приписать к этому заводу Тульские засеки, что и было сделано в том же году. Однако вскоре оказалось, что в Тульских засеках Беэр «не смог достать нужного лесу» для изготовления ружейных станков (ложа ружей), о чем тотчас же было донесено в столицу [152]. В 1738 г., вслед за засеками под Тулой, к Тульскому оружейному заводу были приписаны и Калужские засеки, включая Козельские Столпицкую и Дубенскую, а также Лихвинскую и другие засеки, общей площадью свыше 133 тысяч гектаров. В 1739 г. вальдмейстером на засеки, переданные в ведение оружейной конторы Тульского завода, был назначен Яков Семенович Барятинский.

К середине XVIII в. военно-пограничное значение заокской засечной черты настолько снизилось, что управлять ею со стороны военного ведомства, каковым являлся Приказ артиллерии, стало слишком накладно. Кроме того, местная администрация городов, к которым были приписаны различные участки засеки, была уже слишком озабочена другими проблемами. Экономическая, торговая и все остальные виды деятельности приобретали для нее первостепенное значение по сравнению с собственно военными заботами. Однако даже в 1785 г. в лесных просторах за рекой Жиздрой всё ещё существовала охраняемая

засечными сторожами Смольницкая казенная засека, которая простиралась на 35 верст при ширине в 2 версты и более. Свое положение засека имела «на речках Соленой, Пещаной, Грязне и в верховьях рек Ямной, Вейны, Песочни и Обденки». По замечанию В.Н. Татищева, «в ней по генеральному межеванию было 12 000 десятин и 100 саж. лесу, и неудобных мест 54 десятины 130 сажень» [153].

В числе сторожей значилось 328 мужчин и 336 женщин. Засечные стражники обязаны были решать многие задачи: содействие осуществлению таможенных сборов; борьба с контрабандой; поиск и задержание «беглых людей», бродяг, лазутчиков; защита проезжих купцов на дорогах; несение карантинной службы. Кроме того, стражники вели борьбу с разбойниками, защищали от них население сел, деревень и помещичьи усадьбы, а также заботились о поддержании в надлежащем виде дорог, мостов и других сооружений. На первом месте стояли задачи экономического характера, в том числе и охрана лесных угодий от хищнического истребления.

Сложность и многообразие этих задач потребовали увеличения штата лесных сторожей, и тогда для надзора за казенными заповедными лесами в помощь вальдмейстеру придали ещё и трех отставных офицеров. Кроме того, были назначены и «бесплатные» лесные надзиратели из местных дворян. Непосредственная охрана лесов была поручена государственным и помещичьим крестьянам из близлежащих к засекам поселений. Тульский оружейный завод активно вырубкой леса не занимался, но продолжал охранять бывшие засечные леса от местного населения, что во многом спасло от исчезновения многие лесные участки в Козельских засеках. Другие же засеки, располагавшиеся на территории Калужской и соседних с ней губерний, в отличие от Козельских, были распроданы частным владельцам. Так, например, Белёвская (Бобриковская) засека была продана князьям Трубецким, Голицыным и княжне Долгоруковой, которые стали интенсивно вырубать и распахивать лесные массивы.

В 1798 г. все засеки поступили в распоряжение Министерства государственных имуществ, а заботы об охране леса от истребления и уничтожения огнем были с тех пор возложены на администрацию городов Калуги, Козельска, Лихвина и др., к которым относились засеки. В это время у донских, запорожских казаков и крымских татар полностью отпала какая-либо потребность совершать набеги на русские окраины, так как их основным занятием стало земледелие. В то же время и казачьи войска из «бродильного» элемента стали наконец-то надежной опорой царизма от Днепра до Усури и активно участвовали в охране и обороне границ Российской империи.

Так в основном завершилась пограничная история Козельска, начался новый этап в истории Козельских засек, требующий отдельного исследования и рассказа (рис. 44). Например, заслуживают изучения вопросы организации присмотра за засеками в начале XIX в., когда с 1802 г. к нему стали привлекать вместо крестьян отставных солдат, тогда же было составлено подобие штатного расписания лесоохранной службы.

Нуждается в дальнейшем изучении история создания в Козельске 27 мая 1804 г. по проекту Калужского обер-форстмейстера Вильфинга Лесного института, который в 1813 г. был переведен в Санкт-Петербург, а также судьбы его выпускников. Заслуживают исследования и многие другие аспекты лесного дела, одним из важнейших центров которого был Козельск. Актуальной задачей остается поиск и сохранение свидетельств военно-пограничной деятельности, оставленных нашими предками на земле бывших засек. Задача эта очень непростая, так как на протяжении сотен лет человек оставлял здесь каждый раз новые следы и в то же время стирал отпечатки, оставленные предшественниками.

Рис.44. Схема расположения казенных засек в Козельском уезде в первой половине XIX в. [154]

Серьезное препятствие для восстановления истинной картины системы искусственных препятствий и заграждений, бывших когда-то на засеках, представляют результаты современной экономической деятельности людей. Наиболее сильным изменением в этом отношении подверглась территория древней Сенецкой и Кцынской засек в пределах исторического Жиздринского уезда вообще и в окрестностях сел Хвастовичи и Буда в частности. Главным потребителем природных богатств этого края уже в начале XVIII в. стали железоделательные заводы Н.Н. Демидова, А.Г. Строганова, А.А. Гончарова. Большую роль в преобразовании ландшафта местности сыграли предприятия российского промышленника С.И. Мальцева. Бывшие у прежних засек Ясеновский, Брынский и Песочненские заводы выпускали огромное количество

чугунных изделий. В конце XVIII – начале XIX в. у деревни Мокрое, на реке Дубне, на дороге из села Хвастовичи в Калугу, некогда прикрытой укрепленным городком у Кцынских ворот, был построен ещё один завод, выпускавший кухонную чугунную утварь.

В ту пору из-за экономической деятельности заводов шло массовое уничтожение леса. Основная его масса поступала на изготовление угля, который выжигали из древесины. Древесный уголь, в свою очередь, использовался в чугунном производстве. Железную руду копали здесь же, в районе находившихся некогда при засеках деревень Усты, Колодяссы и других селений, близких к селу Хвастовичи. Образование безлесных полян навсегда скрывало места бывших протяженных лесных завалов – надежных преград на пути крымских татар. Проламывались сквозь лес новые дороги к лесным делянкам и к местам добычи руды. Нередко для прокладки дорог предварительно строили насыпи, которые по внешнему виду весьма напоминали защитные валы. Настоящим бичом для экономики этого района были мощные весенние паводки. Так, например, в 1804 г. вешними водами, прорвавшими защитные сооружения, был уничтожен Есеновский завод, принадлежавший Коробову. Вот почему для защиты от затопления шахт, опрокидывания водой доменных печей и горнов, разрушения других заводских построек возводились многокилометровые дамбы, строились многочисленные плотины.

Таким образом, добыча и переработка руды, строительство железнорудных заводов, потребовавшие уничтожения лесных массивов, – всё это до неузнаваемости изменило ландшафт. Плотины, дамбы, дорожные насыпи, а также многометровой высоты терриконы у шахт и карьеров, образованные из выработанной породы, по своему виду со временем стали мало отличимыми от оборонительных валов XVI – XVII вв. Их остатки спустя годы и вовсе слились с неясными следами древних засечных сооружений, навсегда скрыв их от нас.

Если на Сенецкой и Кцынской засеках большую путаницу в картину бывшего их укрепления для обороны внесли следы заводской деятельности человека, то на Дубенской и Столпицкой засеках серьезно поработали факторы, связанные с более поздним лесоразведением. На этих двух близких к Козельску засеках экономическая деятельность не получила столь большого развития, как на Брянском направлении, а потому леса здесь не были так нещадно истреблены. Стекольное же производство, основанное, например, князем А.Д. Оболенским в 1912 г. близ своего имения среди лесов Столпицкой засеки, не приносило такого вреда, как железнорудные заводы. Для работы стеклоплавильных печей использовались, главным образом, верхушки деревьев и сучья, которые оставались от деревообрабатывающих предприятий или собирались при расчистке леса. Кроме того, леса – собственность А.Д. Оболенского, всегда отличались образцовым содержанием и сохранением в них реликтовых участков соснового бора и дубовых рощ.

На общую картину Столпицкой и Дубенской засек как оборонительного рубежа наложили отпечаток мероприятия по

восстановлению лесов, которые начали проводиться в XVIII – XIX вв. Так, например, работы по разведению дуба отчасти напоминали те, которые проводились на отдельных участках засек в XVI – XVII вв. К примеру, участки местности, пригодные для разведения дуба и избранные под выращивание на них дубовых рощ, лесоустроители обводили рвами, а на их внутренней стороне из вырытой земли насыпали валы. Эти искусственные сооружения, а также канавы, которые отрывались для лучшего дренажа посадок дубовых рощ, по прошествии времени превратились в элементы, смутно напоминающие остатки оборонительных сооружений времен обороны от крымских татар и Литвы.

Подобные ров и вал обнаруживаются сегодня по восточной границе северной части Ягодненского лесничества, а насыпь высотой 40-70 см и вал шириной 150-200 см, глубиной 60-80 см, при ширине рва 100 см, – на Дубенской засеке. В пределах Столпицкой засеки специалисты обнаруживают также следы рва и вала юго-восточнее села Волосово-Звягино [155]. Впрочем, это могут быть следы и истинных древних укреплений, бывших прежде при Дубенских воротах. Ведь лесоустроители могли для упрощения дела попросту использовать для разведения леса места прежних рвов и валов.

Пограничная история Козельска продолжается

Козельские засечные места изначально имеют судьбу быть рубежом.

В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. долгих два года Сенецкая засека, по «русской стороне» которой проходил фронт, оставалась оборонительным рубежом немецко-фашистских войск. Закрепившись здесь осенью 1941 г., командование Вермахта затем настойчиво проводило в этих местах приказ Гитлера от 3 января 1942 г., который требовал «...цепляться за каждый населенный пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего патрона, до последней гранаты».

О том, насколько серьезную оборону организовал на этой черте враг, свидетельствуют воспоминания очевидцев – солдат и офицеров. Непосредственный участник боев в районе бывших засек ветеран Великой Отечественной войны И. З. Ивашкин вспоминает: «Переход немецких войск к обороне на Жиздринском направлении сопровождался проведением гигантских работ по укреплению ими оборонительных рубежей, оборудованием в полный профиль траншей и ходов сообщения, совершенствованием организации системы огня, дополнительной подготовкой минных полей и проволочных заграждений, оборудованием надежных укрытий для личного состава и боевой техники. Блиндажи и землянки строились ими не менее чем в 2-3 наката бревен с надежной их маскировкой и добротным внутренним обустройством, обеспечивающим сносные условия для работы и отдыха личного состава. Ещё надежнее оборудовались командные пункты и пункты управления».

Особое внимание противник уделил укреплению деревень и хуторов, которые были превращены в опорные пункты, обнесены колючей прово-

локой, а подступы были заминированны. «Под домами были оборудованы блиндажи с бойницами для ведения кругового обстрела. Танки противник располагал, как правило, для ведения огня прямой наводкой с места и, таким образом, они являлись бронированными артиллерийско-пулеметными точками», – пишет И.З. Ивашкин [156].

Нетрудно догадаться, насколько перерыта и обильно полита кровью здешней земля. 23 февраля 1943 г. Сенецкая засека была освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Она была когда-то превращена нашими предками в неприступный для врага рубеж, каковым он вновь стал и спустя четыре столетия. 28 марта 1943 г. газета «Красная Звезда» сообщила: «Только в районе севернее Жиздры противник потерял в четырехдневных боях с 19 по 23 марта 140 танков, 72 орудия, 203 пулемета, 137 минометов и 8 тысяч солдат и офицеров убитыми».

Сопrotивление фашистов, создавших южнее Ульяново мощный оборонительный рубеж «Хаген» на бывших Сенецкой, Кцынской и Дубенской засек удалось сломить лишь 12-14 июля 1943 г. в ходе Орловской наступательной операции войск Брянского, центрального звена Центрального и левого крыла Западного фронтов. Тогда были разгромлены крупные узлы обороны немецко-фашистских войск в районе Ульяново и деревни Старицы.

15 июля немцы, опасаясь решительных действий 8-ой гвардейской стрелковой дивизии, 1 и 5-го танковых корпусов, форсировавших реку Вытебеть в районе Мелехово, оставили деревни Сорокино, Уколицы, Кирейково, Косьяново, бывшие когда-то при засеках.

Следы окопов Великой Отечественной войны,
Столпицкая засека, август 2006 г.

Так бесславно закончилась для фашистских «басурман» история их прихода на козельские и белёвские места, попытка закрепиться здесь, на месте прежних засек. Война стерла следы засечного строительства, зато оставила здесь новые скорбные отметины. На этот раз в виде оплывших и

затянутых мхами окопов, братских могил и многочисленных памятных знаков, установленных в честь погибших в Великой Отечественной войне.

Военно-пограничная история Козельска и территории бывших засек продолжается. С 14 декабря 1964 г., когда на боевое дежурство в бывших засечных лесах под Козельском заступили первые два полка с межконтинентальными баллистическими ракетами наземного старта, началась новая страница в пограничной летописи Козельска. Ракетно-ядерное оружие, размещенное здесь, пусть и далеко от современной границы России, тем не менее, стало надежным гарантом неприкосновенности ее рубежей.

Литература к части второй

1. БСЭ. Третье издание. Т. 9. М., 1972. С. 547.
2. Сухачевский О. «Откуда есть пошла...». Что скрывали придворные летописцы Мономаха. [Электронный ресурс]. 1996. – Режим доступа: <http://history.xsp.ru/st/001/index.php>, свободный.
3. Гамель Иосиф. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826. Приложения. С.46.
4. Перепелицын А. А. Российский Стоунхендж // Приокская газета. 1997. 28 февраля.
5. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и великая степь. М., 1992. С. 181.
6. Карпов А.Ю. Преподобный Кукша – просветитель вятичей. М., 2001. С. 21.
7. Алексеев Л.В. Домен Ростислава Великого. Средневековая Русь. М., 1976.
8. Кашикаров В.М. К вопросу о древнейшем населении калужской губернии // Очерки по истории и культуре Калужского края. Калуга, 1996. С. 53-56.
9. Пухов В. История города Калуги. Калуга. 1998. С. 8-9.
10. Смолицкая Г.П. Занимательная топонимика. М., 2001. С.109-110.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.2. СПб., 1996. С. 324.
12. Найдена древняя столица Подмосковья // Комсомольская правда. 2003. 3 февраля. С.36.
13. Вопросы археологии. М., 2001. С. 41-44.
14. Чивилихин В.А. Память. Кн.1. М., 1985.
15. Ханьков В.В. Летопись калужская. Калуга, 1991.
16. Широкопад А.Б. Русь и Орда. М., 2004.
17. Атлас истории Средних веков / Косминский Е.А. М., 1955. С. 24.
18. Широкопад А.Б. Русь и Орда. М., 2004. С. 31-32.
19. Гази Бараджи. Летопись Гази Бараджи. Т.1. Оренбург, 1993
20. Тверская летопись // Русские летописи. Т.6. Рязань, 2000. С. 455.
21. Бобровский М.В. Козельские засеки. Калуга, 2002. С.19.
22. Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. М., 1988. С. 286-287.
23. Векслер А. Российская история в московских кладах. М., 1999. С. 46-47.
24. Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 28.

25. *Базилевич К.В.* Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 2001. С. 255.
26. Там же. С.255.
27. *Кавелин Л.* Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Приложения. С. 38-39.
28. *Каргалов В.В.* На степной границе. М., 1974. С.31.
29. Вопросы археологии Верхнего Поочья. Вып. VIII. Калуга, С. 87-93.
30. *Базилевич К.В.* Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 2001. С.139.
31. *Беляев И.* О сторожевой, станичной и полевой службе на польской уkraine Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. С. 2.
32. *Марголин С.Л.* Оборона русского государства от татарских набегов в конце XVI в. // ВИС. Труды ГИМ, Вып. XX, 1948. С. 3.
33. Официальный сайт города Белёва. [Электронный ресурс]. 2006. Режим доступа: <http://petrov.genealogia.ru/belev1.html>, свободный.
34. *Беляев И. Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской уkraine... М., 1846. С. 3.
35. Там же. С.3.
36. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Том 5. М., 1960.
37. *Пащикова Т.И.* Местное управление в русском государстве в первой половине XVI в. Наместники и волостители. М., 2000, С. 142.
38. *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972.
39. *Ханыков В.В.* Летопись калужская. Калуга, 1991. С. 29.
40. Там же. С. 69.
41. *Волков В.А.* Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 476.
42. *Каргалов В.В.* На степной границе. М., 1974. С. 41.
43. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 319.
44. *Костомаров Н.И.* Русская история. Т.1. С. 342.
45. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 113.
46. Там же. С. 298.
47. *Зимин А.А.* «Россия на пороге нового времени», М., 1972.
48. Там же. С. 370.
49. *Богуславский В.В., Бурминов В.В.* Русь рюриковичей. Иллюстрированный исторический словарь.
50. *Фомин Н.К.* К вопросу о военно-политическом значении Тулы в первой половине XVI в. Тула, 1983. С. 131-143.
51. *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. С. 370.
52. Там же. С. 370-371, 374.
53. *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. М., 1996. С. 285-312.
54. *Ласковский Ф.Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России», часть I, СПб., 1858. С. 45.
55. *Лихачев Н.П.* Сборник актов. С. 161.

56. *Никитин А.В.* Оборонительные сооружения засечной черты XVI-XVII вв. // *Материалы исследований по археологии СССР.* 1955. №44.
57. *Волков В.А.* Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 148.
58. *Беляев И.Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине. М., 1846. С. 6-7.
59. *Волков В.А.* Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 489-490.
60. Там же. С. 690.
61. БСЭ. Третье издание. Т. 9. М., 1972. С. 380-381. Схема при статье «Большая засечная черта».
62. *Анисимов Н.Н., Сорокин В.Н.* Козельск. Тула, 1967. С. 24.
63. *Лебедев В.И.* Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Саратов, 1984.
64. *Беляев И.Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине... М., 1846. С. 46.
65. *Ключевский В.О.* Курс лекций по источниковедению. Л. XIV. Т.5. С. 435.
66. *Яковлев А.И.* Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916. С. 239.
67. *Волков В.А.* Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 137-239.
68. *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV-XVII веков. С. 367.
69. ПСРЛ, XIII, Ч.2. М., С. 368.
70. *Анисимов Н.Н., Сорокин В.Н.* Козельск. 1967.
71. *Ефрон и Брокгауз.* Энциклопедический словарь.
72. *Енин Г.П.* Воеводское кормление в России в XVII веке. СПб, 2000. С. 294.
73. ПСРЛ, т. XII, С. 401-402.
74. *Андреев А.Р.* Неизвестное Бородино. М., 1997. С. 205-212
75. *Беляев И.Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине... М., 1846; *Яковлев А.И.* Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916.
76. *Евгин А.В.* Козельск. Средневековая Русь. Очерки социально-политической истории X-XVII вв. Тула, 1996.
77. *Волков В.А.* Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 152-153.
78. Там же. С. 152.
79. *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 452.
80. *Павлов-Сильванский Н.П.* Государевы служилые люди. М., 2001. С. 109.
81. *Шишов А.В.* Во славу русского оружия. Исторические были. М., 1993.
82. *Волков В.А.* «Войны и войска Московского государства», М., 2004, С.168-169.
83. *Иераст (Вытронский).* Историческое описание Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита (Калужской губернии). СПб, 1998. С. 21.
84. *Волков В.А.* Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 152-491.
85. *Пухов В.* История города Калуги. Калуга, 2004. С. 41.
86. *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в. Смута. М., 1988. С. 21.

87. *Яковлев А.* Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916. С. 19.
88. *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С. 73.
89. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т.2. М., 1998. С. 95.
90. *Ханыков В.В.* Летопись калужская. Калуга, 1991. С. 49.
91. *Папков А.И.* [Электронный ресурс]. 2006. Режим доступа: <http://old.kurskcity.ru/events/step.html>, свободный
92. *Каргалов В.В.* На степной границе. М., 1974. С. 31.
93. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М-Л., 1948. С. 434.
94. *Морозова Л.Е.* Россия на пути из Смуты. Избрание на царство Михаила Федоровича. М., 2005. С. 209-210.
95. *Новосельский А.А.* Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994, С. 162, 296.
96. *Иловайский.* Новая династия. С. 281-282.
97. *Барсуков А.П.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия (по напечатанным правительственным актам). СПб., 1902.
98. *Беляев И.* О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. С. 35, 46.
99. *Кавелин Л.* Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Приложения. С. 58.
100. *Новосельский А.А.* Разрядный приказ: Опись столбцов дополнительного отдела. М., 1950. С. 10.
101. Там же. С.17.
102. *Никитин А.В.* Оборонительные сооружения засечной черты XVI-XVII вв. // Материалы исследований по археологии СССР. 1955. №44. Т.3. М., С. 123.
103. *Петр Петрей де Ерлезунда.* История о Великом княжестве Московском. М., 1867.
104. *Макарий.* История Русской церкви. Том 5. Отдел 1. Г. III.
105. Книга Большому чертежу. М-Л., 1950. С. 117.
106. *Яковлев А.* Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916. С. 42-43.
107. Под знаком солнца и меча. К 500-летию рода Шербачевых». [Электронный ресурс]. 2006. Режим доступа: <http://www.nobility.ru/upload/sherbach/stats/starandword.html>, свободный.
108. Российское законодательство X-XX вв. Т.3. 1985. С. 350.
109. *Новосельский А.А.* Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 142-143.
110. *Соймонов.* Топографическое описание Калужского наместничества, СПб, 1785.

111. Акты Московского государства, изданные императорской академией наук. СПб., 1890. Т.1. С. 324 - 325.
112. *Беляев И. Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине... М., 1846. С. 46.
113. *Буровский А. М.* Несостоявшаяся империя. Красноярск, М., 2001. С. 183.
114. *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV-XVII вв. М., 1973. С. 350.
115. *Вернадский Г. В.* Московское царство. III, Россия, Польша и казаки (1619-1642 гг.).
116. *Иловайский.* Новая династия. С. 310, 320.
117. *Яковлев А.* Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916. С. 13.
118. *Новосельский А. А.* Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 162, 296.
119. *Краснопевцев И.* Очерки города Одоева. Тула, 1896. С. 54-57.
120. *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л., 1948. С. 434.
121. *Беляев И. Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича, М., 1846.
122. *Никитин А. В.* Оборонительные сооружения засечной черты XVI-XVII вв. // «Материалы исследований по археологии СССР. №44, Т.3, М., 1955. С. 124.
123. *Беляев И. Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. С. 46.
124. Описи архива разрядного приказа XVII в. 189, «стол Яблоновской 146 и 147 году». Разрядный приказ. Опись 1668г. 3.1. Дело 22, л. 304 об. СПб., 2001.
125. *Яковлев А.* Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916. С. 47.
126. *Беляев И. Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. С. 62.
127. *Гамель Иосиф.* Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. 1826. Приложения. С. 46.
128. *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т.2. М., 1998.
129. *Яковлев А.* Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916.
130. *Дворянские роды Российской империи.* Т.1.
131. *Пугач И. В.* Устюжна Железопольская и уезд в XVI - первой половине XVII в.
132. *Белоцерковский Г. М.* Тула и Тульский уезд в XVI-XVII вв. Киев, 1915. С. 26-27.
133. *Яковлев А.* Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916. С. 46.

134. Там же. С. 139.
135. Там же. С. 138.
136. Там же. С. 65.
137. *Яковлев А.* Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916. С. 242.
138. Акты Московского государства, изданные императорской академией наук. Т.2. СПб., 1890. С. 117.
139. Там же. С.91.
140. *Яковлев А.* Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916. С. 251.
141. Разрядный приказ, опись 1668г., 3.2, дело 222, л. 304//Описи архива разрядного приказа XVII в. СПб., 2001. С. 224.
142. Там же. С. 210.
143. Дополнения к актам историческим.... Т. XVIII. СПб., 1862. С. 91.
144. *Тепляков В.К.* Лес в жизни Древней Руси и Московии. М., 1992. С.64.
145. *Полунин Ф.А.* Географический Лексикон Российского государства, или словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, яшашные зимовья, рудные заводы и прочие достопамятные места обширной Российской империи. СПб., 1773. С. 138.
147. Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией». Т. VIII. СПб., 1862. С. 122.
148. Там же, С. 89-91.
149. Дополнения к актам историческим. .Т. IX. СПб., 1875. С. 219-220, 246-247.
150. Описи архива разрядного приказа XVII в. СПб., 2001.
151. *Шугой В. Е.* Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII. М, 1958.
152. *Гамель И.Х.* писание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. С. 55.
153. Сборник Татищева/Журнал Министерства Внутренних дел. 1839г. №8.
154. *Бобровский М.В.* Козельские засеки. Калуга, 2002. С. 59.
155. Там же. С. 44.
156. *Ивашкин И.З.* На Жиздринском направлении. Жиздра, 2000.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОХРАННОСТИ КОМПОНЕНТОВ НАСЛЕДИЯ ЗАСЕЧНЫХ ЧЕРТ

Изучение Козельского района Калужской области как части пространства исторических засечных черт – особого объекта культурного и природного наследия народов Российской Федерации – позволяет сделать вывод о том, что в нем полно и всесторонне сочетаются природные, военно-хозяйственные и прочие компоненты культурного ландшафта. Вместе с тем, здесь ярко проявляются и различные противоречия, требующие своего разрешения, что характерно для других засечных черт.

Одно из противоречий, например, состоит в наличии разрыва между постоянно растущим интересом к изучению пограничной истории краев и областей и возможностью удовлетворить такой интерес в условиях, когда главные элементы пограничья – засеки с их развитой в прошлом инфраструктурой – оказались по разным причинам вне досягаемости для их заинтересованного изучения или изучаются разрозненно.

Сегодня отдельные исторические пограничные центры, а это, как правило, города – центры районов или областей (Калуга, Тула, Брянск, Орёл и др.) находятся в сфере интересов исторической науки. С различной степенью активности и с разной глубиной проникновения в вопросы их пограничной истории занимаются историко-краеведческие музеи, музеи-заповедники. Не стоят в стороне вузовская наука (исторические факультеты вузов) и краеведческие организации. В то же время многие засеки оказались на периферии интересов или испытывают недостаток внимания.

Так, например, исторический кластер такого памятника наследия как Козельская Столпницкая засека вошел в круг интересов специалистов национального парка «Угра». Дубенская, Кцынская и Сенецкая засеки оказались на территории заповедника «Калужские засеки», главное внимание в котором уделяется сохранению и изучению уникальных лесов, охране редких видов растительного и животного мира. Например, массивов коренных дубрав. Поэтому история трех засек из состава Козельских – уникального историко-культурного памятника времен защиты южной границы Московского государства XVI-XVII вв. – оказалась обделенной вниманием историков.

Нуждается в улучшении и взаимодействие между национальным парком «Угра», заповедником «Калужские засеки» и Козельским краеведческим музеем в изучении исторического наследия не только засек, но и города Козельска.

Многие засеки из состава засечных черт не исследуются по причине удаленности от научных центров, располагающих возможностями по их изучению и охране.

Вот почему для большинства бывших засек единственным условием активизации интереса к ним было бы *включение их в число особо охраняемых объектов* в составе национальных парков, государственных природных заповедников, музеев-заповедников и т.д. На сегодняшний день только около 20 засек, то есть 30% от общего их числа, стали таковыми. Речь идет о названных Козельских засеках, нескольких засеках из состава Белгородской засечной черты, отдельные объекты которой оказались на территории заповедника «Белогорье» и Воронежского заповедника. Керенская, Ломовская, Инсарская, Карсунская и Симбирская засеки включены в историко-архитектурный комплекс «Симбирская засечная черта». Алатырская засека (черта) с Пузскими, Гуляевскими, Ардаатовскими воротами входит в Мордовский государственный заповедник имени П.Г. Смидовича, что неподалеку от города Темникова. Остальные засеки ждут своего часа.

Другое противоречие обусловлено тем, что развитие, в том числе культурное или научное, каждого из районов (областей), располагающих историко-пограничными объектами наследия, всегда находится в поле двух векторов. С одной стороны, засеки выступают объектами исследования для ученых, работающих в системе научно-исследовательских учреждений, сосредоточенных в столице или областных центрах. С другой стороны, засеки входят в круг интересов провинциальных учреждений культуры, например, музеев, а также краеведов-энтузиастов на местах. Такое положение требует единого управления научно-исследовательской деятельностью для того, чтобы обеспечить комплексный подход к изучению природного и культурного наследия засечных черт. Кроме того, поскольку центральные и периферийные учреждения, причастные к научной работе на засеках, обладают различным потенциалом, возникает необходимость не только в достижении баланса их интересов, но и в рациональном использовании сил и средств центра и провинции.

Применительно к территории бывших Засечных черт основными условиями реализации названных требований могут быть:

- систематическое и эффективное использование провинцией собственного научно-исследовательского потенциала за счет привлечения сотрудников музеев и объединяющихся вокруг них краеведов;
- поддержка автономной деятельности провинции по развитию, воссозданию и охране культурного и природного наследия засечных черт со стороны государственных и других институтов управления, использующих различные правовые, экономические и др. механизмы активизации всесторонних исследований в бывшем пограничье;
- активное участие местного населения в процессе изучения, сохранения и преумножения природного и культурного наследия

засек, например учителей и школьников из населенных пунктов, близких к засекам;

– всемерное поощрение интереса местных писательских организаций (объединений), редакций газет, а также руководства домов культуры к военно-пограничной тематике в районах бывших засек.

Нуждаются в совершенствовании и сама методика исследования пограничья как объекта наследия. Представляется, что в ходе изучения его компонентов будет полезным реализовать и подход автора монографии, разработанный им в соответствии с требованиями к изучению культурного ландшафта, выработанными в Институте наследия [1].

Предлагаемый подход заключается в реконструкции исторического военно-пограничного образа (информационного поля) пограничья. Этот образ должен складываться, с одной стороны, из историко-культурных представлений об организации территории пограничья и свойств народа, некогда его населявшего. С другой стороны, из реальных географических объектов, наделенных определенным пограничным смыслом.

Описание культурного ландшафта, присущего пограничью на примере Козельских засек, может служить алгоритмом для исследования других аналогов, одновременно поможет формализовать процедуры идентификации, инвентаризации и охраны такого рода объектов применительно к другим участкам российского пограничья, включая новое пространство пограничья на границе с государствами, образовавшимися в результате распада СССР.

Козельские засеки – единый памятник истории и культуры. В состав элементов культурного ландшафта засек входят, с одной стороны, *памятники истории и культуры*, а также *природные и искусственные элементы* ландшафта, которые позволяют охватить во всей полноте исторические события, связанные с защитой южных рубежей России в различные периоды ее истории. С другой стороны, культурный ландшафт включает различные современные объекты, такие, как жилые и промышленные сооружения, коммуникации и т.д.

Специфика культурного ландшафта территории, по которой проходили прежде Козельские и смежные с ними засеки, такова, что материальных свидетельств существования здесь более четырех веков тому назад каких-либо оборонительных сооружений практически не сохранилось. В этих условиях особую значимость как памятники истории и культуры приобретают любые *памятные свидетельства, места и объекты*, имеющие отношение к «делам минувших дней». В то время как природа не пощадила в лесу деревоземляные сооружения, стерла следы бывших просек и завалов из деревьев, особую ценность приобретают памятные знаки в виде музейных экспозиций, а также монументы символического характера – памятники воинам-участникам сражений. Определенную роль в сохранении памяти места играют информационные знаки, поставленные на местах прежних засек.

Особенностью *памятных свидетельств* на Козельских засеках является то, что все они, хотя и располагаются на одной территории, но

охватывают при этом несколько исторических слоев. Один – XVI-XVII вв. и более раннее время, другой – 1941-1945 гг., третий – современный. Так, например, остатки окопов и противотанковых рвов времен Великой Отечественной войны на многих направлениях сочетаются со следами рвов, входивших в систему укрепленных городков XVI-XVII вв.

Подобная сочетаемость разновременных памятных свидетельств, с одной стороны, подчеркивает военно-оборонительный потенциал природной составляющей Козельских засек, усиливает ассоциативность, а также увеличивает историко-культурную ценность самого ландшафта засек. В тоже время это обстоятельство создает трудность, а порой даже и невозможность визуального восприятия и образной реконструкции героических событий, бывших здесь в разное время.

Дополнительную сложность в создании образа военно-инженерного оборудования местности, занятой преимущественно лесами, вносит изрезанность ее оврагами, служившими в разное время естественными преградами и одновременно местом укрытия людей, артиллерии, техники и животных.

Следы возведенных некогда полевых земляных укреплений в виде рвов (окопов) и валов – это, пожалуй, единственные из материальных памятников – свидетельств истории. Сами просеки и засеки исчезли бесследно. Таким образом, памятников-свидетельств практически не осталось, а те, что удастся обнаружить, с большим трудом могут быть датированы. Так, например, к немногочисленным сохранившимся *объектам*, имеющим мемориальную ценность, на территории Козельских засек могут быть отнесены: следы рвов слева и справа от дороги в районе бывшего укрепленного городка на реке Песочной; остатки валов и следы рвов южнее д. Волосово-Звягино, северо-восточнее д. Середичи и восточнее д. Буда. Кроме того, к памятным объектам времен защиты «украин» России могут быть отнесены названные в монографии дороги, исторические сёла и деревни, плотины и др.

Другое дело – *памятные свидетельства – природные объекты*. Применительно к исследованным в монографии событиям и с учётом особенностей рельефа местности можно заключить, что многие из них сохранились почти полностью. На рубеже Козельских засек, входивших в XVI-XVII вв. в состав Большой засечной черты, к числу таких мест могут быть отнесены перечисленные в книге реки и ручьи, овраги, возвышенности, поля, леса и болота, которые были неотъемлемыми составными частями засек. Людям оставалось лишь умело использовать оборонительные свойства местности, в ряде случаев усиливать их, а также приспособлять к ней возводимые крепости. Огромная работа на местности многих сотен людей, связанная со строительством, реконструкцией, восстановлением крепостей и дорог, постоянный учёт ими сильных и слабых сторон каждой сажени включенной в засеки земли дают основание считать памятными свидетельствами на Козельских засеках следующие природные объекты.

Возвышенности – главенствующие высоты на территории, по которой проходили Козельские засеки и с которых велось наблюдение, а также подавались дымовые и световые сигналы об опасности. Такими высотами являются: отметки свыше 220 м – 2,5 км к сев.-вост. от пос. Сосенский; свыше 250 м – 1,5 км к сев. от дер. Завалишино; свыше 260 м – 1,5 км к зап. от дер. Уткино и др.

Реки – кроме реки Жиздра, неоднократно упоминаемой в наказах воеводам «на оборону» южной границы Московского государства, к памятным местам относятся небольшие реки, вблизи или на которых были возведены крепости на Козельских засеках. К таковым, в первую очередь, относится река Песочная, на берегу которой на дороге Козельск – Белёв располагался Столпицкий городок (ворота). По этой причине, например, на карте Калужской губернии 1850 г. издания эта река даже была названа – Городок. К таким рекам относятся также реки Дубенка, Гремеша и Сенек, на которых располагались Дубенские, Кцынские и Сенецкие засечные ворота-крепости.

Памятными также являются, например, располагающиеся в районе бывшей Столпицкой засеки объекты:

Урочище «Чертово городище», где заплывший ров глубиной до 2-х м, а также следы въезда на городище свидетельствуют о нахождении здесь в XVI-XVII вв. небольшой крепости, бывшей сторожевым постом на засеке.

Район современного поселка Средний, где в XVI-XVII вв. находился «цуцеп» – место схождения («сцепления») Лихвинской Слободской, Козельской Столпицкой и Перемышльской Озерковской засек.

Окрестности поселка Славовищи, неподалеку от которого прежде рос многовековой дуб Холостец, использовавшийся как ориентир на засеке, а также росли три «стычные» или «схожие» сосны, являвшиеся «сутками» – концами крайних звеньев каждой из трех названных выше засек. От них в разных направлениях шли самостоятельные засеки, поэтому на одной из сосен были нанесены три знака (границы), указывающие направление, в котором шли эти засеки.

«Лысая гора» – одна из возвышенностей в полутора-двух километрах от Козельска (район пос. Мехзавод), – на которой, как писал калужский историк Малинин, «со старинных курганов часовые наблюдали на далекое расстояние окрестность» [2]. Другой историк – Л. Кавелин – сообщал, что на Лысой горе «видны ещё остатки двух сторожевых курганов, откуда поставленная стража могла наблюдать окрестность на довольно большое расстояние и немедленно уведомлять воеводу о приближении неприятеля» [3].

Курганы – несколько небольших холмов, расположенных в окрестности Козельска, которые являются могильными холмами либо межевыми знаками, либо следами бывших когда-то насыпей под основаниями небольших сторожевых крепостей. Об этих курганах Л. Кавелин писал: «Как знаки отличия на груди воина, они

свидетельствуют о битвах, в которых этот древний город был участником» [3].

Старинные дороги – пути, соединявшие прежде Козельск с другими «украинными» городами Белёвом, Болховом и Карачевом, а также с городом Лихвином. Эти пути проходили через Козельские засеки и оборонялись крепостями. Наибольший интерес помимо «Карачевского большака» представляет ныне недействующая дорога Козельск – Болхов, шедшая от Козельска на запад до деревни Клюксы и далее сквозь Дубенскую засеку в Болхов.

Немало памятных свидетельств есть и на соседних с Козельскими засеками. Так, например, на бывшей Перемышльской засеке – район деревень Кудиново и Ястребово. Здесь в XVII в. был отрыт ров, а на дороге стояли надолбы и ворота. Историческими свидетельствами служат остатки крепости XV в. в восточной части г. Перемышля, а также многочисленные озера в окрестностях этого города, благодаря которым здешнюю засеку называли Озерковской. В нее, например, входили озера Заборское, Плесо, Омеляновское, Шацкое, Лелява и множество других безымянных озер, а также непроходимых болот.

На бывшей Слободецкой Лихвинской засеке, примыкавшей к Столицкой Козельской засеке, историческими свидетельствами, например, служат река Ока и ее притоки. Здесь на реке Вырке находились Слободецкие ворота, а на реке Болтуле – сторожевая башня.

Предварительной частью всей работы по описанию пространства исторических засечных черт, как показал опыт автора монографии, может стать составление электронных «хронологически-синхронистических» (ландшафтно-исторических) таблиц. Их сущность состоит в представлении всех исторических фактов в виде таблиц. Отличие их от традиционных хронологических таблиц, при составлении которых авторы ограничиваются лишь простым перечислением выбранных и датированных фактов, состоит в том, что события из истории конкретного региона (области, района), помимо всего прочего, даются на фоне всей истории Руси – России. При этом удастся не потерять, по определению Л.Н. Гумилева, «вектор, то есть направленность событий и причинно-временные связи, которые именуют историей» [4].

Что касается работы над монографией, то предпосылками для подготовки таких таблиц послужили накопление и систематизация автором самых различных данных. В эти таблицы попали сведения из истории, археологии, архитектуры, картографии, топонимики, лингвистики, факты религиозной жизни и даже сведения о примечательных явлениях природы на территории Козельского района за всю его историю.

За более чем 15-летний период составлено 1 270 страниц таблиц общим объемом свыше 20 Мб информации (без иллюстраций), в которые вошло свыше 6 тысяч фактов, событий и явлений козельской исторической действительности. Все они представлены в таблицах в строгом соответствии с изложением событий российской истории – синхронно.

В соответствии с интересами исследования важное место в таблицах занимают вопросы, связанные с военно-пограничным прошлым. Эти таблицы были частично опубликованы [5], но в основном хранятся у автора монографии в качестве постоянно обновляемой электронной базы данных. Объем таблиц, а также их содержание, которые время от времени меняются по мере поступления новых сведений об объекте исследования, делают пока нецелесообразным их публикацию. Вместе с тем, таблицы уже сейчас позволяют решать некоторые исследовательские задачи по целому ряду тем.

Развитие компьютерных технологий позволило перевести все накопленные материалы (таблицы) в электронную форму, что обеспечивает с помощью поисковой системы возможность быстро находить ответ на любой вопрос. Можно не только обрабатывать, но и осуществлять презентацию материалов, в том числе посредством Интернета. Создан и постоянно накапливается фонд иллюстрационных материалов по Козельску, который содержит свыше 5 Гб информации. По мере накопления материалов в таблицах, а также в связи с выходом в свет Атласа Калужской области масштаба 1:100 000, в перспективе появляется возможность составления подробного электронного ландшафтно-исторического атласа Козельских засек.

Фрагмент диорамы «Оборона Козельска. 1238 г.»,
экспозиция краеведческого музея

Электронные «синхронистические» (ландшафтно-исторические) таблицы являются региональными по охвату территории, комплексными и тематическими по содержанию. Назначение таблиц весьма широко и

многообразно: отдельные блоки таблиц могут рассматриваться как научно-справочные, краеведческие, учебные, туристические и т.п.

В структурном отношении таблицы состоят из двух основных разделов, в каждый из которых включены природный, исторический и прикладной блоки данных.

Первый раздел – общегосударственный, который включает главные события и явления из истории Руси (России), сопредельных стран, обусловившие события на территории исследуемого региона или проявившиеся на региональном, районном, локальном уровнях.

Второй раздел – региональный (районный, локальный), который охватывает события и явления в районе Козельска и соседних городов.

Природный блок – содержит сведения о масштабных экстремальных климатических явлениях (разливы рек, жаркие лета, холодные зимы); сведения о стихийных бедствиях (пожары, эпидемии, мор скота); другие аномальные явления природы. Данные о географических изменениях на местности, соотношении и природных границах леса (лесистости) и степи, гидрографии и т.п.

Исторический блок – включает археологические и исторические сведения, отражающие историю заселения и хозяйственного освоения исследуемого региона (первоисточники и их анализ); о военных событиях и лицах, к ним причастных.

Прикладной блок – содержит сведения о достопримечательных объектах и территории историко-культурного назначения, которые целесообразно включить в число культурно-исторических объектов. Этот блок объединяет информацию о территории культурного назначения с учебными, экскурсионно-туристическими маршрутами; сведения об объектах для придания им статуса заповедника и т.п. Применительно к включенным в таблицы данным готовятся пояснительные тексты, таблицы, справочно-статистические данные, комплексные описания ландшафтов и их компонентов; исторические справки; серии пояснительных фотографий и репродукций.

Разработанные таблицы позволяют насытить информационный слой исследуемой модельной территории пограничья «Козельск» различными историко-культурными и природно-историческими элементами, а в последующем подготовить на этой основе специальную карту.

Представляется, что на такой карте будет целесообразно показать: долины рек, балки, поймы рек (местами покрытые лесом), современные леса, места расположения крепостей, топонимы с пограничной окраской, пункты привязки легенд и др.

На карте могут быть показаны части города-крепости Козельск: оборонительные обводы, земляной вал, участки древнего рва, места расположения монастырских построек, места расположения казачьих кошей, места взятия местными жителями строительных материалов (грунт, глина, камень, дерево, тростник), а также укрепления в пригородных селах (деревнях).

Особенно детально могут быть показаны: древние дороги (пути), поляны, поля и т.д.; высоты, пригодные для размещения сигнальных

костров и наблюдательных пунктов, а также курганы – памятники «пограничной» предыстории; участки древнего леса; границы природных зон (ландшафта), а также возможные места заготовки леса для строительства крепостей на засеках и получения строительного камня, места выплавки металла и производства металлических предметов.

На карте может быть отражено положение и таких объектов: переправы (перевозы) через реки, участки рек (ручьев), оборудованные в качестве искусственных преград; прежние дороги, проложенные местным населением «сквозь» засеку; места разрушений при стихийных бедствиях (смерчи); старинные татарские шляхи; участки засеки, переданные Тульскому оружейному заводу; места укрытия населения – «зимницы»; села, приписанные к различным засекам; стыки («замки») засеки; храмы и монастыри, а также монастырские земли, освобожденные от засечного «налога» и др.

Целесообразно показать традиционные места сбора отрядов (рати), а также пограничные города (места), с которыми «взаимодействовал» Козельск при обороне засек. Особое место могут занять на такой карте специально выделенные объекты и места, например, упомянутые у В.А.Солоухина («Время собирать камни»), В. А. Чивилихина (эссе «Память»), А.К. Толстого («Князь Серебряный») и др. авторов, обращавшихся к истории Козельска.

История Козельска такова, что в ней накоплен большой исторический опыт проживания в зоне пограничья, на территории которой соседствовали и сотрудничали различные этнические группы. Вот почему нуждаются в обозначении на карте специальными условными знаками информация, представляющая особый интерес для этнографов, например, линии контактов представителей различных этнических и профессиональных групп и др.

Несомненный интерес для специалистов по охраняемым территориям представляют многочисленные сакральные природные объекты, которых немало на исследуемой территории. Козельские засеки могут, например, стать творческой лабораторией для тех, кто занимается выработкой и проверкой результативности мер, направленных на охрану культовых памятников. Некоторые такие меры предложены автором (см. приложение 13).

Наиболее перспективной формой комплексного описания культурных ландшафтов считается *электронная публикация*, с помощью которой возможно создание полилингвистических произведений, основанных на сочетании самых разнообразных текстов, форм их представления, интересов пользователей и т.д.[6].

Представляется, что разработанные автором «синхронистические» таблицы могут быть легко преобразованы в электронную публикацию. Это позволит объединить в себе не только текстовую и графическую информацию, но и сопроводить отдельные фрагменты сложными аудио- и видео-компонентами. При этом могут быть устранены такие присущие традиционным описаниям ландшафтов недостатки, как дублирование

текста или иллюстраций. Поскольку большие объемы информации требуют отыскания наиболее подходящей формы самих электронных публикаций, представляется возможным создание в перспективе «Мультимедийных электронных «синхронистических» таблиц» (МЭСТ) как формы описания культурного ландшафта пограничья.

Такие МЭСТ предоставят возможность изучающим описание культурного ландшафта самим делать выводы на основании материалов, содержащихся в таблицах в различных блоках информации. Удовлетворение электронной публикации в форме МЭСТ такому требованию, как наделение читателя чувством соавторства, позволит устранить главный недостаток любых описаний культурного ландшафта, заключающийся в том, что читатель после прочтения описания на бумажном носителе в виде статьи или книги остается неудовлетворенным.

Воссоздание и сохранение культурного ландшафта пограничья предполагает урегулирование взаимоотношений между различными субъектами права и вовлечение местного населения в поддержание функций культурного ландшафта пограничья. Вот почему в своих дальнейших работах автор предполагает уделить внимание более подробному рассмотрению вопросов управления культурным ландшафтом пограничья в интересах достижения эффективности ландшафтно-образующих процессов, ориентированных на успешное сохранение наследия пограничья.

Литература

1. Культурный ландшафт как объект наследия. М.-СПб. 2004. С.503-531.
2. *Малинин Д.И.* Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга. 1992. С. 206.
3. *Кавелин Л.* Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Приложения. С. 37.
4. *Гумилев Л.Н.* В поисках вымышленного царства. М. 1992. С. 285.
5. *Рябов С.А.* Хронология событий города Козельска (синхронистические таблицы по истории Козельска с древнейших времен до XX в.) // Козельск. 1998. №№ 121-123,124.
6. *Веденин Ю.А.* Информационная парадигма культурного ландшафта//Культурный ландшафт как объект наследия. С. 77.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список приложений к монографии

Приложение N	Содержание
Приложение 1.	Особенности Верхнеокского и Мещовского поясов переходных земель Юго-Западного края.
Приложение 2.	Словарь козельского говора.
Приложение 3.	Описание города Козельска по «Описи городов», составленной в 1678 г. и хранящейся в Разрядном приказе.
Приложение 4.	Состояние укреплений на Козельских и Белёвских засеках к началу и после завершения работ по их реставрации (апрель-сентябрь 1638 г.).
Приложение 5.	Выписка из описания дозора Козельской Столпицкой засеки, проведенного в 1677 г., с примечанием по дозору 1679 г.
Приложение 6.	Материалы дозоров Столпицкой, Дубенской, Сенецкой и Кцынской засек, проводившихся перед началом работ по их обновлению в апреле 1638 г.
Приложение 7.	Выписка из дел о передаче Козельской Столпицкой засеки от воеводы к воеводе в 1641 г.
Приложение 8.	Упомянутые в синодиках, а также в других документах Оптиной пустыни и Козельского Вознесенского девичьего монастыря лица, которые могли иметь отношение к защите южной границы Московского государства в XVII – XVIII вв.
Приложение 9.	Характер сведений о дозорах и другие данные относительно засек в Писцовых книгах Московского государства XVII в.
Приложение 10.	Указ с боярским приговором «Об осмотре и поправке границ и засек, о выборе в головы к засекам отставных Дворян и детей Боярских достаточных и о наказании за порубку засечных лесов» (от 25 июня 1678 г.).
Приложение 11.	Выписка из описания укрепленного городка на Козельской Столпицкой засеке (после 1641 г.).
Приложение 13.	Предложения по организации охраны сакральных природных объектов в пограничье.

Приложение 1

Особенности Верхнеокского и Мещовского поясов переходных земель Юго-Западного края (по Р.Ф. Туровскому [1].)

Смежные пояса переходных земель Юго-Западного края включают в себя:

Верхнеокский пояс: курско-орловские говоры южного наречия, диалектные зоны – юго-западная и юго-восточная, южно великорусские говоры с диссимилятивным яканьем*;

земли вятичей, черниговские земли, Новосильское и Карачевское княжества, Перемышльская, Лихвинская и Одоевская засеки Большой Засечной черты XVII в., юг Калужской губернии и юго-запад Тульской;

исторические центры – Перемышль, Воротыньск, Лихвин (Чекалин), Белёв, Болхов, Мценск, Чернь, пограничные центры – Козельск, Одоев; широколиственные леса, земли по Оке.

Мещовский пояс: межзональные говоры типа «А» южного наречия, диалектные зоны – южная, юго-западная и юго-восточная, говоры переходные к южновеликорусским, на белорусской основе;

земли вятичей, на западе – кривичей, земли Черниговского княжества (Мезецкое) и Карачевского княжества, краткосрочная литвинизация в XV в.

Козельская засека, юг Калужской губернии и юго-восток Смоленской; исторические центры – Мещовск, Мосальск, Жиздра, Юхнов; смешанные леса, Мещовское поле.

---

* *Диалект* (от греч. *dialektos* – диалект) – разновидность общенародного языка, употребляемая сравнительно ограниченным числом людей, связанных общностью территориальной, социальной, профессиональной.

Говор – разновидность языка, используемая в общении небольшой, как правило, территориально связанной части носителей данного языка. Говор разделяет с языком, вариантом которого он является, основные элементы структуры, но отличается от него некоторыми специфическими чертами на разных уровнях языковой структуры, например, на фонетическом уровне: говор акающий, говор цокающий и т.п. Группа сходных, но имеющих частные различия говоров, объединяется в наречие, или диалект.

Словарь козельского говора

А

Эта буква выговаривается часто как *Я*; например, *Ванкя* вместо Ванька.

Ага́. Разумеется, да, ладно, так.

Анадысь. Когда-то.

Анамясь, анамедни. Несколько дней назад.

Артель. Всё, что создается для совместного общего дела.

Асичка. Вид шапки.

Аткиль. Отколе, откуда.

Ашметки. Истоптанные лапти, кусочки чего-либо.

Б

Балаболка. Болтун.

Баран. Рукомойник глиняный.

Баста. Конец, всё.

Батраки. Работник наемный.

Баю, баить. Говорю, говорить.

Бечь. Бежать, он *бегит, отбег*.

Братина. Чаша, миса.

Буддён. Будний день.

Буряк. Свекла.

Будя. Хватит, достаточно, например, будя брехать-то!

Бухтеть. Высказывать недовольство.

Былка, былки. Отдельные «мясистые» стебли щавеля. Сбирать былки.

В

В предлог говорится как *У*; и обратно употребляется вместо *В*, например, вместо *у стены*, говорят *в стены*; и обратно – *в церкви*, говорят – *у церкви*.

Вадле́. Подле, возле.

Валуи́. Особый вид грибов.

Ва́лух. Крупный пескарь (рыба).

Вертай. Поворачивай.

Ве́рх, вершина́. Овраг.

Ветряк. Ветряная мельница

Взвар. Ушат.

Виски́. Волосы.

Вихля́ться. Качаться.

Вороно́к. Черное пиво.
Вороши́ть. Трогать.
Встрёну́ть, встре́л. Встретить, встретил, вмешаться.
Ву́ти. Утки.
Вчера́сь, увчо́ра. Вчера
Вы́шка. Чердак.
Вязе́нка. Небольшая часть дров.
Вязе́нки. Вязаные рукавицы.
Вя́кать. Лаять, а также говорить не по делу, не к месту.

Г
Га́ва. Тот, кто что-то вечно прозеывает, проворонивает, не успевает делать (прозвище).
Гала́мя. Давно.
Гамази́н, гамазе́я. Магазин.
Га́рот. Огород.
Гарьку́шки. Род грибов, красные подорешни.
Глы́бкий. Глубокий.
Гове́ть. Поститься.
Гогота́ть. Громко смеяться.
Голодра́нец. Нищий, бедный.
Голоси́ть. Плакать.
Горо́жа. Забор из подручных материалов, чаще из березовых толстых хлыстов, скрепленных чем попало, ограждение огородов.
Гре́бовать. Брезговать.
Гу́кать. Кричать, отсюда прозвище **Гук** – крикливый.
Гуле́на. Гуляющий человек.
Гунде́ть. Канючить, просить что-либо.
Гута́рить. Говорить.

Д
Де́жа. Квашня.
Домови́на. Гроб.
До́ча. Дочка, а также обращение к молодке.
Дробный́, дробне́нтий. Мелкий.
Дю́ка-дю́ка. Подзывные слова для кур.

Е
В словах «неударяемых» *Е* всегда переходит в *И* (веселый – *виселай*)
Ело́зить. Вozиться, водить.

Ж
Жерело́. Провал земли.
Жиле́йка. Свирель.
Жу́ть. Много.

З

Зады́. Территория села за околицей.

Заку́та. Хлев.

Зале́зь. Зайди, уйди.

За́стить. Заслонять, затемнять.

Зля́. Для.

Зипу́н. Кафтан.

Зы́бка. Колыбель.

Зы́к. Летняя пора, когда скотина бесится от оводов, говорят *так*: «*корова зыкует*», в переносном смысле обращает на себя внимание быка. В последнем случае, видимо, понятие идет от польского слова *зычить*, что значит желать.

Зы́кать. Шуметь, орать, делать (производить) что-то громко шумно или сильно, например, говорят «кдюч бьет «зыком».

Зя́кать. Кричать.

И

Идти́. Будучи с предлогами это понятие по-своему управляет другими словами, например, *идти к сестры*, но *идти от сестре*.

И́стой. Подлинный, точно такой.

Ион. Он, например, вместо *он говорит* – *ион бая*.

Ищю́. Еще.

К

Ка́жный. Каждый.

Казю́лька, казю́ля. Змея, ехидна.

Калби́на. Озерко.

Калу́га. Лужайка

Каля́ный. Твердый.

Камани́ка. Ягода ежевика.

Карачу́н. Чорт, демон, злой дух.

Ка́ть-ка́ть. Подзывные слова для овец, особенно для коз.

Кве́лить. Сердить, дразнить.

Колдо́бина. Глубокое место в реке, яма, выбоина.

Колошма́тить. Бить, ударять.

Ко́ник. Лавка в избе самая ближняя к дверям, делаемая обыкновенно ящиком для хранения разных вещей.

Копы́рка. Место на лугу на «паже» (смотри ниже). Идет от слова коп, в значении «копать, ковырять». Сельскохозяйственное орудие копыряло, которым, как и плугом пахали пашню.

Корец. Ковш.

Коцаве́йка. Род одежды, короткая кофточка, без перехвата, какие носят молдаванки.

Красна́. Холсты: например, говорят вместо *холсты ткать*, *ткать красна*.

Кро́шево. Капуста рубленая.

Крупёц. Колодезь, источник.
Круча. Крутой берег реки, обрыв.

Л

Ле́дунка. Бутылочка.
Литва́. В селе Березичах – прозвище жителей деревни Дешовки.
Лупа́стый. С глазами на выкате, человек с хорошим зрением.
Лу́жа. Озерцо, яма, наполненная водой на поле за околицей, куда гоняют гусей и уток.
Лурон. Рулон.
Лягва. Лягушка.

М

Малахо́льный. Тщедушный, придурковатый, легкомысленный.
Малы́й. Мальчик, молодой мужчина.
Матеро́й, матио́р. Довольно велик, скорый на дело.
Маторный. Проворный, непоседливый.
Махо́тка. Глиняный горшок для молока.
Мене́. Мне, дай мене́.
Меренъя́. Ругательство, производное от слова *мерин*, как и *конья* – от слова конь.
Молонья́, молонье́вый. Молния, побитый молнией (об орехах).
Мусута́ми. Особый узор в виде чередующихся ромбов и вытянутых крестов, который вышивается на свадебных рубашках, его ещё называют «лягушки».
Мышка́. Рука, употребляется только с предлогом под, например, несет под мышкой.

Н

Наме́тка. Ручная рыболовная снасть, сетка для лова рыбы.
Наниза́ться, сниза́ться. Одеться.
Напха́ть. Натолкать, наполнить (казачий термин).
Но́жни. Ножницы.

О

Обо́ры. Веребочки для прививания онуч у лаптей.
Огоркнуть. Окружить (из польского, следы пребывания).
Оде́жа. Одежда.
Окно волко́вое. Верхнее малое оконце так называется для отличия от большого или красного.
О́сел. Петля. Говорят: полезай хоть в осел.

П

Паж (**паж**). Часть луга, где обычно пасся скот и куда на ночь выгоняли лошадей. Там же находилось и особое место, выделенное под «конское кладбище».

Паняй. Погоняй. Интересно, что и у казаков на Кубани *Поняй!* – погоняй, трогай.

Паут. Овод, злая муха, кусающая лошадей.

Пленка. Плот из сплаваемых по реке дров, в пленке 50 бревен.

Плетуха. Корзина.

Поветь. Кровля соломенная.

Повойник. Платок вокруг головы, типа шапочки со сборками спереди и сзади, который носили замужние крестьянки.

Поди. Подойди.

Подойник. Ведерко для молока при дойке коров.

Полдня. Полуденная дойка коров.

Помиот. Порода.

Пострел. Тот, кто везде успел.

Поторой (потурой). Крот.

Пралик, паралик. Ругательство, например, *паралик тебя возьми*.

Прорва. Что-то бесконечное, бездонное.

Пузырь. Ламповое стекло.

Пулиовой. Малоценный, ничтожный.

Пуня. Сарай для сена.

Пупки. Желудки птицы.

Пыра. Ротозей (прозвище).

Пыри-пыри. Кличка, подзыв кур, цыплят.

Пырки. «Индийские» куры.

Пхать. Наполнять.

Р

Расплутать. Развязать узелок.

Растопырка, растопыренный. Неуклюжий, несуразный.

Руда. Кровь.

Рели. Качели (казацье).

Ременная. Название праздника в честь Параскевы Пятницы 28 октября по старому стилю. Ременная, это искаженное от Временная Пятница - «закрепленная во времени». Регионально ограниченным, локальным, этот праздник называется *Временной* и в некоторых других российских местах. Например, в Беловском и Суджанском районах Курской области.

С

Сабаш. Шабаш, конец, кончай!

Сапожинки. Время с 1 августа по 15 августа.

Семен день. Время 1 сентября.

Сербеть. Чесаться.

Серча́ть. Обижаться.
Сига́ть, сига́нуть. Прыгать, скакать.
Сика. Мелкая рыбешка, верхоплавка. Интересно, что в латинском языке сика – кинжал, именно на его лезвие так похожа эта рыбка.
Сине́ц. Довольно редкая и очень жирная рыба, родственник подлещика.
Скате́рка. Скатерть.
Ски́бка. Кусок хлеба.
Скоре́нча. Скорее.
Сморщи́ться. Плохо выглядеть (о человеке).
Снизки. Бусы.
Сниска – связка чего-либо, например *рыба на сниске*.
Соба́чки. Трава череда.
Спи́цы. Спички.
Сте́жка. Дорожка.
Сутиски. Сумерки.
Сухонóсец, красноголо́вик. Род грибов, польский белый.

Т

Танóк. Хоровод, например, *водит танки́*.
Ташка́. Рука, но употребляется только с предлогом под, например, взял под ташку, несет под ташкою.
Терёзи. Весы (у сербов также).
Тете́ря. Растеряха (о человеке).
Те́шить. Доить. Вместо *доить корову* говорят *тешить корову*.
Типу́н. Болезненная ранка (нарост) на кончике языка, лечится прижиганием серной спичечной головкой. «*Типун тебе на язык!*» – ругательное пожелание.
То́т-то. Чорт.
Трусить. Бежать. Например, он *потрусил*. Также о сене, в значении ворошить.
Тюря. Еда, состоящая из воды и крошенных хлебных кусочков.

У

Убра́ться, вобра́ться. Умереть.
Увесь. Весь.
Улепе́тывай. Уходи.
Уперидя́. Впереди.
Уперты́й. Упрямый (о человеке).
Упре́л. Устал, вспотел.
Уся, усе́. Вся, всё.
Ухват, хва́т. То, чем вынимают горшки из печи.

Х

Букву *Х* часто без нужды прибавляют перед *Ф*, и вместо *Филипп*, *Федор* говорят: *Хвилипп*, *Хвиодор*, и эту же самую букву перед *В* переменяют на

Ф, например, вместо *хворать, хвастать, хворост* говорят *фарать, фастать, форост*. «Боеприпасов не фатает, зато продуктов с лифвой».

Халден. В селе Березичах – прозвище жителей соседней деревни Дешовки.

Харахориться. Хвалиться.

Хоронить, похоро́нка. Прятать, что-либо спрятанное.

Хресный. Крёстный.

Хрести́ночка. В Бога верующая.

Хрумкать. Есть с хрустом.

Хряк. Боров.

Хряпка. Капустная кочерыжка.

Хряпнуть. Резко, с «треском» дёрнуть подобранную и предварительно подтянутую на позвоночнике складку кожи в нижней части спины лежащего на животе человека для снятия боли живота. Народный, исключительно эффективный приём, приносящий облегчение.

Хто. Кто.

Хыка. Этим словом пугают детей.

Ц

Цеп. Цепь.

Цепá. Всё, что зацепляется, например за крючок при рыбалке.

Церква. Церковь.

Циди́лка. Дуршлаг.

Ч

Ча́пать. Идти.

Чапельник. То, чем вынимают из печи сковороду.

Чажелый. Тяжелый.

Чемер. Спина́я боль от подъема тяжести, лечится хряпаньем (см.).

Чепурной, чепу́риться. Аккуратный и опрятный человек, наряжаться.

Чи́кать. Резать.

Чува́н. Котёл для варки.

Чуфи́снуть. Поклониться в ноги.

Чу́ять. Слышать, ощущать.

Ш

Шала́ться. Гулять, бездельничать.

Шантропа́. Мелкота, маленькие дети.

Шату́н. Чорт.

Ша́рить. Искать.

Шашша́, сашо́. Шоссе.

Шволяндить. Красть.

Шелудивый. Паршивый, поганный, некрасивый.

Шибка. Оконное стекло.

Шибко. Очень хотеть. Быстро.

Шкода. Вред, ущерб, озорство (из польского, *следы пребывания*).

Шпалёра. Рулон обоев.
Шуровать. Чистить (трубу).

Щ

Щеко́лда, шако́лда. Задвижка на двери.
Щепа́. Всё, что идёт на растопку печи.
Щипцы́. Клещи.

Я

Я употребляется в спряжении глаголов вместо *И*, например, *ион едя* вместо *он едет*. В словах «неударяемых» *Я* всегда заменяется на *И* (на памяти – на памяти).

Яго́дами называют только землянику.

Ядрёный. Крупный.

Яишня, ячня. Яичница.

Якшаться. Водиться (с человеком).

Ярыга. Хитрый человек.

Ящерка. Ящерица.

Приложение 3

Описание города Козельска по «Описи городов», составленной в 1678 г. и хранящейся в Разрядном приказе*

«В Козельску: воевода Василий Митрофанович сын Полонской. А по отписке его и по книгам нынешнего 186 году написано город Козелеск рубленой с обламы, городовые стены крыты тесом и дором сосновым. А по мере того города 565 сажень косых, вышина городской стене и с облымы 2 сажени.

По тому городу 2 башни проезжие с ворота, да 6 башен глухих. Около города крепостей: ров копаной, ослонен лесом сосновым и яловым, и против ворот сделан мост, и тот мост во рву ослон огнил и мост проваливается. По мере того рву в долину на 105 сажень, в глубину 3-х сажень. Да подле того ж рву старой самородной ров. А с другой стороны против Богоявленских проезжих ворот самородной старой ров, по мере того рва 100 сажени, а через ров против ворот сделан мост на режах в дубовом лесу**.

* Во всех приложениях там, где речь идет о конкретных документах XVII в., при их цитировании сохранен стиль и орфография первоисточника.

** Некоторые данные, характеризующие города-крепости XVII в., с которыми был связан Козельск, таковы. Перемышль – крепость с 8-ю башнями и деревянной стеной. Болхов – острог в 504 сажени имел 2 проезжих и 4 глухих башни. Мценск – 6 проезжих и 13 глухих башен, окружность крепости составляла 943 сажени. Яблонов – на протяжении 700 сажень было 4 проезжих и 9 глухих башен. Усерд – 3 проезжих и 6 глухих башен при окружности города в 330 сажень [3].

С правой стороны города течет река Жиздра, а с левой стороны течет речка Драгусна, по мере городской осыпи к реке Жиздре от стены до реки 34 сажени, а до речки Драгусны от городской стены 33 сажени. В городе 2 колодезя, в обеих трубы сгнили. Вестовой колокол на городе, весу в нем 11 пуд.

Людей: стрелецкий голова 1 человек, подъячих 2 человека. Стрельцов 100 человек, детей их и братья и племянников и всяких свойственников 51 человек. Пушкарей и затинщиков 16 человек. Воротников 5 человек. Разсылщиков 7 человек. Казенных кузнецов 2 человека. Пушкарских детей и братья и племянников и всяких свойственников 19 человек.

Наряду: 5 пищалей медных, к трем пищалям ядер разных статей 331 ядро. 7 пищалей железных, к тем пищалям ядер нарядных и ненарядных разных статей 1150 ядер. 5 пищалей затинных, ядер к ним нет. Пищаль медная полковая. Стрелецкого ружья 69 пищалей, да в казне порченых 3 пищали, переломлены надвое, с замками, да две стволины, переломлены надвое.

Зелья ручного и пушечного 60 пуд. Свинцу 47 пуд 14 гривенок. Запасные соли в обнарах 12 рогож 400 пуд, и та соль излежалась и вытекла в впредь не прочна» [2].

Ворота на Столпицкой Козельской засеке

Приложение 4
Состояние укреплений на Козельских и Белёвских засеках к началу и после завершения работ по их реставрации
(апрель-сентябрь 1638 г.).*

ЗАСЕКА	ЗАСЕКА И УКРЕПЛЕНИЯ НА НЕЙ В XVI ВЕКЕ (по оценкам засечных голов XVII века)	ВИД И СОСТОЯНИЕ СТАРОЙ ЗАСЕКИ		СТАРОЕ УКРЕПЛЕНИЕ	ВОССТАНОВЛЕННЫЕ И НОВЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ (апрель-сентябрь 1638 г.)
		3	4		
СТОЛПНИЦ- КАЯ	«Засека большая и изстари на ней крепостей было много». Укрепления стояли на дороге Козельск-Белёв на речке Песочке: башня, ворота, ворота створчатые «от поля», лесной завал.	«А от Столпницк ворот по обе стороны, где был створчатый завал лесной сечень, и таво завалу пеня и которые деревья были сечены, и таво всего не знать – все погнила, а потому по створчатому завалу лес вырос молодой в невеликое бревно».	«А на столпницк воротах, что было каких крепостей, и таво всего ничего не знать, все погнила».	5	- Укрепленный городок (25х23 саж.). - Две избы и погреб для пороховой казны. - Ров протяженностью 131 саж. - Надолбы, опускные и створные ворота
ДУБЕНСКАЯ	- Башня и дубовые ворота, ворота створные и опускные, 9 колод опускных, надолбы в два ряда и надолбы отводные. - Укрепления: на большой дороге Козельск-Болхов, в верховьях реки Дубенки (ориентировочно на месте «д оролок»). Имелась: ров «самородной», старый лесной завал.	Есть 3 места с дорогами и стежками. «...а что был на засеке по обе стороны ворот лесной завал, и тот завал весь погнил же...».	«А башни и ворота, и надолбы, и все крепости погнили...». На 7 в. от села Середицы до Бобринской засеки – «засека худая, земляного вала нет».		- Острог и 2 башни с воротами, ров, изба, пороховой погреб, надолбы в 2 ряда с наметами. - Ворота створные, ворота опускные, 5 колод опускных. - Вал лесной 32 версты. Дополнительные укрепления (валы и рвы) не строились, ввиду отсутствия мест неприсутным лесом и огородами. Проходные засеку места с дорогами и стежками заделали лесным валом и засеками.

* Составлено по материалам [4,5].

Продолжение приложения 4

1	2	3	4	5
КЦЫНСКАЯ	Потрагичный брус, вделанный в дерево, находился на русской стороне и имел надпись, указывавшую на Столпину и Бобринскую лесен.	Засеку пересекли не-скользко путей: стежка из с. Гостыкова в с. Соросино; стежка из с. Соросино в г. Бейби; стежка через поляну Клемитичи в с. Уколин; стежка из с. Уколин в д. Леоново; стежка из д. Поляново в с. Кирейково (была большая проломная дорога); дороги в д. Перелесь, с. Косыаново, д. Боровую, д. Зубовку.	Надольбы и ямы с частиком на проломной дороге около д. Позняковой в д. Кирей-ково.	<ul style="list-style-type: none"> - Лесной завал. - Крепость у села Кыль (ориентировочно – «Городово»). - Острог с башнями и башнями. - Речная запруда (15 саж.). - Надольбы вдоль реки, 2 моста (один внутри крепости), час-тик во все стороны. - Колоды опускные. - Надольбы двойные с наметами.
СЕНЕЦКАЯ	Много старых укреплений: колоды опускные, башня с воротами, мост, надольбы, острог.			<ul style="list-style-type: none"> - Острожок с прорезными воротами, башня. - Тарасы с земляей. - Потреб каменный и изба. - Ров. - Двойные надольбы с наметами.
БЕЛЁВСКАЯ (БОБРИКОВСКАЯ)	«В старину крепление было...»: баш-ни, надольбы, частик, колоды, избы и конюшни.		«Тех башен и надольб и час-тику и колод, избы и ко-нюшен – все погисли, толькокь знатно, где что бы-ло».	<ul style="list-style-type: none"> - Башни с поленой и с русской стороны. - С русской стороны – колоды. - Мост, надольбы и колоды.

Приложение 5

Выписка из описания дозора Козельской Столпицкой засеки, проведенного в 1677 г., с примечанием по дозору 1679 г.

«Козельская Столпицкая засека в полевую сторону сошлась с Лихвинской Слободецкой засекой, а промеж тех засек три сосны; на одной сосне три грани: одна указывает на Лихвинскую Слободецкую засеку, другая на Перемышльскую засеку, а третья на Козельскую Столпицкую засеку... Звено деревни Киреевской Дмитрия Семенова сына Киреевского от дуба через речку Слаговенку на гору. На горе дуб Холостец, на нём грань; а от дуба через Лобанов верх на дуб, на нём грань, подле его яма; а от дуба и от ямы на яму, у ямы илем, на нём грань;...через вершок Лиженкин... через речку Грезну; а та речка течёт сквозь заповедный лес на русскую сторону и впала в реку Жиздру; а переехав речку Грезну, а у той речки Грезно через топкое место и болото, по мере того болота 200 сажени».

«... по тот дуб отвод деревни Киреевской Дмитрия Семена Киреевского, а отводили приписные сторожи, крестьяне его, Анфимка Сазонов с товарищи. Порух в том звене учинено. А по распросным речам Дмитриевых крестьян киреевских Левки Сабурова с товарищи: те де порухи причинены были от всех крестьян деревни Киреевской и взята от них в том поручная запись; и те распросные речи и поручная запись в столпу».

«Между Перемышльской и Козельской засеками черта не сошлась, а лес заповедный сошелся; не доведена черта потому, что из давних лет тот лес был большой в глухих местах, и бурею заломан; проехать было немочно».

«... а селиторные земли и железные руды и к угольному женью крушинного дерева и бобровых гон и проломов и рядычей, где вновь жилие города построить для крепости от приходу воинских людей нет негде» [5].

Приложение 6

Материалы дозоров Столпицкой, Дубенской, Сенецкой и Кцынской засек, проводившихся перед началом работ по их обновлению в апреле 1638 г.

Столпицкая засека («от Белёвские Бобриковские засеки от грани до Лихвинские и Перемышльские засеки до граней»).

На первых 10 верстах от Бобриковской засеки тянулся лес, из которого можно было сделать небольшой завал. Затем шел холм, покрытый редким лесом, из которого «лесного завалу сечь не уметь». За холмом снова начинался лес на 8 верстах, — «поросль в бревно небольшое». «А на столпицких воротах, што было каких крепостей, и таво всего ничего не знать, всё погнила». По другую сторону от Столпицких ворот по направлению к Лихвинской, Слободецкой и Перемышльской засекам на 12 верстах «лес пошел всякой, а тем лесом завал лесной делать мощно небольшой. А в том во всем в заповедном в засешном лесу пропаши и сенных покосов и всяких полых мест нет. А по обе стороны тое Стол-

питцкие засеки рек, и колодезей, и озер, и ржовцов, и топких мест нет, а которые речки есть малые, и через те речки переехать на лошади и пешему перейти мощно, и без завалу леснова быть немочно. А от Столпитцких ворот по обе стороны, где был старой завал лесной сечен, и таво завалу пеня и которые деревья были сечены, и таво всего не знать – всё погнила, а по тому по старинному завалу лес вырос молодой в невеликое бревно. А поперег тово заповеднова Столпитцкова засешнова лесу и в широком месте больши шти верст нет, а инде пять верст и меньши» [6].

Дубенская засека.

«...с польской и русской стороны по обе стороны засеки пришел лес черной верст на 40 и 50 и больши, и в тех лесах, и засеке многие речки и болоты и мшары, и топкие места, и колодези и озера».

«... у Дубенских ворот была башня, да были двои ворота створные, да ворота опускаемые, да 9 колод опускаемых, а по обе стороны дороги на 155 саженьях были надолбы в 2 ряда, и створные надолбы на 35 сажень. Да подле Дубенских ворот вдоль по засеке протекала речка Дубенка. А от села Середич до Бобринской засеки на 7 верстах, вдоль по засеке, засека худа и узка, в ширину версты с полтретью и с заповедным лесом... и на тех 7 верстах без земляного вала быть не уметь». Таким образом, ширина леса в две с половиной версты считалась недостаточной, чтобы обойтись одной засекой, здесь нужен ещё земляной вал» [7].

«От Кцынских граней до Дубенских ворот на 17 верстах с польской стороны и с русской по обе стороны засеки поперег прошел лес черной верст на 40 и на 50 и больше. И в тех лесах и в засеке многие реки и болота и мшары и топкие места и колодези, и озера. А у Дубенских ворот была башня, да были двои ворота створные, да ворота опускаемые, да 9 колод опускаемых. А по обе стороны на сто на пятьдесят на пяти саженьях были надолбы на тридцати на пяти саженьях. Да подле Дубенских ворот вдоль по засеке протекала речка Дубенка. А башня и ворота и надолбы и все крепости погнили» [8]. «А от Дубенских ворот до Дубенской же засеки да Мценского уезда до села Середич на 8 верстах леса пришли черные большие поперег верст на 20 и больши с польской стороны и с русской по обе стороны засеки. А от села Середич по той же Дубенской засеки да Бобринской засеки на 7 верстах вдоль по засеки засека худа и узка, в ширину версты с полтретью и с заповедным лесом, а что был прежней лесной завал вдоль по той засеки, и той лесной старой завал весь погнил, и порос поросняг молодой, и на тех 7 верстах без земляного вала быть не уметь. А обапол той засеки с польской стороны и с русской пришли поля и деревни, а живут болховичи и мецняне дворяне и дети боярские розные и помещики» [9].

Кцынская засека

При досмотре Кцынской засеки на ней было обнаружено 8 незаконно проделанных стежек (троп). Засечные стражи объяснили, что «ходят тою стежкою Верхоруцкой волости крестьяне к приказчику, и в волость на совет

через сечу..., а наложили ту стежку собою, потому что их дорога в волость засечена, а обходить около – верст со 100, а через сечу перейти верст с 5».

Кцынскую засеку пересекали несколько дорог: стежка из Госкова в Сорокино; из Сорокино в Белев; через поляну Клемятичи в село Уколицы; из села Уколицы в село Леоново; из деревни Поздняковой в Кирейково (в 1638 г. здесь была проложена дорога). Дорога проходила в Передель, Косьяново, Борову, в деревню Зубкову.

Часть Кцынской засеки осталась неописанной, потому, что «дромом и заломом большим заломано и прочистить и рвы их звена некоторыми делы немочно» [10].

Сенецкая засека.

«Были 2 колоды опускные, да башня была проезжая с вороты, от башни была колода опускная. От той колоды были ворота опускные; пониже ворот опускных речка Сенец, а через тое речку был мост 20 с. Да за речкою, за мостом была колода опускная. От той колоды опускной были ворота створные. От створных ворот была колода опускная. От той колоды была башня проезжая с вороты. От той башни были 2 колоды опускных. От дву колод опускных были ворота опускные. От ворот опускных была колода опускная, от той колоды были ворота створные. От створных ворот были 3 колоды опускные, от Карачева последняя крепость. А надолбы были около тех ворот и башен по обе стороны дороги вдвое» [11].

«Вал валит лесной без пропуска, а рек, и озер, и пропащей, и сенных покосов, и палых мест нет нигде по тому валу кроме болот, и по болотам лес же порос большой и частой, на лошади ехать немочно, и пешой едва пройдет».

Раньше здесь была «проезжая башня» с воротами, подъезды к ней закрывались спускающимися колодами; «понеже ворот опускных речка Сенец, а через тое речку был мост 20 сажений». За речкой перед мостом была колода опускная, у ней были ворота створные, за ними ещё одна колода опускная, затем башня проезжая с воротами, две колоды опускные, опять ворота опускные, снова колода, ворота створные, три колоды опускные. По сторонам дороги двойные надолбы с огнивами (поперечинами) [12].

«А прежде сего завал валили семью города многими людьми» [13].

Бобриковская (звено Белевской засеки) *

---

* В районе города Белёва по реке Оке проходили четыре полосы Засечной черты: по правому берегу Оки, от деревни Федящево на 25 верст на восток – Федящевская засека; восточнее реки Оки, от деревни Кармань на Одоев – Толкижская; ещё севернее по Оке, по обоим её берегам, с укрепленными воротами у Азовца и двумя крепостями – Боровенская засека. По южному берегу реки Бобрин – Бобриковская, самая южная засека, имевшая протяженность 10 верст. Начиналась

«... от Муравленой деревни, от Сухочова пошла дуброва, реткое место, и полянки до речки до Бобрика, где были старые ворота на речке на Бобрике, а от ворот по Бобрику вниз и до Оки реки. Да от тех же ворот вверх по Бобрику и до лесу того места на 7 воротах по обе стороны речки Бобрика лес мелкой и реткой стоит кустами, место чисто, да исходили болота по обе стороны реки Бобрика, и где болота, то место крепко, не перелесть на конях, тут же меж болот место сухое, то перелесть мочно через Бобрик. А в старину креплено было: бит частич во всю речку Бобрику и до лесу, да надолбы были по обе стороны речки Бобрик и до лесу, да надолбы были по обе стороны речки Бобрик частые, да по том же месте Оки реки и до лесу было поставлено 27 башен для приходу татарсково, а меж башен был поставлен острог стоячей прямой».

Предполагалось, что к тому времени, когда татары выйдут к засечной черте, воеводами «на берегу» и в Москве уже будут получены вести о появлении врага и приняты меры [14].

Приложение 7

Выписка из дел о передаче Козельской Столпицкой засеки от воеводы к воеводе в 1641 г.

«Лета 7149 г. (1641г. – Р.С.А.) июня в 1 день по Государеву Цареву и Великому Князю Михаилу Федоровича всея Руси указу, Воротынец Дорофей Иванов сын Матов отдал козельскую столпицкую засеку и всякия засечные крепости, козличанину Ондрею Григорьеву сыну Шепелеву да Борису Максиму сыну Воронцову, что им каких крепостей отдал и тому всему роспись: Козельской Столпицкой засеки город сосновой, рубленой до мосту, рублен в одну стену, с быками; а на быках мощен мост; около города поверх мосту город рублен в две стены в клетку, а в клетках прорублены двери, ходить по городу; выше городни полтретьи сажени косых а в нем двадцать пять сажень, поперек двадцать три сажени; да на городе ж на быках накачены катки и поделаны по городу всякие бои, а около города мерою сто двенадцать сажень.

Да у города ж четыре башни рубленых; две башни проезжая с вороты, с Полской и с Руской стороны, крыты тесом. Да около города с трех сторон, с полевья стороны да от лесного завалу, копан ров; а по мере рву две сажени

она у деревни Гостьково в Калужской губернии и кончалась у впадения реки Бобрик в Оку, в районе деревни Петрищево. В сохранившихся документах отмечается, что «...на ней и близ нее лежали следующие селения: Поляна Ореховая, Телячьи Луки, Выдренный верх, Ларин Колодезь, село Гринино, деревня Сухочево, деревня Зайцево, деревня Дольцы, деревня Передел, деревня Позняково, деревня Слобода, поляна Клемятичи, село Сорокино, деревня Игнатово, село Петрищево и речка Чернышевка».

косых, глубина рву две сажени без трети; а с русской стороны ров не копан для того, что течет речка Песочна возле ров крутоберега, топка.

Да с полевая стороны от башни острога по обе стороны дороги, к лесному завалу, восемьдесят три сажени, а от того острогу надолб тройных да лесного завалу по осми сажен; да передо рвом с Полскую сторону надолб двойных, столбы дубовые, по обе стороны дороги, до лесного завалу по пятидесяти сажен косых на сторону; а промеж надолоб на дороге опускная колода дубовая.

А от проезжей башни с Полской стороны до первых створных ворот, вдоль по дороге, надолб двойных по девяти сажен на сторону; да мене тех воротыи города, и меж длинными надолбами, ворота опускные, первые от города верей дубовыя. А от тех ворот отметных надолоб, по обе стороны, до лесного завалу восемьдесят сажен, а от тех ворот другие ворота опускные, верей дубовыя. А от тех ворот надолбы двойныя, верей дубовыя, по обе стороны, до лесного завалу девяносто две сажени; да перед теми вороты колода дубовая опускная. А от тех ворот колода опускная дубовая ж; а от опускной колоды отметных надолоб, по обе стороны дороги, к лесному завалу семьдесят сажен. А от той колоды ворота опускные, двери дубовыя; а от тех ворот отметных надолоб, по обе стороны дороги, к лесному завалу семьдесят три сажени, да у тех же ворот колода опускная, дубовая. А от тех ворот сделана колода ж дубовая опускная; а от той колоды отметных надолоб, по обе стороны дороги, до лесного завалу сто один сажен. А той колоды вороты последние от поля, створчетые, и у тех ворот позади для запору ворот, колода дубовая опускная с Рускою сторону; да с полевую сторону колода опускная дубовая. А от ворот, по обе стороны дороги, острогу восемь сажен; а от острогу надолоб отметных, по обе стороны дороги, к лесному завалу сто сажен; а от тех ворот вдоль по дороге, по обе стороны дороги, надолоб по пятнадцати сажен на сторону; а по конец тех надолоб колода опускная дубовая. А в Рускую сторону города, за поляною, колода опускная дубовая, а от той колоды, по обе стороны дороги, надолоб тридцать два сажени. Да с Рускою ж сторону, возле города, через речку Песочну, надолб по обе стороны дороги, сорок восемь сажен, да колода дубовая опускная.

Да в городе две избы; да казенный погреб с выходом, обсыпан землею, покрыт дерном. Да лесной завал на Столпицкой засеки, сечен возле старого лесного завалу по большому лесу; и лесной завал крепок, подниман на попя.

А полых безлесных, и рек, и ржавцов, и болот в заповедном лесу нет; а которая речки есть, а те речки малы, пещаны, и мелки, и конному переехать и пешему перейти мочно без мечтанья; а начертаны те речки в чертеже; которая есть, и те все поперек завалу лесного, и крепостей у них никаких нет.

А от замка Лихвинския засеки и Перемышльския до козельских столпицких ворот сечено лесного завалу четыре версты сто сажен; а от тех козельских столпицких ворот до замка Белёвския Доброковския засеки

сечено лесного завалу осьмнадцать верст триста шестьдесят сажен; всего лесного завалу, от замка Лихвинския засеки до замка Белёвския Добровския засеки, двадцать две версты четыреста шестьдесят сажен. А поперек лесного завалу, от черты с Рускою сторону до ворот, 955 сажен; а от ворот до черты с Полския стороны 1606 сажен; обоего поперек засечного лесу 2361 сажен.

А наряд, и зелье, и всякие пушечные запасы, Столпицкой засеки из города, Никита Павлов по росписи отдал в Козельску, по государеве грамоте, воеводе Ивану Кутузову в нынешнем во 149-м году» [15].

Приложение 8

Упомянутые в синодиках, а также в других документах Оптиной пустыни и Козельского Вознесенского девичьего монастыря лица, которые могли иметь отношение к защите южной границы Московского государства в XVII-XVIII вв.

Антоний – убиенный из рода Воейковых, СВДМ* (67)

Ардашев Григорий Авакумович – козельский воевода в 1722г., АОП (94)

Баишаков Арефа – подъячий, ГОП (82)

Безобразов Андреян Трофимович – подъячий, СОП (113)

Беклемишев Алексей Алексеевич – стольник, ВОП 1696 (108)

Беклемишев Алексей Васильевич, СВДМ (67), в его роду упоминаются несколько схимников и схимниц и 14 человек значатся «убиенными».

Бормосов Михаил – составитель доездных книг, ГОП (82)

Василий Воейков – убиенный из рода Воейковых, СВДМ (67)

Волосатов Лазарь – солдат, СВДМ, (68)

Воротынские Иван и Михаил – князья СОП (114). Здесь речь, видимо, идет об Иване (умер в 1679 г.) и его сыне Михаиле (умер на 4 года раньше отца в 1675 г.). Однако нам известны Михаил и Иван Воротынские – выдающиеся организаторы пограничной службы в Русском государстве в XVI в.

Вяземский Иван Матвеевич – князь, СОП (114), козельский воевода в 1702 г., стольник, ВОП (114)

Глазов Иван – подъячий, составитель козельских писцовых книг 1629, 1630 и 1631 гг., ГОП (78)

Головков Иван – козельский губной староста, 1672 г.

Давыдов (Давидов) Иван Семенович – СОП 1670-1690 гг. (113)

---

* Принятые сокращения: СВДМ – синодик Вознесенского Девичьего монастыря города Козельска; ВПМ – вкладчик Перемышльского монастыря; АОП, ГОП – акты, грамоты Оптиной пустыни, ВОП – вкладчик Оптиной пустыни, СОП – синодик Оптиной пустыни. В скобках приведены страницы упоминаний в книге «Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни». Репринтное издание Свято-Введенской Оптиной пустыни. 1875 г.

Давыдов Андреян – крестьянин, ГОП (89)
Давыдовы – род, из которого Павел Степанович Давыдов был козельским воеводой (1625г.), СВДМ (68)
Десятых (Десятовы) – род, из которого Юрий Десятков был Лихвинским засечным головой в 1638 году, СВДМ (67)
Дурново Потап Михайлович – стольник, в 1691 г. был Муромским воеводой, СОП (114)
Екатерина – схимница из рода Андрея Петровича Шепелева, убита, СВДМ
Елена – инокосхимница из рода Андрея Петровича Шепелева и Нестерова, убита, СВДМ
Желябужский Иван Афанасьевич – думный дворянин ВОП 1678 г. (105), окольный, ВОП 1689 г. (106), СОП 1670-1690 (113)
Желябужский Тимофей – участник земского собора 1642 г., ГОП (78)
Иванов Андрюшка – пушкарь, ГОП (76)
Иванов Никита – подъячий, ГОП (89)
Камынин Василий Иванович – ВОП, 1689 г. (108)
Кондырев Петр Тимофеевич – боярин, при царе Федоре Алексеевиче был думным дворянином, а с 1682 г. «ведал мастерской царских палат» ВОП, 1689 г. (107), СОП (115)
Коробков Антон – драгун, ГОП (85)
Корсаков Андриан – солдат, ГОП (86)
Кошелев Василий Иванович – ВОП, 1686 г., 1678 г. (105), СОП (114), козельский воевода (1676 г.)
Лаврентия – инокисхимница из рода Андрея Петровича Шепелева, убита, СВДМ
Масютин Сидор – солдат Белгородского полка (66), СВДМ (67-68).
Милославские Илья Данилович – боярин, при царе Алексее Михайловиче возглавлял правительство, являлся послом в Турцию и Голландию СОП, ВОП, 1685 г. (114)
Новиков Григорий – драгун, ГОП (85,86,88,93)
Павлов Григорий – драгун, ГОП (85)
Панкратов Евсей – строитель мельницы, ГОП 9 (92).
Полежалыцев Трофим Ефимович – пушкарь, вкладчик Никольской церкви г. Козельска (31.01.1681 г.)
Полянский (Полонский) Василий – думный дьяк, козельский воевода в 1677, 1678 и 1680гг., СОП (84)
Протасов Семен Игнатьевич – стольник, СОП (115)
Самойлов Иваика – пушкарь, ГОП (80)
Собакин Григорий Никифорович – стольник, СВДМ (67)
Сокорев Григорий Васильевич – стольник, воевода, ГОП (?), СОП (115)
Сонцев – Засекин Юрий Михайлович – ?, СОП (115)
Стригин Никифор – драгун, ГОП (85)
Толбузин Василий (Толбозин) – составитель козельских писцовых книг 1629, 1630 и 1631 гг., ГОП (78)
Травины – род, из которого Степан Травин в 1634 г. был воеводой в Козельске, СОП (114)

Хитрово Богдан Матвеевич – боярин Костромской чети, дворецкий и оружейничий, выдающийся организатор и руководитель строительства пограничных засечных черт (Белгородская, Симбирская), ГОП (80)

Чебышев Василий Абросимович – стольник, СОП (114)

Черкасский Иван Михайлович – князь, ВОП 1689 г. (108)

Чичерин Андрей Григорьевич – ВОП, 1689 (107), ВОПи 1694 г. (109), помещик с. Березичи

Чичерин Андрей Яковлевич – стольник, ВОП (по поручению царевны княжны Софьи Алексеевны) (103)

Чичерин Иван Иванович – думный дьяк поместного приказа (1611 г.), подписался под грамотой об избрании на царство Михаила Фёдоровича Романова, служил стряпчим и воеводой в сторожевом полку в г. Новосиле (1616 г.) и городовым воеводой в Уфе и Казани (1633 г.), СОП, 1670-1690 гг. (113)

Чичерин Семен Петрович – стольник, СВДМ (67).

Чичерины – род, из которого надворный советник Чичерин являлся козельским воеводой в 1765 г., СВДМ (67).

Шепелев Андрей Петрович – стольник ВОП 1727 г. (94), 1689 г., ВОП (107), 1678-1690 гг., СОП (113).

Шепелев Иван Петрович – стольник (66)

Шеховской Михаил Семенович – князь, ВОП 1675 г., (104), СОП (112).

Юшков Борис Гаврилович – окольничий, СОП (114).

Юшков Василий Григорьевич – стольник, ВОП 1678 г. (105), СОП 1670-1690 гг.

Приложение 9

Характер сведений о дозорах и другие данные относительно засек в Писцовых книгах Московского государства XVII в.

Писцовая книга		Содержание записей	Источник, стр*.
№№ книг	Листы		
КОЗЕЛЬСКИЕ ЗАСЕКИ			
416	787-804	Дозор 1652 г., описание укреплений	35
416	769	Данные о перепашке мест на засеке	42
416	792	Данные о крепостных укреплениях на засеке	194-196**
415	371-387	Дозор 1662 г., описание укреплений	35
415	398-412	Дозор 1663 г., описание укреплений	35
389	402, об.451	Дозор 1676 г., топографические указания	35
389	57-135	Дозор 1677 г., топографические указания	35
389	170-176	Дозор 1677 г., топографические указания	35
389	414	Данные о перепашке мест на засеке, 1676 г.	42
389	524-531	Данные о землевладении засечной стражи	40
389	171 (об.)	Данные о крепостных укреплениях на засеке	194-196**

БОБРИКОВСКАЯ (БЕЛЕВСКАЯ) ЗАСЕКА			
416	787-790, 801-804	Дозор 1652 г.	36
390	826-833	Дозор 1679 г.	36
390	995	О месте схождения трех засек: Столпицкой, Перемышльской и Слободенской (Лихвинской)	39
416	729-730	Данные об отдаче в пользование (в оброк) полян у засеки	40
СЛОБОДЕНСКАЯ (ЛИХВИНСКАЯ) ЗАСЕКА			
242	1-3, 123-124, 155сл.	Дозор 1640 г.	34
416	725-727	Данные об отдаче в пользование (в оброк) полян у засеки	42
389	524-531	Данные о землевладении засечной стражи	40
ПЕРЕМЫШЛЬСКАЯ ЗАСЕКА			
416	739-741	Дозор 1660 г.	34
389	136-165	Дозор 1677 г., обстоятельная топография	34
389	485-507	Дозор 1677 г., обстоятельная топография	34
390	703-714	Дозор 1679 г.	34
389	166-169, 524-531	Данные о землевладении засечной стражи	40

Примечание:

* Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916.

** Никитин А.В. Оборонительные сооружения засечной черты XVI-XVII вв.//Материалы исследований по археологии СССР. №44. Т.3. М., 1955. С.195.

Приложение 10

**Указ с боярским приговором «Об осмотре и поправке границ и засек, о выборе в головы к засекам отставных Дворян и детей Боярских достаточных и о наказании за порубку засечных лесов»
(от 25 июня 1678 г.)**

«На засеки для дозору и для засечного строенья послать воевод из таких же чинов, из каких на те засеки посланы были Воеводы наперед сего со 146 году до 171 году, велеть на тех засеках всяких засечных крепостей и граней и урочищ и всяких признаков, против прежних писцовых и дозорных книг дозреть и описать именно.

А в которых местах помещики и вотчинники завладели тех засек в межах и гранях к поместным своим и к вотчинным землям, и старые грани высекали, и межи запахали: и те все засечные земли по старым межам очистить, по прежнему к засекам, и учинить межи и грани вновь в прежних местах. А буде где на засечных землях поселены села и деревни:

и те села и деревни со крестьяны и бобыли отписать на Его Великого Государя, и велеть тем крестьянам и бобылям в тех селах и в деревнях жить до Его Государева указа, и отписные книги прислать.

А в которых засеках на проезжих дорогах городки и острожки и надолбы и проезжие ворота и башни и лесные завалы и всякие засечные крепости погнили и обвалились, и рвы засыпаны: и те всякие крепости сделать против прежнего теми же людьми, которыми те места наперед сего деланы по платежным книгам с живущих чети; а которые села и деревни поселены вновь после писцовых и переписных книг, и тем засечное дело велеть делать, примерясь к таким же селам и деревням, которые в живущие чети положены, чтоб в том засечном деле никто в избылх не был.

А в которых местах в засеках засечной заповедной лес высечен сплошь, и лесным завалом тех мест будет укрепить нельзя: и в тех местах, велеть сделать земляной вал и рвы и надолбы и иные крепости, какие пристойно, тем людям против чьих поместий и вотчин такие поруки учинены, и которые люди тот лес высекли, и поруки учинили.

А засечных поместных сторожей и их детей и братью и племянников, которые ныне у засек, и которые посланы на Его Государеву службу, переписать всех имена с отца и с прозвища, и по сколько за ними засечных поместных земель и всяких угодий, и теми своими землями они владеют ли, или у них что завладели помещики и вотчинники? и буде теми их засечных сторожей кто завладели землями, по тому же отписать всё именно, и опричь засечных сторожей, теми землями владеть никому не велеть.

А засечным Головам велеть быть у засек из отставных Дворян и из детей Боярских тех городов из прожиточных людей, кому пригоже, которые не престарели, и от засек живут в ближних местах, верст по пяти и по шти и меньше, а не у самых засек, а скудным людям у засек в Головах не быть. А для засечной старой черты и для засечного дела дать им из Рейтарского приказа с прежним дозорных, и с Разрядных и засечного дела с книг списки; а для опасения от приходу воинских людей, велеть тех засек засечным Головам и сторожам и в уездах сошным людям Его Великого Государя указ сказать, чтоб они по всем засекам, по старым росписям 146 г., где кому быть указано, по вестям были готовы со всяким боем на указных местах против прежнего, а ныне до Его Государева указа сошных людей к засекам с ружьем, опричь деловцов, никого не иметь, и убытка им и налога в том не чинить.

А которых сел и деревень и с чьих поместий и вотчин к которой засеке и в кольких верстах по указным местам и с каким боем подымовные люди наперед сего были, и тому с засечных Разрядных книг 146 г. послать списки; да в тех же городах и в уездах, в селах и в деревнях помещиком и вотчинником и их людям крестьянам велеть сказывать Его Великого Государя указ, чтоб они помещики и вотчинники и их люди крестьяне в засеки не ездили и не ходили, и дорог и стежек не накладывали, и лес не секли, и никаких порух не чинили, и от сторонних людей того берегли, чтоб никто в засеках никаких порух не чинили; а буде кто учнет в засеки ходить, и

дороги и стежки накладывать, или какие порухи в засеках чинить, и на тех людях за засечные порухи иметь пенные деньги против прежнего.

А кто проложит в засеке дорогу, или стежку, или ссечет дерево с гранью, или без грани, или высечет избу, или овин: и за дорогу, и за дерево с гранью по 10 рублей, а за стежку и за дерево без грани по пяти рублей, и те пенные деньги присылать к Москве; да тем же помещиковым и вотчинниковым людям и крестьянам за те засечные порухи чинить жестокое наказание, бить кнутом в городах в торговые дни при многих людях, чтоб на то смотря, иным также не повадно было в засеки ходить, и дороги и стежки прокладывать, и засечной лес сечь.

А будет те люди, которым за засечные порухи учинено будет наказание, впредь учнут в засеках какие порухи чинить: и им зато быть казненным смертью; также будет засечные дозорщики и засечные Головы, норовя пенным людям, учнут их в засечных поруках укрывать, и за те засечные порухи на пенных людях пенных денег править, и наказание тем пенным людям чинить не учнут для своих взятков, а после про то сыщется допрама: и за те порухи пенные деньги вдвое, вместо пенных людей, доправлены будут на них засечных дозорщиках и засечных Головах, да у них же поместья их и вотчины отписаны будет на Великого Государя бесповоротно, и быть им во всяком разоренье.

А которые люди в засеках порухи чинили до нынешнего Его Государя указа, о которых поруках в прошлых годах писали засечные дозорщики и засечные Головы: и тем людям за те порухи Его Великого Государя указ будет впредь» [16].

Приложение 11

Выписка из описания укрепленного городка на Козельской Столпицкой засеке (после 1641г.).

«... С русскаю сторону в заповедном лесу серед лесу по обе стороны белевской дороги копан ров. А по мере того рва на правую сторону дороги в длину на 50 с., а по левую сторону по мере того же рва на 50 с. Ширина тому рву 2 с., глубина была тож. Учinen тот ров был без ослону. А подле того рва были учинены надолбы. А у того рва на большой дороге были опускные ворота. А ото рва и от ворот по обе стороны были надолбы с городку по речке Песочну».

«В речке Песочне по берегам против городка ров был ослонен сосновым лесом и тот ослон погнил и разнесло водою, ничего нет» [17].

На Столпицки воротах – надолбы тройные [18].

Пограничная летопись земли вятичей и города Козельска

НА ЗЕМЛЕ ПРАВЯТИЧЕЙ*	
<p align="center">VII-VIII вв.</p> <p>Складывание границ проживания протовятичей, пришедших из северного Подонья, на общей территории, населёемой славянскими племенами. Участие в совместной защите границ славянской территории от аваров, а затем германцев. Действия на границе против хазар, прикрытие славянских первопроходцев от нападений со стороны других азиатских кочевников.</p>	
<p align="center">ФОРМИРОВАНИЕ ГРАНИЦЫ ЗЕМЛИ ВЯТИЧЕЙ И ИХ ОБОРОНА ОТ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ ИЗВНЕ</p> <p align="center">IX – XI вв.</p> <p>Охрана и защита межродовых, межплеменных границ, границ первых городищ, мест лова рыбы и охоты являлись главной заботой племен и их вождей в то время.</p>	
859 г.	Первое упоминание вятичей в русских летописях.
IX в.	Складывание границ между вятическими волостями, пограничные контакты, а также межплеменные столкновения на рубежах земли вятичей: на севере – с кривичами; северо-востоке – с меря; юго-востоке – с мордвой; на юго-западе – с северянами; на западе – с радимирами.
После 859 г.	Совместная с полянами и северянами оборона границ Хазарского каганата, в который с 859 по 966 г. входила и земля вятичей. Например, приграничные столкновения с киевской ратью Святослава Игоревича, шедшей в 964-965 гг. на хазар.
981 и 982 гг.	Действия на вятичской границе против киевской рати Владимира Святославича, обложившего вятичей данью.
НА ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЕ У КИЕВСКИХ КНЯЗЕЙ	
988-998 гг.	Участие в охране и обороне южного пограничья Киевской Руси от кочевников – печенегов. Самые

* Термины «правятичи», «земля вятичей» и «вятичи» используются с учётом условности их применения к реалиям I – начала II тысячелетия н.э.

	крупные их нападения отмечены в 992,996,997 гг.
ЗАЩИТА ГРАНИЦ НЕЗАВИСИМОГО ВЯТИЧЕСКОГО КНЯЖЕСТВА	
1015 – 1115 гг.	Оборона границы независимого от Киевского государства и других политических центров территориально-племенного образования вятичей. Например, рубежи вятического княжества князька Ходоты и его сыновей оборонялись от нападений войск Владимира Мономаха между 1078 - 1094 и 1113 – 1115 гг. В это время реализуются решения княжеских съездов: Любечского (1097г.), узаконившего право черниговских князей на земли вятичей, и Долобского (1103г.), санкционировавшего организацию совместной защиты границы со степью. Сведение «пограничных счетов» между племенными образованиями, именовавшимися по их центрам: «рязанцами» (вятичи и мурома), «новгородцами» (кривичи, веси и словене) и «полочанами» (кривичи, ливы и летты).
1054 г.	По смерти Ярослава Владимировича страну вятичей получил в удел Святослав II Ярославич – Князь Черниговский; но некоторая часть по рекам Угре и Протве отделилась Всеволоду, Князю Ростовскому и Суздальскому. Новая граница между княжествами – источник ссор и прямых вооруженных конфликтов.
НА ГРАНИЦЕ ЧЕРНИГОВСКОГО, СМОЛЕНСКОГО И ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО КНЯЖЕСТВ	
Середина XII в. Козельск – мощная пограничная военная база, откуда осуществлялись вылазки киевских князей на соседние земли.	На северной и восточной границе Черниговского княжества со Смоленским и Владимирским княжествами. Территория вятичей лежала к востоку и северу от линии Обловь – Подесенье – Карачев – Мценск.
1146 г.	Козельск впервые упоминается в русских летописях в связи с пребыванием в нем Юрия Дол-

	<p>горукова. Здесь проходила граница между двумя волостями вятичей, одна из которых принадлежала Святославу Ольговичу. Козельск – центр развития событий междоусобного конфликта между новгород-северским князем Святославом Ольговичем и коалицией черниговских князей Владимира и Изяслава Давыдовичей и Изяслава Мстиславича Киевского. К последним примкнул племянник Святослава Ольговича – сын умершего Всеволода – Святослав.</p>
1147 г.	<p>Оборона границ земли вятичей от новгород-северской рати Святослава Ольговича и переход Козельска (вплоть до 1202 г.) в удел князей новгород-северского дома.</p>
1154 г.	<p>Козельск упоминается повторно в связи с походом на Киев владимиро-суздальской рати Юрия Долгорукова, который не сумел взять эту мощную пограничную черниговскую крепость. В это время козельская земля являлась пограничной областью независимых вятичей, находившейся между наступающими с двух сторон силами – из Чернигова и Суздаля.</p>
1190-1192 гг.	<p>Участие в обороне границы русских земель от вторжения многочисленных половецких орд.</p>
1196-1199 гг.	<p>Возведение Черниговским князем Игорем Святославичем неподалеку от древней границы вятичей первых лесных засечных черт против Всеволода и Давыда.</p>
1197 г.	<p>Последнее упоминание вятичей в русских летописях.</p>
НА ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЕ ЧЕРНИГОВО - СЕВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ	
1238 г.	<p>Козельск – источник преданий и легенд о прочности духа защитников границ. Это пограничный форпост, место беспощадных схваток с неприятелями всех мастей. Козельск – прообраз будущих крепостей на границах России.</p>
	<p>Героическая семинедельная оборона крепости Козельск от войск Батыя.</p>

После 1238 г.	После смерти в Орде Михаила Черниговского Козельская земля со своими границами оказалась в составе княжества Мстислава (Карачев и Козельск).
ЛИТОВСКО-РУССКОЕ ПОРУБЕЖЬЕ	
1339 г. – конец XIV в. Козельское удельное княжество – одно из «верховских» княжеств, здесь проходила и граница между отдельными из них. Пограничный характер литовско-русского порубежья порождал трагическую действительность, обусловленную наличием границы между православием и католицизмом. Здесь, на окраине княжества Литовского, княжеств Руси, а затем и Московии, орудовали многочисленные мусульманские банды, которые грабили города и села, уводили в плен людей.	Краткосрочные переходы Козельска от Литвы к Москве и обратно. Козельск участвует в пограничных конфликтах и войнах между двумя этими государствами. Эпизодические действия в приграничье против ордынцев на стороне то литовцев, то русских. С 1395 г. Козельск – литовский пограничный город на литовской стороне.
На протяжении XV в.	Неоднократное разорение Козельска «от Литвы» (1404, 1445 гг. и др.). Проход через пограничные козельские земли «страны Московской» ратников московского князя Василия Дмитриевича (трижды за период 1406-1408 гг.). Разорение Козельска, вместе с другими литовскими городами, ханом Ахматом (1480 г.).
КОЗЕЛЬСК В СИСТЕМЕ ОБОРОНЫ ЮЖНОЙ ГРАНИЦЫ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА	
1494-1508 гг.	Постепенный переход Козельска и козельских волостей из состава Великого княжества Литовского к России.
Первая половина XVI в. Козельск – передовой и одновременно буферный пункт, главным предназначением военной силы, сосредоточенной в котором, являлось решение задач службы дальней разведки и оповещения Правительства и государя об угрозах со стороны «литвы» и «крымской украины».	Выход Козельска на передовую линию обороны границы Московского государства. Участие козельчан совместно с ратью из других пограничных городов Московского государства в отражении на берегах рек Угры и Оки многочисленных походов орд из Крымского ханства. Прибытие в Козельск первых пограничных полков (1540 г.).

<p align="center">Вторая половина XVI в.</p> <p>Козельск – город, силы которого несли непосредственную службу по охране границы, именовавшуюся «государевой украиной». Как стратегически важный пункт Козельск находится на западной границе по соседству с опасной во всех отношениях Литвой и одновременно на южной «украине» Московского государства.</p>	<p>Начало активного устройства засек для прикрытия границы с Крымом, сбор средств на засечное строительство и введение штата засечных приказчиков, голов и сторож.</p>
<p align="center">1566 г.</p>	<p>Завершение работ по созданию Заокской засечной черты.</p>
<p align="center">1571, 1572, 1584, 1586, 1587, 1592, 1595, 1597 гг.</p>	<p>Участие козельчан в недопущении татарских проходов через границу орд во главе с крымскими царевичами.</p>
<p>НА РУБЕЖАХ РУСИ БЕЗГОСУДАРНОЙ В СМУТНОЕ ВРЕМЯ</p>	
<p align="center">1598-1613 гг.</p> <p>Козельск – разбойничья вольница, место укрытия сторонников и противников враждующих в борьбе за власть сил. Зона пристального внимания разведки противоборствующих сторон, средоточие путей прихода «польских и литовских людей» и область, куда выводили татарские шляхи (пути прихода крымских и ногайских татар).</p>	<p>Полное разрушение системы охраны и обороны границы поляками, литовцами, татарами и шайками «гулящих людей» на рубеже Козельских засек.</p>
<p>У ГРАНИЦ РУСИ, ВЫХОДЯЩЕЙ ИЗ СМУТЫ</p>	
<p align="center">После 1613 г.</p> <p>Козельск – казачий городок в глубине зарождающейся и развивающейся Российской империи, в условиях становления и развития казачества, как главного служилого сословия в России. Обеспечение охраны границы, таможенная и карантинная служба на путях, охрана коммуникаций и поддержание укреплений на засеке в готовности противостоять неприятелю – главные задачи казаков на Козельской земле.</p>	<p>Начало восстановления и поддержание казаками и местным населением в боеготовом состоянии Козельских Столпицкой, Дубенской, Кцынской и Сенецкой засек.</p>
<p align="center">1621 г.</p>	<p>Расселение под Козельском новой большой партии казаков, присланных сюда специально для несения пограничной службы на засеках.</p>

В ОЖИДАНИИ НОВЫХ НАБЕГОВ «БАСУРМАН» ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ	
1630 г.	Принятие дополнительных мер по обустройству Козельских засек для обозначения и охраны границы Московского государства.
1632 г.	Осуществление дозора Козельских засек с целью установления состояния и возможности их восстановления в связи с новыми угрозами со стороны Крыма.
1635 г.	Дозор Козельских засек с детальным изучением состояния укреплений на них.
1638 г.	Реконструкция (капитальный ремонт) Козельских и других засек Заокской засечной черты.
БЕСПОКОЙНЫЕ ВРЕМЕНА	
1652 г.	Осуществление дозора Козельских и Бобриковской Белевской засек.
1662, 1663, 1676 гг.	Осуществление дозора Козельских засек.
1677 г.	Осуществление дозора Козельских и Перемышльской засек.
КОЗЕЛЬСК – ВОЕННЫЙ ГОРОД	
<p>После 1725 г.</p> <p>С утратой значения засеки как оборонительного рубежа Козельск и уезд перестали считаться пограничными. Территория Козельского уезда рассматривалась с военной точки зрения лишь как возможное место проведения маневров. Вместе с тем город стал одним из многих военных гарнизонных городков, разбросанных на просторах России. Являясь центром купеческой торговли и парусного производства, город всё больше брал на себя функции поставщика провианта и фуража для нужд армии и пограничной охраны России.</p> <p>После издания указов о передаче Козельских засек в ведение оружейной конторы Тульского завода в 1738 г., многие козельчане заступили на нелегкую службу по обережению и восстановлению леса – источника важного военного стратегического сырья для производства деревянных оружейных прикладов, пушечных лафетов, а также пороха. Оружие, элементы которого были изготовлены из древесины, полученной в лесах по Жиздре, надежно служило воинам Отдельного корпуса пограничной стражи России до революции. Состояло оно на вооружении и советских пограничников.</p>	
УЧАСТИЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945 гг.	
ПРЕВРАЩЕНИЕ КОЗЕЛЬСКИХ ЗАСЕК В РАКЕТНО-ЯДЕРНЫЙ ЩИТ РОССИИ (с 14 декабря 1964 г.).	

**Предложения
по организации охраны сакральных природных объектов
в пограничье***

Охрана сакральных объектов предполагает не только обеспечение сохранности их физико-географических или природных свойств, но и их сакрального содержания, поддержание традиции уважительного к ним отношения, защиту и уважение самого «духа местности», тех притягательных благоприятных энергетических свойств, которыми дорожат почитающие их люди. Сакральные природные территории важны также для развития культур коренных народов. Для сохранения сакральных природных объектов рекомендуется:

1. Ввести в классификацию особо охраняемых природных территорий категорию «сакральный природный объект».
2. Предусмотреть в республиканских и региональных законодательствах особую охрану сакральных природных объектов с исключением их территорий (с учетом охранных зон) из арендуемых и приватизируемых земель, из состава сельхозугодий, месторождений полезных ископаемых, эксплуатационных категорий лесов, мелиорируемых земель. Не допускать передачи сакральных объектов и территорий, на которых они находятся, в частную собственность, под сельхозугодья, строительство и другие виды хозяйственного освоения.
3. Проводить изучение и паспортизацию сакральных природных объектов.
4. Добиваться обеспечения государственной охраны сакральных природных объектов в качестве особо охраняемых природных территорий как важной составляющей культурного и природного наследия.
5. Содействовать научной популяризации сакральных природных объектов конкретных регионов путем выпуска книг, брошюр, буклетов, избегая их широкой популяризации в средствах массовой информации.
6. Принимать меры по обеспечению сохранности сакральных природных объектов в условиях регулярного паломничества и, если необходимо, по их элементарному благоустройству (укрытия для омовений, обустройство подходов, кострища на специально отведенных

---

* Предложения подготовлены на основе материалов Международной школы-семинара «Заповедное дело в общественном сознании: этические и культовые аспекты» (г. Киев, 27—30 мая 2002 г).

местах стоянок и т. п.). В исключительных случаях при массовых скоплениях людей посещение этих объектов должно быть организованным и упорядоченным.

7. Предусматривать в положениях о природных заповедниках, национальных парках или иных особо охраняемых природных территориях соответствующие меры, обеспечивающие сохранность культового значения находящихся в их границах сакральных природных объектов и доступ к ним паломников.

8. По возможности не допускать коммерческое использование сакральных природных объектов (платное посещение, разлив воды из священных источников, изготовление талисманов, оберегов и т. п.).

9. Соблюдать особую осторожность и корректность при интерпретации обрядов, связанных с сакральными природными объектами. Не допускать интерпретации и искажения сути совершаемых в таких местах духовных отправлений. Распространение информации о них возможно только с разрешения высшего национально-религиозного органа этноса – хранителя традиций (совет старейшин и т. д.).

10. Исключать какие бы то ни было раскопки, коллектирование, взятие проб или любое другое вмешательство, влекущее нарушение естественного состояния сакрального природного объекта или его территории, при изучении памятников истории, археологии, палеонтологии или иных памятников (объектов), представляющих научный интерес.

11. Осуществлять охрану сакрального природного объекта при полном согласии и поддержке людей, сохраняющих традицию почитания данного объекта и соблюдающих соответствующие обычаи.

12. Допускать организацию массового посещения туристами сакральных природных объектов только по согласованию с представителями традиционных религиозных общин и в присутствии их наблюдателя. Доступ к ним туристов должен быть организованным, упорядоченным и регламентированным. Праздные посетители таких мест должны быть осведомлены о правилах поведения в соответствии с народными обычаями и строго соблюдать существующий режим охраны конкретного объекта.

13. Содействовать строгой охране сакральных (почитаемых) животных и растений, встречающихся как на территории сакральных природных объектов, так и за их пределами (например, на территории проживания соответствующих этносов).

14. Способствовать экологической реставрации и восстановлению культурного значения сакральных природных объектов, экологических традиций, обычаев и обрядов, связанных с ними.

15. Не использовать виды-интродуценты при экологической реконструкции сакральных природных объектов.

16. Содействовать развитию уважительного отношения к сакральным природным объектам всех категорий населения, используя методы экологического образования и просвещения.

17. Содействовать разработке и законодательному закреплению системы санкций за нанесение ущерба сакральным природным объектам.

18. Включать сакральные природные объекты в состав местных и региональных экологических сетей или в их проекты.

Литература к приложениям

1. *Туровский Р.Ф.* Культурные ландшафты России. М., 1998. С. 162-163.
2. Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. Т.IX. СПб., 1875. С. 219-220, 246-247.
3. *Ласковский Ф.Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1858. С.35.
4. *Никитин А.В.* Оборонительные сооружения засечной черты XVI-XVII вв.//Материалы исследований по археологии СССР. №44. Т.3. М. 1955.
5. *Яковлев А.* Засечная черта Московского государства в XVII в. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916.
6. Акты Московского государства. Т.1. (о засечной черте) (при 7185г. июнь, кн. №389, лл. 65); *Сторожев В.* Засечные книги, как историко-географический и археологический источник. СПб., 1892.
7. *Яковлев А.И.* Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916. С. 238-239.
8. *Марголин С.Л.* Оборона русского государства от татарских набегов. Сторожевая и станичная служба и засечная черта. М., 1948. С.14-15.
9. *Никитин А.В.* Оборонительные сооружения засечной черты XVI-XVII вв.//Материалы исследований по археологии СССР. №44. Т.3. М., 1955.
10. *Яковлев А.И.* «Засечная черта Московского государства в XVII в. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916. С. 244.
11. Там же.
12. *Никитин А.В.* Оборонительные сооружения засечной черты XVI-XVII вв.//Материалы исследований по археологии СССР. 1955. №44. Т.3. М., С. 195.
13. *Марголин С.Л.* Оборона русского государства от татарских набегов. Сторожевая и станичная служба и засечные черты. М., 1948.
14. *Яковлев А.И.* «Засечная черта Московского государства в XVII в. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916.
15. *Марголин С.Л.* Оборона русского государства от татарских набегов. Сторожевая и станичная служба и засечные черты. М., 1948.

16. Акт, извлечение из III тома актов археографической экспедиции №303, «Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни». Приложения. С. 20-23.

17. Полное собрание законов Российской империи. Т.II. СПб, 1830. №728.

18. *Никитин А.В.* Оборонительные сооружения засечной черты XVI-XVII вв.//Материалы исследований по археологии СССР. 1955. №44. Т.3. М., С. 195.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Башня – высокая пристройка к крепостным стенам, обычно несколько выступающая за плоскость стены и имеющая высоту в среднем в полтора-два раза больше высоты стены. Являлась необходимейшей составной частью крепостных оград в древние и средние века до появления артиллерии. Как крепостное сооружение под этим названием стало употребляться лишь с XVI в. До этого времени наиболее употребительными терминами, означавшими башню, были: «вежа», «стрельница», «костер», «столп». Различали угловые (наугольные), проезжие (в проёмах находились ворота) и глухие.

Бои – устраиваемые в валах или стенах бойницы, амбразуры отверстия, прорези или проёмы для стрельбы; бой огненный – артиллерийский (ружейный) огонь.

Бойница – отверстие в крепостной стене или в стене башни для стрельбы.

Бочка – форма покрытия башен в виде двух округлых скатов, сходящихсяверху под конек.

Брешь – пролом в крепостной стене, обвал в земляном валу, произведенный взрывами или ядрами неприятеля.

Брус – бревно прямоугольного или квадратного сечения.

Бруствер – земляной вал или иная ограда, через которую ведут обстрел.

Бык – внешний устой для поддержания стен здания; устой, сруб для предохранения сооружений от напора воды, льда.

Вал – насыпь, служащая укреплением; любая насыпь, гряда значительной длины; выступ (на стене).

Вежа – крепостное сооружение, отдельно стоящая наблюдательная башня.

Венец – один бревенчатый ряд сруба, связанный в углах врубками.

Верста – русская мера длины (в Древней России «поприще», равное «версте»), равна 500 саженой (1,0668 км). К концу XVII в. верста межевая равнялась двум верстам путевым и составляла 1000 саженой.

Верей – столбы, на которые навешиваются створки ворот.

Вестовой колокол – колокол, вывешиваемый на специальном приспособлении на территории крепости для созыва служилых людей при получении тревожных известий.

Волок – пространство земли, водораздел между двумя судоходными реками и путь, по которому перетаскивают суда, грузы.

Волоковое окно – небольшое оконце, закрываемое (заволакиваемое) изнутри тесовой задвижкой.

Воронцы – длинные деревянные полки у стен и печи.

Ворота опускаемые – род ворот, опускавшихся и преграждавших путь по дороге.

Воротник – человек, охраняющий городские или крепостные ворота; караульный, сторож, привратник.

Восьмерик – восьмигранный сруб.

Врубка – способ соединения бревен («в обло», «в лапу», «в реж»).

Вывод – крепостное сооружение, выступающее перед основным.

Вымостки – вымощенная площадка.

Выпуски – концы бревен, выпущенные консольно из сруба для поддержки кровель, галерей, крылец, облатов и др.

Вышка – комната в верхней части дома; строение, предназначенное для несения сторожевой службы.

Гать – настил или насыпь через болото или топкое место дороги.

Глухая башня – закрытая, не имеющая входов с уровня земли в первый ярус.

Город – ограда, крепостная стена, линия укреплений; укрепление, поселение, крепость; крупный населенный пункт, город.

Городец – небольшой укрепленный город.

Городник – плотник, строитель укреплений, города.

Городня – часть (пролет, звено) моста, городской или крепостной стены; ограда, стена, элемент деревянной крепости XV - XVII веков.

Городок – укрепление; укрепленное поселение; населенный пункт; огражденный участок земли.

Градница – укрепление.

Градоделец – строитель городов, укреплений.

Грань – рубеж, предел, межа, кромка, конец, стык, черта раздела; граничный знак. Грани на засеке, как и грани частных владений, обозначались местными предметами или «признаками» – урочищами, пнями, деревьями с вырытыми около них ямами. Чаще всего грани натесывались, нарубались на деревьях.

Деловец – наемный работник.

Дёрн – верхние снятые пласты почвы с травой, которыми обкладывали постройки для предохранения от пожара (огня), иногда использовался для покрытия построек как утеплительный материал.

Детинец – внутренняя крепость, кремль.

Дор – дранка, то есть колотые сосновые доски для кровли, более дешевый кровельный материал, которым покрывали крепостные постройки.

Дозор – описание, сделанное до начала строительных или восстановительных работ на отдельных участках засечной черты.

Житница – склад, хранилище зерна; помещение, в котором находились запасы зерна.

Забороло – защищенная бревенчатым бруствером площадка, идущая поверху крепостной стены, на которой находились защитники крепости во время боевых действий.

Забрало – деревянное или крепостное сооружение, образующее верхнюю часть городских укреплений; крепостная стена: ограда, забор, перила.

Затворина – перекладина, которой закладывали двери, ворота; род засова.

Замок – конец большого засечного звена. Состоял из граневых «признаков». Обозначая место соединения звеньев засек (их стык) на засечной черте, замок предназначался для разграничения административной компетенции по заведыванию засеками.

Заострожный – расположенный за острогом.

Заплот – забор, деревянная сплошная ограда из досок или бревен.

Засека – 1. Оборонительное сооружение, препятствие, образованное из поваленных (засеченных) деревьев и устроенное для затруднения прохода врагов. Деревья укладывались вершинами в сторону противника, одно возле другого или крест-накрест. Бревна помещали комелем, то есть нижним толстым концом, на пни. Деревья очищались от тонких ветвей, крепились к земле крестообразно забитыми кольями или рогульками, а их толстые ветви заострялись. От засечения леса идет и само понятие засека – как оборонительное инженерное сооружение. Ширина таких засек колебалась от метров, там, где были устроены рвы или валы, до 2-3 км, где таковых не было, а лес был частым и с подходящими по толщине деревьями. 2. «Заповедь», т.е. пространственные лесные массивы, которые тщательно охранялись от истребления («порух»). В этом смысле засечная полоса выступала в качестве полосы отчуждения и представляла собой полосу местности, покрытую лесными массивами шириной от 40 до 60 км. По «берегам» засек, т.е. по обе стороны ее, несли службу легкие станицы.

Затинная пицаль – крепостное ружье, устанавливаемое на сошке. Этими пицальми вооружались главным образом затинщики, то есть те воины, которые участвовали в обороне, находясь за тыном (стеной), отсюда название «затинная».

Захаб – наружная пристройка к крепостной стене, защищающая ворота крепости.

Звено – часть стены, забора между двумя башнями или столбами. Звено – часть засечной черты вообще, протяженностью примерно в 20 верст, которая в свою очередь уже распадалась на более мелкие звенья, которые закреплялись для надзора и охраны за близлежащими селами и деревнями или за конкретными людьми.

Зелье – порох.

Зеленый амбар – амбар для хранения боеприпасов.

Зимовье – место или помещение, где живут или останавливаются зимой, несут сторожевую службу или занимаются каким-либо промыслом; промысловая избушка.

Иглы – изготавливаемые из железа или дерева (дуба) острые штыри, которые вбивались в дно рва. На иглы, в свою очередь, насаживали заостренные в верхней части бревна тына.

Катки – бревна, укладываемые на крепостных стенах (под кровлями) и которые во времена штурма крепости сбрасывали на противника.

Клеть – прямоугольный деревянный сруб, холодная половина избы через сени; амбар, кладовая. Участок перекрытого хода в башнях.

Кобылина – деревянная стойка, обшитая тёсом, буквально, забор. Род заграждений.

Колода опускная – подвижное бревно, крепившееся на стоявших по краям дороги столбах.

Комель – нижняя толстая часть бревна.

Конек – стык двух скатов кровли.

«Костер» – способ рубки шатров башен, церквей, колоколен (см.: реж, рубка «в реж»).

Крепости всякие – устраиваемые вокруг острогов и городов дополнительные защитные устройства: земляные валы, рвы, «чеснок», надолбы, рогульки, частик и другие устройства.

Крепость, кремль – обнесённый крепостными стенами общественный и административный центр древнерусского города.

Кровать – деревянный настил-галерея тыновой стены крепости.

Лапа, рубка «в лапу» – способ соединения (рубки) бревен в углах, когда концы бревен не выходят за пределы наружной плоскости стены.

Луб – снятая и распрямленная под гнетом кора деревьев, обычно липовая.

Матица – основная несущая балка деревянного перекрытия.

Мост – перекрытие, пол; сооружение через реку.

Навес – всякая крыша, кровля на весу или на столбах.

Надолбы – вертикально врытые (вбитые) в землю бревна, нередко располагавшиеся в шахматном порядке, и служившие препятствием для прохода конницы неприятеля. **Надолбы двойные** – надолбы со связью, когда каждый ряд их был соединен вдоль прогоном или связью. Надолбы могли служить передовой оградой, за которой укрывались защитники крепости, переходя от одного рубежа к другому.

Накат, накатник – перекрытие сруба, состоящее из крупных бревен, уложенных в виде сплошного настила на стены и балки.

Наметы (наметка) – изготавливаемые из хвороста, положенные плашмя и пересыпанные землей между надолбами приспособления для затруднения преодоления рубежа надолбов.

Наряд – артиллерия в данном воинском подразделении или городе.

Нащельник – узкая доска, которой прикрывалась щель между двумя соседними досками шатрового покрытия.

Облам (облом) – нависающий выступ сруба в верхней части городской рубленой стены или башни для ведения «подошвенного боя».

Обло, рубка «в обло» (или «с остатком») – способ соединения (рубки) бревен в углах, при котором концы бревен – остатки – выходят за пределы наружной плоскости стены.

Обруб – деревянная обшивка из бревен для закрепления обрывистого берега.

Ослон – ряд столбов, вбитых в землю для предотвращения осыпания рва, проложенного в песчаном грунте. Так же укрепляли и берега рек.

Острог – частокол или палисадник из свай, сверху заостренных; поселение, укрепленное острогом; тип крепости; тюрьма.

Осыпь – то же, что и вал.

Отметные надолбы – специальные строения, надолбы, устраиваемые на проездах для защиты ворот.

Паз – узкая длинная щель, стык.

Пазник – род тесла или кирки для выбирания пазов в бревне.

Палата – дворец, деревянные хоромы знати.

Пенные деньги – штрафы, взимаемые за различные нарушения, например, повреждения засек.

Переруб – внутренняя бревенчатая стена; перегородка, рубленая одновременно с основным срубом и врубленная в стены с выпусками концов бревен (остатков).

Пищаль – всякое огнестрельное оружие, которое имело пустоту или канал без камеры.

Повал – верхняя часть сруба, уширенная наподобие карниза (для отвода воды от нижних венцов).

Подволока – верх, вышка, чердак.

Подворье – заезжий, постоянный двор; съезжая изба с местом для лошадей и возов; гостиница.

Подошвенный бой – стрельба из щелей и бойниц между стеной и обломом стен и башен для поражения противника вблизи крепости, у «подошвы».

Подымовные люди – название происходит от так называемой подымовой повинности – выставление с 3-х дворов по человеку с пищалью от селений, расположенных в 15 верстах от засеки; и по 1 человеку с 5-ти дворов от селений, располагавшихся в 20-25 верстах. Эта подымовная повинность просуществовала все XVII столетие.

Полати – боевая площадка вдоль тыновой стены с внутренней стороны крепости.

Полица – нижняя, пологая часть крутой двускатной или шатровой кровли.

Польская сторона – сторона засеки, обращенная в «поле», т.е. в сторону неприятеля.

Порухи – всякие повреждения на засеке: рубка деревьев; прокладка дорог и троп; строительство домов; разборка укреплений и т.п. «Отвод порух» – охрана засечного леса засечными головами, приказчиками.

Посад – торгово-ремесленное поселение, расположенное вне стен центрального городского укрепления (кремля, детинца).

Почин – начало (конец) засечного звена, см. «учин, утин».

Приказ – государственное учреждение (XVI-XVII вв.), ведающее определенными вопросами; правительственное место.

Приказная изба – местное государственное учреждение XVI-XVII вв.

Прируб – второстепенная и более низкая часть здания, органически включенная в его общую композицию.

Продух – дыра, скважина, отверстие для пропуска воздуха.

Пролом – дорога, пробитая насквозь через засеку уже после того, как она была сделана, буквально, через сечу.

Прясло – часть крепостной стены, расположенная между двумя башнями.

Раскат – плоская насыпь или помост под валом крепости для установки пушек.

Распоры – деревянные, чаще всего из дуба, брусья, которые для прочности вгоняли между кольями тына и стенками рва при установке тына на его дне.

Реж, рубка «**в реж**» – тип сруба, в котором бревна уложены не плотно, а на расстоянии одно от другого и связаны между собой только в углах.

Редут – небольшое земляное укрепление.

Ров – всякое выкопанное препятствие, «самородной» ров – естественная преграда, овраг и т.п.

Рогатки – то же, что и надолбы.

Ряж – опора, основание под сооружение, срубленное из бревен в виде клетки.

Сажень – в XI – XVII вв. встречалась сажень в 152 и 176 см (прямая), а также косая сажень – 216 и 248 см.

«**Свалить засеки**» – «слить», «соединить» отдельные участки засеки, построив их без какого-либо промежутка навстречу друг другу. Пример употребления: «...вал... свалили с засекой Снецких ворот».

Сеча – просека в лесу, проделанный проход через засеченный лес.

«**Срубить город**» – обнести укрепленной стеной. Артели, занимавшиеся этим, назывались «градниками» или «огородниками» – строителями оград, крепостей. Отсюда «горожанин», «гражданин» – (сплоченные за оградой).

Стан, становище – лагерь, место стоянки или промысла.

Стежка – тропа или тропинка сквозь засеку.

Столпие – ограда, располагавшаяся на местном горизонте или на небольшом земляном вале; тын, который ставили с промежутками. Эти ограды большей частью не усиливались башнями, а имели только башни проезжие, обеспечивавшие сообщение.

Сторожи – небольшие укрепленные пункты, расположенные на возвышенных местах, служившие для наблюдения за передвижением противника.

Сторона польская (полевая, от поля) – название применялось обычно к объектам, лежавшим на юг от того или иного пункта.

Сторона русская – название применялось обычно к объектам, лежавшим к северу от того или иного пункта.

Стрельбище – расстояние полета стрелы.

Струг – речное судно, гребное и парусное.

Сусек – место соединения, связи засек. Происходит от приставки, которая вносит значение сочетания, соединения, совпадения.

Суток – место встречи двух засечных звеньев.

Схожая, стычная грань – грань около замка засек.

Съезжая изба – административное здание, в котором помещались канцелярия, архив, тюрьма.

Тараса, тарасы – система деревянных крепостных стен, при которой две параллельные стены через некоторые промежутки соединялись врубленными в них поперечными стенками, а образовавшиеся таким образом клетки засыпались землей и камнями.

Тес, тесина – доска кровельная, разделанная вдоль бревна небольшой толщины.

Тетива (косоур) – бревно-плаха (обычно две), в которые врезаются ступени лестницы.

Тын – деревянный сплошной из врытых столбов забор; стена острога, крепости; частокол.

Учин (утин, почин) – термин, обозначавший начало или конец засечного звена. Пример употребления: «Учинена межа черте заповедному лесу Лихвинской Слободецкой засеки с русского сторону от суток от конца Козельской Столпицкой засеки и от Озёрской Перемышльской засеки. А на сутках, где сошлась Лихвинская Слободецкая засека с Козельской Столпицкой засекою и с Перемышльской Озёрской засекою, стоял дуб» (материалы дозора 1679 г.).

Хрящ – заполненный мелкими камнями и землей сруб.

Цуцеп – термин, встречающийся в материалах дозоров засек. Как и «суток», «цуцеп» обозначает место «сцепления» отдельных больших звеньев засек.

Частик (честик, честник) – дополнительное защитное устройство (частокол) из дерева и металла. Небольшие колья ставились очень густо, нередко соединяя их с надолбами.

Чеснок – четырехконечные железные шипы, способные проколоть обувь воина и копыта лошадей.

Четверик – часть здания (сруб) квадратной в плане формы.

Шанец – военный окоп, редут, небольшое укрепление.

Шестерик – шестигранный в плане сруб.

Шатер, шатровый верх, шатровое покрытие – высокое четырех-, шести- или восьмискатное пирамидальное покрытие.

Ярус – убывающее по высоте горизонтальное членение объема здания; этаж.

Научное издание

Сергей Алексеевич Рябов

Монография

ЗДЕСЬ ГОСУДАРЕВЫМ «УКРАИНАМ» БЫЛО БЕРЕЖЕНИЕ
Российское пограничье – особый объект культурного наследия

Научный редактор: *Юрий Александрович Веденин*

Утверждено к печати
Редакционно-издательским советом
Российского научно-исследовательского института
Культурного и природного наследия
имени Д.С. Лихачёва

Лицензия ЛР № 020730 от 3 марта 1998 г.

Редактор *Ю.С. Макаревич*
Компьютерная верстка *С.А. Рябов*
Фото и дизайн *С.А. Рябов*

Подписано в печать 4 апреля 2007 г.

Формат 60х90/16. Гарнитура Таймс.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. ____ . Тираж ____ экз.
Заказ. № ____ . Цена договорная.

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д.С. Лихачёва

129366, Москва, ул. Космонавтов, 2

Отпечатано в ИПП «Гриф и К°», г. Тула, 300057
ул. Октябрьская, д. 81-а
ЛР №065454 от 13.10.97, тел. (4872)49-76-96